

АНДРЕЙ
ЩЕГЛОВ

МЕТАФИЗИКА
ВЛАСТИ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

ANDREY
SHCHEGLOV

METAPHYSICS
OF POWER

SAINT-PETERSBURG
ALETHEIA

АНДРЕЙ
ЩЕГЛОВ

МЕТАФИЗИКА
ВЛАСТИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

Иерусалим
БИБЛИОТЕКА
МИХАИЛА
ГРИНБЕРГА

УДК 321.01
ББК 66.0
Щ 334

Щеглов А. П.

Щ334 Метафизика власти / А. П. Щеглов. – СПб.: Алетейя, 2021. – 450 с. – (Тела мысли).

ISBN 978-5-00165-244-1

ISBN 978-5-905826-27-6 (Библиотека Михаила Гринберга)

Книга посвящена анализу понятия «власть». Данное понятие рассматривается не с точки зрения формальных, юридических отношений, устанавливаемых государственной властью над человеческой жизнью и личностью. Выбранный автором способ исследования позволяет подойти к природе «власти» через особого рода откровение, имеющее в том числе и метафизические основания. Отсюда цель книги – познать то истинно сущее, что составляет безусловную основу власти, начало ее бытия, источник ее силы и возможности. Тем самым определить, позитивные, положительные основания власти и идеальное содержание, которые можно обнаружить в практических действиях государства.

Shcheglov Andrey

Metaphysics of Power / A. P. Shcheglov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2021. – 450 p. – (In profundum).

ISBN 978-5-00165-244-1

ISBN 978-5-905826-27-6

The book is devoted to the analysis of the concept of “power”. This concept is not considered from the point of view of formal, legal relations established by state power over human life and personality. The method of research chosen by the author allows one to approach the nature of “power” through a special kind of revelation, which has, among other things, metaphysical grounds. Hence, the purpose of the book is to cognize that truly existent, which constitutes the unconditional basis of power, the beginning of its being, the source of its strength and possibilities. Thus, to determine the positive foundations of power and the ideal content that can be found in the practical actions of the state.

ISBN 978-5-00165-244-1

9 785001 652441

УДК 321.01

ББК 66.0

© А. П. Щеглов, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Вступление

В наше время всеобщих духовных подмен мы живем в так называемом *государстве* или *гражданском обществе*, от которых подсознательно ждем, что они как-то сами собой в будущем непременно улучшатся. Будущее почему-то видится чем-то более совершенным, чем мрачное и темное настоящее. Различные представления о «конце света» если и ожидаются, то когда-нибудь в далеком и недостижимом будущем, которое кажется почти фантастическим и нереальным. При этом совершенно забывается, что именно в современном духовном мире произошел надлом, что нынешними духовными авторитетами строится, по сути, новая эра, противостоящая Христу и Его Церкви. **Бездны преисподней** («бездны преисподней») уже разверзлись, и оттуда **сладостно** струится и проникает в наш безбожный мир блудодейственный дух противника Христа, имеющий разнообразные, внешне духовно благочестивые, часто государственные обличья.

Мы наблюдаем ложь и обман во всем многообразии различных духовных представлений. Истина настолько опутана ложью, что порой кажется, что правды не существует, вместо нее в запутанном жизненном лабиринте предстают лишь бесконечные фантомы. Знания человека о вечных истинах стали дробны и множественны, стройная концепция мира, как созданного Божественным Логосом, разрушилась в людских душах и умах. Бытие без Бога Слова перестало иметь смысл, все жизненные явления приобретают характер абсурдности и нереальности.

Темное и мрачное начало вошло во все многообразие бытийственных проявлений. *Культура, государство, Церковь, общественные отношения, наука* – все приобрело нездоровый оттенок ложного и бессмысленного существования. Подлинных божественных смыслов вещей почти не видно, вернее, человеческое сознание не хочет их ви-

---

¹ Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

деть, ум и душа человеческие замкнуты на собственной конечной и условной самости. Слова и понятия утратили свой первоначальный смысл, во всем господствует неустойчивость, ложь и подмена понятий.

Мы видим, как наше бытие постепенно, словно клещами, сжимается железной хваткой чуждой и враждебной силы. Вся окружающая общественная и государственная жизнь выглядит как сплошная ложь и духовное разложение. Человеческое существование становится тлетворным, все лгут друг другу, никто не задумывается об Истине. Клевета стала добродетелью, а блуд и различные пороки воспринимаются как заслуги. Человек превращается в беспощадного хищника, желающего только денежного лихоимания.

Поэтому надо отдавать себе отчет, что мы находимся в мире духовных руин. Отсюда на первое место выходит не пошлое морализаторство, а понимание того положения, в котором мы оказались. Это понимание может быть достигнуто только тихим преображением, совершающимся в глубине человеческой души. Люди, осознающие себя в этом мире, способные отличить добро от зла, полезное от вредного, могут быть бедными или богатыми, наемными работниками или предпринимателями, богословами, инженерами, крестьянами или даже политиками. Но они с необходимостью должны понимать внутренние различия между ясным, мужественным, упорядоченным миром и стандартизированной, конформистской, пошлой серой жизнью, где господствует пустая «мораль».

Это возможно лишь при достижении такого духовного состояния, когда можно уже с презрением воспринимать одурманивающие окопы порочной политической системы. На первом месте должно находиться пренебрежение к любой идеологии, устанавливающей ложные «социальные» ценности и подменяющей подлинные духовные начала, находящиеся исключительно в Божественном Порядке. Чтобы выстоять в этом хаосе, вначале необходимо понять, что ни при каких условиях нельзя вступать во внутреннюю, духовную сделку с силами разрушения.

Попытка уладить дело с этими силами мирным путем равноценна сдаче, поражению сегодня и окончательному уничтожению будущего. Надо удержаться от скольжения к животному, примитивному, а под-

час и растительному началу, находящемуся в нас и желающему свести нашу жизнь к биологическому уровню. Мы осознаем, что против этого выступает наше «я», желающее остаться сознательным и независимым. Для этого, прежде всего, надо уяснить ту темную и низайшую часть нашей души, все более и более берущую над нами верх. Необходима точная и беспристрастная оценка нашего одряхлевшего и ветхого состояния, а это, в свою очередь, поможет отвернуться от собственной соблазнительной личины искаженного бытия, отраженного в кривом зеркале.

Эта верная оценка нашего состояния относится, в том числе, и к такому многозначному понятию, каким является государственная власть. Почему нами управляют примитивные люди, лишенные чести и совести, не останавливающиеся перед любым преступлением? Отчего «правители» обманывают и унижают граждан, а люди не только не восстают против порока, но и сами желают войти в число властей предержавших или их всячески поддерживают? По какой причине сама политическая власть уже имеет только внешний вид благочестия, но отвергает его силу?

Мы попытаемся рассмотреть эти вопросы, а также исследовать смысл власти государства над человеком и человека над человеком. Мы представляем себе непосильность этой задачи, окончательно разрешить ее вряд ли в человеческих силах. Но всегда остается возможность в некоторой степени прояснить этот сложный предмет, несмотря на условность и относительность нашего земного пребывания, ибо «я человек грешный и неразумный и многой грубостью наделенный»¹ (азмъ єсмь члкъ грѣшный и неразумныи, и многю грубостію содръжимъ єсмь²).

Человеку, ищущему не вещественной выгоды и чувственных удовольствий, а совершенства и истинного знания, очень сложно существовать в этом враждебном мире. Поэтому единственный и подлинный путь – это внутренний уход от навязываемых политических «услуг», понимание их никчемности и сиюминутности. При этом надо осознавать, что уход в чистые области мышления и идеального бытия

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976. С. 105.

не делает такого «понимающего» человека только и исключительно созерцателем. Достижение возможного для человека уровня истинно сущего приводит к обнаружению идеального бытия в наличном существовании. Только в этом случае кривое и треснутое зеркало восприятия действительности очищается, выравнивается и становится способным правильно отражать вещи.

Заинтересованному читателю

Предлагаемый на суд уважаемых читателей труд имеет несколько претенциозное название «Метафизика власти». Такое наименование в первую очередь подразумевает некий мистический, сверхфизический смысл исследуемого понятия, хотя речь здесь идет не только о метафизике. Так как предложенный *метафизический* способ исследования природы власти порождает двусмысленность и видимое противоречие, то возникает необходимость краткого изложения основных целей этого труда.

Во-первых, это нужно сделать, чтобы сразу отделить в изучаемом вопросе психологический аспект от логического, что поможет нам рассмотреть такой чрезвычайно сложный феномен, как *власть*, с исключительно «холодным вниманием» рассудка¹. Во-вторых, это необходимо по той причине, что представленный взгляд на государственную власть может вызвать возмущение и неприятие у людей с противоположными воззрениями. Поэтому краткое изложение моей *точки отсчета* в самом начале позволит несогласным людям сразу закрыть эту книгу и не утруждать себя дальнейшим чтением.

Я не скрою, что отвлеченные идеи о демократии как «лучшей форме власти», о «братстве народов» и некоем абстрактном благе для всех и каждого мне совершенно чужды. Более того, я считаю их чрезвычайно вредными и губительными для человеческого общества, в том случае, если их пытаются механически воплотить в жизнь людей. Впрочем, о пагубности этих представлений свидетельствует вся история бытования подобных учений. Я считаю, что каждый народ должен думать, прежде всего, о своих собственных интересах и об интересах своих союзников, а не об абстрактной идее всеобщего блага.

Всемирное братство народов и племен вряд ли наступит в скором времени. И достижимо ли оно вообще, кроме получения обезличенного человеческого муравейника? Поэтому подменять смысл *власти*

---

¹ Лермонтов М. Ю. И скучно и грустно // Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. СПб. В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 79.

ее формой, сводить систему управления людьми исключительно к механическому процессу выбора непонятных лиц и различных социальных трупп, является, на наш взгляд, простой манипуляцией, социальным мошенничеством. Поэтому меня мало трогают и интересуют отвлеченные рассуждения на этот счет.

Если систему взаимоотношений в человеческом обществе представить как магазин модной одежды, с *идеологическими* одежаниями на любой вкус, где платье можно выбирать в соответствии с сиюминутной модой, то это может дорого обойтись тому народу, который выбирает себе власть по заказу. Образцом может служить история политических учений. Например, в устах любителей социального прогресса конституция (или *пакт политических прав*) приобретает почти абсолютные атрибуты. При этом совершенно забывается, что любые государственные законы – это воплощение субъективной, а следовательно, условной мысли.

Часто история создания текстов самих «конституций» выглядит как анекдот. Наглядным примером может служить французская демократическая конституция 1793 года, которая была написана Эро де Сешелем в кафе, за один раз¹. Жан Жак Руссо также старался «конституционно» облагодетельствовать поляков и корсиканцев. Даже в самом современном «сияющем граде на холме» – США знаменитую конституцию сочиняли, сообразуясь не с законами штатов и обычаями собственной страны, а опираясь на *Esprit des lois*² Монтескье.

Поэтому взгляд из модного (идеологического) бутика, одевающего в модные мировоззренческие одежды государственную власть, нас совершенно не устраивает. Политические идеи и учреждения не могут соотноситься с относительным человеческим мнением, а должны соответствовать нравам той или иной страны. Насильственно утверждаемая демократия на английский лад в любой мусульманской стране является такой же очевидной нелепостью, как когда утонченный английский лорд во фраке и цилиндре вдруг, всерьез, обрягается

---

¹ Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 175. Примечательно на судьба самого де Сешеля, он был обвинен Национальным конвентом в измене и обезглавлен.

² «О духе законов» (*фр.*).

в хохляцкие шаровары и говорит на «мове» или «гваре». Также и копирование английского и американского парламентов в России еще более абсурдно, так как объединяет в одном месте ограниченных, самодовольных невежд и беспринципных темных личностей с психологией преступников. Глядя на них, нормальному человеку становится не по себе.

Поэтому сведение смысла *власти* к простому и примитивному юрицизму представляется мне весьма вредной затеей. Английскую конституцию никто не сочинял, она выросла из собственных начал. Как сказал один из русских дипломатов XIX века, если бы в Великобритании захотели создать конституцию, то не создали бы никакой. Но при этом основания англосаксонской «демократии» навязываются как единственно верные для всех народов. Наша задача – не бесплодные рассуждения о форме власти, она может быть любой в определенный исторический период. Все эти разговоры – путь к непрекращающейся интеллектуальной стагнации. Интересен и практически полезен сам смысл понятия *власть*, а не ее формы или институты. Отсюда нет доверия любым отвлеченным словам, важным для нас являются сами действия и смысл власти.

Только в этом случае понимание идеальных (метафизических) начал власти поможет выйти за пределы замкнутого, формального, юридического круга, когда, с одной стороны, *власть*, независимо от своей формы, приобретает самодовлеющие, абсолютные черты и в силу этого не чувствует никакой ответственности перед людьми (народом). С другой стороны, народ, при следовании формальным юридическим положениям, не в состоянии нести ответственности за свой выбор. Такой народ вручает свою собственную судьбу никому не известным людям, часто не способным к управлению и не понимающим основных принципов *власти*.

Подчас во главе народа могут встать закоренелые преступники, с помощью ловкой пропаганды убеждающие подданных, что будущее только в их надежных и цепких руках. Причем один циничный и беспринципный правитель с легкостью сменяется другим, но при этом в системе власти и ее отношении к людям ничего не меняется. Выход из создавшегося положения видится в просвещении всего об-

щества, когда из массы индивидуумов-потребителей так же массово начнут появляться мыслящие личности. Не смена идеологии ведет к благоденствию, а осознание реальной ответственности за свое будущее и правильное понимание настоящего. Не блуждание в лабиринтах различных идеологий, не игра в идеальные смыслы, а их действенное воплощение в человеческой жизни является выходом на подлинный путь развития.

Учитывая все приведенные обстоятельства, наша задача значительно усложняется. Когда мы говорим об истинности абсолютных положений, то доказательства здесь бессильны, так как их начала превышают пределы физического мира. В то же время мы должны каким-то образом исследовать, как эти идеальные основы проявляются в политической и социальной жизни. Другими словами, надо разделять изучаемую сущность, наше понятие о ней и именующие ее символы. Мы исходим из того, что одним и тем же символом могут обозначаться совершенно разные предметы, или, напротив, два различных значения могут указывать на один и тот же предмет, но имеют различный смысл.

В изучении понятия *власть* часто смешиваются объективное и субъективное. Кроме того, оно рассматривается в изолированном контексте, когда утрачивается необходимое различие между понятием и предметом. Преодоление этих противоречий позволит представить феномен *власти* не только с юридической (формальной) стороны, но и приблизиться к ее скрытым, метафизическим основам. Другими словами, изучению подлежит не только само явление, но причины его появления. Прежде чем понять феномен *власти*, надо в общих чертах представить, каким образом воспринимается политическая власть или, вообще, *власть* в обыденном сознании. Поэтому настоящая работа не задается целями только изобличения или, наоборот, апологии власти: задача ее заключается в выяснении самого смысла и сущности этого сложного и таинственного явления. Нашей целью также не является подробное рассмотрение различных политических теорий, обращение к ним предполагает смысловые акценты к заявленной теме исследования.

Тайна власти

На протяжении всей человеческой истории государственная власть была чем-то наводящим ужас, непостижимым, далеким от людей демоническим началом. Чем меньше о ней знали и понимали, тем беспомощнее и униженнее чувствовали себя по отношению к ней. Однако всегда существовало смутное сознание того, что человеческий дух вполне способен заключать с ней союз и направлять ее демонические и иррациональные силы.

Со стороны же самой государственной власти это желание и способность человеческого духа разобраться в ее основах часто считалась чем-то нечистым, дьявольским и, безусловно, вредным и опасным для ее существования. Поэтому желание познать природу власти поможет сократить расстояние между немногими, узурпировавшими власть, над остальным большинством людей. Но это достижимо только в том случае, когда появится сама возможность проникнуть в ее загадочные основы, подслушав и уловив ее тайны, и только тогда возникает вероятность подчинить ее деятельность интересам большинства.

Тем самым, представляется совершенно очевидным, что для того, чтобы выйти из узких, формальных отношений, устанавливаемых государственной властью над человеческой жизнью и свободой, надо вырваться на простор ничем не ограниченной возможности анализа этого понятия. Только тогда скованная доселе духовная сила сможет, наконец, пробиться наружу, освободить человека от уз тупого подчинения и позволить ему действовать среди самих великих сил мировой жизни. Именно благодаря такому отношению к *власти* и пониманию ее основ можно принудить скрытую стихию политической власти подчиниться устремлениям человека и не позволять ей безраздельно властвовать над собой.

Для современного общества природа *власти* как таковой является закрытой книгой, запечатленной семью печатями умолчания. И дело здесь заключено не в недостатке различных научных исследований, посвященных государственной власти, не в изучении философии права и управления, не в наличии всевозможных общественных и поли-

тических систем, появляющихся с завидным постоянством. Все вышперечисленное предстает лишь как отдельные, часто не связанные между собой признаки той тайны, каковой является *власть*, сущность которой, несмотря на бесчисленность выдвигаемых гипотез, упорно ускользает от исследователей. Власть представляет собой именно тайну, и порой кажется, что современной науке с ее определениями и доказательствами невозможно уловить суть живой природы *власти*. Впрочем, эта ограниченность науки относится и ко многим другим изучаемым ею явлениям.

Существуют тайны, которые включают в себя как положительное, так и отрицательное содержание. К сожалению, внешняя таинственность этих явлений часто проявляется через простые суеверия и примитивное, житейское мнение. Общество, как правило, не осознает те подлинные и настоящие идеи, которые подлежат выражению. Важны не призрачные грезы, неясные фантазии и соблазнительные политические мифы, а обнаружение идей в виде четких образов сознания и мышления. Постигнутая (попята) истина облекается в кровь и плоть бытия, при этом ее основания не перестают быть священной тайной. Наличная жизнь, содержащая в себе силу истины, должна быть познана, но при этом в ней должно быть место для тайны. Постигание истины не может ограничиваться холодной рассудочностью, сбором и систематизацией знаний, такая истина моментально исчезает и уходит в небытие, забывается, от нее остается лишь набор бессмысленных и не связанных между собой элементов. Поиски истины должны охватить существо всего человека, овладевая не только его разумом, но и проникая в его волю и сердце.

Осмысленная, заключенная в границы разума тайна никоим образом не умаляется, наоборот, она становится ясной и доступной уму, который, осознав тайну бытия, видит в ней свои собственные пределы понимания. Напротив, потаенные начала бытия, высказанные без всякого осмысления, превращаются в пустую банальность и бессмысленность. Эти высказывания профанируются, становятся затертыми и неинтересными или, хуже того, могут получить ложное направление и смысл. Опасность подобного мировосприятия заключена в неясном

осознании положительных и отрицательных начал, когда осознанное бытие погружено в поток не осмысленных, сумеречных истин.

Материалистическая наука с ее пустым рационализмом и тщетными попытками достигнуть конечного объективного знания оказывается совершенно бессильной, когда дело доходит до смысловых представлений. Обычным результатом такой интеллектуальной безысходности, когда кажущийся «всесильным» разум останавливается перед таинственной границей, становится презрение, ненависть, а подчас и бессмысленная борьба с тем, что превышает возможности и способности такой науки. Разум, пытающийся анализировать и описывать то, что «не видится глазом», подступает к своему пределу. Поэтому сокрытое и непознаваемое нельзя рассматривать через механический набор фактов, так как таинственное не усматривается непосредственно и «понятно».

Результатом бесконечных попыток вещественного и количественного разума стать абсолютным началом и мерилем всего, вместо ожидаемой ясности и всецелого понимания, является его погружение во мрак собственного, замкнутого бытия. Такой разум впадает в противоречия, из которых у него нет выхода. Это происходит еще и потому, что основные положения, производимые разумом, бесконечно удаляются за пределы всякого опыта, и в силу этого опровергаются уже сами выдуманные и установленные критерии опыта. Подобный образ мышления – это духовная и интеллектуальная болезнь, абберация рациональной мысли.

Именно поэтому истинный смысл понятия *власть* ускользает от ложного мерила квазинаучности. Здесь важно отметить, что приведенные слова направлены не против науки, а против ее догматизации, когда наука превращается в некое подобие религии, пытающейся дать окончательный ответ на все основные вопросы бытия, что и представляет серьезную интеллектуальную опасность. Только применение *sensus* и *ratio*¹ в познании недостаточны для достижения высшего знания. Все познание, которое могут предложить опыт и разум, ограничивается природным миром, что с необходимостью устанавливает потребность в более высокой деятельности познания.

---

¹ Чувства и разума.

Чувственный опыт дает условное понимание только единичных вещей, а присущая разуму основная деятельность различения сводится лишь к тому, что она ясно устанавливает противоположность этих единичных вещей в виде понятий. Таким образом, механистическое представление не выступает за пределы физического сущего. Чем больше сознание направлено на природное сущее, тем меньше его возможность мыслить в пределах собственного изменчивого существа. Человек, утверждающий себя на обыденной, внешней поверхности бытия, не способен выступить за пределы сущего, увидеть его объем.

Поэтому вместо «вечных» научных истин, обладающих условным знанием даже в области физических явлений, необходимо использовать совершенно иной аналитический метод. Выбранный нами способ позволяет подойти к природе *власти* через особого рода откровение, через метафизику, понимаемую в христианском смысле. Тем самым метафизика (τὰ μετὰ τὰ φυσικά – «то, что после физики») в данном случае подвергается рассмотрению как концепция об основах всего бытия, идеально неизменных началах, недостижимых только с помощью чувственного опыта. Кроме того, наша задача заключена в попытке исследования начал, лежащих за пределами физического восприятия, но определяющих основание любой *власти*. И здесь сразу же возникают вечные метафизические вопросы. Что является основной причиной власти? Откуда берется ее исток? В чем заключены ее начала? И что препятствует тому, чтобы сделать эти начала видимыми и понятными? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

Помимо всего прочего, очевидная трудность понимания происхождения и существования государственной власти заключена в том, что русский читатель, из-за скудости современной философско-политической литературы, по-прежнему пребывающей в границах исторического материализма, с трудом может найти иное видение проблемы, кроме сугубо механистического или, в лучшем случае, юридического взгляда на проблемы власти. Метафизические основы власти и вовсе обойдены вниманием и до настоящего времени совершенно не определены на твердых началах.

Поэтому наша цель – познать то истинно сущее, что составляет безусловную основу власти, начало ее бытия, ее силы и возможности.

Это сущее само по себе, для себя и через себя. Без осознания абсолютного бытия власти невозможно до конца понять, как она существует в действительности, что в ней является условным, а что безусловным. Другими словами, из потока явлений вычленишь вечное и пребывающее и объяснить рассматриваемое нами явление *власть*, исходя из единой и первоначальной его сущности. Кроме того, наша задача – найти те безусловно позитивные, положительные основания власти и то бесспорно идеальное содержание, которое можно найти в конкретных действиях власти. И здесь возникает вечное затруднение (*ἀλογία*): каким образом духовная сущность претворяется в материальное, а вещественное в духовное?

В этой связи необходимо сказать несколько слов о том, почему был выбран способ, когда феномен *власти* рассматривается с христианской точки зрения. Здесь я постараюсь по возможности избежать различного рода образных и мало кому уже понятных «богословских терминов» и постараюсь изложить свою позицию на «суконном» языке философии. Кроме того, данная работа не предполагает исследование всей сложности и многообразия христианских представлений о власти.

Попытаемся рассмотреть проблему *власти* через ее идею, а непосредственный способ достижения этой цели будет осуществляться через приближение к возможному пределу понимания этой проблемы. То есть последовательность известных величин, возрастающая по определенному закону, может быть продолжена в бесконечность и может как угодно близко подходить к определенному пределу, тем не менее никогда его не достигая. Именно интерпретация идеи *власти* как бесконечного предела и составляет философско-логическую сторону нашего исследования. Из всего многообразия христианского богословия, посвященного проблеме *власти*, мы обратимся, в первую очередь, к сугубо отвлеченным положениям, определяемым как взаимодействие относительного и абсолютного, которые и помогут нам разобраться в устройстве и сущности власти.

Абсолютные и относительные начала власти

Употребив термин *абсолютное* по отношению к природе власти, нам необходимо найти самую *абсолютную* отправную точку, или начало (*ἀρχή*), раскрывающуюся в пространственном и временном значениях. Осмысление этого основоположения (*principium*) позволит установить и понять первоначальные, правильные, исходные доказательства и утверждения, касающиеся сущности любой *власти*. Исток чего-либо всегда есть происхождение его сущности. В таком случае, метафизический исток здесь обозначает, откуда появилась *власть* и посредством чего она стала тем, чем она является, и стала именно такой, какова она. *Власть* в своих основах есть нечто, поиск смысла которого и поможет раскрыть ее сущность.

Отсюда возникает необходимость найти основной сущностный принцип или, как обозначали его средневековые схоласты, *principium reale*. При этом надо понимать, что всякое начало само по себе представляет собой что-то, не существующее в действительности, но из которого возникают все реальные явления, как из некоей основы. Другими словами, начало – это не только обозначение качеств или свойств, состояний и действий вещей. Начало и есть то, что производит все многообразие качеств, рассматриваемых сами по себе, без вещей.

В этом случае, когда употребляется термин *начало*, то совершенно не имеется в виду, что качества и свойства вещей (в нашем случае, как мы помним, речь идет о понятии *власть*) существуют где-нибудь в определенном пространстве или в определенный момент времени, а, наоборот, они мыслятся без вещей, а потому и без определенного пространства и времени. Для простоты понимания примером подобных отвлеченных наименований могут служить такие термины, как «форма», «объем», «тяжесть», «цвет», «твердость», «вес», «гуманность». Эти отвлеченные (идеальные) свойства существуют, несмотря на отсутствие или наличие самих вещей. В ином случае, если эти качества присутствуют только в нашем сознании, то они никоим образом не могут быть связаны с реальностью. Начало – это собирательное

представление. При этом сущность абсолютного истока невозможно выводить из более общих понятий, ибо это выведение абсолютной сущности уже заранее включает в поле зрения такие определения, которые должны быть достаточными для того, чтобы все то, что заранее считается абсолютными началами, можно было бы представить в качестве таковых. А попытка выбрать абсолютные основы из всего наличествующего в равной степени немыслима и неприменима, поступая же так, занимаются самообманом.

Более того, эти абстрактные формы не существуют сами по себе, они проистекают из некоего начала, устанавливающего их связь между собой и теми явлениями, через которые они представляются. Отсюда, вслед за Платоном, можно назвать это первое основание «беспредпосылочным началом»¹. Только в этом случае сам процесс познания идеальной и абсолютной сущности власти наполняется подлинным гносеологическим принципом (*principium cognoscendi*), внутри которого возникает относительное тождество бытия и познания. Но, странным образом, различные исследователи принципов *власти*, признающие эти положения, часто не в состоянии надлежащим образом осознать все последствия таких утверждений. И они, по большей части, остаются у них без осмысления и применения в реальности.

Так как мы берем за основу христианское представление о *начале*, то, в нашем случае, оно выступает и обозначается как Первооснова мира, раскрывающая Высшую и Идеальную реальность в становящемся пространстве. С точки зрения христианского богословия, Первоначало всего сущего есть непреходящее и постоянное, открывающееся как единственное, неделимое, всеобщее и безначальное. Оно представляется безграничным, независимым от вещественных обстоятельств, от любой феноменальной случайности. Это Начало существует и приложимо ко всякому наличному бытию, но оно не обусловлено и не связано никакими причинами. При этом Высшая Сущность, «Творец видимых и невидимых», не отстоит от всякого относительного и обусловленного бытия. Более того, после воплощения Христа дистанция между Богом, человеком и миром становится бесконечно

---

¹ Платон. Государство 510b5 // *Respublica*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St II.327a-621d.

малой. Персонификация Абсолюта, воплощающего безначальность, вечность и бесконечность, позволяет обнаружить в постоянно меняющемся, втянутом в непрекращающуюся борьбу противоположностей бытия его подлинные и идеальные основы.

В христианском богословии апория (ἀπορία¹) между вечным и условным разрешается через введение понятия Божественного Слова или, выражаясь философским языком, абсолютного Логоса. Логос не является высшим посредником между Абсолютом и феноменальным бытием, некоторым абсолютным раскрытием Единого «вовне» (ad extra, ἔκσθῆσις). Логос не первое сущее, Он – сам Абсолют, открывающий Себя в мире через Слово, и Слово, в свою очередь, определяет данное бытие. Логос – абсолютный Образ, в нем, как в образе, присутствует все то, что принадлежит всему Абсолюту. Абсолют имел в себе Слово, когда даже не было и не могло быть никакого бытия. Внутреннее, до поры сокрытое Слово проявилось в отношении к миру. Бытие Слова – вечная направленность Абсолюта «вовне», из глубин абсолютной непознаваемости и недоступности. Логос не является качеством Абсолюта, как мыслимая разумная сила. Абсолютное Слово рассматривается как свойство Абсолютной Природы.

Наличие Абсолюта в бытии придает самому бытию нескончаемость существования. Абсолютные постоянство и вечность пребывают в бытии не как нечто чуждое, отдельное от него, а как силы, самостоятельно действующие в мире. Силы, исходящие от Логоса, обладают абсолютной властью и не менее абсолютной возможностью управлять, оказывать безусловное воздействие. Именно через Логос Абсолют очерчивает и определяет для бытия свои собственные очертания. Другими словами, Слово придает смыслы всем вещам, и в этом значении вещи становятся причастными идеальным, абсолютным и постоянным основам. Само бытие появляется в результате силы воздействия, создающего общее напряжение, пронизывающее все пространство, наполняя его смыслами. Логос – это совершенная, присутствующая самой себе сила (vis insita), а бытие – приложение этой силы (vis impressa). *Власть* выступает как упорядочивающая и гармонизирующая смысловая составляющая между присущими и приложенными

---

¹ Трудность, затруднение, недоумение.

силами. В этом случае, *власть* – это структура пространства, его строение в иерархическом, созвучном смысле – от высшего к низшему. Именно таким образом строится взаимодействие всех универсальных элементов.

Любое явление и обнаружение бытия совершается через Логос, а не через само бытие, которое содержит в себе причастную, а не сущностную вечность. Поскольку Логос определяет всякую вещь, любое сущее получает свое бытие в том, что оно *есть*, находится в наличии. Бытие не самостоятельно (αὐτονομία), появившись из прежде *не-сущего* с помощью Логоса, оно полностью находится в его власти. В этом и заключается безусловность абсолютного творчества и наличие в бытии идеальных начал. Логос создает по идеальному плану, заключенному в нем, всю видимую гармонию бытия. Но Абсолютное Слово творит не как *создающее* в том смысле, когда *творящее* выступает как высшее начало и источник природного мира. Логос не создает бытие из собственной Сущности. Действительное и наличное бытие предстает не как самостоятельное, а как действующее, *про-из-веденное* в реальность из *небытия*. Но само *небытие* является несуществующим только по отношению к физическому *бытию*. При этом само *произведенное* не является природой и сущностью Логоса.

Абсолютное Слово вечно управляет бытием и содержит его во всех видимых и невидимых проявлениях, каждую вещь в отдельности и все в совокупности, но при этом содержит, не нарушая заданной свободы бытия. Слово скрепляет и гармонизирует возникающие противоречия. Слово дает определение бытию, как в целом, так и в малейших бытийственных частях. Слово делает мир осмысленным, в нем присутствуют не только основы разложения, но и идеальные начала. Поэтому Логос выступает как формирующее начало любого вида бытия. Логос из первоначально возникшей *прасущности* (οὐσία) как из бесформенной и неопределенной сущности создает все многообразие бытия и придает ему вид (εἶδος)¹ или форму.

---

¹ Термин εἶδος, помимо своего наиболее распространенного значения в философии Платона, обозначающего «идею», применительно к нашей работе имеет еще значение «форма правления, государственный строй», что чрезвычайно важно для нашего исследования.

Все виды вещей и индивидуумы образованы по определенному *логосу*, начальной, основной идее, представляющей собой Абсолютные мысль, волю, силу и власть. Сама власть, как иерархия любых бытийственных начал, выступает всеобщей, идеальной смысловой связью между вещами. Нарушение идеальных смысловых направлений установленной иерархии ведет к искажению самих основ *бытийственной* власти. Появляется новая, искаженная и фантомная структура бытия, определяемая уже не идеальными началами, а самой сущностью становящегося бытия, состоящей из изменений, вражды начал и конечности вещей. Таким образом, появляется сущностный властный деспотизм физического мира, когда неустойчивое и не самодостаточное ставится на место безусловного.

Абсолют трансцендентен вещественному пространству, но в то же время неразрывно взаимосвязан (*religare*) с созданным Им сущим. В результате акта творения появляются два бытийственных уровня, один из которых содержит неизменные, абсолютные начала, а другой является причастным по отношению к первому. Существование второго бытийственного уровня возможно только при наличии в сущем идеальных оснований, иерархически находящихся в нем. Уровень раскрытия идеальных принципов в феноменальном сущем и составляет степень постоянства и устойчивости мира феноменов. Чем больше сущее открывает в себе абсолютные начала, тем оно становится совершеннее, несмотря на бытийственное различие мира становления и мира идеальных основ. Это становится возможным, потому что в явленном Универсуме в целом и во всех частях присутствует творческая, не имеющая завершения сила – Логос, создающая бесконечность и безграничность присутствия в мире Абсолюта.

Эта сила – одновременно и идеальная возможность для бытия любого созданного феномена, и в то же время ограничение его пределов, через которые установленная сущность явлений не может перейти. Созданное в этом смысле не может стать Абсолютом, приобрести Его природу, получить Его неограниченную власть, совершать любые действия по своему произволу. Бытие будет всегда локализовано данной и предназначенной ему сущностью. И в этом заключена ограниченность созданного универсума, но, парадоксальным образом, нали-

чие идеальных оснований делает сущее свободным от замкнутости на себя. Если же теряется связь с Абсолютом, то исчезает возможность видеть идеальные начала в бытии. Сущее остается в границах своего конечного и условного существования. Утверждая себя в своей исключительности и единственности бытия, вещь растворяется в небытии, так как главный принцип мира становления – это изменение и конечность.

Истинное бытие мир феноменов может получить только в своем волевом стремлении и движении от распада к абсолютной полноте. В этом случае Логос выступает как равенство между предметами, а также отношением между именами и знаками самих предметов¹. Поэтому созданное бытие не может разложиться в хаосе, стать окончательным небытием, но и не может выйти из своей сущностной данности. Сущность природ абсолютного и относительного остается неизменной, меняется лишь направление действия и взаимодействия природ. Реальность существует на стыке различных сущностных природ, взаимодействующих между собой. Абсолют не растворяется в веществе, а материя не становится Абсолютом. Абсолют проникает во все сущее, по своей собственной природе оставаясь вне бытия. Действия вне природы Логоса не умножают Абсолют до бесконечности, а свидетельствуют об абсолютном движении, результатом чего и является само бытие.

Логос – первое движение в мире и движение самого мира. Это движение порождает все многообразие созданной природы. Логос движением разрывает покровы небытия, раскрывает всю Вселен-

---

¹ То есть в феноменальном сущем положения $a = a$ и $a = b$ имеют, очевидно, различную познавательную и реальную ценность. Положение $a = a$ значимо а priori и, согласно Канту, должно называться аналитическим, когда положения, имеющие форму $a = b$, значительно расширяют понимание и не всегда могут быть обоснованы а priori. В Логосе положения $a = a$ и $a = b$ составляют сущностное равенство, переносимое в основу бытия феноменов. В этом равенстве существует отношение между тем, что собой означают и представляют «a» и «b», отсюда положения $a = b$ и $a = a$ уже не могут быть различными, то есть $a = a$ и $a = b$ истинны и связаны друг с другом неким идеальным началом. Именно в этом выражается отношение вещи к самой себе. То есть это такое отношение, в котором каждая вещь относится к самой себе, а не к какой-то другой вещи, но в то же время причастна неким метафизическим принципам.

ную из *ничего*, до того не бывшего, в пространственно-материальное многообразие. Каждый созданный феномен иерархически вмещает в себя могущество этого движения Абсолютной Силы, свидетельствуя самим своим существованием о пребывании абсолютных идей в относительном бытии. Согласно данной точки зрения, место идей – не в абсолютной Сущности, а в том, что следует после Сущности, в абсолютных действиях. При этом само действие творения Универсума, как и идея Абсолюта о бытии, не являются необходимой детерминацией природы Космоса.

Абсолютные идеи сущностно отделены от вещей, как воля творца отделена от произведения, в котором она проявляется. Все бытие призвано к свободному, а не законоположенному соединению с Абсолютом. Это соединение предполагает взаимодействие и свободную согласованность бытия через человеческое волевое усилие с волей Абсолюта. Но воля и желание всегда предполагают иерархию, подчиненность низших начал высшим. Именно иерархия степени мира становления и идеального мира и производит такое явление, как *власть*. Наличное состояние Космоса можно воспринимать как неустойчивое совершенство, в котором полнота соединения еще не была достигнута. Через человеческие усилия по восстановлению утраченной гармонии, исправлению искаженной иерархии начал сущее может преодолеть пределы тления и смерти и тем самым исполнить замысел Абсолюта о бытии.

И здесь стремление к высшему, к идеальной иерархии предполагает не только усилие, но и упорядоченность этого движения, так как цель и весь основной смысл бытия находится вне его пределов. Стремление в метафизическую область предполагает организованность этого движения. Собственно, сам процесс восхождения к высшему и идеальному и есть то, что составляет одну из основ *власти*. Мир как множественная ограниченная и становящаяся сущность всегда стремится к чему-то и постоянно находится в движении-изменении. Многочисленность и разнообразие мира явлений объективно предполагает движение, так как сама множественность по своей сущности предполагает различие *иного* и иного. Именно взаимодействие различных сущностей и полагает некий деятельный процесс переме-

щения, включающий в себя как внутренние изменения, так и внешнее воздействие одной вещи на другую. Различие феноменов, в свою очередь, без правильного направления движения предусматривает не тождественность частей видимого Универсума, а их непримиримую противоречивость. Согласованность этих противоречий в их отношении друг к другу и к направлению их к идеальным началам и составляет сущность *власти*.

В своей основе *власть* предполагает слаженное отношение относительного и изменчивого бытия к Абсолюту. Она упорядочивает скрытое, неведомое влечение и стремление созданного к Создателю. Движение Логоса, в свою очередь, означает высший уровень *власти*, порождающий гармонию во всем многообразии бытийственных существ. Именно властная иерархия бытия при всем различии абсолютных и относительных природ устанавливает между ними связь и определенное единство. *Власть*, как иерархия ценностей и сущностей, дает возможность бытию выйти из собственных непостоянных и изменчивых пределов и приобщиться к вечности. Для бытия определяющим моментом предстает его природа, его естество, заложенное при творении. Иерархия, созданная *властью*, позволяет феноменальному бытию стремиться к тому состоянию, которое дано было ему в начале его появления. Действие власти в метафизическом смысле ведет к упорядочиванию хаотической и противоречивой множественности явлений, чтобы вновь приобщить их к изначальному бытийственному созвучию. В этом случае *власть* – это гармония, созвучие, при котором бытие может достигнуть трансцендентного состояния, уйти от мертвенной, распадающейся составляющей своего существования, замкнутого на самом себе, и приобщиться к Высшему Началу.

Становление бытия несколько не обуславливает самой необходимости его появления. Если творение предстает как независимое от желания Творца действие, то тогда творение по необходимости уже *со-вечно* абсолютной Сущности. Творение имеет корень своего существования только по *причастности* к идеям и действиям Абсолюта, но не к его Природе. Быть или не быть бытию определяет не само бытие, а Абсолютная Сила, которая и есть Высшая *власть*. Эта подлинная *власть* определяет сам *образ* бытия, без властной подчиненности

бытие разложится в окончательное небытие. В этом случае *власть*, как инструмент по гармонизации противоположностей, является еще и формообразующим началом. Благодаря *властной* упорядоченности мир становления не брошен и забыт в бесконечном пространстве физической Вселенной, не предоставлен сам себе в своем ложном движении.

Устройство мира не несет в себе изначального несовершенства, поэтому для бытия всегда имеется возможность достигнуть идеального состояния. Абсолют призывает в свободном усилии измениться искаженному и несовершенному человеческому бытию. Только с помощью человека возможно соединить во взаимопроникновении и тождестве разделенные ноуменальную и материальную природы, объединить их вновь как *образ* в Логосе. Но эта цель может быть достигнута при некоей сущностной организации человеческого образа, что вновь предполагает *власть* как инструмент, всегда подразумевающий принуждение человеческой природы, постоянно стремящейся к распаду, к идеальным началам. При этом стремление бытия к единственному и абсолютному Логосу не имеет в виду изменение первоначальных сущностных основ, заложенных в бытие. Созданные совершенными, вещи не меняют своей природы, они лишь приобретают искаженное смысловое направление. Благодаря данной свободе выбора, направленности действия феномены имеют искаженное состояние, но, исходя из той же данной им свободы, через преодоление и усилие они могут приобщиться к абсолютным и идеальным действиям. Внешняя форма применения силы, в этом случае, также есть *власть*.

Мир, благодаря Абсолютной Власти и Силе, существует нераздельно и не утрачивает в своих основах соединяющей идеальности. Как уже отмечалось, чем дальше отходит бытие от внутренней связи с абсолютным образцом, тем более оно теряет свою первоначальную устойчивость и превращается в вечную и неопределенную текучесть и изменчивость: «Все течет, и ничто не остается неизменным»¹ (Πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει, Omnia fluunt, omnia mutantur²). При этом Абсолют-

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. ed. Walther Kranz. Berlin, 1951. DK B41.

ные начала не противопоставляются созданному ими феноменальному бытию. Само бытие не является нейтральной или, тем более, автономной сущностью, его стремление к абсолютным основаниям возникает из-за наличия в нем первоначальных идеальных форм.

При идеальных началах бытия вещь устанавливается, исходя из самой себя, она не нуждается ни в каком взаимодействии, происходящем от текущих и конечных вещественных признаков. Это явление вещи как собственного образа и есть сущностный смысл вещи. Существовая, вещь должна выражаться, что составляет *действенность* естества, субстанциально неотделимую от вещи. Действие вещи, ее энергия, сущностно неотделимо от вещи, но в то же время существует отдельно как выражение внутреннего смысла вещи. Это действительное выражение есть направленность ноуменального смысла вещи «вовне», по отношению к общему или частному множеству феноменального бытия. Выражение действия ведет к исключительности каждой отдельной вещи и ее действия вне себя. Другими словами, действие должно выражать сущность вещи, ее окончательное и истинное проявление. Выражение смысла вещи есть ноуменальная энергия сущности вещи. В своей основе вещь может существовать только как действие, смысловое определение. Проявление вещи зависит от двуединства самого бытия, имеющего ноуменальный и вещественный состав. Поэтому любая вещь может пребывать только в созвучии действия духовного начала, направляющего начало материальное.

Явление вещи предполагает, с одной стороны, ее принципиальную индивидуальность, единичность, а с другой – единичное нахождение во всеобъемлющей множественности других индивидуальностей. Существование вещи в собственной уникальности, окруженной целокупной множественностью, устанавливает бытие вещи как самостоятельное и независимое от других вещей. Вещь становится зависимой от своего выражения, от своих проявлений, устанавливающих связь со всем множеством бытия и единичных вещей, с которыми она взаимодействует. Кроме того, вещь в своем бытии отличается от себя самой, так как включает в себя внутреннюю (ноуменальную) сторону и сторону внешнюю (материальную).

Смысловое множество и различие действий «вовне», в вещественной реальности, вызывает неустранимые противоречия в том случае, если они не имеют связи друг с другом. Каким образом, например, могут сочетаться «правое» и «левое», «верх» и «низ» как проявленные и действующие сами по себе, автономные и потому полностью противоречивые сущности? Их связь возможна только при наличии господства созвучия, гармонии и иерархии в абсолютном и универсальном смысле. Господство подразумевает могущество, что, в свою очередь, создает возможность для управления, *власти*. Именно необходимость этой универсальной, космической упорядоченности и вызывает наличие такого явления, как идеальная *власть*.

Таким образом, всему предшествует Абсолютная Сила, заключающая в себе Абсолютную Власть, ограниченную только своей Волей. В нашем понимании – это Абсолютное Самодержавие по отношению ко всему сущему – Бог Слово, Логос. Он предстает как всеобщий закон, основа мира, его порядок и гармония, или, по словам Гераклита, «вечная и всеобщая необходимость», неизменная закономерность. Логос, как Абсолютная Власть, выражает постоянную основательность не только структуры бытия и наиболее существенных закономерностей мира, но и является их Началом и Основой.

Тем самым, в христианском понимании, Логос является не только Творцом всего сущего, но и *промыслителем* о всем мире. Логос, будучи всеобщим разумом и созидающей Божественной Силой, не является посредником между Богом и сотворенным миром, Он не тень, отброшенная от Бога. Логос предстает как нераздельное Божественное единство, единая Божественная Сущность, сочетающая в себе два божественных атрибута – благодать (*ἀγαθότης / δὴναμις χαριστική*) и власть (*ἀρχή / συζυκολαστική*). Логос, как Божественный Абсолют, представляет из себя вечное и неизменное Начало, безначальное и бесконечное, тем самым он свободен от каких-либо ограничений. Если рассматривать *власть* и *силу* как атрибуты Логоса, то он сам есть безначальная Власть и Сила, и эти признаки по отношению к миру – его необходимые, существенные, неотъемлемые свойства.

Но в то же время Логос – это не бессодержательная отвлеченность, Он связь мира, имманентен ему, присущ миру в своих силах

и в своем образе. Он раскрывается в мире, хотя и различен с ним по своему существу. Трансцендентность Логоса не делает его чуждым и противоположным миру. Поскольку Бог Слово, как полнота бытия, включает в себя всю реальность, то конечные существа могут через собственное внутреннее усилие, а если оно отсутствует, то и через внешнее властное принуждение, приобщаться к отдельным Его силам и определяться ими как качествами. В этом и состоит властное всемогущество Абсолюта по отношению к миру явлений. Но само бытие, с одной стороны, не является эманацией Логоса, с другой стороны, не возникает из хаотической, неупорядоченной массы вещества. По отношению к миру Логос является универсальной субстанцией, от которой зависит все сущее. Он не только архетип всех вещей и сила, их создавшая, он еще и творец сил (*δυνάμεις*), благодаря которым созданные индивидуумы получают характерные признаки. Происходит явление вещей в том смысле, который им присущ и который отличает их от других вещей.

Эти силы и есть первый уровень созданного бытия. Это мир идеальных основ, которые, будучи различными по своему существу, предстают как абсолютный идеальный порядок и согласованность *иного* и иного. Данные силы проникают в мир вещества и образуют его. Именно они и есть посредник между Логосом и физическим Космосом. Идеальные силы есть действующее начало Логоса: они не только соотносят типы вещей с их идеями, но непосредственно производят и поддерживают их в природной реальности. Они наполняют мир, и в них содержатся все существа и все индивидуальные вещи, как, например, совершенно отвлеченное понятие *сила* наполняется гармонией существования физического мира.

В этом смысле «силы» – это то, что находится в веществе. Они могут при определенных условиях проявиться или, наоборот, не проявиться. Независимо от своих возможностей эти силы присутствуют в каждом вещественном предмете, не только определяя его смысл, но и устанавливая его предназначение. Энергия – это осуществление, завершенное действие, воплощение тех или иных сил в природных объектах. Но в постоянной «изменчивости» проявление возможностей совершается, исходя не из их первоначальной сущности, а по воле

и власти того, кто и каким образом осуществляет эти возможности. Воля как *желание*, выбирающее из двух противоположных начал, может формировать в действительности совершенно разные, не всегда подлинные, явления, в этом случае *власть* как инструмент воплощения воли может олицетворять собой реализацию совершенно ложных фантомов и привести к деспотии и тирании.

В *умопостигаемом* мире нет противоположностей, сущностных противоречий, войны начал. Становится вполне понятным, почему символом *умопостигаемого* всегда является сфера. Форма круга, начинаясь из самой себя как точки, центра, в самой себе и завершается. Поэтому *умопостигаемая* сущность не возрастает и не убывает, она самодостаточна сама в себе. В то время как физическая реальность линейна, она либо растет, либо убывает. Природный объект возникает, произрастает, затем постепенно умалается и исчезает. Изменяющийся объект не может одновременно двигаться и находиться в покое, расти и убывать. В этой «линейности» и заключен сам смысл изменения. «Линейность» предполагает иерархию, подчиненность низшего высшему, условного абсолютному. Если бытие направлено к идеальным и абсолютным началам, то оно из условного превращается в относительное, у него возрождается утерянная прежде сущностная связь с Единым Началом.

Единое не возрастает и не убывает, поэтому оно совершенно. Умопостигаемая сфера, кроме себя, не имеет пределов, в то время как природный мир и все предметы в нем ограничены пределами, которые постоянно изменяются. Эта область является началом бытия, его причиной и определением: «Это – всех Начало и всех сущетворная Причина и неизменное Основание нерушимого обиталища сущих, от которого бытие...»¹ (тѡи начало и вина същѣствотрна бытти. и същѣйхъ неразрѣшнааго прѣбытїа не измѣннѡе съз(д)анїе²). Внутри себя умопостигаемая, абсолютная сфера разделяется по своему смыслу на три составляющих: сущность, силу (возможность) и действие. «По своему сверхмирному смыслу разделяется на три: сущность, силу и

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Сборник, конца XIV в., ГПБ, Соф., № 1262, Л. 51г.

действие»¹ (но понеже въ три раздѣлишася еже ѿ тѣхъ прѣмирьнымъ словомъ вси <...> соущество и силѹ и дѣйство²). Благодаря этому по отношению к явленному бытию умопостигаемая сфера определяет его сущность, силы и возможности, а также действия. Но эта связь возможна только в том случае, когда низлежащее бытие принимает власть над собой абсолютных оснований.

Соответственно, подлинная сила власти может происходить только из этой умозрительной области: «поскольку силами называются они все, исходя из сущности»³ (ѿ коегождо ихъ соущества или силы. ни еѿ на(д)лежащо соущество...⁴). Если отсутствует взаимная связь (religare) между разными уровнями бытия, то вещественное бытие со свойственной его природе изменчивостью и конечностью начинает привносить и вкладывать в свои действия и силы то бытийственное непостоянство, вечное становление, которое и является его основанием: «Это чувственное древние называют не сущим, потому что оно причастно всяческому изменению и не всегда существует в одном и том же виде. Умно же, как вечносущее и, по желанию Сотворившего его, бессмертное, в своей сущности непреложное, они называют сущим»⁵ (Чувствѣзнаа во сіа наричат(и) древнїи не сѹща, за еже прѣложенїа всѣакого приствоуѹщаа. и не також(д)е присосѹща. оумнаа же іако присносѹщаа бесѣмртѣа хотѣнїемъ сътворышаго ѿ и сѹщества не прѣлагащаа, глѣть сѹщаа⁶).

Идеальные силы выступают на своем бытийственном уровне как чистые божественные энергии, действия, при этом не имеющие по отношению к самому Логосу никакой самостоятельности и автономной особенности. Сама по себе идеальная степень бытия сущностно неотделима от вещества. Силы, исходящие из нее, действуют в материи и наполняют ее чистыми смыслами. Вещество и смыслы, заключенные в нем, являются сущностно произведенными началами, сохраняющими

¹ Перевод наш. – А.Щ.

² Там же. Л. 45а.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ Там же. Л. 45а-45б.

⁵ Перевод наш. – А.Щ.

⁶ Дионисий Ареопагит. Таинственное богословие // Древнерусские ареопагитики. М., 2002. С. 204.

ми тождественность при различии природ. Универсальное бытие с его идеальными (κόσμος νοητός) и материальными (κόσμος αἰσθητός) уровнями есть творение Бога в собственном смысле слова, но внутри бытия происходит процесс смыслового мирообразования. Отсюда, *власть* во вселенском бытии – это, с одной стороны, идеальный (смысловой) порядок, являющийся отражением высшего абсолютного порядка, с другой – установление закономерностей в мире. То, что появлялось из небытия, нуждается в оформлении и гармонизации действий идеальных смыслов и вещества.

Идеальные смыслы сами по себе могут проявляться только в веществе, которое не является изначально несовершенством (злом, κῆκος), это только средство для их существования, среда (μέσον), вовлекающая дух в оковы постоянно становящейся чувственности. Искажение первоначального идеального порядка происходит именно в смысловой, духовной сфере. Стройное созвучие бытия из первоначального единства приобретает хаотическую множественность. Действия, силы, присущие вещам, становятся противоречивыми и разнонаправленными, они теряют свою подлинную чистоту и упорядоченность, а вместе с ними теряется и подлинная власть над веществом. В конечном итоге, идеальные основания вещей попадают под власть хаоса и становятся тесными физическим, природным телом. Гармония превращается в хаос, смыслы становятся страстями и попадают под влияние чувственности, но при этом все же сохраняют влечение к высшему.

Смысловой Логос, присущий вещам, становится делимым (λόγος τομεύς), что вызывает у разных объектов рознь и борьбу друг с другом. Поэтому власть в эмпирическом мире заключается в согласовании враждебных начал. Возникает дилемма: смыслы без вещества скрыты и не могут получить реализацию, а вещество с искаженным смысловым наполнением становится источником всех зол, темницей, в которой томится дух. Смыслы и вещество попадают под влияние времени, а следовательно, и конечности, телесный характер чувственности ограничивает познание и проявление подлинных смысловых значений. Смыслы и вещество, находясь в искаженной среде, сами по себе не могут гармонизировать свои действия. И здесь посредником

для восстановления утраченного созвучия является человек, использующий власть, могущество и силу как средство для достижения этой цели.

Человек в силу своей природы, которая является идеальным сочетанием духовной и телесной сущностей, должен соединить разорванную связь между *нетварными* и *тварными* началами. Человек является связующим, сущностным мостом между умопостигаемым и чувственным сущностными уровнями. Начиная с собственного бытийственного разделения на мужское и женское начала, и затем далее, в процессе своей истории, человек, проходя через различные духовные и телесные противоположности, призван объединить в себе идеальные смыслы с созданным бытием и через себя соединить все с Абсолютным Логосом.

Соединение неба и земли есть связь видимого и невидимого, сверхъестественного и естественного в пространстве реальности. Ф. Ницше совершенно верно считал, что «человек – это мост, а не цель»¹. Само латинское слово «понтифик» обозначает «того, кто наводит мосты»². Следовательно, человек является и физической величиной, и в то же время чем-то иным. То есть он живет в двух временных пространствах, из которых самыми значимыми являются именно идеальное пространство и время, а не только преходящее и вечно изменяющееся физическое время и пространство. Поэтому, если абсолютная и идеальная истина не понимается как алетейя (*ἀλήθεια*), как божественная правда и истина, как освобождение от материальных оболочек, то сама истина перестает быть идеальной, а остается лишь выражением грубой и мертвой физической реальности, с ее жестокими механическими законами.

Поэтому сущностное примирение противоположностей является смыслом человеческого существования, к которому человек был призван от момента своего появления. Объединяя разумное, духовное начало и неразумное, искаженное вещество, человек своими правильными и умными действиями способен видоизменить несо-

---

¹ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. О старых и новых скрижалях. СПб., 1900. С. 43.

² *Marquardt Joachim,* Die Römische Staatsverwaltung, B., 1885. S. 234.

вершенное земное бытие и соединить «небо и землю». Тем самым, в человеческих силах извлечь материю от присущего ей темного, косного, неустойчивого состояния и восстановить связь чувственного мира с идеальным, смысловым устройством материи. Мир людей и мир окружающей природы не содержит абсолютную причинность как собственный признак. Он творение Силы, пришедшей *извне*, поэтому мир не обладает полной самостоятельностью. При этом, несмотря на присущую миру изменчивость, внутреннюю раздвоенность любых процессов и вещей на их противопоставленность, вещественные основы находятся во взаимодействии с идеальными началами. В этом случае Логос как идеальное основание бытия соединяет единство любых противоположностей.

Отсюда Идея (*ιδέα*), Логос (*λόγος*), Ум (*νόος*) выступают как внутренняя (идеальная), скрытая сущность вещи. Идеальное всегда предстает как имманентный способ бытия мира вещей. Это то постоянное начало, которое не подвержено изменению и противоречивости и выступает основополагающим образцом для преходящего и конечного состояния вещей. Оно равно самому себе, поэтому его сущность (*οὐσία*) неподвижна и самодостаточна. Материальный, лишенный жизненного начала мир сам по себе не в состоянии распознать и раскрыть собственный идеальный образ. Достижение этой цели по силам только человеку, связующему две сферы: идеальную и вещественную. Только обладание телесной сущностью и заключенной в ней духовной основой позволяет человеку раскрыть осознание бытия, с одной стороны, через мышление (*νόησις*), с другой, через саму возможность совершать духовные усилия по преодолению вещественной ограниченности. Что, в свою очередь, создает возможность выявить идеальные основы, присутствующие в конечном и плоском бытии.

Тем самым противоположные и часто враждебные процессы, свойственные внутренней природе бытия, разрешаются через наличие общей точки опоры (*κοινός*), существующей во всем многообразии творения. Поэтому задача человека – найти то подлинное, что скрыто в материальном бытии вещи. В этом случае бытие уже сущностно не разделено на противоположные начала, его кажущаяся изменчивость и противоречивость сближаются, затем согласовываются в осознаю-

щем разуме. Противолежащие основы совпадают и становятся тождественными, а не враждебными друг другу. Это похоже на процесс, когда раздельные положения, находящиеся в той или иной вещи, одновременно, каждый момент пребывают в ней и, в то же время, переходят в иное. Тем самым сущее, будучи одно и само-по-себе, в то же время включает и все остальное в совокупности¹.

Описанный интеллектуальный и духовный процесс выступает как поиск и собирание *идеального* в темном веществе. Это путь невероятно трудный и требующий огромных усилий, но только он приводит к подлинной цели. Те, кто пытается осознать Истину, должны себе представлять, что существует один общий мир (κοινὸς κόσμος), мир искаженных смыслов, который, при этом, все же обладает возможностью избавиться от наличной, собственной, сущностной кривизны. В этом случае мир и человек имеют надежду выпрямить искривленное пространство собственного существования.

Но наличествует и иной путь, направленный в противоположную сторону. Единое и цельное в вещах превращается в чувственную раздельность, а сам мир ограничивается чувственным, преходящим «я» (ἴδιος κόσμος), пытающимся создать всякое бытие в себе и исключительно из себя. Примером может случить очевидная слабость автономного человеческого разума, ведущего к заблуждениям и неспособного познать истину. Человек остается наедине не с реальностью, а с кажущимся, не настоящим бытием. Происходит подавление всякого духовного движения плотской чувственностью человека. Человеческие разум и чувства погружаются в бесконечный цикл возникновения и исчезновения. В кажущихся вечными процессах рождения и гибели бытие становится неустойчивым. Подобное существование само по себе уже никогда не пребывает как сущее, оно «непрестанно нарождающееся и погибающее, по истине же никогда не сущее»² (ἀεί γιγνόμενόν τε καὶ ἀλλολλύμενον ὄντως δέ οὐδέποτε ὄν³). Вовлекаясь в нескончаемый и постоянный круговорот космической разрушитель-

¹ Ritter C. Neue Untersuchungen über Platon, Münch., 1910, S. 228–336.

² Перевод наш. – А. III.

³ Платон. Тимей 28а // Timaeus, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St III.17a-92c.

ности, человеческое сознание сталкивается с небытием ($\tau\acute{o} \mu\eta\ \acute{o}\nu$), ошибочным образом считая его своей подлинной основой, истинным субстратом. Вещественное небытие, в свою очередь, порождает в разуме призраки обманчивой чувственности.

Напротив, истинно сущее в вещах не является простым отвлеченным единством, оно как *единое* присутствует в бесконечной множественности бытия. Между миром неизменного *становления* и идеальной областью оказывается нечто общее, трудно выразимое, открывается точка соприкосновения между идеальным бытием и природным небытием мира явлений. Эта связь для пустого счетно-расчетного рационализма слишком отвлеченная, она лишь указывает на общую возможность объяснения, но не дает его в действительности. В то же время неуловимость этой связи проникает в чувственный предмет и наполняет его идеальным смыслом.

Точка *связи* двух начал выступает как предел ($\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$), благодаря которому материя, как беспредельное начало ($\tau\acute{o} \alpha\lambda\epsilon\iota\rho\nu$), получает свое предметное устройство. Главным остается не противостояние между стремлениями к идеальным основаниям, возвышающим душу в умопостигаемую сферу чистых форм, с одной стороны, и чувственными влечениями, погружающими любые духовные поиски в поток обманчивого «становления» ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota\varsigma$), с другой. Важнейшим в познании является не раскрытие чего-то особенного, автономного, независимого и самостоятельного, относящегося к той или иной стороне бытия и человеческой природы, а того, что обнаруживает ее единство и полноту.

Отыскивая подлинное неясным стремлением ума и души, рассматривая предметы, понятия и определения, мы не находим ничего устойчивого и неизменного. Наш разум не насыщается тем, что он ищет, при этом он не может остановиться в своем поиске, перебирая бесконечность предметного мира. Отсюда вытекает заключение, что искомое находится за пределами или по ту сторону ($\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\kappa\tau\epsilon\iota\nu\alpha$) всякого определения, установления мысли и бытия. Искомое есть сверхсущее ($\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$), и мы познаем его, когда отрицаем всякое о нем понятие. Так как это идеальное начало не выразимо на языке рациональных определений и суждений, то для его понимания остается заложенная в

человека способность подняться выше наших физических, природных представлений.

Именно этот внутренний дар и позволяет человеку выступить «вовне» всякой определенности. Человеческий разум, в таком случае, в области своих представлений выбирает нечто *целое, нерасторжимое*, превышающее всякую дробность и разобщенность мысли, в которых находится сам разум. Свою раздельность одновременно на идеальные образы и условность физического восприятия человеческого разум противопоставляет некоему Единому (εἶς). Предполагаемое Единство, в отличие от всякой раздельности, неделимо, целостно и нераздельно. Оно выше и больше всякой условной мысли. Поэтому ум, в процессе идеализации, определяет его как подлинно сущее (τὸ ὄν), отличая от себя самого, тоже *сущего*, но являющегося относительным и условным. В этом смысле Единое – это пребывающее, всегда установленное и неподвижное само в себе. Оно находится в покое (στάσις), так как у него нет никакой нужды куда-либо двигаться. По своему положению (στάσις) оно находится одновременно в каждой из своих точек и всех мест бытия.

Человеческий разум, в отличие от Единого, всегда имеет направленное движение, как «вовне», из себя, так и «внутри», к самому себе. Процесс мышления – это всегда движение (κίνησις) к чему-то другому (ἐτερότης) и предстает как попытка устранить разлад и разногласие между собой и *иным*. *Иное*, в этом случае, для разделенного с бытием разума есть чистое и самодостаточное тождество (ταυτότης). Для того чтобы иметь положительное знание о Едином, надо вначале признать его существование. Высшее Начало, в таком случае, выступает не просто как феномен игры ума, его внутренние впечатления и представления, а как необходимое отрицание у него всяких определений.

Как уже отмечалось, в мире присутствует множественная полнота идеальных основ бытия, образующих мысленный мир (κόσμος νοητός). Эти идеальные начала – не сами внешние предметы, не их форма, а исходные положения всякого существующего предмета и его формы. Они – вечное вращение (ἐπιτροπή) и, следовательно, обращение и изменение всей мировой совокупности самой в себе. В этом случае признание первоначальной нераздельной целостности имеет

значение положительного и совершенного блага, на которое только и может быть направлено действие разума.

Проводя разделение между собой, Высшим Началом и физической реальностью, рассудок не противопоставляется последним. Разделение уже не есть противопоставление, между ними нет сущностной пропасти. Что такое физический мир без идеальных оснований? Хаос, в котором нельзя представить ни движения, ни покоя, ни постоянства, ни изменения, ни бытия, ни небытия. Напротив, что такое Высшее Начало без осознания его человеком? Для самого человека, в данном случае, это просто отвлеченное, несуществующее в действительности логическое понятие, форма без содержания, чистый абстракт.

Таким образом, единая цель и порядок положены Творцом в основу всего существующего, что обнаруживает божественное единовластие во всем строе Вселенной, включающим в себя социальный, общественный порядок, придающий целостность и единство образу человеческого существования при всем многообразии и различии человеческих личностей. Как и в космическом порядке, единство выступает как высшее благо, а раздвоение, напротив, несет с собой разрушительные (*злые*) основы. Если единица собирает воедино рассеянное и разделенное, то всякая двойственность есть зло, «подлое число», олицетворение всего того, что противится божественному порядку, сам принцип раздора и раскола. Отсюда единство предстает как универсальный закон, лежащий в основе существующего, форма космической, а возможно, и политической теократии.

Возвращаясь к нашей теме, можно сказать, что Единый Бог от создания мира установил единоначалие как в Универсуме, так и в человеческом существовании. Поэтому идеальное и абсолютное единство, пронизывающее все бытие, – это центральный мотив христианских представлений о власти, одна из главных пружин, приводящих в движение человеческое общество¹. Единство, заключенное в сущно-

---

¹ Именно по этой причине монархическая, императорская власть дала наименование императорам как «владыкам мира» (*totius mundi domini*), греческое Пантократор (*παντοκράτωρ*). Уже позднее, в Новое время, императорская (государственная) власть получила статус абсолютной. То есть латинские (западноевропейские) представления о теократии, в конечном итоге, привели к материалистическому пониманию власти в утопических учениях. Хотя в первоначальном смысле это была единая

сти любого проявления власти, выступает как единство содержания, при наличии проявления разнообразных внешних форм политического устройства, вызванных приспособлением к различным условиям. Именно поэтому Фома Аквинский сравнивал государство с живым телом, в котором голова, заключающая в себе неразделенный разум, управляет всеми способностями нашей души. В мире все, как и в человеческом теле, расположено в правильном иерархическом порядке, в котором низшие ступени по закону справедливости подчиняются высшим ступеням¹.

Именно с указанной точки зрения взаимосвязи абсолютных, идеальных основ и условных начал, заключенных в сущности любого явления и предмета, необходимо исследовать и само понятие *власть*. Другими словами, в нашем случае феномен *власти* рассматривается как некое высшее совершенство. То есть любое рассмотрение реальности, как не соответствующей идеальным началам или не имеющей их в себе, должно быть отвергнуто как изменчивое и ложное мнение. Кроме того, полностью отвлеченный от действительности идеал превращается в опасную и разрушительную для самой социальной действительности утопию.

Отсюда возникает задача анализа сущности *власти* как явления, которое включает в себя связь природного (социального) и идеального. Только в таком случае возможно действительное и положительное преобразование социального хаоса. Поэтому принципиальная истина самого наличия власти выступает как совокупность этих двух противоположных начал. Исключение из общественной жизни какой-либо из этих двух основ может привести лишь к ухудшению общественного бытия и торжеству низших интересов и необузданных страстей. Это то, что средневековые схоласты обозначали как извращенный политический и государственный порядок – «порядок, висящий вниз головой»² (*capite pendet deorsum*).

Когда мы говорим о метафизических процессах, касающихся абсолютного и относительного в понятии *власть*, то необходимо отличить идею объединения человечества во всемирную *respublica Christiana*. Республика понималась не как форма, институт управления, а как «общее дело» всего человечества.

¹ Conway, J. P., Saint Thomas Aquinas. London, 1911.

² Reuter G. Geschichte religiösen Aufklärung im Mittelalter. Berlin, 1877. S. 101.

часть умопостигаемое, или умозрительное (*νοητός*), от понимающего (*νοερός*), то есть того, что относится исключительно к человеческому разуму. Существует понимающее, разумное начало и определенный предмет понимания. Сам разум и объект постижения совершенно различаются. Умственные построения часто не имеют никакого отношения к действительности. Поэтому то, на что направлено сознание, всегда превышает разум. Умозрительное больше того, что мыслит о нем. В то же время умопостигаемое является некоей необходимой пищей для разума, без которой сам разум не мог бы существовать и действовать. В случае отсутствия умопостигаемого рассудок остается замкнутым в собственном неведении и покое.

Следовательно, *умопостигаемое* превышает постигающий его разум, с одной стороны, с другой, оно существует до появления всякого *разумеющего* сознания. Отсюда человеческий разум всегда находится в подчиненном положении по отношению к высшему устройству, которое он пытается постигнуть. В этом и заключена разница между *умозрительным* и *понимающим*. Но само *умопостигаемое* не является чем-то несуществующим, как призрачная мысль или, наоборот, существующим как физический объект. *Умопостигаемое* само по себе – это сущность и энергия, то есть сила, проявляющаяся в действии, осуществленная действительность. *Умопостигаемое* – это живая сила, находящаяся выше телесной изменчивости, в которую заключен человеческий разум. Если в физической действительности движение и покой предстают как противоположности, то в умозрительной сверхреальности они представляют собой единство и тождество.

Если бы *умопостигаемое* было лишь игрой ума или физическим (мертвым) объектом, то человеческий рассудок в первом случае не мог бы описать действительность, так как она была бы условной, субъективной степенью восприятия самого себя. Тогда это был бы лишь сдвиг сознания, непрекращающиеся галлюцинации. Во втором случае, если предположить, что *умопостигаемое* – лишь отпечаток в сознании материальных объектов, то каким образом лишенное жизни косное вещество может определять разум, существующий только в живом теле? Следовательно, в *неживом* веществе находятся некие силы и действия, которые тождественны с разумом. Эти силы мож-

но мыслить и обозначить как *невещественные*. Таким образом, вещество, весь физический мир, просвещается смыслами, стоящими по ту сторону природного мира. Всякая сила нематериальна, и на нее никоим образом не распространяется пространственная протяженность.

Таким образом, физическое бытие, постигаемое чувствами, само по себе является *несущим*, поскольку постоянно видоизменяет свои формы и содержание. Ведь нельзя же утверждать, что нашим настоящим бытием является распад, разложение существующих элементов и форм. Если бы это было так, то мы никаким образом не испытывали бы личной катастрофы от качественных превращений, изменений и конечности любых вещей. Поэтому подлинное существование для этого мира возможно только в отношении с бытием, вечно пребывающим и неизменным.

Каждое событие представляет собой лишь отдельное звено в бесконечной цепи механизма причинности. Жизнь есть предельное понятие в механическом объяснении мира. Возникновение органической организации из неорганической жизни недоступно нашему познанию. Но этого процесса мы никогда не будем в состоянии ни постигнуть, ни доказать, ибо, в противном случае, мы и сами могли бы его воспроизвести, мы же знаем только то, что сами и творим. Целесообразность для нашего познания играет роль чуждого пришельца, потому мы имеем право и принуждены рассматривать ее в качестве гостя из высшего мира, из мира целей.

В заключение скажем, что все приведенные отвлеченные размышления существенно важны для определения природы государственной власти. Власть – это всегда воплощение необходимости, погружение в неизбежность (κείματα). Власть – нечто покоящееся, лежащее в основе вещественного бытия, которое всегда находится во власти чего-либо. Власть простирается по всему бытию, устанавливая его связи. Иерархия и подчиненность бытия являются его общими свойствами, началами и принципами. Идеальное начало (ιδέα) власти, ее первообраз рассеян во многих вещах, поэтому, чтобы понять природу власти, надо, как говорил Платон, «распознать единое начало во многих вещах» (μίαν ιδέαν διὰ πολλῶν διαισθάνεσθαι)¹. Это одна из главнейших при-

¹ Платон. Софист. 253d5–9 // Sophista, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967): St I.216a–268d.

чин установления эмпирического мира. Отсюда проистекает и наша задача, она направлена на изображение, демонстрирование (φαντασία) этого единого начала власти, выставление его напоказ, схватывание (κατάληψις) его сути. Существуют вечные, абсолютные истины, и есть изменчивые, условные истины фактических явлений, которые необходимо соотносить с вечными истинами.

Абсолютное Начало есть *Творец видимых и невидимых*, Бог Слово, который есть абсолютный Образ скрытого Бога: неограниченный, безусловный, безотносительный и совершенный. Он – первооснова мира, первоначало всего сущего, вечное и неизменное, которое понимается единым, всеобщим, безначальным, бесконечным. Иным по отношению к Абсолютному Началу является относительное бытие. Сам Логос, будучи единым и всеобщим, представляет собой Абсолютную Волю и Абсолютную Власть. Логос создает созвучное бытие по некоему идеальному замыслу. В своем первоначальном смысле бытие – это чистая и гармоничная последовательность вещей, построенная по иерархическому принципу. Созданный Универсум похож на цепь, спускающуюся с небес, низшие звенья которой подчиняются высшим.

Само бытие состоит из двух уровней: идеальных смыслов и мира становления. Эти бытийственные уровни – одно и то же, но противоположны друг другу. Их противоречие разрешается с помощью иерархии смыслов и иерархии упорядочивания, где власть выступает как главный смысловой инструмент. Власть, призванная управлять противоположными величинами, опосредует (то есть выражает) внутреннее состояние единства бытийственных соположений. Таким образом, абсолютная власть является бытием в себе и гармонией бытия для иного. Она устанавливает образ зависимости и влияния внутри бытия. При этом абсолютная власть имеет абсолютное превосходство над всем остальным. Наличие абсолютного во власти означает, что власть всегда должна иметь религиозную санкцию. Части всегда должны подчиняться целому.

Бытие наделяется абсолютными, совершенными признаками свободы и порядка. Свобода как стремление бытия к самоопределению требует возможно большего торжества индивидуального начала. Порядок возникает как совокупность необходимых мер, ограничивающих

свободу состоящего из множества противоречивых элементов мира. Поэтому власть существует для охраны целого, и она естественно направлена к торжеству гармонии начал. Порядок охраняется властью, но на ней лежит вместе с тем и обеспечение свободы выражения бытия.

Потому ограничение понятия *власть* пределами физического мира и инстинктами, присущими животной стороне человека, напоминает тщетную попытку сплести вервь из песка. Поскольку человеческий ум устроен таким образом, что имеет возможность восходить в умозрительные, абсолютные области, то ему нет необходимости влачиться по мрачным путям материализма, постоянно быть смущаемым прахом земных наваждений. Власть всегда возвещает об *ином*, она и есть откровение иного. Поэтому необходимо рассматривать не то, что собой представляет власть как внешнее явление, а то чем она является сама по себе (*ἄλλο ἄγορεύει*) и каким образом она связана с *иным*.

Любые «властные» действия исходят из ее сущности. Поэтому какова сущность, таков и результат: «Поскольку, если кто сущность и действие назовет [тождественными – *А. Ш.*], – не ошибется, ибо действие и есть сущность»¹ (*αἴτιε βο νῆς κτο и σαῖςτβο и дѣиство речеѣт не согрѣши(т). сѣтъ бо сѣиство и дѣиство*²). С большей наглядностью эту тождественность между сущностью и действиями можно увидеть, исследуя природу огня: «Сущностью именуется природа огня – его способность нести свет, действием же – следствие силы, то есть то, что огонь освещает и сжигает»³ (*ωγнѣ ε(с)ство, силоу ж то(т) просвѣцательное дѣиство же, еже силы након(ч)чаніе. рекъше просвѣцательнo и жегѣще*⁴). Итак, настало время перейти к исследованию непосредственно самой сущности власти. Говоря таким образом, мы хотим исследовать бытие власти, то есть ее «вещность». Другими словами, необходимо отграничить сущее по способу бытия власти от сущности власти по способу творения бытия.

---

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Творения Дионисия Ареопагита, XIV в., РГБ, Фунд. № 144, Л. 55 об.

³ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁴ Там же. Л. 56.

Сущность власти

После того, как мы обозначили пределы абсолютных и относительных начал *власти*, представляется вполне закономерным, что дальнейшее повествование об этом явлении должно начаться с установления понятия о сущности власти и свойственной ей природе. Надо показать, чем она является сама по себе (*ἄλλο ἀγορεύει*). Тем самым понятию (пониманию) *власти* необходимо дать определение, отличающееся от общепринятых формальных, юридических вариаций. Это поможет прояснить все основные признаки и составные элементы, определяющие именно ее сущность. При этом, как было уже установлено выше, основой нашего исследования станет обращение к трансцендентным началам власти.

Говоря о природе власти, необходимо также выяснить, что собой представляет власть как *чистый* объект? В чем заключаются сверхпространственные и сверхвременные атрибуты власти, и как они реализуют свой внутренний состав, переходя «вовне», в человеческий социум? Для этой цели необходимо исследовать, какая данность заключается в описываемом понятии *власть*. Здесь важно отличить само бытие *власти* от проявления ее исторических свойств и переходящих состояний, которые во многом являются случайными и потому неустойчивыми. Другими словами, причинность проявлений власти отнюдь не однородна с ее сущностью.

Как уже отмечалось, первоначальная природа власти – это запрещенная тайна, погружение в которую возможно лишь благодаря пути, избираемому не только разумом, но и интуицией. В этом случае и наука, и искусство выступают как средство для достижения этой цели. Вначале может показаться, что такой подход имеет некое фантастическое направление, при помощи которого сама сущность власти может открыться только благодаря таинственному, чудесному знанию. Безусловно, природу власти необходимо рассматривать как непостижимое откровение Божества, видя в ней приливы и отливы Божественной Первосилы, но, благодаря метафизике, чистыми формами мысли

можно в некоторой степени постичь определенную природу феномена *власть*.

Поэтому разговор пойдет о началах этого явления, как бы прихотливо ни расходилось их понимание в отдельных научных представлениях. В метафизическом смысле уяснение основ, в данном случае *власти*, часто превосходит силы чувственного восприятия и рассудочного мышления. В этом случае таинственную сущность *власти* можно понять только непосредственным духовным созерцанием. Эта та высшая познавательная деятельность, которой нельзя ни научиться, ни научить, но которая составляет самую сокровенную тайну созерцающей души, превосходящую всякое научное и рассудочное знание, что приводит в итоге к благочестивому и блаженному погружению в таинственные глубины, окружающие Божественную Первосущность.

В теориях, полагающих в своих основах только вещественную действительность, человек, объединяя различные пространства, более не связан с идеальным началом в мире, он уже не субъект смысла, а субъект природы, который безуспешно пытается найти ей внятное рациональное толкование. И здесь совершенно не важна политическая форма государства, стройность его институтов и наличие внешне привлекательных политических теорий. В таком человеческом обществе объяснение мира остается только у науки. При этом сами научные исследования стремятся свести многозначность реального бытия исключительно к рациональному объяснению.

Но если остается только рациональное объяснение, где единственным судьей является разум, то нарушается идеальное неразрывное единство человеческого бытия, его целостное видение дробится на не связанные между собой части, выступающие как дурное, бесконечно враждующее между собой множество представлений. Идеальное не доказывает, оно показывает. Абсолютное не исследует отделенную от него реальность, не пытается судить о ней, оно и есть главная основа этой реальности. Идеальное – это не просто мышление, это подлинный образ познания, благодаря которому и можно получить смысл.

Что же мы видим в научном исследовании? Наука занимается изучением исключительно естественных причин, она основана на рассудке, действующим по определенным логическим законам: доказа-

тельстве, анализе, логике исключения третьего и экспериментальной проверке. Приведем простой пример: когда И. Ньютон задал свой вопрос, почему яблоко падает на землю, то его ответ как ученого всем нам известен – яблоко падает на землю, потому что существует сила тяготения Земли (гравитация). Но по большому счету – это не ответ, это лишь описание явления. Оно объясняет, каким образом предметы притягиваются друг к другу в зависимости от массы и в обратной зависимости от расстояния до них. Но наука никогда не задает вопрос, *почему* это устроено именно таким, а не иным образом? Если задать вопрос, а что такое сама наука, то можно с уверенностью сказать: наука – это удовлетворение логического беспокойства, интеллектуального любопытства и средство для создания различных технологий, облегчающих скорбную человеческую жизнь. На самом деле это безнадежная попытка вдохнуть жизнь в изначально мертвую материю. В нашем случае подобная интеллектуальная игра приводит к тому, что государство из живого организма превращается в безличную, жестокую машину.

Объектом высшего познания, превосходящего всякое знание и мышление, служит некая, выходящая за границы природного мира, реальность. В то время как обыкновенная наука имеет дело исключительно с природными законами этого мира. Но, в сущности, оба исследовательских подхода вновь и вновь становятся одним и тем же: мир предстает только как несовершенное откровение и расчленение данного ему бесконечного идеального содержания, исходящего из живых глубин совершенных первосущностей.

Мир в своей наличной форме, во времени и пространстве, заключает в себе бесконечные и абсолютные начала, составляющие полноту постоянно становящегося мира. Отсюда возникает единство всех противоположностей, где каждая вещь, несмотря на свою сущностную индивидуальность, пребывает в гармоничном порядке, что и составляет ее общность со всеми остальными индивидуальностями. Универсум представляет собой господство идеальных сил, в которые можно проникнуть не путем мертвого книжного знания, но лишь непосредственно живя, чувствуя и действуя вместе с этими силами. Постигание идеальных сил и ведет к торжеству критического и духовного разума над грубостью чувственного усвоения вещей.

Но изучать природу таким способом – совершенно не значит строить свой умозрительный, выдуманный мир. Выводы, полученные посредством умозаключений, являются в лучшем случае лишь предчувствиями истины, и тогда только могут считаться вполне достоверными, когда они оправданы посредством опыта. Для научного познания единственным объектом рассмотрения может являться только этот мир в том несовершенном и изменчивом виде, в котором он существует теперь. На самом деле видимая, физическая, постоянно становящаяся Вселенная – не мертвая и неподвижная материя, она представляет собой отблеск вечного, божественного Первосвета, наполняющего все бесконечное мировое пространство.

Пожалуй, самым простым способом понять, что представляет собой сущность власти – это обратиться к смыслу латинского глагола *religare*. В одном из своих значений этот глагол указывает, что нечто, отстоящее друг от друга, необходимо «связать», «соединить». В этом смысле власть можно рассматривать как отношение, вновь соединяющее некую разорванную иерархическую ткань бытия, бывшую когда-то цельной и единой. Власть способствует восстановлению, соединению, возобновлению некогда утерянного единства, собиранию рассредоточенных частей и объединению их с целым. Примерно то же значение может иметь, по мнению Цицерона, близкий к *religare* латинский глагол *telegere*, что значит «вновь собирать», «снова обсуждать»¹.

В представленных значениях упомянутых глаголов для целей нашего изложения важны два момента: первый – это возвращение первоначальной целостности, второй – это план действий, выработанный (обсужденный) для достижения и выполнения данной задачи. По сути, благодаря иерархической структуре, которую можно обозначить как *власть*, проявляется высшая действительность. С другой стороны, *власть* – это установление гармоничного бытия, некоей созвучной иерархии, которая «обнаруживается» в области природной и человеческой деятельности, то есть в мире с временной структурой, где *время* выступает как закон всеобщей конечности явлений.

---

¹ Rawson E. Lucius Crassus and Cicero: the formation of a statesman // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. Vol. 17. P. 77.

С внешней стороны реализация *власти* происходит в рамках *прошлого, настоящего и будущего*. Безусловно, можно рассматривать *власть* исключительно с этой точки зрения, но такое «естественное» понимание власти исключает внутреннюю ее ценность, сводит ее назначение и деятельность на уровень формальной функции, замыкает в рамках господства одних людей над другими, тем самым делая *власть* юридически и формально безликой. То есть из понятия *власть* уходит ее сущностное наполнение и *власть* приобретает сущностную неполноценность, так как отвергает всеобщую зависимость *временного* от *вечного*.

Другими словами, *временное* отвергает *вечное*, что само по себе представляет логическую нелепость. Если существует *временное*, то, по пифагорейской таблице противоположностей, изложенной Аристотелем в «Метафизике», должно существовать *вечное*¹. По этой мысли, существующий *предел* предполагает *беспределность*, а *тьма* – это отсутствие *света*. Присутствие *света* позволяет различать доселе неразличимые вещи, скрытые во *тьме*. Правой стороне всегда противостоит левая сторона. Если нет *добра*, то *зло* уже не *зло*, а *добро*.

Отсюда *власть* не может рассматриваться в обывательском (общепринятом) смысле, когда некто, наделенный правом силы, отбирает нечто у более слабого, этой силой не обладающего. Например, государство, забирая у человека его *естественные права*, взамен предлагает ему лишь условную и фиктивную защиту с помощью искусственно созданных государственных структур. Находясь в *природных пределах*, политическая власть не может быть только человеческим установлением, будучи частью, она не может выдавать себя за целое. Без всякой связи с первоначальным единством, лежащим за физическим бытием, власть теряет всякий смысл, более того, приобретает очень опасные черты.

Человеческая (государственная) власть не только включает в себе свое собственное начало, но и обладает возможностью отражать те основы, которые и дают вероятность появления любого оформленного

---

¹ Аристотель. Метафизика, I, 5, 986a // Metaphysica, ed. W.D. Ross, Aristotle's metaphysics, 2 vols. Oxford:arendon Press, 1924 (repr. 1970 [of 1953 corr. edn.]): 1:980a21-1028a6, 2:1028a10-1093b29.

бытия. Без этого метафизического Начала власть – бессознательная, ничем не удерживаемая стихия подчинения и разрушения. Именно в этом смысле возникает связь *власти дольней* и *власти горней*, где последняя является организующим началом, определяющим различные состояния и свойства низлежащей *власти*. Высшая власть не существует только как отвлеченное человеческое представление, но она и не подвержена изменениям, свойственным веществу.

Поэтому любая государственная власть содержит в себе вечные и идеальные начала, которые имманентно присущи ей и являются ее причинами: «Над ними же она существует и на них же имеет власть (силу)»¹ (*Надъ ними же есть и на нихъ же имать силъ*²). Отсюда *власть* и не поддается окончательному рациональному познанию, так как содержит внутри себя, как образец, идеальную природу. В противном случае власть перестала бы существовать, и вместо нее наступил бы полный хаос и неуправляемая анархия.

Метафизические основы власти неизменны, как неразделимое единство она обладает потенцией рождения, при этом не происходит ее внутреннего дробления, умаления самой сущности власти. Идеальный образ власти пребывает единым и целым, заключая в себе и проявляя «вовне» принцип всякой цельности и единства. Высшая власть заключает в себе совершенную полноту своего низшего образа – земной власти, она жизнь политической власти, ее тайный источник (*πηγή*) и корень (*ρίζα*). Идеальная *власть* всегда есть как начало самой себя, так и упорядочивание своего и *иного*. Это начало воплощает известные гармонические отношения в пределах всей структуры элементов, из которых и состоит любое проявление власти. Вместе с тем, высшее начало помогает прояснить в действиях любой государственной власти все ложное, наносное, субъективное и не сущее, то есть то, что ей не свойственно изначально.

Поэтому *власть*, прежде всего, надо рассматривать как абсолютное, сверхсущественное начало, устанавливающее форму, предел, не позволяющий неопределенному и противоречивому множеству людей разлиться и исчезнуть в беспредельности и безначальности соб-

¹ Перевод наш. – А.Щ.

² Поучения Кирилла Иерусалимского. XII–XIII вв., ГИМ, Син., № 478, Л. 157 об.

ственной ложной субъективности. Именно в установлении всеобщего гармоничного порядка и заключаются подлинные начала власти. Власть, как упорядочивающая сила, противоположна бесконечному и неоформленному множеству хаотично движущихся элементов. Власть призвана объединять и гармонизировать сущностные противоположности множества составных частей бытия, а также человеческого общества. То есть, с одной стороны, если следовать мысли И. Канта, власть – это а priori заданная сущность внутри себя, с точки зрения высшей причины, и, с другой стороны, а posteriori – управляющая наличность космической и человеческой областей, доступная восприятию и опыту.

Внутренняя сущность власти принадлежит не человеческому, а Абсолютному (Божественному) Разуму. Человеческая власть сама по себе формальна, в то время как власть в идеальном смысле порождает живые силы, которые и являются субстанцией всякой политической власти. Между двумя образами власти нет непроходимой пропасти, человеческие установления могут быть посвящены в божественные тайны и находить в них свой источник. Субъективное понимание власти ведет к ограничению ее пределами формально-логической сферы, области рассудка, при этом исчезает ее внутренняя гармония, и власть идеального, созвучного порядка превращается в темную, беспредельную в своей жестокости, вещественную силу, угнетающую человеческую личность.

Погружаясь в область изменчивого и конечного земного бытия, светлые и разумные начала, заключенные в самих первоосновах власти, вступают в постоянную борьбу с тупой материальной силой, животными инстинктами и субъективными фантомами, создающими ужасающую политическую власть над людьми. Подчиняясь вещественным образам, власть уже предстает не как гармония, а как страшные вещественные узы, связывающие безликими и несправедливыми законами человеческую личность. Отвлеченная абсолютизация власти вредна и бесполезна для человека без религиозной и нравственной связи с Божественным Началом. Земная власть, в таком случае, уже не имеет никаких свойств и признаков, кроме насилия и принуждения. Власть же, основанная на метафизических началах, обладает

иной качественной природой, она является живой силой и началом гармоничного порядка.

Суть политической власти, ее истина, ее собственные проявления (*αὐτὰ, τὰ πράγματα*), состоит в том, что она имеет в себе идеальную истину, которая есть ее единственная сущность и причина, но, с другой стороны, земная власть – лишь подобие (*ὁμοίωμα*) истинной *горней* власти. Беспредельная стихия власти как произвола образуется и определяется в том случае, когда она не стремится уподобиться и подражать (*μιμήσει*) своей идеальной основе. *Власть* – это сила и могущество предела (*ὄψθ τοῦ πέρας*), находящегося среди враждебных материальных начал, постоянно стремящихся к хаосу и распаду.

Среди всеобщей бытийственной текучести и конечности власть, как сила и могущество, устанавливает твердое *место* (*χώρα*), приводящее изменчивость и неопределенность в постоянный закон. В своей сущности *власть* выступает как положительное начало духовного и материального единства, благодаря чему возникает упорядоченное мировое пространство, заключенное в границах единой космической сферы. Это положительное начало власти можно наблюдать и в человеческом обществе. За пределами такой упорядоченной области всякое движение и действие неопределенно, безвременно и безмерно.

Поэтому политическая власть одновременно тождественна и не тождественна своему началу. Все зависит от направления движения *властных* действий, с одной стороны, ведущих к ложному утверждению сумеречной человеческой воли, к механистическому уподоблению проявлений власти по законам косного и неживого вещества. С другой стороны, если рассматривать власть как порядок, то это начало покоя в беспредельном океане неустойчивости. Власть – это оболочка, оплот и ограда бытия, защищающая его от бездны безначалия, всевозможных разрозненных и противоречивых составляющих.

Поглощая в себя беспредельное, властное могущество заключает его в себе и, ограничивая, определяя, образует его, тем самым мировое бытие получает возможность устойчивости и определенности. Таким образом, власть можно вполне представить себе как область вселенского порядка, где каждый элемент, несмотря на внутреннюю

бесконечность, имеет свое состояние упорядоченности и определенности. Божественная Власть – источник той силы, которая проникает в темные и бездушные области мирового пространства, оживляя их своим могуществом, придавая целесообразность и соразмерность беспорядочному и бесцельному движению вещества.

Через духовные (небесные) силы (των επουράνιων δυνάμεων) как первый, идеальный уровень бытия Божественная власть воздействуют на произвольное и случайное, сообщая ему связанность и разумность движения. Всякому явлению придается свое определенное место в пространственной протяженности, а также и временной срок бытия: «Видел мир и все сущее в нем, приводящееся в движение необходимостью»¹ (Видѣвъ же миръ и сущаа в не(м) вса. яко нѣжею движѣтса²). Поэтому власть и является мировой необходимостью, направляющей силу своего воздействия на бытие. Тем самым пассивное, грубое бытие под действием этой силы приходит в волнение и движение. *Власть* как бы придает бытию побуждающий импульс, который как некий толчок устремляет и оформляет бытие из состояния неразличимости к состоянию проявления. Отсюда (политическое) постановление, по мнению Аристотеля, имеет силу необходимости – «закон имеет принудительную силу»³ (ὁ νόμος ἀναγκαστικὴν ἔχει δύναμιν)⁴.

Власть соединяет две противоположности: предел и беспредельное, она – духовное и материальное созвучие, избавляющее мир людей от неразумных, превышающих меру болезненных страстей, а окружающую природу от беспорядочного движения, от нарушения установленной меры (τὴν ἀρετὴν ἀρμονίαν). Она позволяет сочетать эти противоположности, делать их сущностно тождественными в гармоничном единстве меры. Наличие иерархии и власти в бытии не позволяет существовать неизменным, в сущностном смысле, противоположным друг другу началам. Порядок согласует с собой самые

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Пандекты Никона Черногорца, 1381 г., ГИМ, Син., № 193. Л. 52 об.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ *Аристотель*. Никомахова этика, 1180а 20 // *Ethica Nicomachea*, ed. I. Bywater, *Aristotelis ethica Nicomachea*.

Oxford: Clarendon Press, 1894 (repr. 1962): 1-224 (1094a1-1181b23).

различные основы бытия. Творцы всяческих выступает не только как Творец бытия, но Он еще и Господь Вседержитель, Законодатель и Судья созданного им мира.

Поэтому *власть* – это, прежде всего, Высший Закон (νόμος). Любое человеческое законодательство, все человеческие законы следуют из этого целостного и неделимого Божественного Закона, заимствуют у него свою силу. Эта сила заключена в добродетели и справедливости (Δίκη), именно эти основы управляют закономерным течением всех вещей, а любое отклонение от законосообразности предстает как беззаконие и пресекается силой.

Власть является преимущественно различающей силой, сокровенной гармонией, она удаляет раздор и гасит борьбу, само существование закона позволяет разделять положительное и отрицательное. В этом случае справедливость выступает как необходимый закон бытия, его вечное правосудие, осуждающее всякое бесчинство и насилие (ἄβρις), которое своими действиями наносит ущерб бытийственному созвучию. Высший Закон всеобщ и безусловен для всего бытия, он – необходимость (ἀνάγκη), он присущ как целому бытию, так и его частям, где он включает в себя всякую существующую причинность.

Высший Закон мыслится как имманентный акт абсолютного, как его существенная сила. *Власть* как Высший Закон отвергает фатальный закон движения природы, закон постоянной борьбы и уничтожения, где все течет и ничто не остается неизменным (πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει) в одном постоянном, вечном круговороте. Поэтому любая разумная власть должна нести в себе истинное знание и опираться на безусловно всеобщее, на то, что имеет целостность и необходимость закона, и притом Божественного Закона, а не относительного постановления какой-либо условной и преходящей политической власти. Отсюда возникает необходимость следовать вселенскому, всеобщему закону, повиноваться не субъективному и изменчивому мнению людей, а Слову, разум которого один и всеобщ. С другой стороны, люди живут, как бы опираясь исключительно на свой собственный разум¹,

---

¹ *Гераклит Fr. 58* // Heraclitus. Fragmenta, ed. H. Diels and W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951.

и результатом такого «идиотизма»¹, или своеумудрия, являются ложь и заблуждение, приводящие к деспотизму.

Как уже отмечалось, общее и постоянное в вещах не может быть предметом только чувственного восприятия, которое открывает и исследует лишь частное и изменчивое. Поэтому в нашу задачу входит еще определение того, что остается неизменным в понятии *власть*, каковы ее изменчивые состояния (модусы) и какие свойства присущи тому или иному состоянию данного явления. Начнем с изложения постоянных, неотъемлемых *свойств* принадлежащих природе феномена *власть*, а затем перейдем и к второстепенным признакам предмета. В древнерусском понимании *свойство* есть присущее предмету *качество* (Имѣство є(с) качество прѣбывателно²). В этом случае *власть* как признак – это всегда господство и подчинение. Она включает в себе возможность заставить подчиняться господствующей воле, а также распоряжаться человеческими действиями. И только в последнюю очередь *власть* выступает как институт. В этом смысле данное *состояние* власти можно определить известным латинским термином *imperium*, происходящим от глагола *imperare*, что означает «повелевать».

Когда мы говорим о метафизических основах *власти*, то необходимо разделять идеальный субъект (*subjectum commune*) и реальные субъекты (*subjectum proprium*), как в свое время это сделал Г. Гроций³. В идеальном значении *господство* – это не только воля, обладающая правом повелевать, это, в первую очередь, защита. Например, господство родителей над детьми предполагает, в числе основных правил, также и их защиту. Поэтому, в первую очередь, государство – это защита людей от самих себя, от находящихся внутри каждого человека

---

¹ Первоначальное значение слова «идиот» (*ἰδιότης*) – «отдельный человек, частное лицо, несведущий человек», то есть гражданин полиса, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и формах государственного и общественного управления. Другими словами, «идиот» – это человек, ставящий свои личные интересы выше любых общественных и государственных нужд.

² Свойство есть присущее предмету качество. Перевод наш. – А. Ш.

³ *The Antiquity of the Batavian Republic*, ed. Jan Waszink (van Gorcum, 2000). P. 79.

в отдельности или общества в целом разрушительных сил. Господство всегда предполагает упорядочивающую силу, которая из абстрактной возможности неизменно реализуется в действительности.

В социальной реальности *власть* – это постоянное принуждение, ограничение, начиная от нравственного сдерживания и заканчивая формальными, юридическими постановлениями. Это происходит в силу того, что власть из двух положений, противоречащих друг другу, выбирает одно. Поэтому существование *власти* – всегда конфликт. В этом смысле нравственный и юридический законы обладают правом принуждения. Нравственная и физическая силы обязывают и принуждают (*vis obligandi* и *vis coercendi seu agendi*). Но если в первом случае нравственный закон предполагает, как правило, самоограничение¹, то в юридическом значении – это внешняя сила принуждения, осуществляемая через право или политическую волю. В социальном смысле принцип *власти* также можно обозначить словом *империя* (*imperium, auctoritas*). В более широком смысле *власть* есть господство одного над *иным* или прочими, в этом случае понятие *власть* прилагается к тем, кто ей обладает – «власть имущие» (*οἱ ἐν ταῖς ἐξουσίαις, qui tenent rem publicam*). Отсюда одно из основных значений власти – это сила и могущество (*imperium*).

Например, абсолютная власть, превосходящая все сущее, это Божественная Власть: «Дана мне всякая власть на небе и на земле»² (**Дана ми есть всака власть на нѣси и на землѣ**)³. Когда мы говорим о невещественных образах Абсолютной Власти, то подразумеваем, что она одновременно предстает и в человеческой действительности, где ее основания раскрываются в материальных вещах, и в построениях человеческого рассудка. Это некие постоянные качества вещей, отражающие то, что невозможно передать через чувственные или даже мыслительные образы.

---

¹ Например, в христианской практике существует ограничение в пище и поведении – посты.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Матфей 28. Острожская Библия, Л. 578 об. Текст Острожской Библии приводится по лицевому изданию Московской Старообрядческой книгопечатни. М., 1914 (7422).

Надмирный, священный порядок реализуется в виде вещественных символов и умственных построений. Земная власть, в таком случае, есть отпечаток метафизического порядка. В ней находятся элементы высшей, чистейшей сущности, от которой земная власть должна находиться в теснейшей зависимости. Мистическое начало всякой *власти* – это ее высшая и чистейшая, невещественная основа, от которой она и получила свое происхождение. Одной из основ Абсолютной Власти является иерархия (ἱεραρχία), выступающая в виде порядка, устанавливающего подчиненность и зависимость низшего от высшего. При этом для любой государственной *власти* высшее и идеальное – это всегда недостижимая вершина, не имеющая вещественного образа и подобия.

Только в этом случае возможно устройство, при котором совершается упорядочение взаимодействий уровней бытия от высшего к низшему (инволюция) и от низшего к высшему (эволюция): «...Вершиной <...> обычно называют высшее, чистейшее каждой сущности, к чему эта сущность близко прилежит (от чего находится в тесной зависимости). Приближенная сущность... вершина души есть ее чистейший ум, а вершина рачительности – пламенеющая любовь к Божественному и превосходящему все. Вершина нашего священноначалия и устройства таинств – их высшее, чистейшее, от которого они получили начало и которое направлено (близко подходит) к невещественному. Чистейший же символ у нас – вершина не имеющих образа, простых и бесплотных (бестелесных) таинств, к которой восходит связанная с ней иерархия...»¹ (Ничто же тако по прилоученію, именованню е(с) ѿ б(л)аженнаго сего. на многоучителнѣ и истѣише, съ благо(с)тнемъ понеже оубо еже оу на(с) завѣщаніе. образы вещьными и сказанными и назданными ре(ч) съвершатиса поеже на(м) мощно. образъ сѣщен подражаніе еже оу аггль сѣеннаго ѹдобренья, въ лѣпотоу еже в нихъ сѣенноявление врѣхъ наре(ч). врѣхъ бо и краинее обыкоша звати иже во сихъ оупрзднившейса, къегож(д)о салцъсѣтвъ чистѣишее. и къ нему же прилежи(т) приближѣнѣ. сирѣ(ч) приближно сѣщество. такоже е(с) реци дше верѣхъ е(с) оумъ ея чистѣиши, и рачите(л)ства врѣхъ, превшедъшиихъ и бж(с)внѣшиихъ то плотное желаніе...²)

¹ Древнерусские ареопагитики. Перевод А. А. Смирновой. С. 227.

² Там же. С. 89.

Все вещи могут существовать, только если находят свои внутренние смыслы, то есть способны обнаруживать в материальных образах сущности, не имеющие физического, чувственного вида и образа. Непостижимое для мысли не значит, что оно может быть оставлено без внимания, но *безобразность* не может быть передана никаким определением. Вернее, она не может ограничиваться каким-либо определением. Определения складываются из утверждений, поэтому неприменимы в отношении идеального, воспринимая которое мы можем лишь указать на «подобие» того, что ему свойственно. Или же, наоборот, указывая на «неподобное» идеального, мы не можем знать, что оно представляет собой по сути.

Невозможно выразить с помощью понятий, терминов и определенных то, что находится за пределами всякой сущности, следовательно, человеческий разум не имеет абсолютного значения, он не может быть подобием этой сущности. Он может лишь указать на существующие подобия «сверхсущественности» и ее проявления в вещественном мире. Полагая «подобия» или указывая на «неподобия» абсолютного, мы тем самым можем постичь его некоторый условный «вид», непостижимым образом присутствующий в физическом мире. Если же изменчивое физическое или социальное событие, например, такое, как рассматриваемое понятие *власть*, отвергает идеальное начало внутри себя, то своим характером оно копирует свою собственную неустойчивость и изменчивость, результатом этого является некое неясное и низменное пристрастие к сугубо чувственному восприятию.

На самом деле в вещи таинственно обозначается сущность, отличающаяся от любого физического, чувственного очертания: «Ибо можно подобающие небесным силам образы создать и от презреннейших частей вещества, поскольку и оно, получив бытие от истинно прекрасного, во всей своей вещественной упорядоченности, имеет в себе некий отголосок умного благолепия, и с помощью чего возможно восхождение к невещественным началам. И понимать все это надо как неподобные подобия, и не только так, но, как сказано, должным образом и правильно отделять в них (в подобиях) свойства умных чувственных сущностей»¹ (Се бо, ни же тѣлесно ни (ж) прѣхо(ди)телно.

¹ Древнерусские ареопагитики. С. 234. Перевод А. А. Смирновой.

Есть во оубо не неприклядны не наздати не(с)ны(н)мъ зраки, и ѿ безчстынѣишнхъ вещи частей. понеже и тла ѿ сѣцаго добра бытїе имаци, по възсѣко(м) ея веществввно(м) обверенїи, оуподобленїа имоуѣтъ. и мощно е(с) тѣми възво(ди)тиса к невестественн(м) началомбразїамъ, ѿличнѣ як(о) же ре(ч)са, по(до)бїамъ разоумѣваемомъ. и тѣмже не також(д)е. сѣгожденнѣ же и искрзннѣ, на оумны их же и чювственнхъ своистоухъ впрѣделенномъ: Безчстынѣишѣ вещь глѣтъ, тѣлесовн(д)но всако е(с)ство. къ разлнчнымъ видѣ(м) одшвлє(н)нымъ и бездшнн(м) и прочимъ¹). Гармоничные и тонкие образы мы находим во всем сущем как простое существование, жизнь, ощущения и тому подобное. Это те метафизические основы, которые одновременно совмещаются в вещи и одновременно разделяются в ней, это те высокие образы, которые находятся во всем сущем. Но через плотность, неподвижность и мертвенность вещества можно увидеть лишь грубые и неясные уподобления идеальному миру.

Идеальное начало в вещах не является случайным, как иное в иных основаниях. Идеальное – это не присоединенное качество. Ибо если бы это было *иное* в ином, имеющее случайное свойство в основе, то сущность сама была бы Абсолютом, то есть самодостаточной вещью самой по себе. Эти основные принципы применимы к любому физическому и социальному явлению. Более того, они не просто применимы, они и составляют основу существования вещей. Всякая вещь получила свое существование от Бога. Тем самым вещь носит в себе указание, что она устроена и упорядочена Богом, но в своем искаженном, наличном, природном состоянии она лишь содержит некое легкое и неопределенное уподобление и подражание тому идеальному состоянию, в котором она появилась из небытия и которое скрыто в природном мире. Это идеальное уподобление позволяет всем вещественным сущностям в совокупности и по частям быть причастными Высшим и Надмирным Началам.

Точно так же и *власть*, как всякий феномен, имеет свои начала в идеальном бытии, поэтому ее подлинное существование возможно только тогда, когда она соблюдает установленный порядок, вне которого ее земные основания подвержены тлению: «Что всякая вещь

¹ Там же. С. 100–101.

получила существование от Бога – этому не противоречит никакое премудрое слово. Ведь вещь носит в самой себе указание, что она устроена и упорядочена Богом. И во всяком вещественном порядке есть некое тонкое и неясное уподобление и подражание умному миру, ибо как умные сущности способны к восприятию, насколько возможно, промыслительных действий от Бога и сущие жизнью наполняются жизнью от Бога, который больше всякой жизни, и имеют силы совершить благодеяния и совершают некое надмирное движение, так и все вещественные сущности в совокупности и по частям способны воспринимать Промысл Божий лучшим для себя способом, и наполняться жизнью, и быть жизнью...»¹ (Ѡ Бѣга оудовренно є. оумное же блгоульпїе. іако(ж) ѡ Бѣѣ глємага нх же смѣрениѣе и тонкые вєразє вѣ сѣщїиныхъ вєрѣтаємъ. сирѣ(ѣ) еже просто быти, еж(є) живѣмъ быти, еже почювати, и подобнаа: іако ѡво Ѡ Бѣ и вещь вѣсѣѣка бытїе имать, нїедино прѣмѣдрое сѣпротивъ рєщи имать слово. носит же и сама в сѣбѣ оуказанїе еже Ѡ Бѣ и приведєса и оукрасиса. вѣсѣѣко оубо еже Ѡ вещи оудовренїе. тѣнко нѣкѡ и сѣнно ѡпѡ(д)влєнїе и подражанїе разѣмныхъ има(т). іако(ж) єѡ прикладна разоумнаа в пѡ(д)атнє. іако(ж) мѡщно иже Ѡ Бѣга промыслителныи, прошєствїи. нєѡ соуцаа ѡживлѣются Ѡ иже (пачє) вѣсѣѣкѡго живота Бѣга. и силы имоу(т) вѣ блгодѣтелство, сѣдѣнїст вїтєльныє. и движе(нї)є. нѣѣко прємирное. сїцє и вєцїнаа вѣкоупѣ же и Ѡ части. промыслъ Бѣїи искрѣн(нї)ѣ в сєбѣ прїемати прикладнѣ имоу(т) и ѡживлѣтиса. и живѡ(т) быти могоу(т)²).

Метафизические основы власти заключены не просто во владении большего над меньшим, высшего над низшим, а в первоначальном гармоничном установлении совершенных начал – *начале властвования*. Установленное *начало* определяет дальнейший порядок. Поэтому задачу нижестоящего можно определить как восприятие высших смыслов, от которого само нижестоящее просвещается благодаря этому Первоначалу. Подчинение, в этом случае, возможно как *просвещение* высшим знанием и одновременно *посвящение* в содержание данного Первоначала. Нижестоящее просвещается и совер-

¹ Древнерусские ареопагитики. С. 235. Перевод А. А. Смирновой.

² Там же. С. 101.

шенствуется, становясь чистым от всего лишнего, низменного, становясь причастным высшему пониманию и знанию, что и оказывается возможным лишь с помощью властной иерархии.

Власть делается свободной от всякого умаления, она уже не подчиняется только законам вещества. Здесь надо указать еще на один, достаточно существенный момент: в самом понятии *власть* нет непреложности, она не абсолютна и зависит от свободной воли тех, над кем она господствует. Однако сами начала власти недвижимы, не подвержены изменению и трансформации в нечто иное, изменяются только свойства, создающиеся под влиянием тех, кем она управляет. Отсюда возникает двусторонняя связь между основами и началами власти, истинным или ложным их пониманием. В этом случае *власть* предстает как инструмент, технология (τέχνη), реализуемая возможность воздействия на человеческое общество.

Назначением *власти*, ее целью является просвещение и совершенствование того, что находится под ее началом, очищение всего, что выводится из космической тьмы и механистической зависимости природного мира. Неотъемлемым свойством *власти* является знание, благодаря чему она получает *господство* и *силу*. *Власть*, ищущая свои основания в мире материи, сама овеществляется и теряет способность передавать высшее знание вниз по иерархической лестнице: «Чувственное же и телесное называет [Дионисий Ареопагит. – А. Щ.] раболепием, несвободой и суетой...»¹ (Чувствѣнна же и тѣлеснаа. раболѣпїе глѣтъ и несвободѣ, и суетна славѣ, рабстворенїа же...²).

Высшие начала *власти* не склонны ни к какому чувственному устремлению, которое по своему смыслу является несвободой, так как ограничивает сущее в телесных границах. *Власть*, как метафизическое начало, тождественна и созвучна сама себе в своей сущности. Наличие идеальных, божественных начал позволяет любому господству уподобляться данному идеальному устройению. Такая *власть* не самовластна, она «... очищается, просвещается и совершенствуется богоначальными основаниями»³ (вчищаються оубо, и просвѣщаются,

¹ Там же. С. 258. Перевод А. А. Смирновой.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 258. Перевод А. А. Смирновой.

и сверхъестественно действуют, по им же ре(ч)са шрзѣ. ѿ бѣначалъ нъхи(х) шсайнен¹). Власть земная, наоборот, никогда не пребывает в тождестве, но вечно изменчива и конечна. Ее земное господство только кажущееся.

Власть по своему надмирному смыслу разделяется на три составляющие: сущность, силу и действие. Исходя из вышеизложенного, *власть* может также определяться как вытекающая из законов природы как всеобщего целого, которому, в свою очередь, подчиняются ее части. Это власть целого над частью. Часть не может существовать без целого. В этом случае *власть* появляется в силу естественной необходимости. Как правило, под это описание попадает любая власть над человеческим обществом (δύναστέια), которую Платон определял как «власти, управляющие государством» (αἱ δύναστέια πολιτικά²), при этом власти приобретают различные формы. Они могут быть единичные или общие, но их задача – единство и целостность определенного человеческого общества.

Власть над человеческим обществом проявляется как господство и влияние политических институтов (τῶν πόλεων). Следовательно, значение политической власти связано с тем положением, что права и интересы целого должны быть главенствующими в отличие от частных прав и интересов, поскольку их простое суммирование не приводит к появлению общественного целого. Кроме того, *властью* может стать произвольное узаконение случайного события, придающее не менее случайное преимущество в обладании кем-либо или чем-либо. Обычной формой такой власти является олигархия, как власть меньшинства над большинством (ὑπὸ τῶν ὀλίγων δύναστέια).

Из описанных видов власти возникает главный вопрос – кем и как должна быть представлена верховная власть как носительница идей и интересов общества? Что лежит в основе возможности предоставлять право на власть? Как уже отмечалось выше, *власть* возникает из некоего Первоначала (οὐσία, сущности), которое служит элементом последующего раскрытия, разворачивания «вовне» установленного

¹ Там же. С. 143.

² Платон. Государство. X 617b8 sqq. // Respublica, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St II.327a-621d. Перевод наш. – А. Ш.

порядка, объединенного единой общностью. Тем самым *власть* проявляет скрытое и таинственное, метафизическое могущество, попадая в реальную, политическую власть. Только после этого *власть* получает свое бытие и состояние, становится *овеществленной*, исходя из присущей ей первоначальной сущности.

Если продолжить рассматривать понятие *власть* с этой точки зрения, то это понятие имеет первоначальное и главное основание за пределами видимого Универсума. Оно выступает по отношению к природному миру в виде неких *первых сущностей* (αἱ πρῶται οὐσίαι), то есть сущностей первого порядка. В человеческом обществе эти сущности служат идеальными образцами, моделями для *вторых сущностей* (αἱ δεῦτερα οὐσίαι), наличных элементов государственной власти. В этом смысле *власть* имеет свое реальное *бытие* (οὐσία), вытекающее из неведомого *небытия* (μὴ τὸ εἶναι).

Отсюда наиболее распространенное в прошлом убеждение, что любая государственная власть должна иметь высшую религиозную санкцию. Религия должна здесь пониматься не столько как условный религиозный институт, а скорее как иерархическая связь низшего с высшим, если исходить опять же из уже указанного смысла латинского глагола religare, имеющего значение «связывать», «привязывать». Религия, в этом смысле, обозначает *воссоединение*, возобновление некогда утраченного союза между человеком и Богом¹. Отсюда, политическая власть имеет действительную и естественную связь между собой как верховным, общественным управлением, и Божественным Началом, от которого она получает свое происхождение.

Мы видели, что созданное бытие иерархично, то есть подразумевает высшие и низшие ступени. Бытие не равнозначно, оно имеет принципиальные сущностные отличия и различную степень существования элементов. Наличие высшего и низшего, разнообразного и противоположного, составляющих все универсальное многообразие, подразумевает необходимый порядок отношений между различными и часто противоречивыми частями целого Универсума. Духовное и материальное, верх и низ, небо и земля как противоположные и само-

---

¹ Dhavamony Mariasusai. Phenomenology of religion. Editrice Pontificia Università Gregoriana, 1973. P. 60–64.

стоятельные бытийственные категории подразумевают способ организации и действия противоположных и противоречивых начал. Все бытие управляется Творцомы всяческих и составлено в определенной организации: «Устрашеньем его, говорит пророк, движется земля, рассыпаются камни, все живое трепещет, горы дымятся, раболепно служат светила, облака и воздушные твари предназначенное исполняют»¹.

Поэтому порядок, упорядоченность в области человеческих отношений так же необходимо предполагает наличие власти, руководства, организации, то есть влияния одних людей на других. По причине гармоничного упорядочения бытия власть над людьми тоже имеет божественное происхождение. Отсутствие власти или искажение ее благих начал приводит к тотальному хаосу, борьбе всех против всех, ведущей к самоистреблению: «Отсутствие основы и наличие своеволия приводит к безначалию, к бедам и бесчиниям»² (**Безглавное и своевольное, это значитъ безначальственное есть бедовно и безчинно**³).

Во всем сущем находится его предел: «Предел же положил, его же не прейдут и не передвинут»⁴. Земная власть учреждена Богом в исполнение небесной Божественной Власти, когда страх перед невидимой Божественной Волей, выраженной в Божественном Слове, окажется недостаточным для поддержания богоустановленного порядка на земле и обуздания порочной воли людей. Поэтому земные начальства являются «слугами Божиими» и в границах предоставленных им средств «много благодествуют человеческому роду», одних людей милуя с рассуждением, а других страхом спасая.

---

¹ Кирилл, епископ Туровский. Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. М., 2009. С. 28.

² Перевод наш. – А. Ш.

³ *Никон Черногорец.* (Книга преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черных Горы). Тактикон. Почаев, 1795. Слово 2. Л. 37 об. Далее Тактикон.

⁴ Парафраз «предел, его же не преидеши», см. Иов. 14, 5, 38, 10-11. Пс. 103, 9.

И по снхъ значит, не только чтобъ было начальство, но еще и со благочинием, то есть чтобъ и изъ начальниковъ един дрѹгаго имле бытъ превышающимъ и един всехъ превосходящимъ. ... и на небѣ въ бездѹшной твари солнце есть всехъ начальствомъ превышающее, для наѹченїа насъ семѹ порядкѹ. По снхъ книга Небеса Дамаскина ѣ, глава седьмаа. Такъ и на земли, и в безсловесныхъ всехъ, по Златоустѹ, тако же чинъ начальства не только при человецехъ, но при птицахъ, и при рыбахъ¹.

Именно при христианской власти люди обязаны воздавать правящимъ не только «дани», но честь и страх. Отсюда и противление земной власти рассматривается как противление самому Богу.

И многочисленнаа о томъ ѹказанїа во Свѹтомъ Писанїи, что потребно начальство при каждомъ времени и слѹчае, а темъ более при собранїи вѣрныхъ. И безначалию ѹчить есть богопротивно, и к нечестию соотносительно, и еретичествѹ прикладно³.

«И это значит не только чтобы было начальство, но еще и с благочинием. То есть чтобы из начальников один превышал другого, а один превосходил бы всех... На небе, в бездушном творении, солнце превышает всех своим величием, для научения нас порядку. Это говорит книга 2 «Небеса» Иоанна Дамаскина в главе седьмой. Так и на земле, и у бессловесных всех, по Златоусту, также утверждён начальственный чин, не только у людей, но и у птиц, и у рыб»².

«И многочисленные о том указания имеются в Святом Писании, что необходимо начальство для каждого времени и случая, а тем более в собрании верных. И богопротивно учить безначалию, это относится к нечестию и приравнивается к еретичеству⁴.

¹ Тактикон. Слово 2. Л. 38 об.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Тактикон. Слово 2. Л. 39 об.

⁴ Перевод наш. – А. Щ.

Так как земная, государственная власть имеет основы в трансцендентной, абсолютной сфере, то она должна воспроизводить Божественный Порядок в иерархичном устройстве мира. Идеальная власть – это следование абсолютному порядку универсального мироздания. Из этого положения с последовательностью вытекает та идея, что не всякая власть имеет Божественные основания. Поэтому и сам смысл власти, в нашем случае, необходимо рассматривать с точки зрения Христианской Веры.

Первой властью для человека является власть родителей. Ребенок призван не только ей повиноваться, но и почитать ее: «Чти отца твоего и матерь твою». Однако даже это первое, священное, родительское повиновение человек может и обязан нарушить, потому что «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»¹ (**вѣровати подобаетъ Бѣгови, паче нежели члѣкомъ**²).

Свобода и ограничение рождаются не из человеческого произвола, а из сознательного подчинения человека не «стихиям мира сего», а конечной и абсолютной власти – Логосу, Иисусу Христу. Этим безусловным подчинением человек избегает следования «путями своими», а принимает «пути Господни». Любой произвол, ведущий к разрушению и насилию, необходимо ограничивать, в том числе и государственными средствами. Апостол призывает порочную власть, **злыхъ господъ** («злых господ»), пробудить в себе совесть и любовь, а не служить и управлять из низменного чувства страха или выгоды.

Какие еще выводы можно сделать из изложенных представлений о сущности власти? Одной из главных посылок является то, что исключительно своими силами человек не может полноценно существовать во враждебном ему окружающем Космосе. Поэтому человеку необходима Божественная Идея как универсальное представление, которая воплощается не в отдельной личности, а во всем человечестве или, более точно, в обществе – государстве, выступающем как органическая совокупность человеческих лиц. Чтобы воплотиться, Божественной Идее необходимо подчинить себе земную деятельность человека.

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Острожская Библия, Л. 577 об. Текст Острожской Библии приводится по лицевому изданию Московской Старообрядческой книгопечатни. М., 1914 (7422).

Для этого недостаточно индивидуальных усилий человеческой личности, необходимо взаимодействие людей, объединенных в единой политической структуре. Другими словами, идеальная, сверхчувственная цель подчиняет себе не только индивидуума, но и все человеческое общество. Тем самым, государство служит для обуздания порочных телесных влечений, ограничивает эгоизм, подавляет различные низменные земные интересы, заботится о внутреннем, единомысленном объединении граждан. Но все это служит способами достижения вечной жизни, за пределами физического мира.

Как уже было сказано, в своих принципах *власть* – не абсолютное понятие, она не существует сама по себе, а всегда исходит из некоей абсолютной сущности. Сущность в качестве идеи, идеального начала, определяет и свойства непосредственной политической власти. С одной стороны, как мы видели выше, источником *власти* может быть сакральное начало, с другой – субъективное начало, опирающееся на произвольные человеческие установления.

Метафизическая реализация власти

PRO ET CONTRA

Как мы уже могли видеть, государство, предполагающее цель метафизической реализации своей сущности, видит эту цель не в себе самом, а в идеальной вечности. Этой вечной целью определяется весь смысл и структура государства. Однако надо учитывать, какую метафизическую задачу ставит перед собой данный политический строй. Например, если идеальные начала заменяются абстрактной идеей, то, как мы имели возможность убедиться, появляются утопические государства, реализующие в действительности полное пренебрежение человеческой личностью при абсолютно правильных теоретических выводах.

Если же метафизической целью государства является союз людей ради их общего спасения и выживания, то у этого общества появляется возможность преодолеть двойственность человеческого существования. Подчинение общества вечной идее помогает ему бороться против враждебной окружающей действительности. Такое государство можно уподобить человеческой душе, где происходит постоянная борьба идеального и порочного. Как и в душе, духовный подвиг лучшей части общества противостоит устремлениям пассивной толпы, влекущейся, прежде всего, к плотской жизни. В этом смысле для того, чтобы подчинить разуму это слепое стихийное начало, нужна воплощенная в социуме сила, способная заставить повиноваться велениям рассудка и подавлять необузданные страсти толпы. Этой силой и является государство, устанавливающее порядок как вне, так и внутри общества против темных, хаотических сил, враждебных идеальным основаниям.

Но здесь мы встречаемся с другой опасностью. Она заключена в том, с чем на самом деле может столкнуться метафизическая реализация подлинной цели государства. Надо сказать, что метафизический тип государства несет в себе определенную двойственность. Обра-

ценность к идеальному, высшему Началу помогает реализоваться в физическом, земном пространстве вечным началам. Однако, если задачей правящего слоя становится только созерцание вечных идей, то часто политическая власть оставляет без всякого внимания земные интересы. Становится совершенно очевидно, что в таком государственном устройстве человек и его телесные потребности приносятся в жертву безличной идее.

Поэтому данное государство стремится уже не к благополучию и материальному довольству своих граждан, а к торжеству отвлеченной, сверхчувственной идеи. Тем самым государственная составляющая становится безлично-абстрактной, из нее уходит личностное и сверхличностное Начала, Бог Слово. При господстве отвлеченной государственной идеи общество теряет все присущие ему индивидуальные, личностные свойства и признаки. Кроме того, преобладание безличной доминанты приводит к тому, что гражданин, лишаясь своей личности, не имеет уже никаких собственных материальных благ. Подобный тип государства прекрасно описан еще у Платона.

Гражданин платоновского государства не должен иметь собственности, так как она ведет к появлению сугубо эгоистических интересов и забот. Отсюда цель подобного государства – вырвать человека из сферы низменных потребностей, связанных с частной собственностью. Обобществление может достигать своих крайних пределов и должно распространяться, в том числе, и на семейные отношения: «Между друзьями все должно быть общее» (κοινὰ τὰ τῶν φίλων). Думается, что под этими словами подписались бы не только марксисты, но и все представители «левой» идеи в политической власти, несмотря на всех их внешние различия.

Подобный взгляд на осуществление метафизической идеи в политике приводит к тому, что люди, допущенные к этому «созерцанию идеального», имеют возможность его истолкования по своему произволу. В своей субъективной интерпретации они не подвержены ни ограничениям, ни проверке остальными классами общества. Их деятельность не определена никаким законом. Поэтому главный вопрос любой метафизической реализации состоит в том, какой *высшей идее* служит правящий слой, что он берет за духовную основу?

На самом деле, в своих глубинных основаниях любая *власть* руководствуется не внешними юридическими предписаниями закона, а непосредственным лицемерием той или иной, часто очень опасной для общества *высшей идеи*. Чистый юрицизм – это всего лишь внешний инструментарий. В подобной государственной системе все общество представляет собой лишь пассивный материал в руках правителя или правящего слоя. Лишь правители могут распоряжаться обществом по своему усмотрению, они могут быть проводниками, пророками идеи, ведущими общество к его вечной цели (по усмотрению тех же правителей). То есть все общественное и индивидуальное бытие рассматривается только в теоретическом свете. Теория понимается здесь так, как если бы она была самодостаточной и завершенной в себе самой, в то время как при естественном положении вещей на теорию смотрят именно как на определенную подготовку, причем совершенно необходимую, этапу осуществления. Другими словами, теория и действительность полностью отстоят друг от друга, и соединить эти две реальности возможно лишь силой, обманом и созданием ложных целей, что и свойственно любым воплощениям утопии в действительность.

Надо учитывать то обстоятельство, что государство у Платона является по сути педагогическим институтом, стремящимся облегчить своим гражданам тяжелый и опасный подъем от земного мира к загробной вечной жизни. Совсем другое дело, когда сама безличная, трансцендентная идея государства, описанная Платоном, теряет свой идеальный и высший смысл. В таком случае происходит абсолютизация самых примитивных, низших, физических условий существования человека. Человеческое общество заключается в материальные пределы, и человек, как индивидуум, низводится на роль безличной, вещественной единицы, в лучшем случае функции. Поэтому своеобразная поздняя трактовка идей Платона о государстве привела к появлению различного рода утопических теорий, начиная с Томаса Мора, Кампанеллы, Гоббса, фантазий Фурье, Сен-Симона, К. Маркса и т.д., и заканчивая современными постмодернистскими политическими теориями.

Подобного рода политические утопии с завидным постоянством и какой-то необъяснимой одержимостью воплощаются в человеческой

действительности, где они осуществляются в виде насилия. Примерами может служить «большевистский» коммунизм и построение современного (глобального) социального строя. По этому поводу очень правильно заметил Н.А. Бердяев: «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления <...> Утопии осуществимы. <...> Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу»¹.

Как и в государстве Платона, в европейских социальных утопиях предполагается полное единомыслие, в них присутствует упрощенный взгляд на человека, там нет индивидуализации характеров, человек рассматривается как биологический механизм. Все общественные процессы в них протекают по заранее установленному образцу. Человеческая личность получает видимую независимость и самодостаточность, но при этом теряет настоящую основу. Человек довлеет (αὐτάρκεια) самому себе, довольствуясь внешними, земными условиями.

Другими словами, *естественные* (телесные) условия человеческого существования переносятся на духовно самоопределяющуюся личность. Тем самым человек лишается главной части своего бытия, теряет живую, порождающую силу, становясь *самим по себе телом* (αὐτο σῶμα). При этом человек перестает быть *самим по себе человеком* (αὐτο ἄνθρωπος). Он утрачивает способность жить и сопротивляться собственной гибели, ставшей возможной в силу нарушения первоначальной бытийственной полноты. У него остается только телесная (σῶμα) жизнь, заключающая в себе совокупность, массу, биологическую систему, но не подлинную жизнь, выводящую человека за строго ограниченные физические пределы.

В политической жизни кажущаяся независимость (αὐτάρκεια), самоудовлетворенность своим физическим бытием, сводится к сумме материальных средств граждан, сообщая это качество всем членам

---

¹ Бердяев Н. А. Новое средневековье, размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 121.

государства. Вместе с тем *тело* гражданина при данной иллюзорной самостоятельности не может достичь состояния полного проявления всех человеческих возможностей. Эта призрачность политического бытия прикрывается ложной самодосточностью, предлагаемой гражданину *утопического* государства. Государство, основанное на утопии, создает иллюзию защиты человека в обществе, оставляя его один на один с природой, земной судьбой, оставляя его наедине с собой. И человек имеет свою безусловную цель в самом себе, только в своем земном настоящем, не видя и не ощущая скрытой от физических чувств тайны подлинного бытия. Тем самым, ограничение человека границами земной, телесной жизни ведет к разрушению самой человеческой природы.

Противостоять этому порочному принципу можно, если признать, что в чувственных явлениях присутствует идеальная и неизменная сущность всего существующего ($\tau\acute{o} \tau\acute{i} \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$). Сверхчувственная реальность составляет внутреннюю, имманентную форму всех физических феноменов, которые не могут существовать отдельно от нее. С другой стороны, Божественная Идея в природном мире возможна в конкретном воплощении в материи. Чувственный мир – не иллюзия, не теоретическая призрачность, у него есть собственная идея, заключенная в нем самом. Как человеческая душа не может существовать в физическом Космосе отдельно от тела, так и человеческое общество не может быть только социальным, органическим или биологическим принципом. Социум должен быть одухотворен высшими условиями. И эти условия есть внутренняя имманентная цель ($\acute{\epsilon}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{\omega} \tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$) государства. Государство как установление земного порядка не может быть поглощено божественной или теоретической, отвлеченной идеей, но и не должно превращаться в иную крайность: поглощению Высшей Идеи низшей частью человеческой природы, изменчивым естеством и условными, субъективными человеческими представлениями.

Соединение души с человеческим умом и телом есть совершеннейшее, высшее состояние, но оно подвержено испытанию случайных, временных явлений. Человеческий разум не сливается с божественным, но, в то же время, когда личная жизнь человека прекращается,

то и само различие между духовным и телесным отпадает. При этом индивидуальная связь между ними не утрачивается. Отсюда, бытие наполнено высшей энергией, распознать которую способен человеческий разум. Но эта действенная сила (ἐνέργεια) – не безличный принцип, она всегда индивидуальна во всяком явлении.

С точки зрения христианской мысли, дух – мыслительное начало (νόος) в человеке – всегда личное, индивидуальное, в отличие от идеи, которая безлична в принципе. Душа – высшая человеческая способность, обладающая бессмертием, она состоит в органической связи с разумом, а через него и с телом, потому цель человека не только на небе, в идеальных сферах, но и на земле, в природном бытии. Тем самым задачи человеческого общества и государства определяются равным соотношением этих двух разнородных начал. Тем самым, для правильного понимания смысла христианского государства вполне подойдет определение Аристотеля – это «сообщество для наилучшей жизни», совершенный человеческий союз.

Но в то же время государство – это не самодовлеющее явление, имеющее в себе полную независимость, как у Аристотеля *πάσης ἔχουσα πέρας τῆς ἀνταρχειᾶς*¹ (предел всякой самодостаточности²). Государство не может быть безусловной целью, это формальный закон, устанавливающий норму для человеческих отношений. В этом смысле *закон*, реализуя заложенную в него идеальную основу, является олицетворением Божественного Разума: «Где правит закон, там правит Божество, где господствует человек, хотя бы лучший человек, там правит не только Бог, но и зверь»³.

Можно с уверенностью сказать, что смысл христианского понимания государства состоит не в отрицании человеческих интересов и привязанностей, а, напротив, во всестороннем развитии всей человеческой деятельности. Такое государство не стремится к уничтожению и нивелированию индивидуального, личностного начала в челове-

---

¹ *Аристотель*, Политика 1252b 28-29 // *Politica*, ed. W.D. Ross, Aristotelis politica. Oxford: Clarendon Press, 1957 (repr. 1964): 1-269 (1252a1-1342b34).

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Цит. по: *Трубецкой С. Н.* Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / С. Н. Трубецкой // *Вопросы философии и психологии*. М., 1890. Год I, кн. 4. С. 13.

ке, оно, в первую очередь, должно заботиться о душевном спокойствии (тишинэ), благосостоянии и материальном обеспечении своих граждан.

Таким образом, само существование правящего класса получает законность только в случае счастья и благополучия каждого гражданина данного государства и всех членов общества в целом. Внутренняя, имманентная, божественная идея государства заключена в развитии всей деятельности человека, в его личном, семейном и общественном процветании. Имея перед собой будущую, вечную жизнь своих граждан, оно учит их пользоваться настоящим¹, стремясь лишь к равномерному и справедливому распределению земных благ, т. е. политических прав и материального благосостояния.

Подлинное государство, прежде всего, стремится к житейскому благополучию. Правящие круги общества обязаны отстаивать частный и общественный интересы, семью и частную собственность. Если государство, в отличие от Церкви, берет на себя осуществление сверхчувственной благой идеи, то земная жизнь поглощается неким безличным, отвлеченным единством. Всякое разнообразие в государстве уничтожается, в результате жизнь общества подчиняется безличному, абстрактному теоретизированию, сводя все к мертвому однообразию. Подобная *полития*² (πολιτεία) всегда пытается создать некоего идеального человека, при этом совершенно не считаясь с его телесными интересами. В итоге устанавливается не единомыслие, а всеобщий раздор, сдерживаемый карательными государственными методами.

Государство – это единство, уравнивающее в себе разнородное и противоречивое множество. Это всегда очень сложный организм, где все составные части – индивидуумы, семьи, общества, часто не схожи между собой. Из этих разнородных элементов, каждый из которых сам по себе имеет недостатки, складывается государство, где они взаимно дополняют и совершенствуют друг друга. Справедливое государственное устройство должно стремиться к всестороннему раз-

---

¹ «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы». Мф. 6:34. (Синодальный перевод).

² Государство, государственное устройство, форма правления.

виту умственной и духовной жизни граждан, подчинив ее высшим целям, абсолютным началам.

С одной стороны, это высшие этические (нравственные) идеалы, достигаемые посредством воспитания. С другой стороны – создание внешних условий, необходимых для счастья, то есть известный материальный достаток, справедливое распределение материальных благ и политических прав. Ни одно лицо или сословие не может иметь исключительное преобладание над остальными. Настоящая цель государственной власти – духовно преображенный человек, и его земное бытие должно стоять на первом плане. При этом физическое благосостояние само по себе не является абсолютной целью, а только средством для осуществления высших духовных идеалов. Государство не может быть поглощено погоней за материальными благами: одно накопление богатств само по себе не составляет счастья и блага, а потому нажива не исчерпывает собою деятельности государства.

В современном «вещественном» государстве, даже если оно внешне декларирует некие высшие цели, страсть к наживе поглощает все и всех, вся жизнь общества сосредотачивается вокруг денежных, меркантильных интересов. Поэтому государство не должно превращаться в коммерческий рынок, но, с другой стороны, и политическое господство, да и вообще политическая деятельность также не являются высшей конечной целью человеческого существования. Задача государства не исчерпывается тем, чтобы быть богатым и сильным. Политическая сила и могущество должны сами служить средством для высших духовных целей, а военное господство отнюдь не приближает высшее человеческое счастье. Любой политический режим, основанный на силе, по неизбежной логике вещей погибнет от внешней силы. Государства, не ставящие перед собой цель духовного и умственного преображения людей, подвергаются уничтожению из-за неизбежных внутренних причин.

Политическое пространство – это процветание духовной и умственной деятельности, духовная тишина, мирный досуг (σχολή) как условие развития высших человеческих добродетелей. В понятие добродетели входит не только гражданская доблесть или практическая деятельность. Сама жизнь должна исходить из созерцательной, тео-

ретической деятельности, раскрывающей идеальные начала. Отсюда накопление богатств не имеет высшей цели, они полезны не сами по себе. Они – необходимое средство для созидания прекрасного. Богатства не могут служить целью духовного развития, а являются лишь внешним украшением человеческой жизни. Духовные блага всегда выше внешних, а созерцательное состояние выше и благороднее чувственных желаний.

Достоинство любого государства измеряется его умением пользоваться вещественными приобретениями и военными успехами для спокойной, созерцательной жизни. Именно это умение пользоваться внешними благами, обращать их в средства для целей теоретических, и представляет собой искусство, высшую мудрость политики. Жизнь государства, как и отдельной личности, должна служить олицетворению духовной красоты и мудрости, проявляемых в многообразных человеческих взаимоотношениях.

Особое внимание в государстве должно быть обращено на воспитание правящего класса. В молодости все граждане мужского пола должны проходить военную службу, где они учатся повиноваться для того, чтобы потом управлять, повелевать другими. Чтобы быть хорошим правителем, нужно самому пройти через долготлетнюю практическую школу: надо самому привыкнуть к строгой выдержке, дисциплине, для того чтобы уметь управлять другими людьми. Только пройдя через это длительное испытание, социальную и этическую инициацию, гражданин имеет право стать правителем. Сама форма власти не имеет значения, политическую жизнь определяет не только формальное наличие тех или иных институтов, но и их способность предоставить доступ к власти лучшим людям, отличая их и выделяя из безликой толпы.

Основной двигатель политических процессов – это стремление к равенству. Как только в государственном устройстве нарушается органическое равновесие, как только начинает неумеренно преобладать частный, сословный или личный интерес, так тотчас же является и противоположная реакция: угнетенные стремятся сбросить с себя иго своих угнетателей и сами стать вместо них у кормила власти. Именно здесь – корень всех гражданских междоусобий. Устойчивая политиче-

ская система должна основываться не на зыбкой почве человеческого произвола и эгоизма, а на вечной незыблемой основе Божественного Порядка. Сам факт воплощения Бога Слова может указать обществу путь от вечного раздора и смуты. В противоположность этой ложной, ненормальной земной жизни общества одна вечная Божественная Идея остается истинной и незыблемой. Колеблющимся и непостоянным политическим отношениям должен быть противопоставлен вечный Божественный Порядок.

Мы видели, что существуют два противоположных политических, жизненных идеала, два мировых принципа, которые разделяют человечество. С одной стороны, это поглощение трансцендентной идеей земной действительности, где человеческое общество уже не является целью государства, а лишь воплощением отвлеченной идеи. С другой стороны, строительство «земного рая», отвержение всякого метафизического основания, приводит к построению «царства человека», где над человеком довлеют пределы его собственного несовершенства. Место истины, добра, справедливого и прекрасного занимает ничем не сдержанный эгоизм личности. Оба эти идеала, взятые отдельно, не обладают полнотой и сугубо односторонни: Небесное Царство, для того, чтобы обнять собой полноту Вселенной, должно воплотиться на земле, и земное человеческое царство, чтобы получить вечное незыблемое основание, должно проникнуться и просветиться Божественной Идеей. В потоке движения Вселенной лежит представление о единой и неизменной истине. Если исключить безусловную и вечную справедливость, гармонию мировых сил, то мироздание превращается в хаос бессвязных и случайных явлений.

Если встать на материалистическую точку зрения, то нравственность не имеет другого основания, другого мерила, кроме человеческого произвола. На самом деле добро и зло коренятся не в природе вещей, а в произвольном человеческом представлении. Утверждение, что справедливо для каждого то, что кажется ему справедливым, есть опасный политический фантом. С этой точки зрения нет ничего нравственного или безнравственного, дозволенного или запрещенного. Поэтому в основе формального права и законодательства всегда лежит человеческий произвол.

Отсюда и возникает представление, что единственно прирожденное, естественное право – это право сильнейшего, только оно находится в основе всех человеческих отношений. Для сильного уважение к закону обязательно лишь до тех пор, пока он чувствует себя недостаточно сильным, чтобы разорвать эти узы, сбросить насильственно на него наложенные оковы. Поэтому все формы общественного устройства и государственные институты безразличны для «абсолютного» человека. Лучшая форма есть та, которая в данную минуту доставляет ему возможность господствовать над толпой. Справедливо лишь то, что нравится правящему, господствующему классу общества. Такое государство преследует исключительно личную цель, стремится к личному влиянию, к тираническому господству собственного произвола.

Если в государстве, воплощающем метафизическую личность, власть подчинена объективному Божественному Порядку, то она черпает цель и смысл своей деятельности в общем благе. В обществе господства индивидуального интереса нет никакого другого, высшего мотива деятельности, кроме личной выгоды, а само общество представляет собой лишь случайное и произвольное соединение людей, где каждый стремится к тираническому господству над всеми и все над каждым. Таким образом, сама политическая жизнь в этом случае является лишь беспорядочным хаосом стремлений и интересов.

Отсюда и законы имеют двойной смысл: написанные, положительные законы для обыденной жизни и *неписаные*, вечные, Божественные Законы. Подчинение положительному законодательству возможно лишь тогда, когда законы соответствуют нравственному, справедливому, вечному. Только в этом случае эти законы тождественны между собой и равнозначны: справедливость (*δίκαιον*) – то же, что и правовая норма (*νόμιμα*). Государство не может быть произвольным основанием человеческого эгоизма, оно есть осуществление вечного нравственного закона. Законы, навязанные тираном или одной частью населения другой, по своей сути, не законы, а продукты насилия.

Управление человеческим обществом требует, прежде всего, господства над собой, ограничения личного эгоистического интереса.

В реальности в правящем классе менее всего заметно самообладание, господство над собой, спокойствие уверенного в себе знания. Поэтому для *понимающего* человека, живущего в «государстве количества», его таинственный внутренний голос призывает воздерживаться от текущих политических дел. Истинным для человека может быть такое благо, которое связано с его существом, и оно не может быть у него отнято. Это благо внутреннее, умственное, а не внешнее. Все остальное имеет условное значение: богатство, бедность, свобода или рабство, здоровье или болезнь – не суть ни добро, ни зло, чувственное наслаждение ничего не прибавляет к внутреннему благу, и чувственное страдание не в состоянии лишить человека мудрости. Внешняя свобода или рабство для него безразличны, потому что такой человек во всяком общественном положении чувствует себя одинаково независимым и свободным.

Подлинное благо и добродетель, в свою очередь, возможны, когда они возникают из идеального мира. Но идея не есть только наше субъективное понятие о действительности, идея предстает как высшая реальность, сущность всего существующего (*ἄντος ὄν*), истинное бытие. Данное бытие противостоит миру обманчивых явлений. Однако если одни идеи имеют настоящее существование, то мир конкретных, единичных вещей, которые мы ежедневно видим и наблюдаем, – ложный, призрачный мир. Он постоянно возникает и уничтожается, не будучи в состоянии образовать собой истинное, непреходящее бытие. На границах мыслимого мира зиждется идея блага, которая охватывает собой весь идеальный мир, сообщая ему единство и гармонию. Эта идея есть первая причина всего прекрасного и добродетельного в мире, первоначальный источник света и разума, для мыслящего сознания она обуславливает собой познание вещей, без нее все было бы погружено во мрак, все не имело бы образа, и, следовательно, ничто не было бы познаваемо.

Идеальный мир – это единственное непреходящее, неизменное, истинное бытие в потоке явлений. Может сложиться ошибочное мнение, что отдельные особи непрерывно рождаются и умирают, в то время как общие (родовые) представления о вещах не изменяются при всем разнообразии отдельных индивидуумов данного класса, напри-

мер, кошек и тигров, в них сохраняется один неизменный общий тип, понимание кошки вообще, тигра вообще. На самом деле, как не исчезают общие, родовые предположения о вещах как носителях высших идеальных начал, так и единичные материальные образы имеют в себе эти начала.

Иначе говоря, идеальные основания находятся, по словам Аристотеля, как «единое во многом» (τὸ ἓν ἐπὶ πολλῶν)¹. Если бы общие понятия были связаны с текущим миром только теоретически, то они не могли бы воплотиться в действительности. В то же время мы видим, как реализуются идеальные и неизменные представления (например, разного рода геометрические построения). Поэтому в единичном (целокупном множестве бытия) также присутствуют идеальные начала. Эти основы материальных вещей проявляются не только как общая или конкретная форма вещи, они составляют саму суть существования предметов. При этом форма вещи лишь напоминает, смутно обрисовывает то совершенное бытие, которое скрывается под условной, вещественной фигурой. В этом случае физические очертания вещи сковывают, а подчас и препятствуют проявлению неизменных основ.

Во всяком наличном предмете находятся две природы: совершенная и физическая, они неразрывно соединены между собой. Идеальное естество не подвержено изменению, оно лишь невыразимо до определенного момента. Другими словами, идеальное начало в физическом мире может быть выражено только с помощью совокупности духовных усилий, в том числе и разума. При этом совершенная сущность не подвержена изменению и конечности. Пока существует та или иная вещь как общее, родовое, отвлеченное или, в то же время, как единичное понятие, образ, в ней всегда будет присутствовать некая внутренняя, неотъемлемая связь, противостоящая условности внешней (физической) формы, а также и физическим процессам, происходящим внутри вещи. Тем самым, в каждом предмете присутствует некая потенциальная действительность (δύναμις), находящаяся в состоянии

---

¹ *Аристотель*. Вторая аналитика, книга первая, глава 11 // *Analytica priora et posteriora*, ed. W.D. Ross, *Aristotelis analytica priora et posteriora*. Oxford: Clarendon Press, 1964 (repr. 1968): 3-183 (24a10-31b38, 71a1-100b17). *Analytica posteriora* (71a1-100b17): pp. 114-183.

возможности. Но это не физическая возможность. Сила природного бытия заключена в распаде как некоем постоянном процессе. Физический мир существует по грубым механистическим законам, совершенно противоположным законам живых организмов.

Идеальная действительность вещи всегда предполагает некую ее сверхфизическую возможность ($\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\rho\ \delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\nu$), которая не вносит разделения в саму сущность вещи, не нарушает простоты ее физического (проявленного) образа. Это ее внутренний образ, который нуждается в духовном постижении. Она – нечто бестелесное, но связанное с физическим состоянием предмета. С точки зрения мира материи – это начало есть абсолютное *небытие* ($\mu\grave{\eta}\ \acute{\omicron}\nu$). Но это именно то, что делает вещь тем, что она *есть*. При этом идеальные основания предстают как неотъемлемые свойства предметов, присущие им по самой их природе. *Внефизические* основы пребывают в самих себе и могут переходить в нечто иное, чем наличное физическое состояние. Как сказал бы И. Кант – они могут «трансцендировать».

Любой предмет в своем наличном физическом состоянии не обладает возможностью полного раскрытия заложенной внутри его цели. Другими словами, материя сама по себе не может выступить как возможность, облекаясь в конкретную физическую форму и, тем самым, полностью осуществиться в природной действительности¹. Полное раскрытие вещи – это не облечение ее в формальные, природные границы, наоборот, это преодоление этих пределов, превращение ($\mu\epsilon\tau\alpha\mu\acute{o}\rho\phi\omega\sigma\iota\varsigma$), преобразование самой способности существования вещи, когда вместо распада, разложения и смерти предмет приобретает постоянное гармоничное, упорядоченное внутреннее устройство. Только в этом случае предметы, реализовавшие скрытые собственные начала, создают созвучный и совершенный внешний порядок – $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma\ \nu\omicron\eta\tau\acute{o}\varsigma$, где идеальное и физическое соединяются в нечто единое. Одним из инструментов этого объединения в человеческом обществе и является *власть*.

Вещество, материальные вещи не могут проявить собственные идеальные начала, более того, их состояние препятствует этому выра-

---

¹ Аристотель. Метафизика 9, 15-20. « $\eta\ \acute{\upsilon}\lambda\eta\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$, $\acute{\omicron}\tau\iota\ \acute{\epsilon}\lambda\theta\omicron\iota\ \acute{\alpha}\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{o}\ \acute{\epsilon}\iota\delta\omicron\varsigma\ \acute{\omicron}\tau\alpha\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \gamma\prime\ \acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\acute{\alpha}\ \grave{\eta}$, $\tau\acute{o}\tau\epsilon\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\ \acute{\epsilon}\iota\delta\epsilon\iota\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu$ ».

жению, объективации. Человеческое общежитие, как средство общения с земной действительностью, также подвержено природной необходимости, злему року, тяготеющему над всем людским обществом. Поэтому любые государства являются отклонением от того идеала, которым должно быть всемирное человеческое общество. Земное государство всегда содержит в себе проявления несправедливости. Наоборот, государство справедливости, гармоничная *полития* не может существовать в действительности. Любой формальный закон сам по себе не может быть чистым разумом, чуждым страстям. На самом деле существует лишь господство «лучшего закона», и «лучших людей». При этом даже наилучший правитель также подвержен страстям и заблуждениям.

Важно не закон как таковой, а отношение государства и его правящего класса к личности. Если отдельный человеческий индивидуум в государстве растворяется, как капля в океане, то он утрачивает всякое значение и цену. Неизбежно наступает всеобщее рабство и общее ничтожество. Мир остается игрой слепых природных сил, бесцельным и бессмысленным сцеплением безжизненных атомов. Человеческое общество с этой точки зрения представляется случайным, механическим соединением индивидуумов – личностей. Происхождение государства также не имеет метафизической, идеальной основы. Исходя из этих взглядов, первоначальным естественным состоянием человека является одиночество. Человек остается наедине с собой. Политический, общественный союз возникает вследствие произвольного соглашения отдельных личностей в целях взаимной помощи и защиты против опасностей, грозящих со стороны врагов и внешней среды. Но сама внутренняя жизнь человека в таком государстве есть чистейшая бессмыслица. Здесь человеку остается, не задаваясь высшими целями, преследовать исключительно эгоистические цели, есть, пить и развлекаться. Поэтому, с нашей точки зрения, цель всемирного человеческого общества – не в нем самом, а в чем-то другом, неизмеримо высшем.

Безусловная истина не содержится в субъективном мышлении и не может быть познана одними усилиями человеческого разума. Точно так же безусловное благо не заключается в эгоизме человеческой воли, истина не может быть познана нами, если она сама не идет на-

встречу нашим усилиям. Абсолютное добро, или благо, которого требует наша воля, не в нас самих – иначе бы мы в нем не нуждались, оно вне пределов нашей свободной воли и не может быть нами создано. Остается одно из двух: или признать, что нет объективного добра и объективной истины и отказаться от их поисков, или же нужно допустить, что истина сама может и хочет открыться нашему сознанию, что объективное благо само хочет и может сделать нас своими соучастниками.

Только признание высшего сверхчеловеческого начала может спасти нас от самоубийственного отчаяния и ничтожества. Но для того, чтобы спастись, еще недостаточно желать спасения – человек сам спастись не может. Нужно еще, чтобы эта высшая неведомая сила могла и желала его спасти, поэтому человеку нужна помощь свыше. Человеку свойственно беспредельное желание жизни и столь же свойствен сильный страх смерти, в то время как вся наша земная жизнь есть непрерывное умирание. Между этой действительностью, где господствует слепой стихийный рок, и человеческой волей, которая стремится к непрерывной, вечной жизни и не желает прекращения своего существования, есть коренной разлад, главное противоречие.

Для того, чтобы нам спастись, нужно изменение законов Вселенной, которые не гармонируют с нашей волей. Прежде всего, должен быть уничтожен закон враждебной нам земной природы, закон всеобщего умирания и непостоянства, должна быть упразднена смерть. Чтобы привести Вселенную в гармонию с нашей волей, нужно чтобы над Вселенной господствовала всеильная Воля. Нужно, чтобы наша человеческая воля гармонировала и согласовывалась с этой всеильной Волей, подчиняясь ей. Другими словами, для спасения необходимо взаимодействие воли Божественной и человеческой, нужна живая, органическая связь между ними.

Это примирение человека с Богом есть тесное, органическое их соединение и взаимодействие, которое находит выражение в христианской идее Богочеловечества. Человек, освобожденный от всякой дисциплины, становится врагом самого себя. Раз идеальная жизнь удаляется из внутреннего святилища совести и сводится к чисто внешним делам, она превращается в чисто юридические от-

ношения между Богом-кредитором и человеком-должником. В этом случае люди подчиняются власти лишь с тем условием, чтобы *власть* являлась верным исполнителем Божественной Воли. В случае нарушения договора власти с человеком следующий контрагент – народ, также непосредственно связанный договором с Богом, освобождается от всяких обязательств по отношению к власти. Поэтому подданные просто обязаны выступить против правящей верхушки, являющейся противником Божественной Воли.

Метафизическая реализация в любой области бытия всегда порождает метафизический дуализм. Этот двойственный процесс также можно отнести к смысловому наполнению всякой политической власти. В бытии присутствуют два непреодолимых и разнородных (гетерогенных) начала. Здесь речь идет о причинной (казуальной) связи между свойствами и состояниями предмета изучения, в нашем случае понятия *власть*. Данные враждебные друг другу начала можно охарактеризовать, с одной стороны, как идеальные, духовные основания, заложенные в бытие, с другой, как иллюзорные силы и смыслы, выдающие себя за единственное созидающее начало. По сути, во втором случае эти отрицательные духовные силы предстают как мистификация, обман, закрывающий собой истинную природу вещей. В природной или социальной действительности – это принцип духовного обмана в мире. Если абсолютные и идеальные силы создают и содержат в себе подлинную основу бытия, то иллюзорные энергии создают ложное представление о существующем мире. Общее между идеальным и ложным состоит только в том, что обе эти энергии присутствуют во всем многообразии явлений, другими словами, они имеют некие похожие свойства. Но в своих первоначалах они сущностно разнятся.

Духовная и смысловая мистификация, как великая сила, заложена во всю иерархию бытия. При этом призрачная «духовность» также имеет метафизические основы. Фантомность не обладает той же степенью реальности, что абсолютные силы, однако она не может считаться и полностью нереальной. Эта энергия, которая целиком лишена сущностного начала, существует как смысловое наваждение, полное отрицание высшей реальности. Поэтому в природе любой *власти* присутствуют подлинные и ложные духовные, смысловые при-

знаки. Отсюда, политическая *власть* сама по себе не носит характер неистинной или недействительной. Но, в то же время, она не является и абсолютной.

Неистинной или недействительной предстает ошибочное смысловое направление. В идеальном смысле, *власть* – это установленный и гармоничный идеальный порядок, с помощью которого возможен прорыв из мира неопределенности и становления в высшие пределы. Отрицание идеальных оснований, заложенных в понятие *власть*, всегда приводит к заключению человека в природную темницу. Человек забывает о своем предназначении и довольствуется жалким положением раба в жестоком и беспощадном социуме. Подобные люди имеют настолько притупленное сознание, что они не могут понять, счастливы они или страдают.

Власть лучших, или Торжество обезличенного равенства

Как мы могли видеть, само понятие *власть* включает в себе *Ксилу*, которая представляет наиболее реальную основу власти. *Сила* в таком случае выступает как полное раскрытие внутренней цели власти, это осуществленность и действительность власти. Исходя из этого положения, верховной государственной власти в своих выражениях необходимо преобладать над всеми общественными явлениями. Если она не в состоянии установить в государстве порядок и благоденствие, то она не может называться *властью*, теряет свою силу и право повелевать. Все властные права и привилегии власти существуют не сами по себе, а для выполнения обязанностей перед обществом.

В противном случае происходит только имитация, условное подражание сущности *власти*, от нее остается лишь формальный юридический образ, заменяющий внутреннее духовное состояние. Власть как таковая, по существу, принадлежит не неким личностям, а тому месту, где она проявляется. Действительная власть не всегда связана с юридическим статусом. В своих основах *власть* – это то, что может заставить себе повиноваться не благодаря насилию, а в силу своего духовного авторитета. Сила власти, или властная сила, не заключается в давлении на своих граждан, она не должна рассматривать их как жертвы и теснить со всех сторон. Подобная идеократия, как власть идеи, или теократия, как обожествление идеи, противоречит самой сущности подлинного государственного устройства. Политическая власть всегда должна предполагать внутреннюю свободу человека, оставляя внешнюю сторону его бытия общественным отношениям.

Метафизическая реализация *власти* свидетельствует, в первую очередь, о сущности истинного государства, и только потом о воплощении политических институтов и утверждении формального права. Так как корни *идеальной власти* находятся в метафизической области, ее очень сложно выразить в понятиях и определениях. Причиной это-

го является тот факт, что Высшие Силы, совершенно неожиданным образом, открывают совокупные возможности для всякой культурной и этнической среды через ценности, имеющие, по сути, надличностный (субъективный) и надисторический характер. Правящая элита, если она достойна этого названия, может извлечь из этих ценностей нации непосредственный смысл и авторитет.

Отсюда возникает совершенно иной взгляд на правителей как *аристократов*. В современном понимании аристократия – это форма правления знати, то есть замкнутое сословие, обладающее исключительными привилегиями, передаваемыми по наследству. Как правило, *аристократия* противопоставляется монархии, как власти одного правителя, или власти народа – демократии. При этом совершенно упускается из виду настоящее значение древнегреческого термина *ἀριστέυς*. Обычно данный термин принято ограничивать смыслами «знатнейший» или «благороднейшего происхождения». Но более внимательное рассмотрение этого слова позволяет увидеть, что оно, в первую очередь, не обозначает привилегированность в смысле знатного происхождения, воинской доблести, высшего умственного развития, религиозного превосходства или размеров имущества. Термин *ἀριστέυς* означает «лучшего, знатнейшего, славнейшего» человека с точки зрения высоких нравственных начал. Все остальные значения данного термина – «доблестный», «умственно развитый» и т.д. – суть лишь атрибуты первого и главного значения.

Поэтому аристократия (*ἀριστοκράτῖα*) – это не только господство родовой знати. В своем непосредственном смысле настоящий термин служит для обозначения правления лучших людей с точки зрения добродетели. Именно это понималось Платоном и Аристотелем как главное основание для данного вида правления. Знатность происхождения, воинская доблесть, а также превосходство разума основывались, в первую очередь, на нравственном совершенстве. Аристократия осознавалась как государственная способность сохранять идеальные государственные начала. И здесь любые юридические основания уступают место естественному нравственному превосходству.

Но, как правило, правящий класс не в состоянии понять духовную составляющую своего народа. В этом случае дарованные духовные

возможности таким же неожиданным образом исчезают, незаметно вырождаются в обывательские привычки, позитивистскую рутину. Остается мифологизированное преклонение перед остатками прошлого, которое окончательно утратило свой дух, при этом сами почитатели мифа придают первостепенное значение временным и условным признакам, не видя главного и вечного в происходящем.

Уход духовной тайны помрачает и делает ущербным человеческое существо, в котором остается вечное, нескончаемое становление, постоянная неустойчивость и торжество природных, физиологических начал. Духовный образ человека теряет форму, а его жизнь целостность. Человек постоянно ищет чего-то другого или других для достижения собственной субъективной полноты в существовании. Но вместо полноты человек получает не более чем расколотые, противоречивые потребности в чем-то, отличном от себя, которые условно можно назвать иррациональным и интуитивным тяготением к трансцендентному. Следовательно, человеческая жизнь, сама по себе, суть ничто, если она не предстает как приближение к сверхбытию, которое *больше, чем жизнь*. Только через участие в этой высшей жизни возможно освободиться от чисто человеческих духовных уз. Ложна всякая власть, напрасен и принудителен любой закон, бесплоден и ненадежен каждый политический институт, если он не подчинен принципу Бытия, дарованному свыше.

Государственная власть должна обладать метафизическими качествами, которые соответствуют не только пустым и внешним декорациям, служащим для прикрытия совершенно иных, пагубных целей, а быть причастной могуществу сверхреальности. Чем большим является сущностный статус власти, превосходящий все зримое и сиюминутное, тем больше за властью признается высшее, естественное и абсолютное право на управление. Чисто материалистические концепции власти, в основе которых лежит культ грубой силы и принуждения, ложь и изворотливость, такие неустойчивые качества, как прагматизм, ловкость, а также забота исключительно о материальном благополучии, не имеют отношения к самой сущности власти. В начале всегда есть закон $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$, данный правителям Богом, это их божественное право на власть и есть «номос» – политический закон общества.

Поэтому, власть – это «владычество божественной природы, скрытой под человеческой внешностью»¹.

Следовательно, *θέμις* (лат. *fas* или *ius*) – это незыблемое установление, священная обязанность и нерушимый обычай, определяющий сферу того, что относится к области дозволенного, и что – к области недозволенного («ὅσα τεῖναι πρὸς θέμιν καὶ ἁσέβειαν»²). Это Божественная Воля, устанавливающая справедливость и законность. Только на этом основании появляются и зиждутся законы, права и судебная власть, то есть различные политические институты. Другими словами, метафизическая причина является началом всякой законности, правопорядка и правосудия. Сам акт возмездия, кара за преступления также исходят из метафизических начал, а не являются последствием субъективных желаний (страстей) человека. Формальный закон (*νόμος*, лат. *lex*) – всего лишь техническое понятие, то есть система правил, кодекс, всегда опирающаяся на *священную обязанность* (*θέμις*). Без этого идеального наполнения формальный закон является, как правило, способом самой низменной манипуляции обществом.

Прцветание государства или его бедствия в первую очередь скрыто зависят от сущности власти, добродетельной или, наоборот, безнравственной, а не от внешних «действий», которые в течение короткого промежутка времени могут выглядеть вполне успешными. От *сущности* власти зависят и моральные качества народа, его правильные или ложные поступки. В свете вышесказанного выглядит нелепым известное современное утверждение, что «всякий народ заслуживает то правительство, которое имеет». Это утверждение исходит из чисто формального представления о том, что власть получает законность якобы из рук народа, перед которым она ответственна.

Даже с формальной точки зрения подобный взгляд не имеет под собой основания. Предположим, что народ обладает отрицательными качествами (генетическими, историческими, духовными и т.д.), и тем самым он порождает соответствующую собственной основе власть. Такой народ, как некая неопределенная сущность, наделенная сугубо

---

¹ Эвола Ю. Восстание против современного мира. М., 2016, С. 147.

² Платон. Пир, 188d // Symposium, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967): St III.172a-223d.

отрицательной величиной, оформляет себя через власть. Совершенно очевидно, что эта власть включает в себя самые главные, самые важные черты народа. А так как сам представленный народ – явление в массе своей отрицательное, то все *народное зло* сосредотачивается в правящем классе и представляет его основную сущность. Что может такая власть сделать с народом? Ответ понятен – сделать его еще хуже. В свою очередь, опустившийся ниже, благодаря негативным действиям власти, по нравственной шкале народ, порождает из себя еще более страшную власть. То есть здесь мы видим, как данное определение совершает логический круг. Представления о подобном разрушительном *круговороте* власти и общества может привести любое государство к полной катастрофе.

На самом деле взаимодействие власти и общества выглядит «с точностью наоборот». Именно от сущностных действий власти зависит то или иное состояние народа. Другими словами, какой образ бытия власть приносит в общество, каковы ее скрытые духовные и смысловые намерения, именно таким общество в подавляющем большинстве и становится. Если власть как господство исходит из устойчивости и покоя, то через власть общество связано с вечностью. Если же власть основывается на субъективном человеческом произволении и за основу берет эмоциональное возбуждение, слепую «веру», то подобное человеческое общество подвержено постоянным колебаниям. Недавняя история большевистской революции и нацистского режима свидетельствует об этом с пугающей очевидностью.

Мир закона и, соответственно, государства равнозначен миру истины и реальности в возвышенном смысле. То есть закон должен быть чем-то более высоким, чем примитивное и изменчивое порождение человеческой воли. Каждый настоящий закон должен подразумевать *божественный* (трансцендентный) принцип. Если закон имеет основу в идеальном мире, то его авторитет должен быть непререкаем. Только тогда суть данного закона непоколебима, неизменна и непреклонна, и она не может быть подвергнута интеллектуальной ревизии.

В этом случае любое нарушение закона предстает не просто как преступление перед абстрактным законом, перед обществом, государством, нацией или личностью. Преступление, рассматриваемое с этой

точки зрения, имеет гораздо более глубокую основу и представляет собой богохульство, святотатство против высших сил. В античности подобное преступление носило название ἀσέβεια, то есть совершенное действие, определяющее дальнейшую духовную судьбу самого виновника и того, кто с ним социально связан. Тем самым, преступление уже не имело исключительно формального значения и наказания. По своей сути, любое нарушение – это нечестие и кощунство против идеальных оснований бытия.

Ясным пониманием разницы между государством, основанным на метафизических началах, и государством, исходящим только из человеческой субъективности, является осмысление термина и понятия «революция»¹. Это понятие является основополагающим в материалистическом государстве и представляет собой полный разрыв с любой метафизической традицией. Существует мнение, что революция, как полное изменение общества, часто выступает как преобладание неких хаотических начал – борьбы всех против всех. Некоторые обращают внимание на наличие в революции романтических черт. Также считается, что разрыв с предыдущим состоянием часто кажется господством и победой иррациональных проявлений. Однако успешные качественные, революционные изменения общества, выглядящие, на первый взгляд, беспорядочными, на самом деле имеют под собой поступки, как правило, совершаемые с неумолимой логикой и расчетом. Интересно, что сам термин «революция» (revolution) пришел из астрологии и алхимии, а впервые был употреблен Николаем Коперником в труде «О вращениях небесных сфер» (De revolutionibus orbium coelestium), опубликованном в 1543 году².

Типичные черты, описанные нами, можно без труда обнаружить на примере большевистской революции в России. Большевизм (как и современный «необольшевизм», и глобальный «либерализм») определяют исключительная расчетливость, прекрасно продуманный план и совершенные социальные технологии. Труды В. И. Ленина о совершении революции похожи на беспристрастные математические исчис-

---

¹ Катастрофа, катастроφή (переворот, развязка, исход, конец, смерть, гибель).

² Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись / Пер. И. Н. Веселовского. М.: Наука, 1964.

ления. С пугающей холодностью и сурпулезностью он анализирует мельчайшие детали своего плана. Вот что он пишет: «Мученики и герои не нужны нашей революции: нам требуется логика и железная рука. Наша задача состоит не в том, чтобы низвести революцию до уровня дилетантов, но в том, чтобы поднять дилетанта до революционного уровня»¹.

Последователи В. Ульянова с полной безжалостностью и пренебрежением к человеческой жизни следовали его руководству. Они были равнодушны к тем следствиям и невиданным бедствиям, к которым приводит практическое применение отвлеченных принципов к человеку как некоей абстрактной единице. Человеку, как образу Божьему, в их системе не было места. В этом смысле большевизм очень показателен, так как он воплощает зловещие замыслы открыто, не считая нужным ничего скрывать, в отличие от различных «социалистических», «демократических» или «националистических» идеологий и движений. Удивительным образом, самые примитивные, ни на что не годные силы в большевизме неожиданно соединили фанатичное, безжалостное упорство в воплощении абстрактных и субъективных идей с совершенной логикой, социальными методами и мировоззрением, свойственными технологам. Поэтому такой «социальный инженер» рассматривает человека (людей) исключительно как орудие, пригодное лишь для достижения отвлеченной цели.

В этом механистическом, абстрактном мире завершается процесс коренного уничтожения в человечестве всего того, что создает человека как свободную личность. На самом деле подлинная свобода проявляется в человеке совершенно иначе, чем учит главная идея абстрактного утопизма, считающая, что человек есть безличная и бесформенная в духовном смысле сущность, обретающая свой облик под воздействием общественных технологий или окружающих условий.

Человек низводится до уровня функционального рычажка или винтика огромного социального механизма. Если же он пытается воспротивиться этому чудовищному насилию, то безо всяких усилий со

---

¹ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // В. И. Ленин. О социалистической революции. В 2-х т. М., 1924. Т. 1. С. 79.

стороны механизма стирается его вращающимися шестеренками. Декларируемые «высшие человеческие ценности» на практике оказываются подлой ложью, а человеческая жизнь не стоит ровным счетом ничего. Того же, кто восстает против этой лжи, ждут гулаговские или нацистские лагеря, либо, в лучшем случае, общественная маргинализация и забвение, как это происходит в состоявшемся обществе пост-модерна.

Если в первом случае для достижения известной цели используется прямое и неприкрытое насилие, что можно увидеть в советской истории, то в «свободном» «западном» мире используются более изощренные средства. В нем окончательно произошла «смерть Бога» и восторжествовала религия выгоды и ничем не ограниченной меркантильности. Выше всего ставится материальный интерес, владение вещами, чему подчиняются все общественные отношения.

«Царство количества» затронуло все области человеческой деятельности, в нем даже религиозные проявления становятся поддержкой развития общества потребления. Соответственно, в таком мире христианские добродетели, являющиеся необходимым условием достижения *Горного мiра*, становятся бесполезными и вредными. Например, в глазах такого «механического человека» христианский аскетизм представляется пустой тратой времени, а подвижник выглядит как паразит на теле общества. Герой, в настоящем смысле слова, предстает как опасный безумец, от которого надо избавиться в подвалах Лубянки или, что более предпочтительно ныне, следует перевоспитать его в духе ложного миролюбия и гуманизма. Тем самым духовно пустой и удовлетворенный «человек вещей» окружается сияющим нимбом, а его жизнь считается единственно предпочтительной.

Человек все время говорит о «свободе», будучи при этом намертво прикованным к тем вещам, которыми он владеет. Какая свобода может быть у однообразного, стандартизированного «кочевника асфальта», превращенного в ничто, перед лицом бесконечно мерцающего количественного царства, поглощающего человеческую душу? Во всем мнимом величии «свободного мира» обезличенный и бессмысленный человек проявляется гораздо более явственно, чем при всей чудовищной деспотии советского режима. В этом мире комфорт

становится доступен для большинства, а перепроизводство вещей не заставляет прикладывать огромных усилий по их достижению. Но эти отличительные черты оплачиваются обесцениванием личности миллионов людей, низведенных до роли роботов. Подобная идеология ограничивает интеллектуальные горизонты и уничтожает всякую духовную восприимчивость.

Таким людям не нужно бремя раздумий о смысле жизни, они катятся по ясной и надежной, как указано им, дороге в царство вещественного количества. Кичащиеся своей интеллектуальной и духовной «свободой», «вещественные» люди становятся простыми и незамысловатыми, подобно растению. Внутри них поставлен «животный и растительный» заслон, защищающий их от всякого метафизического идеала. Тем самым, большинство массовых людей опровергают главный принцип Р. Декарта *Cogito, ergo sum* («Мыслю, следовательно, существую»). Эти люди существуют, но не мыслят и при этом прекрасно себя чувствуют. В их действиях присутствуют только бездушные составные части, они способны лишь к механическому передвижению, находясь в области, насыщенной темными и животными чувствами. Отсюда так популярен феномен безумного опьянения спортивными играми, суть которых состоит в примитивном культе лишённого смысла действия. Именно своим спортивно-оптимистическим представлением о мире подобные человекообразные существа чрезвычайно опасны. Их мышление имеет полностью животные отличительные черты, они неспособны предвидеть следствия, вытекающие из определенной причины, особенно если скрыть ее истинный смысл.

Создается иллюзия, что различные современные технологии придают «вещественному» человеку некий сверхчеловеческий облик. Но на самом деле технологии замыкают сознание таких людей в инстинктивной и животной области. Они видят происходящее, но не могут понять его подлинные причины и уж тем более не могут предвидеть будущее, так как их разум не выходит за границы вещественных и физических представлений.

Отказавшись от исследования идеальной внутренней основы, того, что называется *добром* и *злом*, ради стремления к материальному благополучию, массовый человек получает уже не абсолютную

мораль, а этический ригоризм, оправдывающий личные интересы. Подобная мораль несет на себе отпечаток нигилизма, отрицания всего, кроме собственного «я». С отрицанием, отказом от идеальных оснований для людей уже не существует никаких внутренних запретов. Любое действие и любой поступок с нравственной точки зрения оказывается позволительным, если он не запрещен формальными, внешними юридическими правилами и законами.

Таким образом, любое преступление имеет в современном государстве сугубо юридический характер. У человека уже нет внутреннего императива, определяющего нормы поведения и иногда останавливающего его на грани совершения тягчайших проступков. При этом индивидуум неожиданно открывает для себя, что ему «не все позволено». В таком случае все сводится к внешнему соблюдению общественных законов, которыми подменяется развенчанный религиозный закон. Современный мир постмодерна уже не нуждается в этическом ригоризме, а ханжеская, фарисейская мораль оставлена для различного рода религиозных институтов (конфессий), прекрасно и комфортно вписанных в это общество.

Если в человеческом обществе нет Высшего Закона, то в нем возникают субъективные формы социального идолопоклонничества и общественного соглашательства, основанные на сиюминутных выгодах, лицемерии и равнодушной инерции. Тем самым исчезают всякие проявления гражданского мужества, что, в свою очередь, ведет к уничтожению личного подвига. Все эти явления не являются укреплением социума, а становятся приметой начала ускоряющегося анархического распада, который обретает все более и более видимые формы. Раздор и хаос, скрывающиеся за фасадом видимого порядка и благополучия, уже вступили в наши дни в свои права.

Вокруг человека уже нет ничего, кроме бессмыслицы, которая обволакивает его, подобно потоку из развернутой бездны (*χάος*). Человек по собственной воле отгораживается от себя и от внешнего мира каменными стенами. Внутри созданного «каменного мешка» затаился абсурд, именно такое ощущение вызывает у понимающих людей современный мир. Человек ест и пьет, создает семью, заводит детей, мечтает о будущем, но вокруг лишь абсурд, хаос, нелепица,

одиночество и его верный друг безнадежность. Отчаяние овладевает людьми.

Поэтому очень трудно устоять на ногах среди руин, среди всеобщего духовного разложения. Порой кажется, что уже нет тех, кто способен сражаться на сданных позициях, но в этой крошечной египетской тьме неожиданно появляются люди не дрогнувшие, не пошедшие за призрачной надеждой на компромисс. Иные из них, наоборот, ушли во внутреннюю изоляцию, но этот путь возможен для тех, кто имеет к нему внутреннюю предрасположенность и материальную возможность к существованию, что само по себе становится все сложнее и сложнее.

Вещественная тьма покрывает всякую духовную надежду, вследствие чего люди не могут видеть ничего больше, чем материальный мир. Те, кто в состоянии в духовной и интеллектуальной области отстаивать христианские ценности, независимо от какой-либо цели и уж тем более выгоды, чрезвычайно редки. Но благодаря им можно сохранить дистанцию, указать на иные возможные измерения, совершенно другие жизненные ценности, освободиться от тяги к случайным и банальным вещам.

С юридической точки зрения цель власти заключается в охране правосудия внутри государства и защите от внешних врагов. Всякая власть, отклоняющаяся от этих целей, уже не законная власть, а власть тираническая. Правитель есть лишь верховный исполнитель закона в государстве. Подданные по отношению к нему не рабы, но братья. Он не имеет безграничной власти над их жизнями и имуществом. Поэтому он не должен иметь права облагать имущество своих подданных какими-либо податями без согласия представителей народа. Но так ли это в действительности?

В большинстве главенствующих политических теорий правитель получает свою власть не непосредственно от Бога, а от *народа*. Попробуем разобраться в этом непререкаемом для современного человека утверждении. Не вызывает никаких сомнений, что данное положение становится свойственным не только институту демократии – собственно, и на монархическую власть переносятся права народного верховенства. *Народ* в такой политической системе всегда выше царя,

и власть последнего освящается свыше лишь поскольку она служит народным интересам. Договор, который заключен между народом и властью, не может быть уничтожен, потому что для прав народа не существует срока давности. Народное верховенство есть вечное, неотчуждаемое право, которое не может быть перенесено на какое-либо одно лицо. И всякое лицо, которое пытается похитить эти народные права и эксплуатировать их ради личных и династических целей, должно быть низложено и наказано.

Но подобные абстрактные политические положения прекрасно выглядят лишь в теории. В действительности утверждение этих политических принципов часто приводит к противоположным результатам. Демократия – оптимальная форма правления, при которой власть формируется из лучших представителей общества, а частная собственность – наилучшая форма собственности, при которой собственник сильно заинтересован в развитии бизнеса и поэтому прикладывает к этому все усилия, а значит, обеспечивает клиентов лучшими товарами и лучшим сервисом, который только возможен. Однако в реальности у демократии и частной собственности есть один общий присущий им порок, который можно определить как отсутствие всякой ответственности перед народом.

Избранный по формальным, юридическим нормам демократии правитель действует как народный избранник и принимает все решения от имени народа, который его как бы избрал. И поэтому за все решения «демократического лидера» отвечает не он сам, а избравший его народ. В итоге после своего избрания так называемые «народные представители» – губернаторы, депутаты, главы городов – на самом деле не несут никакой ответственности за устанавливаемую ими политику и принимаемые решения. Таким образом власть, прикрываясь именем *народа*, становится несменяемой. Лишить ее полномочий возможно лишь теоретически. Любому правителю можно объявить импичмент, но эта юридическая процедура обставлена таким количеством условий, что осуществить ее практически невозможно.

За этой простой манипуляцией скрывается попытка выдать желаемое за действительное, отчего и создается впечатление решенного, но, по существу, так и не завершено вопроса. Здесь мы видим клас-

сическое использование *подмены тезиса* (ignoratio elenchi), когда, начав утверждать некое положение, например, абсолютности демократических институтов, постепенно, в ходе доказательства, сознательно переходят к доказательству другого положения, сходного с первоначальным тезисом, но имеющего совершенно иное значение. Достаточно наглядными здесь может быть утверждение, что при демократической системе народу дается возможность выдвигать и выбирать своих представителей и тот, кто в итоге оказывается избран, полностью устраивает большинство. Отсюда делается очевидный вывод, что и все решения, которые избранный правитель изволит принять, в свою очередь, должны устраивать большинство.

Причем для людских масс в качестве аргументов используются недоказанные, как правило, произвольно взятые положения: ссылаются на слухи, на ходячие мнения, высказанные непонятно кем предположения или даже на собственный вымысел, выдавая все это за аргументы, якобы обосновывающие единственную правильность и исключительность принятого решения. В действительности же истинность таких доводов о «народоправии» лишь предвосхищается, но не имеет никакого отношения к реальности. За всем этим скрывается давно известная софистическая уловка – *предвосхищение основания* (petitio principii). Когда речь заходит о демократии, то обычно используются ложные аргументы, звучащие примерно так: «Как абсолютно всем известно...», «Кто же будет спорить с тем, что...», «Аксиомой, не требующей доказательств, является то, что...», «Само собой разумеется, что...», «Каждому известно, что...» – дабы рассеять возможные сомнения у простого обывателя.

Здесь мы видим, что желаемая и ложная логическая связь выдается за истинную. Вся ответственность перекладывается на народ. Причем не на реальный народ, а на *народ* как понятие, то есть лишенную всяких свойств, абстрактную величину. И от этой безличной, скрытой и неопределенной величины и отталкивается в своих решениях «демократическая» власть. Тем самым демократическая система полностью избавляет выбранных руководителей от персональной ответственности за принимаемые решения. Избранный в соответствии со всеми правилами и нормами демократии политик получает возмож-

ность принимать решения, какие сочтет нужным, при этом отвечать за их последствия он не будет, так как он выступает от имени большинства *народа*. О том, что сам народ представляет собой предельно отвлеченное понятие, обычно умалчивают.

На самом деле не только исполнительная, но и, тем более, законодательная власть ни за что не отвечают. Ни за один из принятых депутатами законов, какими бы ни были их последствия, никто не несет никакой ответственности. В демократической политической теории утверждается, что избираемые руководители должны работать исключительно на благо общества, потому что в ином случае на очередных выборах их заменит кто-то другой, более достойный. В теории между политическими партиями и отдельными политиками должно существовать соперничество, которое призвано обеспечить ответственность и добросовестность народных избранников на занимаемых ими постах.

Политическая состязательность, которая якобы должна приучать руководителей к выполнению обязательств и усердию, существует лишь в демократической теории, а на практике тотчас возникают политические монополии, и власть очень быстро монополизуется. Другими словами, узурпируется. И руководителей начинают менять только кланы, стоящие у власти, но ответственность перед *народом* от этого все равно не возникает. Поэтому любой «народный избранник» принимает решения исключительно в интересах правящей верхушки и не несет за них ровным счетом никакой ответственности. При этом все политические действия прикрываются именем народа. Но сам реальный, а не абстрактный народ не имеет возможности с этого руководителя спросить. Любая современная власть не ответила перед своим народом ни за одну развязанную войну, ни за один теракт, ни за один финансовый кризис.

Другими словами, «демократия» – это система, при которой за решения правительства или, шире, власти как таковой отвечает реальный народ, потому что руководство формально избрано народом. Власть легитимизирует себя не от существующего народа, а от его отвлеченного образа, отдаленной идеи, не имеющей никакого отношения к действительности. Это система, когда «народные избранни-

ки» действуют от имени народа, но в интересах правящей верхушки, своего окружения, своих кланов и выгодных им деловых партнеров, и при этом принципиально не несут никакой ответственности за последствия проводимой политики.

Существует мнение, что демократия также обладает аристократическими элементами, что она – расширенная аристократия. Но этот взгляд также ошибочен. Демократия исходит из обезличенного равенства, то есть политическое право распространяется на всех. При этом меньшинство должно, безусловно, подчиняться большинству, которое одно является представителем государственной воли. Таким образом, «большинство» представляет собой некую механистическую государственную идею, требующую себе тотального повиновения. Между тем, «большинство», то есть людская масса, всегда и везде составляет наименее культурную и образованную часть народа, менее всего способную осознавать и осуществлять государственные идеи. Демократия как форма правления, по сути, предполагает нахождение власти в руках наименее духовной и образованной части общества. В обществе, называющим себя демократическим, всегда царствует количество, поглощающее и разьедающее любое качество. Поэтому демократия подразумевает полное растворение качественных составляющих, что ведет к господству индивидуальных особенностей обезличенных людей, не имеющих никаких духовных свойств.

Такое государство не может быть настоящим, так как основывается на несправедливой власти большинства людей, лишенных каких-либо идеальных качеств. Платон очень тонко уловил внутреннюю суть представителей демократии. Он иронически описывает демократа как «разбогатевшего кузнеца, лысого и приземистого, который недавно вышел из тюрьмы, помылся в бане, приобрел себе новый плащ и собирается жениться на дочери своего господина, воспользовавшись его бедностью и беспомощностью... Он часто нагл, разнуздан, распутен и бесчестен»¹. Именно такой демократия была в древности, и таковой она является и в наше время, достаточно посмотреть на «нетленные образы» любых парламентских депутатов. И если в современ-

---

¹ Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 270. (Платон. Государство 495e).

ном мире демократия является преобладающей формой правления, то это не означает, что именно так и должно быть. Безликая людская масса не содержит в себе даже задатков обдуманного решения. Она воспринимает только видимую цель и с легкостью следует за своими впечатлениями и страстями, которые ловко обыгрываются «понимающими» людьми.

Еще с одним незыблемым постулатом современных политических теорий – *частной собственностью* происходит примерно то же самое. Собственник бизнеса не несет никакой ответственности за последствия, к которым ведут принимаемые им решения. Если что-то рухнет, сгорит или кто-то пострадает от некачественной продукции, собственник отвечать не будет. Отвечать будут только наемные менеджеры и рядовой персонал, да и то лишь в случае каких-то явных нарушений стандартов, нормативов и техники безопасности. Не отвечает собственник и за судьбу персонала, который может лишиться работы в результате принимаемых им решений.

Экономическая теория говорит о том, что владелец полностью заинтересован в развитии бизнеса, поэтому будет всячески стараться, чтобы предприятия не сокращались, а расширялись. И еще будет пытаться сделать так, чтобы продукция была очень качественной. Кроме того, хозяин будет стараться, чтобы ничего не рухнуло и не сгорело, потому что это принесет ему убыток. Но это лишь теория. На примере недавней российской действительности мы видим совершенно обратное. Мошенники, приватизировавшие огромные предприятия, закрывали их вместо того, чтобы развивать. Потому что для получения быстрой прибыли оказалось выгоднее закрывать. И никто за это никакой ответственности не понес в полном соответствии с принципом частной собственности. В соответствии с тем же абстрактным принципом частной собственности владелец не несет ответственности за будущее своего предприятия, потому что это *его* предприятие – он поступает с ним по своему желанию или прихоти. Точно так же частный владелец не отвечает за качество выпускаемой продукции, и если для обеспечения прибыли нужно поступиться качеством – без колебаний идет на это.

В теории конкуренция должна вынуждать частные предприятия повышать качество и характеристики выпускаемой продукции. Но

на практике это происходит далеко не всегда. К примеру, натуральные продукты питания постепенно заменяются подделками, ибо так выгоднее, и никакая конкуренция этот процесс остановить не может. Потому что если всем конкурентам выгоднее производить пищевые суррогаты, то они, все до единого, без колебаний постепенно переходят на них. На практике конкуренция не всегда ведет к повышению качества и работает далеко не везде.

Но самое главное – никто из частных собственников не понес ответственности ни за некачественные автомобили, ни за экологические катастрофы, ни за пожары, ни за закрытие и перенос предприятий, из-за чего тысячи людей лишились рабочих мест, а кто-то и средств к существованию. Поэтому в частном бизнесе действует тот же самый принцип безответственности, что и в демократической системе. Механизм этой безответственности несколько иной, но результат тот же – частный собственник, как и руководитель, избранный по отвлеченным нормам демократии, не несет персональной ответственности за принимаемые решения. В результате мы имеем систему, когда власть составлена из так называемых «народных избранников», которые не отвечают за свои решения, а экономика составлена из частных корпораций, управляемых частными собственниками, которые также не отвечают за свои решения.

Абстрактный и безличный *владыка-народ* находится над законом и, следовательно, не может быть связан в своей деятельности какими бы то ни было ограничениями. Это создает деспотизм худшего рода, который наиболее опасен для культурного прогресса. Он приводит к тому, что возникает господство невежественных и хищных слоев общества над культурной средой. Тем самым некомпетентная и невежественная толпа устанавливает свои пагубные условия для лучших и образованных людей. Так как общая воля узнается посредством простой арифметической операции подсчета голосов, то доля участия лучших людей в народном верховенстве обращается в чистую фикцию. Меньшинство приносится в жертву большинству, количество торжествует над качеством. Поэтому современное государство являет собой резкий контраст богатства и нищеты, роскоши правящих и привилегированных классов и полного народного оскудения. Подобное

общество прогнило от основания и до вершины. Вся его культура зиждется на радикально ложном, никуда не годном основании и заслуживает безусловного осуждения. Чем ниже духовное и умственное развитие человека и общества, тем меньше они способны понимать Божественное и тем менее оно им раскрывается. Отсюда возникают столь безобразные и дикие проявления государственного управления. Их неприглядность состоит в главном противоречии между высоким предназначением человека и низменными формами государственного устройства. Задача истинной власти – не потакать сугубо физиологическим влечениям людей, а помогать им и способствовать выйти за пределы их ограниченной природы и мировоззрения.

Но для этого первоначальные цели и намерения власти должны опираться на вечные и абсолютные начала. Сухая и эмпирическая добродетель годится лишь для скучной проповеди, так как подлинная нравственность не заключается только во внешнем пристойном поведении. Человеку, находящемуся в животном теле, обычно свойственно следовать животным влечениям и искать исключительно свое личное удовольствие и пользу. Напротив, нравственное требование всегда предполагает усилие над своей физиологической природой, чтобы превзойти соблазны собственного удовольствия, эгоистической пользы. Отсюда становится понятным, что человек – это не только калейдоскоп физических явлений, он заключает в себе идеальные внутренние начала, о которые, в конечном итоге, разбиваются все софистические уловки.

Без метафизических начал весь мир выглядит как случайная игра неведомых сил, жертвой которых является человек. Демократия всецело полагается на самый непристойный материализм, под его влиянием люди погружаются в умственный мрак, из которого нет выхода. Чистая эмпирия сама по себе не несет никаких идеальных начал, поэтому из материалистических воззрений могут возникнуть только опасные галлюцинации. Этот воображаемый виртуальный бред не столь безобиден, как кажется, так как он подвергает человеческую природу коренному искажению.

Человек, помимо временного физического тела, заключает в себе осознание сверхчувственного мира. Он несет в чувственный

мир прообразы идеальных начал, законов, благодаря которым может воздействовать на физический мир, упорядочивая его в соответствие со своими целями. Эти абсолютные законы и есть источник всякой метафизики. Если же эти начала отвергаются человеком, то в своей сущности они ничего не претерпевают, а человек становится объектом влияния совершенно неупорядоченных, хаотических сил, где, в лучшем случае, он погружается в животный мир. Его разумная природа направлена на обслуживание этого животного состояния. Поэтому нет ничего удивительного в том, что материалисты представляют человека потомком обезьяны.

Феномены физического мира раскрываются перед нами благодаря внешним чувствам. Но это только часть человеческого бытия: кроме чувств в нем присутствуют явления внутреннего мира, познаваемые только тогда, когда человек от исключительной направленности «вовне», обращается на свою внутреннюю сущность. Постоянное желание человека ограничить себя физическими рамками приводит к искажению человеческого разума, который уже не предстает как активная сила, воплощающая заложенные в нем законы. Разум становится чисто страдательным началом, направляемым эмпирическими фактами, за которыми скрывается пустота и где наличествуют неведомым образом связанные, разнообразные случайные представления.

Произвольные явления претворяются в искаженном разуме в самостоятельные и самодовлеющие сущности, по сути, оторванные от своей целостной метафизической основы, дающей им смысл и значение. Эти произвольные феномены предстают как неустойчивые обрывки, и разум не в состоянии объединить их во всеобщую целостность. Такая «шаткость» эмпирического восприятия находится в неустрашимом противоречии с внутренними началами. Противопоставляя себя окружающей нас нераздельности, как единичный субъект, не связанный с единством мира, человек, оторванный от целостности, не открывает ничего нового, а впадает во все большую интеллектуальную смуту.

Из деятельного начала разум становится слугой внешних сил и колеблется из-за постоянно возникающих случайностей. В таком случае к неразрешимым внешним противоречиям присоединяется и

внутренний разлад, где человек ощущает себя существом, способным осознать в себе Начала, не имеющие ничего общего с окружающей природной средой, но безуспешно ищущим там ответы на вопросы, недоступные его пониманию. Разум уже более не освещается исходящим свыше светом, а, как слабый светильник, своим затухающим мерцанием бросает лишь бессильный отсвет на беспредельный, обступающий его мрак.

Попытка понять явления только с помощью органов чувств приводит к односторонности и, как следствие, к ложности выводов. Такой способ мышления является источником досужих фантазий, где каждый видит в исследуемом предмете только то, что ему угодно, что не имеет ни малейшего отношения к истине. Попытка рассматривать человеческое общество через чистую эмпирию приводит к тому, что из вороха собранного материала возводится здание, представляющее собой карикатуру на реальность.

Безумные материалистические идеи, проявляющиеся как различные социалистические и демократические теории, по сути, утверждают хаос. Уничтожив прежний порядок, эти хаотические силы подвигают людей на разрушение самих себя. Искаженный разум, предоставленный себе, не имеет уже никакой опоры, со страхом и отчаянием взирает он на довлеющие вокруг него разрушительные силы, которые он сам и породил и которые с неудержимой силой осаждают последние рубежи человеческого бытия, стремясь к своему окончательному торжеству.

Конечная цель различного рода «социал-демократий» заключена в сведении всех общественных положений, таких, как добродетель, государственные цели, к бесконечному и недостижимому стремлению к удовольствию. Поэтому критерием этой политической власти является бесплодная погоня за призраком максимального наслаждения для предельного количества людей. Достижение физиологического удовольствия, без нравственных ограничений и табу, приводит к снятию всяческих сдерживающих критериев, сама человеческая личность предстает мерилом и судьей собственных животных влечений. При таком взгляде право теряет свой метафизический смысл и превращается в игрище различных сиюминутных интересов, а государство

становится инструментом ограбления не имеющих власти властью обладающими.

Социалистические, материалистические идеи различной окраски представляют собой поверхностные и односторонние теории, словно набор пошлых, легкомысленных провинциальных анекдотов, чем и объясняется их быстрое распространение. Они не требуют никакой духовной и интеллектуальной подготовки, что необходимо для понимания положительной стороны вещей. Достаточно посулить людям неисчислимые блага и тем самым потакать их страстям. Широкий и основательный взгляд на вещи становится недоступным людской массе, она уже не может видеть, что за красивыми призраками скрывается ужасающая нелепость, смешение понятий, искажение любых начал. Глубокая и обоснованная мысль становится уделом не то что немногих, а достоянием единиц.

«Демократизация» мысли бесцеремонно отвергает любые прежние авторитеты как устаревший хлам, тем самым порождая фантастичность субъективного мышления. И это особо проявляется в области гуманитарных наук, наук о человеке. Неправильное и превратное суждение в точных науках сразу уличает дилетанта и невежу, так как такая наука требует серьезной подготовки и не менее серьезных знаний. В гуманитарной сфере каждый считает возможным судить о путях развития человечества. В результате, как из открытой двери сарая, заполненного старым хламом, высыпаются «либеральные», «демократические», «патриотические» и прочие бредни, выдающие абсурд за непреложные истины.

Искажение сознания, вызванное духовной и умственной неурядицей, позволяет с легкостью отказаться от всяких идеальных, метафизических начал, заменяя их бессвязностью полностью ненужных сведений или пропагандой самых разрушительных идей, воспринимаемых неподготовленными умами. Для этого не нужно размышления над книгами, достаточно небольших брошюр и средств массовой информации. Отсюда возникает почти сакральное отношение к журналистике, которая предлагает в простой и доступной форме готовый материал, выдаваемый за последнее слово науки, или обрушивает на обывателя поток трудно проверяемой лжи.

Под влиянием журналистики люди отвыкают от умственной работы, к которой остаются способны немногие. Человек теряет способность отличать то, что имеет подлинную цену, от того, что не имеет никакой ценности. Людская масса привыкает к легкомысленной болтовне, праздным суждениям, смакованию всяческих пошлостей из жизни нелепых людей, выдаваемых за образец поведения. Ужасает та масса искаженных понятий, которые выдаются за истины. Различные «сеятели» нигилизма и разрушения, созданные «демократической» средой, превозносятся как великие мыслители и писатели. Все это становится возможным из-за низкого уровня образования, умственной неразвитости, нравственной распущенности.

Высшие смыслы и идеи, воплощенные с помощью законов, являются душой государства, с их уничтожением гибнут и сами государства. Верный признак исчезновения смыслового наполнения государства – формальный юридизм, когда к закону подходят мошеннически: в соответствие с сиюминутной выгодой законы толкуются буквально, а в иных случаях предлагается не следовать их буквальному смыслу. В таких государствах царствует двусмысленность, шарлатанство, ловкачество и крючкотворство, приводящие к тому, что ложное становится убедительным. Вместо законных решений предлагаются противозаконные постановления.

Описывая подобные государства, Аристотель классифицировал верховную государственную власть по характеру, а не по форме ее правления. Он делил власть на правильные и неправильные способы правления, имеет ли власть в виду благо всех граждан или интересы одной группы населения. Это учение Аристотеля в дальнейшем получило развитие у Полибия, учившего, что всякая форма правления, будь то демократическая, монархическая или аристократическая, может легко вырождаться вследствие склонности людей злоупотреблять властью, а также в результате нравственной деградации отдельных правящих лиц и правящей верхушки в целом. Этот же критерий использует и Цицерон, который классифицирует политическую власть, исходя из ее сущности. Он делит ее на совершенную, лучшую и сносную (*perfecta, optima, tolerabilis*) власть.

Основываясь на этом учении Цицерона, можно сделать следующие выводы. Демократия не может существовать без гражданского

достоинства, в силу которого каждый жертвует своим благом ради блага целого общества. Крепость аристократического правления предполагает обдуманную умеренность правящего слоя. Монархия должна развивать в подданных чувство достоинства, которым она вознаграждает честных и деятельных служителей государства за недостающее им пользование первичными правами, имеющимися у монарха. Поэтому сущность *власти* прямо не зависит от формы государственного правления. Власть как институт, сама по себе, в любой форме может противостоять действительному положению общества. В зависимости от того, вступают ли деяния власти в противоречие с нуждами и положением (состоянием) общества или нет.

Судьба любого государства зависит не от формальных или случайных причин, а всецело определяется пониманием правящим слоем тех идеальных начал, которые присутствуют в непрерывном потоке бытийственных изменений. Нахождение этих идеальных оснований ведет государства к процветанию и благоденствию, а неисполнение – к гибели от внутренних и внешних врагов. И в одном, и другом случае судьба народов определяется не механической деятельностью стихийных сил, а свободной волей совокупности людей, образующих народ. Конечная судьба человечества не может быть определяема только произволом ограниченных человеческих существ, но предусматривается и предопределяется единственно предвидением и волей Бога. Поэтому политическая самобытность и независимое государственное бытие не есть случайность в исторической жизни народов, а есть дело Промысла Божия и условие наиболее успешного выполнения народом его исторического призвания.

Человек, способный различать истину и ложь, науку и невежество, удачную мысль и бессмыслицу, если сталкивается с нахальством, выдаваемым за талант, пустопорожней болтовней, испытывает к этим явлениям сугубое отвращение. Думающий и понимающий человек видит в действиях современной государственной власти одну лишь печаль, утеснение и оскудение смысла. Сама способность понимать – это трудная и тяжелая работа, требующая постоянных усилий умственных возможностей, тонкости мышления и изобретательности. Способность размышлять и правильно мыслить всегда была

уделом немногих, а ныне это участь последних **остальцевъ**. Само их существование в наше время достойно похвалы и удивления, они как скудная лампада, зажженная неумелыми руками, которая пытается озарить окружающую их необъятную и пустую область тьмы. Однако этот свет, практически невидимый в глубине и темноте, неожиданно высвечивает тончайшие основы бытия. И именно эти начала обладают высшей действительностью и достоверностью.

Осуществление смысловых начал власти в человеческом обществе

Говоря о метафизических основаниях власти, невозможно не указать на процесс осуществления этих начал в человеческом обществе. Это, в свою очередь, предусматривает наличие неких политических принципов, на основании которых происходит создание непосредственно самих государственных институтов. При формировании органов власти необходимо учитывать, что политические взгляды в своей основе предполагают определенный свободный выбор (προαίρεσις), зависящий от личного решения и намерения.

Эти индивидуальные устремления в совокупности формируют государственные органы, деятельность которых направлена или к всеобщему общественному благу, или к утопической реализации, непременно заканчивающейся тиранией. Например, всеобщее законопреступление, при формальном торжестве юридикзма, происходит в том случае, если политические основоположения и институты ставят на первое место ничем не ограниченное обогащение власти (ἐπὶ τῇ τοῦ πλεονεκτητεῖν προαίρεσει ζῶντες¹ «живущие ради наживы»²).

На основании того или иного выбора соответственно закладываются основы государственной власти, строятся принципы и планы политической жизни. Именно в этом смысле понималась политическая партия в античности. По причине изначально выбранных и установленных смысловых начал создаются различные школы, направления политической мысли и государственные учения. В зависимости от направления государственной власти жизнь людей может принимать (μετασχηματίζω) самый причудливый вид, способный менять и преобразовать сущностные основы человеческого бытия.

В этом смысле достаточно показательно одно из значений слова «политика», происходящее, в свою очередь, от древнегреческого

¹ Демосфен. Κατὰ Ἀριστοκράτους // In Aristocratem, ed. S.H. Butcher, Demosthenis orationes, vol. 2.1. Oxford: Clarendon Press, 1907 (repr. 1966): [621-693]. (Cod: 15,704: Orat.) Section127, line 8-9.

² Перевод наш. – А. Ш.

прилагательного *πολιτικός*, обозначающего одновременно как искусство управления государством, так и гражданские, государственные и общественные убеждения¹, а также государственного деятеля. Тем самым этот термин характеризует нечто необходимое для существования человеческого общества. В то же время данное прилагательное берет свое начало от слова *πόλις* (полис), которое, помимо известного значения «город», еще имеет значение «крепость», «цитадель». Если расценивать эти термины как метафору, то в отвлеченном смысле «крепость» – это некая смысловая и реальная твердыня, задачей которой является охрана и защита определенных ценностей.

В данном случае *полис* – это способность общества сопротивляться разрушению, внешнему и внутреннему давлению. В обществе, как труднорегулируемой, сверхсложной системе, происходят два противоположно направленных процесса: один ведет к разрушению общественной структуры, что приводит к беспорядку и хаосу, а другой – к оформлению системы общества, росту ее упорядоченности. Таким образом, социальный порядок возникает и существует в отделении от хаоса. Причем это происходит как во внешней общественной структуре, так и внутри самого общественного организма, где политическая организация создает равновесие всех социальных элементов и их взаимосвязи.

У человека нет никакой возможности в одиночку противостоять силам природного мира, которые всегда разрушительны для его существования. Поэтому человек, став частью общественной организации, проводит черту между собственной *живой* сущностью и силами враждебного ему физического пространства, в котором он находится. Тем самым общество *отгораживается* от сил неживой природы, стремящихся к уничтожению человеческого естества. С этой точки зрения становится понятен русский термин *город*, обозначающий выделенную (огороженную) и упорядоченную для человека область, пригодную для его существования. Но, помимо природных сил, внутри любой общественной структуры всегда находятся силы разрушения, выражающиеся в экономических, политических, религиозных и

---

¹ ἄνθρωπος φύσει ζῶν πολιτικόν (sc. ἔστιν) Arst. «человек по природе есть существо общественное».

культурных разногласиях. Эти, подчас непримиримые, общественные противоречия нуждаются в приведении их к равновесию. Установление баланса разнородных общественных сил также относится к функции государства (полиса).

Таким образом, *полис* – это, в первую очередь, выделение человеческой общности из целокупного, общего человечества, а также совместное противостояние неживой природе и социальным противоречиям. Государство – это всегда иное, сопротивляющееся и противоборствующее иному. Поэтому любое государство противодействует не только природным силам, но и внешним опасностям со стороны другого государства. Политическое действие также противостоит в обществе внутренним процессам, ведущим к разрушению. Поэтому *политика* (ἡ πολιτική) как государственное действие существует на незримой и очень трудно определяемой грани между противлением внутренней и внешней энтропии. И именно в этом смысле политика является *государственным искусством*¹.

И здесь сразу возникает вопрос, что такое *политика* как инструмент? *Политика* – это научное знание, наука (ἐπιστήμη), позволяющая достичь подлинного знания об искусстве управления. С другой стороны, *политика* как инструмент управления ограничивается исключительно ремеслом (τέχνη), когда политическое правление превращается в профессию. Безусловно, государственная деятельность – это всегда искусство и умение регулировать общество. Но технология управления, без достоверного знания идеальных начал, ведет к воплощению ложных целей и идей.

Такая власть – словно живое тело без души и сознания. Она не способна к подлинной созидательной деятельности и часто оказывается в руках людей, которых и близко нельзя подпускать к инструментам политической власти. В этом случае государственная деятельность политика становится источником манипулирования с применением хитрых уловок и приемов. В свою очередь, достоверное знание о природе и действиях власти противостоит неустойчивому мнению (δόξα),

---

¹ Платон. Государство 258c3, Горгий 521d 7 (Gorgias, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1903 (repr. 1968): St I.447a-527e.), Аристотель. Никомахова Этика 1084a27: «дела полиса, публичные или общественные дела».

задача которого производить впечатление, внушать ложную мысль о существовании призрачной и фантастической реальности. Поэтому техника власти не существует сама по себе, а всегда определяется некоей идеей, мнимой или подлинной.

Например, Аристотель определял политику в высшей ее форме как задачу осуществления благой и добродетельной жизни граждан. Макиавелли, напротив, учил, что политика есть не что иное, как искусство обретения и утверждения власти, вне всякой привязки к какой-либо определенной цели государства. В этой связи, если задаться вопросом, как понимал задачу «государственного мужа» (πολιτικός) Платон, мы обнаружим формальное определение: он должен заниматься делами полиса (общими делами). Соответственно, прилагательное «политическое» означало у Платона «общественное» в отличие от частного. Например, государственная справедливость стоит неизмеримо выше справедливости отдельных граждан. Исходя из этого, принято считать, что Платон поглощал частное в общественном. Но думать подобным образом было бы совершенно неправильно. Опасность платоновского представления о государстве заключена не в поглощении государством всякого частного интереса, а в сугубой отвлеченности самой государственной идеи. У Платона государство и есть главная идея и смысл человеческого общества, что привело в дальнейшем к очень опасной абсолютизации идеи государства.

Что же касается самого государства как института, то Платон считал, что отдельная, субъективная воля и действие каждого индивидуума, входящего в государство (полис), сами по себе разрушительны, так как не учитывают интересов других личностей. Все воли и желания граждан должны быть объединены «общими делами» (κοινά). И в этих «общих делах» государства должны участвовать все граждане, так как они обладают подлинной и весомой частью своей личности в «общем деле» (res publica). Платон на самом деле выступает против двух крайностей: с одной стороны, против государственной власти, поглощающей личность в политической стихии. С другой, против крайнего индивидуализма и нигилизма. Другими словами, государство и личность – это два пути навстречу друг другу, баланс интересов и дел. Только в этом смысле Платон понимал идеальное государство.

От истинного государственного мужа Платон требовал особой способности – «Πολιτική εἶναι ἡ τέχνη» («Политика есть искусство»). То есть политика как искусство, технологии управления, всегда должно быть основано на ἐπιστήμη – научном, достоверном знании, то есть способности распознавать и совершать то, что хорошо для государства¹. Поэтому государственная власть, не соблюдающая равновесия интересов граждан, называется тиранической. Тиран не просто деспот – это правитель, управляющий государством, не считаясь с вечными законами. Вернее, «тиран» – это тот правитель, власть которого основана на субъективных, формальных законах.

В подлинном государстве закон – это не формальный, юридический кодекс, каковой можно наблюдать в современных государствах, а установление взаимной пользы. Тирания же, напротив, есть узурпация не принадлежащих правителю или государству в целом прав личности и собственности. Поэтому настоящая задача политического искусства заключается в том, чтобы осуществлять, насколько это возможно, справедливость, законность и, одновременно, праведность (δικαιοσύνη).

Справедливость в государстве, при всей ее важности, возможна не просто в форме политического устройства, она может осуществиться только тогда, когда большинство граждан понимают, что является справедливым. То есть в том случае, когда государственная власть и граждане, взирая на истинно сущее, идеальное, смогут устраивать свою жизнь по его подобию. Поэтому так важна роль не только воспитания, но и выработки способности к добродетельному и логическому мышлению. Политика успешна лишь в том случае, когда благо государства сливается с благом личности. Если несправедливо государство, то так же несправедливы и его подданные².

Как мы уже видели выше, Аристотель определял человека как живое существо, предназначенное природой к жизни в государстве (ὁ ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον³). При этом под природой вещи (φύσις)

---

¹ Платон. Государство 258с 3.

² Аристотель. Политика 421 с 2-6 // *Politica*, ed. W.D. Ross, *Aristotelis politica*. Oxford: Clarendon Press, 1957 (repr. 1964): 1-269 (1252a1-1342b34).

³ Аристотель. Политика 1253 а 3-4.

Аристотель понимал тот образ, которого она достигает в своем окончательном развитии¹. Поэтому человек предназначен к жизни в государстве в том смысле, когда с помощью государства он может достичь полноты своего развития, своей конечной цели. Поскольку жизнь человека возможна лишь в государстве, она и составляет предмет политической науки.

В качестве блага для человека Аристотель рассматривал счастье (εὐδαιμονία). Счастье, в свою очередь, он определял как состояние, стремление к благой цели, поэтому состояние *счастья* является в этом смысле самодостаточным (αὐτάρκης). Аристотель все время подчеркивал, что человек живет в государстве не только из-за удовлетворения своих физических потребностей, то есть не просто ради жизни как таковой, но прежде всего – ради хорошей жизни. Таким образом, процветание государства возможно лишь в том случае, если его идеей является высшее счастье, блаженство (αἰ μακάρων εὐδαιμονία). Это счастье самодовлеющее, независимо, не нуждается в посторонней помощи.

Данная благая жизнь является основой любого государства, это внутренне присущая человеку имманентная цель, которая достигается путем правильной деятельности (πρᾶξις). Такая человеческая деятельность, политическая «практика», понимается, в первую очередь, как личное, и уже только потом как общественное дело. Практическая политическая деятельность личности должна стремиться к благоприятному результату, пользе. Причем она должна осуществляться действиями, а не словами (αἰ τῶν ἀγαθῶν πρᾶξεις). Полемизируя с учением Платона о добродетели и возможности ее осуществления, Аристотель подчеркивал, что цель (τέλος), которая занимает главное место в «политической науке», есть не познание, а действие (οὐ γνῶσις ἀλλὰ πρᾶξις)² – «благо», которое может осуществить и приобрести человек путем добродетельной жизни.

Главное для человека – не познать добродетель, а самому стать добродетельным³. При этом политическую практику следует отделять

¹ Аристотель. Политика 1252 b 32-34.

² Аристотель. Никомахова этика 1095 a 5-6 // Ethica Nicomachea, ed. I. Bywater, Aristotelis ethica Nicomachea. Oxford: Clarendon Press, 1894 (repr. 1962): 1-224 (1094a1-1181b23).

³ Аристотель. Никомахова этика 10103 b 27-29.

от всякого рода субъективного политического творчества (ποίησις), цель которого замыкается самим содержанием той или иной политической идеи. Политика (власть) является не субъективным, а метафизическим творчеством, созиданием, основанном на некоем идеальном, теоретическом начале, которое само является причиной перехода из небытия в бытие. Только в этом случае в политической, индивидуальной «практике» цель и средство сливаются в гармоничное единство, следствием которого является само благое действие – «деятельность души, соответствующая добродетели» (ψυχῆς ἐνέργεια κατ' ἀρετὴν)¹.

Обращение к высшим началам позволяет человеку определить, как ему следует действовать. Отсюда истинная добродетель в рамках политической науки связана, в первую очередь, с личной нравственностью. Поэтому в любом государстве его политическую деятельность должна определять этика. В первую очередь, именно этика, нравственность должны быть главной и основной частью всякой политической деятельности. В связи с вопросом о том, как человек может стать добродетельным или сделать добродетельным других, можно констатировать, что слова и поучения годятся для этого лишь в таких случаях, когда уже имеется природная предрасположенность к добру или привычка к нему с малых лет.

Но поскольку полагаться на природную предрасположенность невозможно, надо пытаться с помощью воспитания как можно раньше приучать ребенка к добродетели. Действенное воспитание – то, которое осуществляет государство посредством благих и хороших законов. Потому что оно сочетает побуждение и поучение с принуждением и угрозой наказания². В случае применения государственной силы Аристотель употреблял слово δεινότης (мощь, власть). Под этим термином он подразумевал всю государственную мощь, но при этом тесно связанную с нравственностью, а также искусством и мастерством управления. Именно в этом случае «благоразумием» Аристотель называл способность человека находить правильный путь к той цели, которую он выбрал, исходя из требований добродетели. Благоразумие предстает как способность суждения, правильного выбора,

¹ Аристотель. Никомахова этика 1099b26.

² Аристотель. Никомахова этика 1179 a33-1181 b 15.

без которого этическая добродетель не могла бы реализовывать себя. Таким образом, благоразумие порождает правильные связи, которые не следует путать с софистической «изобретательностью», для которой призрачная цель оправдывает все средства.

Предназначение человека как автономной личности может осуществиться только в обществе. Вначале человек объединяется в семью (οἰκία). Семья, помимо домашнего очага, продолжения рода и объединения домочадцев выполняет еще и экономические, хозяйственные функции, поэтому в рамках политики дом или семья являются частью государства. Другими словами, государство, следуя Логосу, Богу Слову, означаящему одновременно и Божественный, и человеческий разум, должно расценивать человека как личность, заключающую в себе идеальные (Божественные) начала, а не просто как подданных или безликую статистическую единицу. Государство и человек призваны реализовывать свойственную им природу, устраивая общественную жизнь на началах разума. Это подразумевает, помимо всего прочего, заботу как о своих ближних, так и об обществе в целом. Данное государство полагает в свою основу добродетель (ἀρετή), определяющую все превосходные государственные качества, например, такие, как доблесть, мужество. Тем самым не государственная машина, а нравственное и духовное совершенство определяет политическую силу и мощь.

Об этом прекрасно в свое время говорил Цицерон: «Как благоприятное плавание для кормчего, здоровье для врача, победа для императора, так для правителя государства служит целью счастливая жизнь граждан – с тем, чтобы она была обеспеченной средствами, богатой благодаря изобилию, великой, благодаря славе, и почетной, благодаря доблести. Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда»¹. Отсюда государственный закон (νόμος), любое политическое установление и законоположение должны быть продолжением и осуществлением вечных законов Божественного Разума. Государством невозможно управлять без Высшей Справедливости.

---

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М., Л, 1950. С. 121.

Высшая Добродетель – это не только абстрактное понятие, оно включает в себя практическую государственную мудрость (*prudencia*), а также необходимую, разумную заботу (*sapientia*) о собственной государственной выгоде или, как мы бы это назвали в наше время, защиту национальных интересов. В Римском праве *sapientia* обозначает не только разум, а нечто вроде «умной заботы о собственной выгоде». *Sapientia* позволяет увеличивать силы, приумножать богатства, расширять пределы государства, в то время как *justitia* (юстиция) предписывает беречь всех людей, заботиться о роде человеческом, воздавать каждому свое, не осквернять священного, общественного, чужого и т.д.

Таким образом, любое государство можно определить по степени использования мудрости, заключенной в искусстве управления, в правильной и полезной работе государственных институтов (*prudencia*), разумного достижения национальных интересов (*sapientia*) и принципов общей справедливости и добродетели (*justitia*). В совершенном государстве должно присутствовать равновесие между этими составными частями. Другими словами, эти тенденции в развитии политической власти определяют положительную действенность государства. Это привязка политической деятельности к цели общего блага (*beatitudo*), или всеобщего счастья. Взаимосвязь политики и этики в данной традиции сохраняется в виде убежденности в том, что эта цель может быть достигнута лишь при соблюдении нравственных, моральных заповедей.

Можно было бы сказать, что до определенной степени реализация цели благой жизни заключена в непосредственной добродетельности государственных средств и прекрасно устроенных институтов, с помощью которых она достигается. Но, как показывает история, данные элементы идеального государства часто находятся в неравномерном отношении друг к другу. Например, в европейском обществе, на протяжении всего периода его существования, господствовала традиция, которую можно обобщенно обозначить как «интересы государства». Основным ее признаком является то, что политика понимается как сфера, которая всегда автономна по отношению к морали или к метафизическим целям, лежащим вне ее самой. Политика представля-

ется здесь только как различные технологии для осуществления и утверждения власти.

Эту политическую тенденцию очень хорошо изложил Томас Гоббс. Необходимость государства как простой организации власти выводится из природы человека. Государство утверждается как автономный аппарат принуждения, не зависящий ни от какого религиозного самоопределения, но служащий единственной цели – сохранению мира¹. Поэтому результатом подобного политического взгляда на человека и человеческое общество является тот факт, что они были объявлены явлениями исключительно физической природы и в таком качестве становились предметами специального научного изучения. То есть люди, а также человеческое общество в целом, являются материальными и конечными предметами. То, что не воспринимается чувствами, не может существовать. Кроме того, человек по природе своей зол и алчен. На человеческую личность и нельзя смотреть иначе, если отрицать наличие в душе человека идеальных начал и объяснять в нем все личностные проявления лишь материальными представлениями и чувственными побуждениями.

Исходя из этих примитивных механистических выводов, Т. Гоббс считал, что внутреннее ослабление или распад государства происходят не благодаря несправедным поступкам его руководителей и граждан, а из-за недостатков самой государственной конструкции и институтов государства. Если государства разрушаются изнутри, то причина этого находится в людях не «в силу того, что они являются материалом, из которого составлены государства, а в силу того, что они являются творцами и распорядителями последних»². Гоббс ориентировался на научный идеал Нового времени, он верил, что возможно построить и политическую философию по образцу математики и таким образом сделать практическую политику делом технического мастерства: «Искусство строительства и сохранения государства, подобно арифметике и геометрии, основано на определенных правилах, а не только на практике (как игра в теннис)»³.

---

¹ *Koselleck R. Kritik und Krise. Freiburg, Munchen, 1959. S. 18 ff.*

² *Гоббс Т. Левиафан. Избранные сочинения, Т. 1-2. М.–Л., 1926. Т. 1, С. 160.*

³ *Гоббс Т. Левиафан. С. 162.*

Отсюда, главным принципом современного европейского конституционализма стала идея, что при построении или реформировании государств важно не столько воспитывать людей, сколько учитывать их дурную натуру и так умело конструировать государственное устройство, чтобы желанная цель: самосохранение, свобода, общее благо – достигалась вопреки этой дурной природе или, даже более того, с ее непреднамеренной помощью. По этому поводу английский философ Дэвид Юм в 1742 году писал следующее: «Политические авторы установили как принцип, что изобретая какую-либо систему правления и устанавливая несколько конституционных сдержек и противовесов, надо каждого человека считать беспринципным подлецом, не имеющим иной цели в своих действиях, кроме личного интереса. Через этот интерес мы должны управлять им и с помощью этого интереса сделать так, чтобы он, вопреки своей ненасытной жадности и амбициям, содействовал общественному благу»¹.

Из трех элементов государства в этой схеме совершенно отсутствует первый и основной элемент – справедливость (*δίκαιοσύνη*, *iustitia*). Вернее будет сказать, что он присутствует формально, как некая ни к чему не обязывающая декларация, абстрактное понятие. На первом месте в европейском восприятии власти всегда находится сугубо практический интерес (*sapientia*), достигаемый благодаря технологиям (*prudencia*). Отсюда не всегда понятная для внешнего наблюдателя некая постоянная двойственность, наблюдаемая в европейских политических теориях. С одной стороны, декларация общего блага (справедливость, демократия, права человека и т.д.), а с другой – ничем не ограниченный расчет на получение практического результата. Это то, что в Римском праве называлось «благоразумным» (*prudenter*), а не «справедливым» (*juste*) актом. Поэтому все европейские политические тенденции, несмотря на свое различие и непреходящую двусмысленность, всегда прекрасно уживались и сосуществовали в европейской политике.

В случае, когда «справедливость» (юстиция) реализуется в государственной политике, это создает возможность для истинной поли-

---

¹ *Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Part. 1, Essay 6 // The Philosophical Works. London, 1882. Vol. 3. P. 117.*

тики, понимаемой как благоразумие. Рассудительность – это умение хорошо представлять себе выгоды правителя и государства, держащихся в рамках веры и верности, не причиняющих другим никакого вреда. Без этой главной составляющей государства политические технологии и практический интерес становятся ложной политикой, ищущей своей выгоды, при необходимости совершенно не избегая обмана и не стесняясь насилия. То есть истинная и ложная политика различаются в своей сути уже не по своим целям, а основываясь прежде всего на выгоде.

Но преобладание исключительно абстрактных, метафизических начал, без возможности их действительного воплощения, также не менее опасно для государства. Это легко можно доказать на примере средневековых политических теорий. Попробуем исследовать, откуда могло появиться господство отвлеченных понятий в государственной практике, приведшее затем к сугубому политическому позитивизму. По учению католической церкви, Христос провозгласил скорое наступление Царства Божьего – царства, которое «не от мира сего»¹. С этим утверждением порядок мирской власти терял всякую значимость. Для стремления человека к спасению души мирская власть никакого практического значения не имела. Осуществление подлинного предназначения человека никак не зависело от успешности и справедливости мирских установлений.

Фома Аквинский считал, что для торжества христианской добродетели надо добиться, чтобы любой правитель ей следовал, и тогда его власть, в конце концов, приведет всех граждан к вечному счастью. Легко напрашивается следующий вывод: власть просто обязана вторгаться в духовную жизнь человека, указывая ему путь к вечному блаженству, с точки зрения самой государственной власти, вернее, ее субъективной интерпретации Высшего Начала. Отсюда достаточно легко увидеть переход к чисто материалистическим и механистическим политическим теориям Нового времени. С одной стороны, мы видим абсолютную незаинтересованность в практической, мирской жизни, когда «спасение души» и стремление к метафизическим высотам преобладают над всякой земной, человеческой жизнью, а с другой

---

¹ Мф., 4, 17, Ин. 18, 36.

стороны, постепенно получила распространение другая крайность – утверждение физиологических и психических устремлений человека как абсолютных. В соответствии с последней точкой зрения человек рассматривается как биологический и социальный механизм, поэтому с целью воздействия на него к нему могут быть применены различные социальные и политические технологии.

Использование при построении государства только политических технологий управления, какими бы успешными они ни казались, на самом деле уничтожают саму идею государства. Тем самым создается такое политическое устройство, которое избавляется от всего, что относится к обществу. Человеческое общество превращается в отвлеченную величину, а основополагающие политические идеи – в инструмент для общественных манипуляций.

Например, идеи свободы подразумевают не избавление человека от дурных склонностей и пороков, а повсеместное следование им. Наука, знание и умение направляются только на установление формальных границ существования человека в обществе. Тем самым индивидуальная воля становится нормой гражданского общества, его законодательной основой. Ей повсюду придается априорный смысл. Человеческая личность в ее наличном, несовершенном виде является абсолютной единицей, которую не имеет смысла улучшать. Возникает желание юридически (здесь – формально) рассчитать действия гражданской личности, чтобы не нарушать внешнюю свободу остальных людей.

Исходя из этой теории, людям не следует указывать, в чем заключается их подлинное счастье и наслаждение. Место высшей справедливости занимает ничем не ограниченная индивидуальная справедливость и утверждение собственной безраздельной свободы по отношению к любому суждению. Принято считать, что представления о зависимости человеческой личности, ее слабости, неустойчивости, противоречат достоинству человечества, потому что лишает человека самого большого наслаждения, которое может быть достигнуто только тогда, когда человек сам, своими силами и по собственному разумению добивается своего счастья. Правда, если внимательно присмотреться к предлагаемому нам глобальному обществу, то можно с

некоторым изумлением обнаружить, что подобная «свобода» и «счастье» оказываются призрачными иллюзиями.

Весь современный культурный круг интересов фанатично и агрессивно пытается утвердить ничем не ограниченную порочную свободу любых желаний индивидуума. Утверждение абсолютной самодостаточности человека отвергает любую феноменальность Абсолютного. Становясь абстрактным, понятие «свобода» включается в понятие «природы», которая есть не что иное, как *res extensa*, протяженная вещь, скучное, темное бытие. Из духовного понятия *свобода* становится материальным *телом*, получает свое овеществление, включаясь во внешнее величие природного мира. Человек не разделяет Божественного Смысла природы, за исключением чисто физической принадлежности к ней через тело, но уже и сама природа больше не разделяет его внутренние интересы.

На первый взгляд, подобная формально-юридическая позиция предполагает отказ от руководства и опеки со стороны государства, но на деле государственная забота никуда не делась. Внешне государственный контроль принял совершенно другие формы и положения. По сути, это сугубо авторитарный, тиранический режим, ловко скрывающий свою сущность. Казалось, нет ничего плохого в том, что государство предоставляет индивиду как можно больше свободы, ограничиваясь теми мерами, которые необходимы для того, чтобы обезопасить граждан от самих себя и от внешних врагов. Но на деле субъективная, изменчивая и неустойчивая свобода пришла на смену *всеобщему счастью и благоденствию*, как с античной, так и с христианской точек зрения. Свобода обозначает в данном случае установление современным государством четко определенных узких пределов, куда помещается человеческая личность, а политика превратилась в технику обеспечения несменяемости государственного аппарата.

Благодаря формализации права, которое повсеместно приобрело априорное значение, современная либеральная концепция гражданского общества сокрушила границы традиционной политической философии, признала и вобрала в себя свободу как неотчуждаемое право всех людей. Сущность человека, заключающаяся в том, что он

является субъектом права, *лицом*, определяет теперь гражданское общество, а не наоборот, когда *лицо* определялось правами человека в гражданском обществе, имеющими связь с Вечностью. То есть всякая воля является частью совокупной воли общества и каждая личность управляется совокупной волей лишь постольку, поскольку связывает свою собственную волю с волей других. На самом деле, формальной «воли общества» не существует, есть некие установочные взгляды, навязываемые определенной группой людей, имеющих в своем распоряжении властные полномочия.

Опасность подобных политических представлений была ясна еще римскому историку Тациту. Он в одной сжатой фразе выразил все последствия современной «либеральной политической революции»: *Un imperium evertant, libertatem praeferunt, si perverterint, libertatem ipsam adgredientur*, то есть: «Для уничтожения государства (его авторитета и верховной власти – *imperium*. – *А. III.*) на первый план выдвигают свободу, а в случае успеха набрасываются, в свою очередь, и на нее»¹. В такой отвлеченной, формальной системе государственного устройства очень трудно, если не сказать – невозможно, обеспечить каждой личности такую меру свободы, какая может существовать наряду со свободой остальных индивидуумов. Там, где произвол отдельного человеческого суждения является в теории абсолютным, не может произойти общественного единения, основанного на всеобщем благе. Подобное государство на практике может быть только деспотичным, причем деспотизм часто принимает разнообразные, внешне не похожие друг на друга конфигурации. Политические формы, при всем их различии, объединяет произвол какой-либо одной личности или отдельной группы, партии и т.д.

Политические теоретики, которые своими кабинетными «теориями» ставят себя как бы «вне государства», полагают, что существует такая механическая, Архимедова внешняя точка опоры, через которую можно «подсунуть куда-то рычаг» и с его помощью «приподнять государство и вдеть его в правильные петли». На самом деле все аналогичные политические теории являются не чем иным, как политиче-

---

¹ Тацит К. Разговор об ораторах. Сочинения Корнелия Тацита. / Пер., ст. и прим. В. И. Модестова. СПб., 1886–1887. Т. 1–2. Т. 2, С. 124.

ским шарлатанством, в духе небезызвестного Парацельса, собиравшегося делать людей в пробирке.

Политика не ограничивается установлением того или иного государственного строя. Само же государство не может рассматриваться как инструмент, служащий только достижению комфорта и удовольствия, то есть полезное средство достижения какой-то находящейся вне его цели. Наоборот, государство представляет собой полную совокупность всей жизни своих граждан, тотальность человеческих дел, соединенных в одно живое целое. Искусственно отделить «человеческий» характер от «гражданского» невозможно ни в чем. В конечном счете, цель государства – помощь в установлении идеального, небесного порядка в человеческом обществе. Необходимо создать подлинное духовное единство между людьми, то есть образовать державу, в которой были бы объединены друг с другом все составные элементы человеческого общества.

В этом случае государство представляется не только как формальный набор законов и постановлений, но предстает как живое существо, а сама власть – как сконцентрированная жизненная сила. Такой взгляд на государство позволяет раскрыть все заложенные в него возможности, в том числе и те, которые не служат непосредственному осуществлению физического насилия. Кроме того, государство следует рассматривать не только как объединение живущих людей, но вместе с тем и как целое, включающее в себя ушедшие и грядущие поколения, так как государство находится в непрерывном развитии. Подмена закона, имеющего свои основания в идеальном, вечном мире, идеей естественного закона (*lex naturalis*), стоящего выше народа, правящего слоя и самого государства, приводит к тому, что на гражданское общество (*Πολιτικὴ κοινωμία*, *societas civilis*) распространяются законы из мира неживой, физической природы. При этом мало кто обращает внимание, что Космос враждебен не только органической жизни, но и духовной природе человека.

Гражданское общество, построенное на началах физической необходимости, переносит ее законы на отдельных граждан (*cives*), которые формально рассматриваются как самостоятельные члены политического общества, а по сути воспринимаются политической властью

как бесчувственные, мертвые объекты. Таким образом, любое объединение граждан, или «община граждан», подчиняясь определенной форме политической власти, зависит не от самой этой формы, а от того, что правящий класс государства рассматривает в качестве своих основ: механическое движение тел или некие метафизические основы, находящиеся за пределами нашего чувственного восприятия.

Принятие того или иного образца (*παράδειγμα*) политического устройства позволяет определять высшую точку, пределы исполнения власти, права, имеющих законную силу и полномочия. Главное здесь не внешняя форма, а внутреннее, сущностное ее наполнение. Если предельно обобщить названные модели общества, то и в той, и в другой политической парадигме можно без труда увидеть, например, одни и те же представления о свободе и равенстве, одинаковость и тождественность публично-правового устройства (*κοινόν, res publica*). Однако понятие «гражданское общество» в этих различных политических объединениях, при всем внешнем сходстве, имеет совершенно разные цели и иной процесс полагания этих целей. При схожести и общности теоретических форм данные «гражданские общества» внутренне совершенно различно выстроены и структурированы.

Представим, что в той и иной модели государства существует общность граждан, которые связаны друг с другом как свободные и равные люди, но при этом подчинены различной по своей сущности политической власти. В правовом смысле, и это прописано в различных «конституциях», считается, что граждане являются носителями государственной власти. При этом устройство государства, которым управляет человеческий закон, основано на процессах, происходящих в «неживой» природе, что совершенно отлично от устройства гражданского общества, управляемого Божественным Законом.

С точки зрения природного Космоса человек совершенно теряется в безбрежности пространства, которое чуждо и враждебно ему. Поэтому его духовный горизонт ограничен тотальными рамками его земного бытия. Человек, отождествляя себя с безграничностью космических пространств и времен, предстает как незначительная величина по отношению к этому чуждому, обширному пространству, которое он даже не может объять своим разумом.

Вселенная равнодушна к любым человеческим стремлениям. Поэтому нелепым выглядит отождествление себя с миром, для которого безразличны человеческие дела. В результате в обществе, построенном по этому образцу, человек воспринимается властью как совершенно незначительная величина, существование или уничтожение которой не приносит никакого ущерба силам безмерной и слепой природы. В таком государстве бытие человека подвержено слепой случайности, его жизнь не менее слепа, чем возможность его уничтожения. С одной стороны, ничтожность человеческого бытия позволяет власти не соотноситься с человеческой жизнью, а с другой, сама человеческая личность остается в полном одиночестве. Если природа мертва, слепа, ее механические законы – плод случайности, то ее «забота» о человеке – сделать его также «мертвым», а жизнь его «случайной». Итогом всего этого является то, что человеческая сущность выступает как некий продукт всеобщего безразличия.

Общность, управляемая Божественным Законом, есть одновременно общность людей и Бога, в настоящей и будущей жизни. Поэтому жизнь в таком государстве не принадлежит к абсолютным целям человека, но она есть средство, имеющее место лишь при определенных условиях, для основания совершенного общества. Человек, существующий во времени и при убийственном безразличии темных космических пространств, имеет свой исток в вечности, а потому его цель находится также в вечности. Существует прошлое и будущее, откуда мы пришли и куда стремимся, а сам момент настоящего есть только краткий миг существования в природном мире, мире, который создан не для человека и законы которого противостоят человеческой природе.

Сакральный язык христианской теологии и Церкви испокон веков говорит об *общности святых*, об общности всех людей с Богом. Государство, основанное только на юридических положениях, недостаточно и ущербно. Подлинное государство устанавливается человеком не только как существом, наделенным разумом, но как индивидуальностью, представляющей собой сущность, а не понятие. Только тогда возможно освободить человека от оков природного инстинкта, заменить принудительные обязанности облагораживающими нравами и обычая-

ми. Именно благие нравы определяют цели индивидов в единую цель, сохраняющую и развивающую общественное целое. Они гарантируют каждому безопасность и свободное самораскрытие в рамках добровольно взятых на себя ограничений. В таком государстве *гражданское общество* становится тождественным и синонимичным как *государству* в целом, так и существующей форме политической власти.

В ином случае *гражданское общество* и *государство*, как раз наоборот, противопоставлены. Примером может служить любое современное государство. В наше время термин «гражданское общество» обозначает свободное от государства и удаленное от политики пространство того общества, в котором вместо политического господства человека над человеком допустимо лишь экономическое господство над вещами (на началах свободы личности и собственности). Власть утверждается через собственность человека над вещью и, соответственно, над теми людьми, которые не имеют собственности, а владеют лишь своим телом как рабочей силой. Человек становится вещью, товаром или функцией. Возникают имущий класс и неимущий класс. И тот, и другой подчиняются законам «рынка». Гражданское общество стало обозначать уже не свободный от всякого господства союз личностей, а объединение собственников, подчиняющихся формальному закону. Отсюда, человеческая личность *овеществляется*, погружается в материальную иерархию количества, где властвуют вражда и антагонизм.

Государство и общество уже не строятся по аристотелевскому принципу, который ранее считался образцом политического устройства и который по-прежнему остался непревзойденным по своей всеохватности. Аристотель считал, что среди людей существуют самые разные формы объединения и одна из них есть истинно независимая, царящая над всеми остальными, так называемое «политическое» общество: «Это общение и называется государством или общением политическим»¹. Именно общность граждан, объединившихся ради добродетельной и счастливой жизни.

Гражданское общество базировалось не на насилии и угнетении, не на имущественном расслоении, не на количестве доступных для

---

¹ Аристотель. Политика 1252a 6-7. М., 1984, Т. 4.

телесного комфорта технологий, а на добродетели, устанавливающей сами принципы права. Аристотель отличал от всех остальных гражданское общество, которое своей основой имело человека как свободного субъекта, а носителями власти – граждан как равных между собой субъектов. Добродетель и вытекающая из нее справедливость есть единственное основание силы и долговечности государства, а также единственный вид уз, скрепляющих человеческое общество.

Таким образом, государство, по крайней мере, в его отношении к другим государствам, понималось не как абстрактная или географическая величина, а как духовное и интеллектуальное объединение людей. В других случаях государство рассматривалось еще более конкретно, проецируясь на индивидуальную личность, атрибутами которой считается все разнообразие земель и подданных, доходов и вооруженных сил, интересов, прав и обязанностей. Именно с этой точки зрения надо понимать основу христианских представлений о мире. Христианский мир, как и отдельная община, называются *народом* (*λαός*, *populis*) Божиим, а язычники – *народами* (*ἔθνος gentes, nationes*). Поэтому понятие *народ* значило нечто более высокое, чем общество, говорящее на одном языке и основанное на юридическом понимании нации как совокупности подданных. Народ – это собрание тождественных друг другу личностей, обладающих душой и особой индивидуальностью. При таком рассмотрении люди перестают быть множеством, массой, беспорядочным скопищем, легко управляемой толпой (*ὄχλος*).

Народы являются одновременно еще и подлинными носителями общеисторического развития, направляемого Провидением (проникновение Божественных Идей в нации). Провидение устанавливает каждый народ на своем месте, ибо каждый народ имеет в себе свои установления прав, свою меру счастья. Поэтому идеологи в высшей степени дерзко присваивают себе неподобающие полномочия, если полагают, что, взяв в руки «отвлеченные весы» своих мнений, могут определять квинтэссенцию всех времен и народов.

В соответствии с метафизическим взглядом на власть первоначальный элемент политического и экономического управления возникает не на основе субъективных представлений личности, а в том

случае, когда люди объединены в первоначальную духовную и хозяйственную единицу – *дом* (οἶκος). С одной стороны, *дом* – это материальное укрытие человека, его обиталище, жилище, защищающее его от сил природного хаоса, с другой стороны, это имущество, некое вещественное и осязаемое состояние, принадлежащее людям, объединенным в семью и род. То есть это объединение людей, связанных кровными узами. *Дом*, тем самым, представляет собой первичную общественную иерархическую структуру, где человек уже не остается один на один с темными и слепыми силами природы. Но *дом* обладает еще и духовной составляющей, духовным единством. Это духовное начало всегда за пределами физического бытия, но именно оно и определяет саму реальность: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его»¹ (**Аще не Гдѣ созиждет домъ, всеѣ трудящася зиждащїи**²).

Только из *дома*, *семьи*, *рода*, связанных духовным и материальным единством, может возникнуть государство и его институты. Но все усилия по созданию государства безрезультатны, если они направлены против Бога. Как ни велико старание человека, как ни плодотворен человеческий гений, без покровительства Всемогущего Существа все государственное строительство заканчивается неудачей: «Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж»³ (**Аще не Гдѣ сохранитъ градъ, всеѣ вѣдѣ стрѣгїи**⁴). Если в государстве нет идеального начала, то остается либо формальный закон, либо насилие, либо закон и насилие вместе. Закон должен соотноситься с Высшим Началом, если он легемитизирует только самого себя, то в нем не обнаруживается ничего, кроме насилия.

В государстве, строящемся исключительно на вещественных началах, существуют не *граждане*, то есть люди, оградившие себя от внешнего и внутреннего хаоса с помощью государства, а *подданные* власти. Власть теряет всякий суверенитет, который эволюционирует в суверенитет «государства», а гражданская личность становится «госу-

---

¹ Синодальный перевод.

² Псалом 126.

³ Синодальный перевод.

⁴ Псалом 126.

дарственной личностью». По отношению к носителю высшей власти, без которой гражданственность была бы лишь пустым словом, такие граждане могут быть только подданными. В данном государстве ничего не значат ни представление о гражданине как человеке, являющемся хозяином себе самому (*sui juris*), ни представление о естественной иерархии общества, здесь присутствует только безоговорочное «подданство»¹. Поэтому всякое социальное и политическое объединение людей в таких государствах происходит из желания приобрести выгоду (*utilitas*).

Индивид, которому Творец дает исконное и первое право на самосохранение (*город, гражданин*), уже не является частью целого, человек изгоняется из *отгороженных* пределов в пределы государственной тирании. В материалистическом государстве любой общественный договор – всегда договор о безграничной власти, которую можно получить, обладая вещественным состоянием или близостью к властным институтам. Связи между людьми сводятся к отношениям собственности, которая, в свою очередь, определяет всякий союз между индивидами. Правом членства в таком «гражданском обществе» не обладает тот, кто не располагает властью. Правоспособность человека вытекает не из того, что он является человеком, а из того, что он собственник прав, вещей и т.д.

Иной тип государства не существует как автономное начало, он мыслится как некое объединение, составленное из граждан (*πολίτης*), а не подданных. Гражданский союз (*unio civilis*) называется обществом, когда между духовной составляющей власти и государственными институтами существует некое реализуемое духовное братство, изначально отвергающее всякую сущностную субординацию между правящей верхушкой и гражданским обществом. При этом с формальной стороны остается иерархия подчинения. В силу сущностного *содружества* общество людей является тождественным и рассматривает друг друга как равных, но при этом все подчиняются общим для всех законам. Проявления *господства* и *подчинения* не отменяют подлинного равенства. Сущностная, духовная тождественность позволяет уничтожить принципиальное различие между властью и народом

¹ Hobbes Th. Leviathan. 2, 3. London, 1651.

и не позволяет далее сохранять общепринятое понимание гражданского общества как общества господства (*неравного общества*). Здесь становится неважным договор между составными частями политического общества, само соединение *свободы и принуждения*. Смысл *господства* и *подчинения* выводится на совершенно иной уровень, чем повсеместно существующие формальные, политические установления.

Свобода и принуждение не противопоставлены друг другу, как в новейшей теории естественного права, но связаны в понятии правомерной, обеспечивающей свободу каждого, принуждающей власти. Такая власть происходит а priori от тождественной, духовной воли всех граждан, то есть из норм, установленных не условным человеческим разумом, а связью с Высшим Началом и его восприятием. Именно такая норма должна прилагаться ко всем общественным и государственным отношениям как мерило их правомерности или неправомерности. Говорить о государстве и гражданском обществе можно только тогда, когда некое исторически данное общественное устройство соответствует универсальному, нормативному мерилу, реализуемому в человеческом праве. Согласно этому, представление об обществе и воля каждого гражданина должны быть согласованы сами с собой и с определенным внутренним идеальным началом, и только после этого они вступают в область юридического права. Целое и общее в государстве не должны отличаться от частного и индивидуального.

Отсюда всякий формальный договор (*factum*) без взаимной связи человека и Высшего Начала по своей сути ничтожен и недействителен. Только на этих *априорных принципах* возможно существование подлинной свободы каждого члена общества. Именно независимость от замыкания человека на собственном «я» позволяет достигнуть подлинного равенства с каждым другим членом общества. Указанные принципы раскрывают и создают настоящую, а не призрачную самостоятельность каждого члена общества как гражданина. Утверждение подлинной свободы подразумевает полную бессмысленность приоритета той или иной формы государственного устройства. Их существование определяется, как правило, историческими особенностями

развития общества. Настоящая свобода человека, не замкнутого границами физического существования, сущностным образом отличается от свободы довлеющего эгоизма.

Свобода относится не к самому человеку, к его частному интересу (личному счастью) и его частному произволению. В основе понятия *свобода* лежит не только конкретное впечатление или ощущение, а высшее, мистическое начало, преимущественное право, свойственное Божеству. Только в этом смысле, обретая свободу, человек приобретает возможность преодолевать жизненные препятствия, все бедствия человеческого существования: принуждение, неизбежность и уготованную человеку судьбу, то есть господство всемогущей природной причинности и закономерности. Полное равенство людей возможно в случае равной подчиненности общему для всех закону (κοινός νόμος φύσει δίκαιον), даруемому не государством, а высшим, объективным и запредельным Началом.

Настоящий государственный порядок возможен в том случае, когда человек воспринимает себя как неизменную духовную сущность. Осознавая себя в качестве высшего субъективного начала, человек соотносится с верховным объективным принципом, Абсолютным Бытием – Логосом, Иисусом Христом, Богом Словом, но не отождествляет себя с Ним. Именно это *понимание* и дает состояние истинной свободы. Поиск *свободы* на «путях человеческих», когда формальная и индивидуальная свобода определяется как поиск своего, сугубо личного счастья, не наносящего ущерба свободе других людей, не может стать свободой для всех. Здесь всегда будут присутствовать «господа» и «подданные».

Невозможна никакая независимость человеческого (гражданского) общества от государства. Между государством и гражданским обществом существует причинная, или казуальная связь. Истинное государство умножает, стягивает, сплачивает, берет под свою защиту, укрепляет узы человеческого общества в отношении к его членам. Поэтому государство должно относиться к обществу, как средство к цели. Люди в государстве являются независимыми как личности, но при этом заключены в пределы тяжелых государственных обязанностей, ограничены собственностью, образованием и т. д., но все гражд-

дане в государстве имеют право на политическую власть. Это возможно, когда народ осознает свое настоящее предназначение и значение власти, а не когда покорно воспринимает себя исключительно как «подданных».

В этой связи, на наш взгляд, было бы чрезвычайно полезным рассмотреть древнегреческий термин *κοινωνία*, означающий «взаимоотношение», «соучастие», «общение», «связь» и подробно разработанный Аристотелем в его практической философии, охватывающей этику и политику. Хотя Аристотель придавал понятию права основополагающее значение в деле образования «обществ», или «общностей», между людьми, все же *κοινωνία* – не правовое обозначение¹, а дополнение к понятию «господство» (*ἀρχή*). Под *κοινωνία* Аристотель понимал иерархическую степень и духовную готовность для объединения отдельных людей в общество.

Таким образом, еще с античных времен *общность* людей, человеческое общество рассматривалась, в первую очередь, как духовное господство человеческих взаимоотношений (*ἡ ἀνθρωπίνη κοινωνία*), а не господство, как ныне, формального, юридического права. С этой точки зрения именно человек, а не государство является началом, основанием, первопричиной и принципом государства, а также целью всех политических институтов. С *κοινωνία*, то есть со сферой человеческих отношений, связаны и другие греческие термины – *φιλία* и *δίκαιον*. Само *господство*, политическая власть, должно основываться на началах *любви* и *привязанности* (*φιλία*), именно на этих двух началах строится справедливость и определяющее ее право, а также гражданские обязанности (*δίκαιον*).

Всякое общество является либо обществом равных, либо неравных. Равных – когда у одного столько же власти и возможностей, сколько у другого, неравных – когда один правит другим. Отсюда, всякое общество является либо неограниченным в своих проявлениях, либо ограниченным. Неограниченное общество рассчитано на достойное поддержание жизни и на общее благо. Ограниченное общество рассчитано на определенное экономическое намерение – например, торговлю, судоходство, военную службу и т.д. В последнем случае

¹ Данный термин можно сравнить с латинским *societas* в Римском праве.

государство и составляющее его гражданское общество развивает и упрочивает исключительно свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоды общества. Отсюда возникает пагубная для человеческого общества иллюзия, когда оно принимает во внимание лишь свою собственную выгоду, что неизбежно приводит его к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу.

Принято считать, что, преследуя свои собственные интересы, тот или иной член общества часто более действенным способом служит интересам всего общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им. Таким образом, общество рассматривается как собственный субъект цели, который независимо от государства управляется законами «рынка», имманентными для экономической деятельности. Хотя общество и остается подчиненным объективному ходу некоего «природного порядка», призванного гарантировать компромисс между конкурирующими интересами, все же этот порядок предполагает такое явление, как общественный «беспорядок» – случайность субъективных действий. Власть по-прежнему строится как отношения «верх-низ», постоянно фиксируемые на протяжении всей диахронии. Правящим слоем становятся собственники, которые благодаря деньгам получили политическую власть и юридически властвуют над неполноправными низшими слоями. Здесь не идет речи о властвовании правителей над собой, возникает противостояние между теми, кто «внутри», и теми, кто «вовне». В итоге в обществе получают развитие низменные инстинкты массового сознания, которые уже невозможно нейтрализовать посредством разумных политических воззрений.

Государство как посредник между Богом и человеком

Вглядываясь в историю христианских представлений о государстве, мы убеждаемся в том, что в основе их лежат универсальные вечные истины, что христианская философия с самого начала не была лишь бесплодной умственной гимнастикой, но познавала истину в исторически необходимых формах. Христианское учение о политической власти в своем развитии пришло к известным положительным результатам, раз навсегда раскрыла в сознании человечества ряд важнейших метафизических истин, которые и были усвоены последующими европейскими политическими теориями. Тексты Священного Писания дают нам возможность проникнуть вглубь той универсальной политической системы, которая была создана на христианской основе. Выяснение этих универсальных начал и составляет главную задачу нашего исследования. Само собою разумеется, что раскрытие этих начал дает возможность выяснить многие стороны христианских представлений о власти, которые до сих пор оставались в тени или вовсе игнорировались, и объяснить исторические факты, доселе оставшиеся без объяснения.

При этом совершенно очевидно, что библейские тексты не дают вполне определенного ответа на природу власти, что приводит к появлению различных, порой противоречивых толкований. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о власти не может быть разрешен *снизу* (с *долга*), через какое-либо политико-религиозное учение о государственной власти. Государство в своем политическом бытии имеет вечную тенденцию к изменению и трансформации, а законы христианской жизни, напротив, вечны и неизменны. Вопрос взаимоотношений христианства и власти надо рассматривать не с позиций политического рационализма, а с точки зрения метафизического предназначения власти, то есть *сверху*, с *горнищ* вершин.

Примером такого рассмотрения могут служить книги Ветхого Завета. В 1-й книге Царств рассказывается, как израильский народ обратился к Самоилу с просьбой поставить над ним царя. Самоил со-

глашается, но предупреждает избранный народ о последствиях политического установления.

И рече Самонъ вса словеса Гдѣна къ людемъ, просащимъ ѿ него царя. И глагола имъ, се есть оправданіе цареву, иже црѣтвуетъ надъ вами сны ваша возметъ. и положитъ ѧ ко орѹжїи его, на кони всадитъ ихъ, и предтекущаа предъ колесницами его... И дщери ваша возметъ творити водки, и дрѹгїи сотворитъ поварїи, и ины сотворитъ печи хлѣбы. и сѣлы ваша и винограды ваша и масличны ваша, и благаа ваша возметъ и дастъ рабомъ своимъ... И рабы же ваша, и рабыни и стада ваша бл҃гїа, и ослы ваша ѿниметъ. и оудесатеритъ на дѣло свое. И паствина ваша одесатеритъ, и вы бѹдете емѹ в рабы. И возопите ѿ лица црѣа вашего въ день онъ. Его же избрасте себѣ и не оуслышитъ васъ Гдѣ в день онъ¹

«И пересказал Самоил все слова Господа народу, просящему у него царя. И сказал: вот какие будут права царя. Сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его <...> и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы, и поля ваши и виноградные и масляничные сады ваши возьмет и отдаст слугам своим... И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела, от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами, и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет Господь отвечать вам тогда»²

Из содержания приведенного текста мы можем видеть, что любая власть, выступающая в виде принуждения, есть неестественное состояние людей. Человек, как высшее творение, не может подчиняться никому, кроме своего Создателя. Власть человека над человеком появляется тогда, когда люди перестают жить по изначальному Бо-

¹ Острожская Библия. Л. 167 об.

² 1 Царст. 8, 10–18. Синодальный перевод.

жественному Закону. Человек, народ, общество, соблюдающие Божественный Закон, не нуждаются в государственной власти. Каждый несет ответственность в соответствии со своей христианской совестью. В своем высшем предназначении каждый человек имеет непосредственную связь с Богом. В том случае, если образ Творца искажается человеческой порочностью, человеку становятся нужны посредники между ним и Богом. Но к чему приводит институт политического «посредничества» в установленной сакральной связи – человек и Творец? Как мы видели выше, библейский пророк в мрачных красках обрисовал подчинение людей любой государственной власти.

Из истории израильского народа мы узнаем, что с учреждением царской светской власти израильтяне выводятся из непосредственного подчинения Богу и отдаются в руки правителей (царей, βασιλεύς, ἦμα). Власть царя изображается как власть, не ограниченная никаким пределом: ни личная свобода, ни собственность подданных не ограждены от проявлений его власти. В 8-й главе 1-й книги Царств Самоил пытается отговорить израильтян от их намерения – избрать себе царя, и для этого рисует зловещую картину злоупотреблений царской властью.

Это картина полного произвола, граничащего с тиранией, это та печальная будущность, которая грозит израильскому народу или, впоследствии, богоизбранному христианскому народу – угрожает не потому, что это было бы нормальным образом действий царя, а потому, что такое отклонение от нормы, как государственная власть переносит ответственность на человека, а не на Бога. Человек уже не ищет защиты и помощи у Бога, а пытается разрешить собственные противоречия через мирские институты, созданные человеческим произволом. Здесь пророком Самоилом изображается сама сущность власти как не ограниченной никаким пределом, кроме номинального закона.

Происходит, с одной стороны, *отчуждение* человека от Бога, а с другой, совершается перенесение всей ответственности по наведению порядка с личности как божественного образа (ἦθος ἀνθρώπων δαίμων¹)

---

¹ Гераклит «Душевный склад (личность) людей есть божество» (119 DK) // Heraclitus, Fragmenta, ed. H. Diels and W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951 (repr. Dublin/Zurich: 1966): 150–182. Перевод наш. – А. Щ.

на субъект, то есть на государственную власть как человеческое (субъективное) установление. Таким образом, любая государственная и политическая власть, если следовать библейской трактовке, это уже гораздо более низкий уровень человеческого бытия и человеческих отношений.

Однако сущностное «снисхождение» до управления человека человеком, утверждение власти, отнюдь не подразумевает, что в самой власти уже нет сакральных основ. Человек попадает под власть государственного закона, но сам закон есть священный дар, созданный для блага всех людей. Поэтому в Ветхом Завете имеются места совершенно противоположного содержания. Во Второзаконии читаем:

И бѣдетъ егда сѣдетъ на столѣ власти своеѣ. да впишетъ себѣ законъ сїи ѿ жрець и ѿ левитъ. И да бѣдетъ емѹ и да чтетъ по всѣмъ дни житїа своего и да снабдитъ всѣ заповѣди сїа и оправленїа сїа творити ѡ. И да сѣ не возвыситъ срѣце его ѿ братїи его да не престѹпитъ ѿ заповѣдей ни на дѣсно ни на лѣво яко да бѣдетъ мнози лѣта во власти своей тои и сїны его съ нимъ в сїнѣхъ ѿлевыхъ¹

«Но когда он [т.е. царь – А. Щ.] сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников и левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа Бога своего и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии, чтобы не надмевалось сердце его, и чтобы не уклонялся от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пробыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля»²

Таким образом, справедливой и правильной является власть, ограниченная заповедями, данными от Бога, только в этом случае она законна. Отсюда прямая отсылка к «священникам и левитам», хра-

¹ Острожская Библия. Л. 118 об.

² Второзакон. 17, 18-20. Синодальный перевод.

нящим Слово Божие. При этом ни на что другое, кроме как на священный закон, правитель не может опираться. Следование высшему закону подразумевает прямой путь, без уклонения в человеческий вымысел, в человеческий произвол.

Божественным Законом устанавливаются пределы повиновения власти. Сама власть может существовать только когда она следует Божественным заповедям и Божественному Закону. Именно в исполнении установленных Божественных Правил, Божественного Порядка заключен весь смысл и значение ветхозаветной и новозаветной властей. Так, Писание говорит с похвалой о тех, кто противится безбожным повелениям вавилонского царя, Господь награждает тех, кто боялся Его и не исполнял приказаний фараона¹.

Самой политической власти не придается абсолютное значение, власть не может не быть субъективна, поэтому должна иметь серьезные ограничители, стоять в строгих границах священного (трансцендентного) закона. Отступить от этого закона, изменить его невозможно. Государь связан законом, он должен блюсти его святость и истинность. Можно сказать, что вся его власть, все его назначение состоит лишь в исполнении и утверждении сакрального правила. Другими словами, власть по своей сущности не может быть субъективным человеческим произволом и измышлением.

При этом любое политическое владычество само по себе есть зло и унижение для людей, так как мир представляет собой «войну всех против всех». В физическом мире человек, предоставленный самому себе, без связи с высшим началом, может породить только вражду как закон (δίκη). По этому поводу очень верно выразился Гераклит: «Подобает знать, что вражда есть свойство всего [сущего. – А. Ш.], соперничество предстает как закон, а все с неизбежностью возникает благодаря вражде»². Становится очевидным, что любая государственная власть включает в себя бесконечную вражду, раздор и соперничество,

¹ Исх., 1, 20-21, Дан., Гл. 3, Гл. 6.

² «εἰδέναι δὲ χρῆτὸν πόλεμον ἐὸνταξυνόν, καὶ δίκην ἔρην, καὶ ἰγνόμενα πάλτα κατ' ἔριν καὶ χρεῶν» (80 DK)// Heraclitus, Fragmenta, ed. H. Diels and W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951 (repr. Dublin/Zurich: 1966): 150-182. Перевод наш. – А. Ш.

которые она приносит в общество. Отсюда и необходимость того, что *власть* должна быть ограничена некими безусловными, вечными (трансцендентными) законами.

Из приведенных ветхозаветных отрывков можно с уверенностью сказать, что Божественным Законом устанавливаются не только законные границы самой власти, но и, что очень важно, пределы повиновения власти со стороны подданных. Сама власть может называться *властью* только когда она следует Божественным Заповедям и Божественному Закону. Поэтому мнение современных лукавых богословов о необходимости абсолютного подчинения и служения любой власти легко опровергается самим текстом Ветхого Завета. Так, Писание прославляет тех сынов израилевых, кто противился угнетению со стороны египетского фараона¹. На самом деле, если бы евреи не восстали против жестокого обращения с собой и не решились бы на *исход*, то Священная История могла бы не состояться.

Заметим, что книга Исхода ничего не говорит о религиозном притеснении евреев, в ней рассказывается именно о тяжелом материальном и бытовом положении израильского народа, его тяжком и неоплачиваемом труде. Другими словами, люди оказались в невыносимых жизненных обстоятельствах. Более того, пророк Моисей без всяких колебаний убивает египетского чиновника², который чинил физиче-

---

¹ Книга Исход 1 (Синодальный перевод):

«11 И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Рамсес, города для запасов, [и Он, иначе Илиополь]. <...>

13 И потому Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам.

14 и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью».

² В качестве анекдота. За этот поступок сейчас в России великого Пророка ждала бы статья № 317 Уголовного кодекса РФ: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью». В общем-то убиенный Моисеем египтянин охранял сложившийся «общественный порядок», за что и был закопан в песок.

ское насилие над евреем¹, но никоим образом не препятствовал его вере в Единого Бога. Все события, описанные в книге Исхода, свидетельствуют, что Господь награждает тех, кто восстает против тиранического насилия и беззакония любой власти.

Бояться стоит не власти, грех заключается в неисполнении Божественного Закона, в данном случае противление Божественной Воле состоит в бездумном и трусливом оправдании земного насилия. Образцом трусости и соглашательства является диалог пророка Моисея и еврея, издевающегося над другим сыном Израиля². Как обычно бывает в случае конфликта между идеальным началом и практической пользой, вначале всегда побеждает выгода. Более сильный еврей, глумящийся над несчастным соотечественником, обвиняет Моисея, ни много ни мало, в узурпации власти над ним конкретно и над другими сынами Израиля. Ведь Моисей, совершающий подлинный поступок и прекративший издевательство, для этого еврея не начальник, не судья. Для подобных соглашателей, во все времена, начальником является любой государственный чиновник, могущий сделать с ним все, что ему заблагорассудится.

Перед важным египетским господином он раболепствует, при этом унижает того, кто слабее его, несмотря на кровные или родственные связи. Зная о высоком социальном статусе Моисея, еврей глумится над ним, осознавая, что убийство чиновника не может пройти даром даже для приемного сына египетской царицы: «Ты можешь

---

¹ Книга Исход 2 (Синодальный перевод):

«11 Спустя много времени, когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим [сынам Израилевым] и увидел тяжкие работы их, и увидел, что Египтянин бьет одного Еврея из братьев его, [сынов Израилевых].

12 Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке».

² Книга Исход 2 (Синодальный перевод):

«13 И вышел он [Моисей] на другой день, и вот, два Еврея ссорятся, и сказал он обижающему: зачем ты бьешь ближнего твоего?

14 А тот сказал: кто поставил тебя начальником и судьей над нами? не думаешь ли убить меня, как убил [вчера] Египтянина? Моисей испугался и сказал: верно, узнали об этом деле.

15 И услышал фараон об этом деле и хотел убить Моисея, но Моисей убежал от фараона и остановился в земле Мадиамской...».

убить меня, как ты убил египтянина...», но все уже об этом знают, и никто тебе не поможет. Поэтому все твои идеалы и подвиги напрасны и никчемны, а выгода и комфортная жизнь, даже за счет братьев, существует здесь и сейчас. Сладостная выгода и вещественные прибитки, только они важны для нас – вот что имел в виду подловатый соотечественник Моисея.

Более того, можно легко предположить, что трусливый насильник или подобные ему евреи могли донести до фараона сведения об убийстве чиновника Моисеем. В этой ситуации Моисей неожиданно осознает, что он единственный, кто желает Истины. Он понимает, что время для сопротивления еще не пришло, люди не готовы осмыслить собственное униженное положение. Они не могут правильно оценить, увидеть и понять происходящее. Страшное насилие над ними ведет их к соглашательству с беззаконием, которое ныне почему-то часто трактуется как «всепрощение» и «терпение».

Через несколько веков после описываемых событий другой, уже эллинский мудрец Гераклит прекрасно описал подобное состояние людей: «Гибельны для людей их глаза и уши, если их души грубы»¹. Понимая это, Моисей бросает все свои немалые социальные и вещественные «прибитки» и покидает Египет, чтобы затем вернуться победителем. Парадоксально, но идеальные представления Моисея оказываются гораздо выше примитивной выгоды, трусости и соглашательства. Чем в конечном итоге заканчивается книга Исхода? Господь удостоивает особой милости тех, кто боялся Его выше мирской власти и не исполнял приказания фараона. Поэтому пример мужественного и отчаянного *исхода* евреев из Египта чрезвычайно показателен.

В приведенной библейской истории для нас важен еще один очень существенный момент. Биологическая и социальная масса, именуемая народом (нацией, расой и т.д.), как собирательное понятие, сама по себе неспособна ни к какому действию, так как состоит из носителей совершенно противоположных начал. Эта безлика масса нуждается в подвижниках, героях, которые помогут ей понять суть происходящего, указать ей на присутствие идеальных основ в жизни, в их че-

---

¹ «κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισιν ὀφθαλμοὶ καὶ ὄτα βαρβάρους ψυχᾶς ἐχόντων» (107 DK) // Heraclitus, Fragmenta.

ловеческом бытии. Без этого людская толпа слепа, зла и ненадежна, она принимает на веру самые невероятные вещи, часто ведущие ее к собственной гибели. Говоря современным языком политологии и психологии, «люди должны быть воспитаны в правильном направлении»¹. И у кого находятся ключи от воздействия на воспитание, тот и устанавливает для безликого охлоса (ὄχλος), массы, нужное «направление». В случае с иудеями таким определяющим инструментом был пророк Моисей и дарованное Господом Священное Писание, то есть Идеальный, Вечный Закон, созданный для человеческой жизни. Другими словами, у кого *власть*, тому и под силу решить эти вопросы.

Но абсолютизация власти выглядит идеальной с внешней стороны. Власть крепка тогда, когда она следует Высшему Закону, но разрушается, если становится «человеческой, слишком человеческой», попускает собственному произволу или человеческой животной природе. В этом случае иллюзия всевластия и всеобщего господства парадоксальным образом исчезает под влиянием совершенно неожиданных моментов, что мы и видим на примере *исхода* израильтян из Египта.

Итак, подведем итоги вышеизложенного. Первая и самая важная мысль заключается в том, что появление и существование *власти* не имеет сущностной необходимости. Любые формы государственной власти возникают из-за того, что человеческий образ и деяния неизбежно искажаются. Постепенно наступает момент, когда человек оказывается не в состоянии владеть своим своеволием по отношению к себе самому, а, следовательно, и к окружающим. В результате наступает хаос в человеческих отношениях, сами люди, как атомизированная масса индивидуумов, уже не могут управлять своими поступками. Для них нужен внешний ограничитель, которому они передают право определять свое поведение и судьбу. При этом люди для организации своей физической жизни выходят из прямого подчинения Творцу и выбирают главенствующих над ними посредников из числа людей. Происходит *отчуждение* человека от самого себя, как устанавливающего свою судьбу, и передача власти над собой некоему избранному числу людей.

---

¹ Эллиот Аронсон. Общественное животное. Введение в социальную психологию. Психология – лучшее. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007. С. 208.

И здесь Священное Писание излагает вторую существенную мысль – характер любой власти *всегда есть насилие и тирания избранного меньшинства над большинством*. Вспомним здесь приведенный отрывок из книги Царств. Человеку, находящемуся в подданстве у государства, становится неподвластно само течение его собственной жизни, более того, происходящие процессы часто господствуют над ним, совершая насилие над личностью человека и общества. Государственные институты становятся посредниками между людьми, и в силу того, что они считают себя воплощением воли индивидуумов, делаются, в конечном итоге, чуждыми и враждебными человеку, заставляя его подчиняться интересам государственных структур и развивать свою личность в пределах установленных государством правил.

Государство, как автономная сила, ставит себя выше человека, забирает у него личность, давая взамен «хлеб и зрелища» в определенном государством количестве. Человек и государство делаются разделенными между собой, между ними пролегает непреодолимая граница. Социальное единство нарушается, идея, скрепляющая общество, распадается, и человек как часть всеобщего общественного организма превращается в частного индивидуума. Как мы уже видели, подобная личность в античном мире носила название «идиота» (ἰδιώτης), т. е. «дробной единицы», находящейся в стороне от общественных дел, не причастной к политической жизни. То положение, на которое он обречен, не позволяет ему никоим образом влиять на процессы, происходящие, в результате, без его участия. Из подобного устройства общества может возникнуть только абсолютный произвол власти. Именно такую власть, как исключительно человеческое устройство общественных отношений, и живописует мрачными красками упомянутая 1-я книга Царств.

И тут мы вплотную подходим к третьей мысли, отчетливо выраженной в приведенном отрывке из Второзакония. Препятствием для возникновения абсолютного деспотизма власти должны быть не субъективные, юридические законы, а, в первую очередь, Священный Закон, который сама власть должна иметь в своей основе и использовать его установления в общественной действительности. Степенью и полнотой его применения обуславливается устойчивость любой власти,

независимо от вида ее формального устройства. Власть, не обладающая священным авторитетом, а лишь имитирующая его, может быть только тиранической и незаконной. Эту идею, имеющую свои корни в Священном Писании, впоследствии блестяще изложил Мартин Лютер, сказав, что мирская (человеческая) власть, светское начальство (*weltliche Obrigkeit*) не имеет никакого права требовать от подданных клятвы и исполнения законов.

И наконец, четвертая мысль, также с необходимостью вытекающая из ветхозаветных представлений, – вопрос о сопротивлении беззакониям любой государственной власти. Право на сопротивление и его необходимость возникают в том случае, когда власть совершает в отношении своих подданных преступления, связанные с жестоким принуждением к бесчеловечному труду. Никакой покорности власти не может быть, когда ее действия оскорбляют личность человека, причиняют ему боль и страдание. Другими словами, когда государственная власть применяет любое преступное насилие над людьми, нарушает, как говорят современные политологи, «естественные права» человека – эта власть должна быть свергнута.

В современных государствах указание на право прямого неповиновения и восстания против деспотичного правительства находится в преамбуле Декларации независимости США 1776 г. Вот что она гласит: «...Если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. <...> когда длинный ряд злоупотреблений и насилий <...> обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности»¹. В свою очередь, современная история США ведет свой отчет от народного восстания против английских беззаконий.

В других государствах «право на восстание» содержится во многих конституциях. Например, во французской «Декларации прав чело-

---

¹ Marsavelski, A. (2013) The Crime of Terrorism and the Right of Revolution in International Law, Connecticut Journal of International law, Vol. 28. P. 266–285.

века и гражданина» 1789 года указывается право на «сопротивление угнетению в качестве одного из естественных и неотъемлемых прав человека, наряду со свободой, собственностью и безопасностью»¹. В 1793 году данная «Декларация...» была расширена, в нее были включены следующие уточнения, касающиеся сопротивления преступной власти: Статья 27: «Каждый, кто присвоит себе принадлежащий народу суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными гражданами». Статья 33: «Сопротивление угнетению есть следствие, вытекающее из прочих прав человека». Статья 34: «Угнетение хотя бы одного только члена общества есть тем самым угнетение всего общественного союза. Угнетение всего общественного союза есть тем самым угнетение каждого члена в отдельности». Статья 35: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его священнейшее право и неотложнейшая обязанность». Финальной формулировкой этого права стала принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году «Всеобщая декларация прав человека», которая говорит в своей преамбуле: «...Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»².

В этой связи было бы логичным предположить, что на приведенные формулировки оказало влияние описанное в книге Исхода восстание еврейского народа против тирании египетской власти. Убитый и зарытый в песок Моисеем египетский «правоохранитель» («силовик») был началом сопротивления преступной государственной власти. Правительство, правящий класс перестают иметь сакральный или просто позитивный законный статус, если они совершают преступления в отношении человека.

Мы видели, что приведенные тексты из Священного Писания имеют различное применение, но объединены одинаковым смыслом.

---

¹ Декларация прав человека и гражданина // Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. I. М., 1905. С. 29–31.

² Morsink Johannes. The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent. Pennsylvania Studies in Human Rights. University of Pennsylvania Press, 2000. P. 242.

В 8-й главе 1-й книги Царств пророк Самоил желает отговорить народ израильский от опасного намерения – выбрать себе царя, символизирующего всю полноту государственной власти. Пророк показывает, к чему приводит утверждение власти одних людей над другими. Он свидетельствует о произволе, насилии, различного рода злоупотреблениях, ведущих к неограниченной тирании. Люди по собственному желанию отчуждаются от Бога и превращают общественную деятельность человека в самостоятельную силу, не связанную с Высшим Началом, в результате чего эта властная сила может получить абсолютное господство над людьми и быть им враждебной. Пророк Самоил и пытается донести до израильтян ту мысль, что такое отклонение власти в сторону деспотизма возможно, и Бог, в этом случае устами Самоила, снимает с себя прямую ответственность за подобные действия власти.

Священное Писание осуждает любые деспотические проявления государственной власти. Власть идеальна (по земным меркам) только тогда, когда определяется Законом, дарованным от Бога. Все остальные проявления власти, ограниченные лишь человеческим своеволием, незаконны. Изображению такой власти и посвящены приведенные нами места из книги Исхода и Второзакония. Эта мысль Ветхого Завета подтверждается и наличием других мест в Священном Писании, где также приводится идея об ограничении власти метафизическим Законом, с одной стороны, с другой, подобная интерпретация *власти* устанавливает пределы повиновения государственной власти со стороны общества.

Власть и ложные боги

Из предшествующего становится совершенно очевидным, что Священное Писание прямо призывает к неповиновению власти, если она нарушает естественный закон и прибегает к злоупотреблению и насилию. О каких еще случаях однозначного неповиновения власти, кроме ответа на физическое насилие и беззаконие, направленных против подданных, говорит Ветхий Завет? И здесь мы вплотную подходим к книге пророка Даниила. Священное Писание гласит, что Даниил, Азария, Мисаил и Анания, как потомки знатных иудейских родов, после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором, попали в Вавилон¹, где получили прекрасное образование, оставаясь при этом преданными Вере отцов.

Со временем пленники, благодаря образованию и выдающимся личным качествам, заняли высокие государственные посты в халдейском царстве². Но однажды Навуходоносор решает воздвигнуть золотого идола, которому все подданные вавилонского царства и подвластные халдеям народы должны были совершить поклонение. Те же, кто отказывался преклониться перед золотым истуканом, должны были быть брошены в горящую печь. Иудеи отказались от святотатства. Некие из халдеев донесли на них, в результате Азария, Мисаил

---

¹ «И сказал царь Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из сынов Израилевых, из рода царского и княжеского, привел отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом, и понятливых для всякой науки, и разумеющих науки, и смысленных и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку Халдейскому. И назначил им царь ежедневную пищу с царского стола и вино, которое сам пил, и велел воспитывать их три года, по истечении которых они должны были предстать пред царем. Между ними были из сынов Иудиных Даниил, Анания, Мисаил и Азария». Книга Даниила, 1. 3-6. (Синодальный перевод).

² «И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии, и стали они служить пред царем. И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайновидцев и волхвов, какие были во всем царстве его». Книга Даниила, 1. 19-20. (Синодальный перевод).

и Анания были брошены в печь, где спаслись благодаря своей вере в Истинного Бога¹.

Чем для нашего исследования интересны события из книги Даниила? Для важных правительственных сановников, коими были «три отрока в печи огненной», вера в Сущего Бога оказалась важнее, чем их государственные должности и большие имущественные прибыли.

---

¹ Книга Даниила так описывает данное событие: «Царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиной в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, поставил его на поле Деире, в области вавилонской. И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, открытителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор. И собрались сатрапы, наместники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законоведцы, блюстители суда и все областные правители на открытие истукана, которого Навуходоносор царь поставил, и стали перед истуканом, которого воздвиг Навуходоносор. Тогда глашатай громко воскликнул: объявляется вам, народы, племена и языки: в то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, которого поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем... В это самое время приступили некоторые из Халдеев и донесли на Иудеев... Есть мужи Иудейские, которых ты поставил над делами страны Вавилонской: Седрах, Мисах и Авденаго [вавилонские имена Анании, Мисаила и Азарии. — *А. Ш.*], эти мужи не повинуются повелению твоему, царь, богам твоим не служат и золотому истукану, которого ты поставил, не поклоняются. Тогда Навуходоносор во гневе и ярости повелел привести Седраха, Мисаха и Авденаго, и приведены были эти мужи к царю. Навуходоносор сказал им: с умыслом ли вы, Седрах, Мисах и Авденаго, богам моим не служите, и золотому истукану, которого я поставил, не поклоняетесь? Отныне, если вы готовы, как скоро услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей, симфонии и всякого рода музыкальных орудий, падите и поклонитесь истукану, которого я сделал, если же не поклонитесь, то в тот же час брошены будете в печь, раскаленную огнем, и тогда какой Бог избавит вас от руки моей? И отвечали Седрах, Мисах и Авденаго, и сказали царю Навуходоносору: нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся. Тогда Навуходоносор исполнился ярости, и вид лица его изменился на Седраха, Мисаха и Авденаго, и он повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, и самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскаленную огнем...». Книга Пророка Даниил, 6. 1-6, 8, 12-20. Синодальный перевод.

На их глазах происходила подмена подлинного Божественного Закона на ложный золотой идол. В этом случае надо было выбирать: остаться соглашателем, пойти на уступки «отцу лжи», приспособиться и сохранить свою должность и положение или отказаться от всего и принять страдания за Истину. Как известно, Анания, Азария и Мисаил приняли мученичество за свои убеждения. Благодаря своему подвигу и выбранному пути они были избавлены от неминуемой смерти, сумев через страдания смертное и земное начало в себе обратить в нетленное и вечное.

Настоящий смысл этого события прекрасно изложен в Ирмосе 7-й песни Пасхального канона: **Отроки Ѡ печи избавивши, бывъ человекъ, страждетъ яко смертныи, и страстью смертное в нетленное облачитъ благолепие, Единъ благословенъ отцевъ Бгъ и препрославленъ**¹. Победное претворение «смертного в вечное», через страдание и муку, свидетельствует о том, что *власти*, даже если она поклоняется ложным богам, необходимо подчиняться. Условием повиновения, как мы видим из книги Исхода, является действие данной власти в границах естественного закона. Если она преступает этот закон, то восстание в любой возможной форме против такой власти является необходимым действием. Книга пророка Даниила подтверждает эту мысль – Даниил, Анания, Мисаил и Азария являлись высшими сановниками в вавилонском правительстве², они, как и праведный Иосиф,

---

¹ «Один благословенный и препрославленный Бог отцов [наших. – *А. Щ.*], спасший из печи отроков, которые, будучи людьми, страдают как смертные, но своей страстью смертное начало облачают в вечное благолепие». Цветная триодь. М., Печатный двор, 1630. Л. 87 об. Перевод наш. – *А. Щ.*

² Более того, они приняли «языческие» имена: Анания (Хананія) (ивр. חַנַּנְיָהוּ – «милость Господня»), получил имя Шадрэх (аккадское имя, ивр. שַׁדְרַח – «постановления Аку»). Имя дано в честь шумерского божества мировых вод, мудрости и судьбы Энки. Мисаил (Миш(с)аэль (ивр. מִשְׁאֵל – «Тот, кто есть Бог») стал Мейшэх (аккадское имя, ивр. מֵישַׁח – «тот, кто есть Аку»). То есть «тот, кто есть Энки». Соответственно Азария (Азариа (ивр. אֶזְרָיָהוּ – «помощь Господня») был назван Авед-Него (халдейское имя, ивр. אֲבֵד־נֶגוֹ – «служитель Него»). Принято считать, что это имя дано в честь шумеро-аккадского божества подземного мира Нергала, но, возможно, имеется в виду Нево (Набу) – покровитель книжной мудрости. По ближневосточным представлениям, смена имени вела к смене жизненной судьбы. *Wilson R. D. Studies in the Book of Daniel. N. Y., 1917. P. 101–102.*

успешно управляли чуждым им по духу и вере государством. В случае Иосифа – это было египетское государство, а случае с отроками – Вавилонское царство.

Конфликт между ними и государственной властью в Вавилоне возникает, когда власть, исповедующая ложную истину, навязывает свою правду. Она заставляет «поклониться золотому истукану», то есть отринуть Божественный Закон и заменить его земным благополучием в виде богатства, славы, почести и различных властных полномочий. Это поклонение золотому тельцу (תַּלְעָם זָהָב) как символу наживы, власти, денег, алчности, вместо Истинного Бога. В этом случае также необходимо прямое противодействие, неповиновение беззаконной власти. Более того, если власть заставляет нарушать Высшие Законы, Божественные Установления, то она теряет всякий присущий ей смысл и право повелевать. Чем заканчивается власть, лишенная сакральных начал? Если власть посягает на священные, превышающие физический мир, Начала и Основания или же всячески отвергает их, то она терпит неминуемое крушение.

В 5-й главе книги Даниила описывается беззаботный, роскошный пир последнего вавилонского царя Валтасара, где он кощунственно оскверняет священные сосуды, вывезенные из Иерусалимского храма. Если понимать под осквернением «священных сосудов» покушение на Высшие Начала и отвержение всякой метафизической составляющей государственной власти, то в итоге это святотатственное, неуместное веселье становится преддверием неотвратимых бедствий для Вавилонского царства и его последнего царя, в ту же ночь убитого.

Упоение собственным могуществом, неисчислимым материальным богатством приводит к духовной беспечности, нежеланию думать хотя бы о ближайшем будущем, о грозящих реальных опасностях. И когда иллюзорное упоение силой, находящейся в руках государственной власти, доходит до своей высшей точки, вдруг извне некая невидимая рука на стене царственного зала начертает таинственные письмена «אֲנִי לְקַדְּשׁ אֶת הַמֶּלֶךְ וְאֶת הָאָרֶץ» («мене, текел, фарес»), значение которых объясняет пророк Даниил. Исчислено время такого государства, бли-

зок его конец, а правители его уже взвешены на весах Истины и найдены очень легкими¹.

О значении этих таинственных слов следовало бы задуматься многим современным правителям, «хозяевам дискурса», имеющим в своих руках всю силу и могущество политической власти и потому наивно считающим, что незаконные порядки, установленные ими, вечны. Все те же персты таинственной руки человеческой пишут на стенах их роскошных дворцов знакомые слова: *мáни*, *фéкель*, *фáрець*², – но «государственные мужи» и «ответственные работники», в отличие от царя Валтасара, стараются не придавать им никакого значения. И когда становится уже поздно что-либо менять и «царство» их

---

¹ «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами тысячи пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, женам его и наложницам его. Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища дома Божия в Иерусалиме, и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных. В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала... Тогда отвечал Даниил... Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходоносору царство, величие, честь и славу. Пред величием, которое Он дал ему, все народы, племена и языки трепетали и страшились его: кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых, кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал. Но когда сердце его надмилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего и лишен славы своей, и отлучен был от сынов человеческих, и сердце его уподобилось звериному, и жил он с дикими ослами, кормили его травою, как вола, и тело его орошаемо было небесною росой, доколе он познал, что над царством человеческим владевает Всевышний Бог и поставляет над ним, кого хочет. И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это, но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют, а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки, и начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему. Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким. Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». Книга Даниила. 5. 1-5, 18-28.

² Книга Даниила. Глава 5. Острожская Библия. Л. 470 об.

«разделяется», то сразу меняется их прежний величественный облик: ...тогда црю озрѣчь измѣниса, и размышлѣния его смѣщѣхуть, и соѣзы чрѣслъ его разслаблѣхуса, и колѣни съть сражаѣтася¹. И неожиданно оказываются видны мелкие, ничтожные лжецы и мошенники, выставленные напоказ, для оплевывания развлекающейся толпе, и все их деяния предстают как пошлая смесь похабщины и преступления.

Стоит только снять с них пропогандистский грим и оперные тоги «героев» и «спасителей Отечества», как, по сути, остается обычная шайка, которая обирала, убивала, лгала, насилвала, и над которой вдруг вплотную нависло «правосудие», устроенное такой же, только более успешной, государственной бандой. И многие современные «вожди» всех мастей, оказавшись в затруднительном положении, заняты спасением своих собственных жизней ценой любого предательства. Они пресмыкаются у ног своих бывших поделщиков, но, как правило, не получают пощады.

Чтобы показать катастрофические последствия «овеществления» (материализации) государственной власти, Священное Писание в книге Даниила обращается за помощью к очень точным метафорам на примере толкования и разгадки сна Навуходоносора пророком Даниилом. Вавилонскому царю привиделся сон, где он увидел стоящее в центре земли высокое и крепкое дерево, видимое отовсюду и достигающее небесной области. Дерево обладало прекрасными листьями и множеством плодов, которые служили пищей для всех земных существ. В его тени скрывались «полевые звери», в ветвях «гнездились птицы небесные». Но вот неожиданно с небес появляется *Бодрствующий и Святый*, приказывающий срубить это дерево и разметать его плоды. Но его основной корень должен остаться в земле, хотя и заключенный в узы. Тем самым все живущие должны знать, что по повелению Всевышнего, в руке которого находятся все судьбы человеческие, Он может поставить господствующим над людьми самого ничтожного человека. Такой сон увидел Навуходоносор.

---

¹ Книга Даниила. Глава 5. Острожская Библия. Л. 470 об. «Тогда царь изменился в лице своем, мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое». Книга Даниила, 5.6. Синодальный перевод.

Даниил следующим образом разгадывает это таинственное явление. Дерево, стоящее в центре земли, – это сам царь и власть его, распространенная до самых концов земли. То, что дерево, по повелению *Святого*, должно быть срублено под корень, говорит об отлучении власти царя от людей: и «сердце человеческое» отнимется от него, и дано будет ему «сердце звериное». Власть царя будет уже не над людьми, а над полевыми зверями, и принимать он будет не человеческую пищу: «Будут кормить тебя, как вола, росой небесною ты будешь орошаем, <...> доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет»¹. При этом главный корень дерева будет оставлен, что означает возвращение власти царя, когда он вновь признает власть Всевышнего. И Даниил дает совет вавилонскому царю, что злоупотребление государственной властью он должен искупить установлением правды, милосердием к бедным. Только в этом случае власть его будет устойчива.

Но Навуходоносор не прислушался к словам пророка. Расхаживая по великолепным царским чертогам в Вавилоне, он сам поражался могуществу и величию созданной им державы: «...Царь сказал: это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!»². Упоение Навуходоносором собственной силой было недолгим. Голос с небес возвестил об окончании его царства. И стал он питаться травой, как вол, тело его покрылось волосами, как у льва, а когти выросли, как у птицы. То есть, таким образом, царь, а здесь он символизирует саму идею власти, уничтожил в себе идеальное начало и абсолютизировал сугубо животные стремления.

Но лишь только возвел Навуходоносор свои очи к небу, как его разум возвратился к нему. И он восхвалил Всевышнего, власть Которого вечна. Перед Его законом живущие на земле ничего не значат. Как только Навуходоносор признал это, к царю возвратились утерянные разум и слава, вернулась подлинная сановитость и его прежний вид, и был вавилонский царь восстановлен на своем царстве, а его государственное величие еще более усилилось. Тем самым были вос-

---

¹ Книга Даниила 4, 29. Синодальный перевод.

² Книга Даниила, 4, 26. Синодальный перевод.

становлены сакральные (метафизические) основания *власти*, ее связь с вечными и идеальными началами.

Мы так подробно остановились на описании судьбы Навуходоносора по той причине, что в этом небольшом по величине отрывке из книги пророка Даниила показаны основные метафизические основы любой власти. Поэтому необходимо более подробно остановить свое внимание на вышеизложенном тексте. Начнем, пожалуй, с того, что Вавилонское царство Навуходоносора по той же книге Даниила олицетворяет собой одно из мировых царств, первое по счету. В таком случае Вавилон воплощает в себе начала основных принципов государственной власти – могущество, силу, порядок, благополучие граждан и, в результате, заслуженное величие. Эти основы символизирует образ всемирного дерева, которое соединяет три мира: небесные (божественные) сферы, мир земли и мир подземного царства. Описанное в книге Даниила «срединное древо», представляет собой некую мировую ось, делающую возможным сообщение между этими тремя мирами. Древо занимает все земное пространство, «оно видимо было до краев всей земли»¹. Его ветви достигают Вечности, корни скрываются в преисподнем основании, а ствол и ветви образуют земное пространство и время.

Находясь в трех мирах, описанное древо представляет собой некое единство. Оно – символ изобилия, плодородия и процветания: «Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех, под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть»². Это олицетворение и поддержание жизни во всех ее обликах и проявлениях. Таким образом, символ древа реализует в книге Даниила универсальную концепцию власти. Она соотносится с мирозданием и в контексте античной идеи идентичности макрокосма и микрокосма. Вселенная, Ойкумена, делает человека своей частью, а сам человек представляет собой малую вселенную.

В интерпретации пророка Даниила древо как раз и знаменует начала всякой власти. Текст Книги метафоричен – перенесение смысла

---

¹ Книга Даниила, 4, 8. Синодальный перевод.

² Книга Даниила 2. 9. Синодальный перевод.

с власти вообще на власть Навуходносора. Даниил говорит следующее: дерево – «это ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло до небес, и власть твоя – до краев земли»¹. Мироздание – не продукт случайности и действия слепых сил, это порядок, иерархия (священноначалие), объединяющая все три мира и присутствующая в каждом из них. Небесный мир – это ангельская иерархия, в то время как земным пространством и земной жизнью управляет власть одних людей над другими и, одновременно, эта власть распоряжается вещами (материальными богатствами).

Власть также подразумевает господство человека над собственной природой. Другими словами, одной из основ всего мироздания является *власть*, управление, созидаящая порядок как гармоничное состояние частей Вселенной и человеческого общества. Следующая мысль в пророчестве Даниила объясняет, что вне установленного иерархического строя невозможно никакое бытие. «Дерево власти» создает ту возможность («тень»), при которой только вероятно какая-либо упорядоченная жизнь.

Но само «дерево власти» по своей сущности не является вечным, как, допустим «мировое дерево» или «дерево жизни» – это не нечто неизменное и абсолютное. Если земная власть не соблюдает установленный порядок связи земного основания, земных сфер и небесных областей, отрекается от Высшего Идеального Начала и пытается стать безусловной и абсолютной сущностью, то в этом случае из самого понятия *власть* уходят идеальные основания и совершенная структура власти разрушается: «...Нисшел с небес Бодрствующий и Святый. Воскликнув громко, Он сказал: «срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его, пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его, но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной»².

Наступает хаос и торжествует всякое безначалие, власть при этом уже не выполняет своей прямой задачи – утверждать *горнее*, находя-

---

¹ Книга Даниила 2. 19. Синодальный перевод.

² Книга Даниила 2. 9. Синодальный перевод.

щееся на метафизической вершине, в *дольнем*, то есть земном, человеческом. Когда высшее осознание цели и задач государственной власти исчезает, то остается формальное юридическое устройство. В первом случае, государственная власть считается должностью, то есть любой правитель должен довольствоваться установленной общественной ролью и определенной ответственностью в священной иерархии бытия. Во втором случае, власть превращается в собственность.

На примере власти Навуходоносора можно увидеть, что государственная власть, будучи, по сути, временным социальным субъектом, присваивает себе сущность метафизического объекта. Она берет на себя право сама, по собственному человеческому произволу, распоряжаться судьбами людей и их материального имущества, которые, как она считает, находятся в ее собственности. При этом правящий класс совершенно не учитывает, что конечное владение и распоряжение жизнью людей принадлежит одному Богу. Государство в таком случае понимается как вечный общественный организм, юридическое существо которого бессрочно и неделимо.

Государство отказывается от всякой идеальной метафизики, незаконно присваивая себе абсолютное право управления и собственности. Высшее Начало, составляющее существо любого государства, здесь отсутствует. В руках государства находится только примитивный материальный инструмент, связанный с государственным насилием и контролем, действующими благодаря формальным юридическим принципам. Таким образом, государственная власть, получившая свои права от порядка, установленного Богом, превращается в государство, учрежденное на физиологической основе и на человеческом произволе.

Именно эти искаженные и неверные основания государства метафорически описывает пророк Даниил. Власть отлучается от людей: «Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное»¹. Высшее начало в человеке истребляется, и остаются лишь животные стремления. В силу оставшегося «животного» закона, люди против своей воли подчиняются власти, отдавая себя под ее покровительство. Рядом субъективных договоров и подчинений вокруг власти

---

¹ Книга Даниила 4. 13. Синодальный перевод.

образуется общественный союз, имеющий во власти, и только в ней, свое средоточие. Сама же абсолютная власть с легкостью из отвлеченного юридического начала превращается в собственность властителей, могущественных лиц, которые уже располагают ею по своему изволению.

Полагаясь на произвол правителей, отдавая им свою свободу, люди вынуждены подчиниться жестокому и безличному юридическому закону. Нет сомнения, что сообщество людей, являющихся подданными такого государства, живут в незаконном состоянии. Закон для них устанавливает обезличенная, изменчивая воля правителей, составляющих государственную корпорацию, которые сами устанавливают законы, которые считаются непреложными. Вечный закон Божественной Правды не принимается во внимание, общественная власть охраняет юридический порядок, который основан на охране физических потребностей человека. Все несогласные с этим установлением всячески принуждаются подчиниться произволу власти.

Отчуждение «земной власти» от «власти небесной», предполагает, что власть спускается на низший уровень в иерархии бытия. Она уже не ставит перед собой целью улучшение человеческого начала, она уподобляется «несмысленным скотам». Поэтому власть теряет свой главный сущностный смысл – действовать ради всеобщего человеческого блага, а не потакать животным инстинктам: «И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями, травую будут кормить тебя, как вола...»¹. Человек в таком общественном союзе руководствуется более представлениями и чувствами, чем разумом и мыслью. На первое место ставится двусмысленность, скользкость мышления, словесная изворотливость, торжество плотских утех. Государственная власть охраняет условный мир чувственных и животных образов. Она не показывает путь к Высшей Цели, а помогает человеку сделаться жертвой собственных порочных наклонностей. Такие общественные и государственные союзы крайне неустойчивы, они с легкостью разрушаются либо под действием внешних сил, либо из-за внутреннего распада.

---

¹ Книга Даниила 4. 29. Синодальный перевод.

Никакое созданное величественное здание государства не имеет ровно никакого смысла, пока оно не признает Всевышнюю Власть. Величественный Вавилон, построенный в прославление человеческого могущества, не может существовать как самостоятельное начало. Книга Даниила следующим образом описывает непонимание правителями своего сущностного предназначения: «...Расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, царь сказал: это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!»¹. Это горделивое самовосхваление не может привести ни к чему, кроме как к катастрофе: «Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: «тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя!»². Но это не значит, что уничтожается сам принцип *власти*, главный корень ее и смысл остаются в основах земного бытия.

Достаточно осознания условности своего существования, прекращения властного насилия и беззаконий, установления торжества правды и милости к обездоленным людям, как к *власти* возвращается прежнее положение, ее прежний высокий образ. Но это может произойти только в случае, если «невещественная душа у привязанного к мирским вещам человека хочет достичь благоразумия, когда у [человека. – А. Ш.] помраченного тьмой злых страстей, по его желанию открывается око мудрости, и он увидит свет [истины. – А. Ш.]»³. Ту же мысль, через несколько веков, выражает Гегель, когда он определяет государство как осуществление нравственной идеи: «Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако

---

¹ Книга Даниила 4. 26-27. Синодальный перевод.

² Книга Даниила 4. 28. Синодальный перевод.

³ *Диакон Феодор. О познании антихристовой прелести // Пустоозерская проза. М., 1989. С. 101. Перевод наш. – А. Ш. ...Како бо невещественная душа оу вещьлюбива человека благоразумію навькинути хоцетъ и мудрозрительное око имела оу помраченнаго тмоу злоустрастїа свѣтъ видети жаелет.*

на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное, поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. Объединение как таковое есть само истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь, их дальнейшее особенное удовлетворение, деятельность, характер поведения имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциальное и общезначимое. Разумность, рассматриваемая абстрактно, состоит вообще во взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности, а здесь, рассматриваемая конкретно, по своему содержанию – в единстве объективной свободы, т.е. всеобщей субстанциальной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих особенных целей воли, поэтому она по форме состоит в мыслимом, т.е. в определяющем себя всеобщими законами и основоположениями, действовании. Эта идея в себе и для себя – вечное и необходимое бытие духа. Что же касается того, каково же или каково было историческое происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т.д., как постигалось сознанием и утверждалось в нем то, на чем основаны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т.д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему, что же касается авторитета действительного государства, то поскольку для этого нужны основания, они заимствуются из форм действующего в нем права»¹.

Если целью государства является общее благо, то частные стремления должны подчиняться общей государственной цели, а само это общее намерение состоит в благосостоянии всех частей. Если же, вместо заботы о благосостоянии подчиненной области, владычествующее государство употребляет свою силу для притеснения, то оно уклоняется от своей цели и нарушает свои обязанности. Хотя юридически угнетенная область не может быть судьей в собственном деле, одна-

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 258–259.

ко нет сомнения, что могут существовать невыносимые притеснения при невозможности законного исхода. В таком случае остается только употребление силы. Это право нужды, которое объясняется крайними обстоятельствами.

Необходимо отметить еще один важный момент, содержащийся в книге Даниила, – неподчинение указаниям земной власти несет на себе печать подвига и мученичества. Отстаивание Истины всегда сопряжено со страданием, напряжением всех сил и отречением от всех земных связей. Об Истине может по-настоящему свидетельствовать лишь тот, кто прошел через очищающее горнило собственных страданий. «Ибо Бог наш, – как писал св. Григорий Богослов, – есть Огонь поедающий, и если ты коснешься Его как золото или серебро, то не бойся сожжения, подобно вавилонским отрокам в печи. Если же ты из травы и тростника – из горючего вещества, как мудрствующий о земном, то бойся, чтобы не сжег тебя Небесный Огонь»¹. Противодействие беззаконию возможно лишь когда человек внутри себя через страдание осознает свой истинный путь. Только приобретя знание и закалив волю, можно с легкостью выступить против «начал и властей мира сего».

Перейдем к еще одному важному аспекту, указанному в книге пророка Даниила, где описан следующий повод, призывающий к неповиновению власти. Ранее мы уже указывали, что прямое физическое насилие, принуждение к рабскому труду и издевательства со стороны правителей должны вести к отвержению существующей власти и восстанию против нее. Также неповиновение власти возможно тогда, когда власть призывает служить ложным идеалам, как в случае с царем Навуходоносором. Неподчинение власти необходимо тогда, когда власть абсолютизируется, другими словами, делает саму себя божеством, а свои действия пытается принудить считать непререкаемыми. На этот существенный момент и указывает 6-я глава книги пророка Даниила.

Подчиняться и служить государственной власти можно до того времени, пока власть не начинает ставить собственные, субъективные

---

¹ Цит. по: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 135.

законы выше Божественной Истины. После покорения Вавилона персидским царем Дарием Даниил был назначен одним из трех высших правителей мидо-персидского царства. Благодаря интригам влиятельных завистников Даниила был принят закон о запрещении в течение тридцати дней молитвенного обращения к любым богам, кроме «божественного» царя Дария. За неподчинение этому указу Даниил был брошен в ров со львами¹. Здесь мы можем наблюдать, как произвольно установленные законы приобретают абсолютные черты и государственная власть требует непреложного подчинения ею же установленным условным правилам. В этом случае люди, обладающие властью, начинают приписывать себе абсолютные возможности. Поэтому они уже не могут видеть внутренние сложные взаимосвязи действительности, которой они пытаются управлять. Для них власть – это состояние, которое можно разделить на множество отдельных, не связанных между собой явлений, каждому из которых они пытаются придать безусловный характер, не учитывая всю полноту причинно-следственных связей, их глубинные основы.

---

¹ «Все князья царства, наместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановление и издано повеление, чтобы, кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров. Итак утверди, царь, это определение и подпиши указ, чтобы он был неизменен, как закон Мидийский и Персидский, и чтобы он не был нарушен. Царь Дарий подписал указ и это повеление. Даниил же, узнав, что подписан такой указ, пошел в дом свой, окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колени, и молился своему Богу, и славословил Его, как это делал он и прежде того. Тогда эти люди подсмотрели и нашли Даниила молящегося и просящего милости пред Богом своим, потом пришли и сказали царю о царском повелении: не ты ли подписал указ, чтобы всякого человека, который в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, бросать в львиный ров? Царь отвечал и сказал: это слово твердо, как закон Мидян и Персов, не допускающий изменения. Тогда отвечали они и сказали царю, что Даниил, который из пленных сынов Иудеи, не обращает внимания ни на тебя, царь, ни на указ, тобою подписанный, но три раза в день молится своими молитвами. Царь, услышав это, сильно опечалился и положил в сердце своем спасти Даниила, и даже до захождения солнца усиленно старался избавить его. Но те люди приступили к царю и сказали ему: знай, царь, что по закону Мидян и Персов никакое определение или постановление, утвержденное царем, не может быть изменено. Тогда царь повелел, и привели Даниила, и бросили в ров львиный». Даниил, 6, 6-17.

В такой системе власти не учитывается, а иногда и сознательно исключается различие между формальным «законом» (νόμος) и «идеальным началом» (ιδέα). «Закон» (νόμος), в первую очередь, обозначает «обычай» и уже потом «законоположение». Как мы уже могли видеть, формальный закон есть плод спекулятивного и отвлеченного разума, механически соединяющего общие части, присутствующие в сходных вещах. Поэтому обращение только к умозрительному закону исключает всякий метафизический смысл из самой идеи государственной власти. Вторичные и производные условия ставятся на место главного основания.

«Идеальное первоначало» устанавливает некую неизменность в социальном бытии, придавая ему общие свойства и принципы. Его свойство – «сводить к единому началу повсюду рассеянные элементы»¹. Если же *первообраз* отсутствует, власть приобретает дискретный характер, раздробляется на мелкие, несвязанные фрагменты, становящиеся тираническими по отношению к человеку. Молитва, обращение Даниила к Истинному Богу, как к Полноте и Венцу бытия, несмотря на запрет, и было преодолением этой самонадеянной, субъективной раздробленности, бессмысленности любых сиюминутных властных проявлений. Поступок Даниила как раз и говорит о возможности «распознавать единое начало во многих вещах»², поэтому его неподчинение произвольно установленному закону вполне закономерно. Для Даниила придание абсолютного значения временной и несовершенной организации общества было одним из аспектов абсурда. Это то же самое, что поклоняться иллюзии, призрачным человеческим галлюцинациям. Отсюда и неприятие подобной власти как таковой.

Перечисленные примеры из Священного Писания говорят нам, что властям следует подчиняться только в том случае, когда они обладают возможностью быть с Богом. В случае же отказа той или иной власти от Божественных Установлений долг и обязанность людей всячески противодействовать установленной тирании. Критерием оценки

---

¹ Платон. Федр εις μίαν τὴν ιδέαν ἄγειν τὰ πολλαχῆ διεσπαρμένα 265d4 // Phaedrus, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967): St III.227a-279c. Перевод наш. – А.Щ.

² Платон. Софист «μίαν ιδέαν διὰ πολλῶν ... διαισθάνεσθαι». Sph. 253.c.8 – e.6.

может служить разум и «воля избирающая» (θέλησις γνωμική), присущая любому разумному существу. Что собой представляет идеальное государство? Этот же вопрос задали Христу фарисеи, ожидавшие видимого Царства Божия. «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»¹.

Тем самым Христос отверг попытки построить «совершенное государство» в вечно изменчивом мире. Любое желание создать идеальную систему государственного управления, благодаря которой наступит социальная гармония, невозможно, так как идеальное государство не может существовать без совершенного человека. Как писал К. Поппер, невозможно создать совершенные государственные институты, «которые работали бы независимо от того, какие люди их обслуживают»². Внешнее благосостояние и могущество государства могут ничего не значить, если население уклоняется от исполнения своего государственного долга. Тем самым, Царство Божие не является каким-либо государственным институтом. Оно, в первую очередь, – внутреннее состояние человека, его соответствие с правдой и истиной. Как говорил Симеон Новый Богослов: «Увидеть Царство Божие – значит увидеть, что в нас царствует Бог»³. Подлинное Царство невозможно в материальном мире. «Царство Мое не от мира сего»⁴, – говорит Христос, тем самым христианское представление о государстве совершенно разнится от различных государственных конструкций, управляемых мирскими властями.

Это духовная власть, которая отличается от всяких политических и юридических установлений. Иисус поясняет, какая власть имеется в виду: «...Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как

---

¹ Лк. 17, 21. Синодальный перевод.

² Цит. по: *Овчинников Н. Ф.* Карл Поппер – наш современник, философ XX века // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 45.

³ *Krivocheine*, Basil Gythiel, Anthony P. In the Light of Christ: Saint Symeon, the New Theologian (949–1022). St Vladimir's Seminary Press. N-Y, 1986. P. 79.

⁴ Ин. 18. 36. Синодальный перевод.

меньший, и начальствующий – как служащий. <...> А Я посреди вас, как служащий»¹. Власть, требующая себе абсолютного повиновения, уже не является единственно возможной. Человек перестает ощущать себя некоей отвлеченной социальной единицей, мелкой функцией социального организма. В таком случае власть основывается на служении ближнему.

Священномученик Климент папа Римский совершенно по-новому определяет сущность и задачи государственной власти: «...Каждый повинуетя ближнему своему сообразно со степенью, на которую он поставлен дарованием, сильный не пренебрегай слабым и слабый почитай сильного»². Государственная власть не предстает как абсолютный, незыблемый принцип, это исключительно орган управления, при котором одни начальствуют, а другие находятся в подчинении. Но это существует потому, что отсутствие власти, полное безвластие приведет к гибели человеческого общества: «...Все погибнет и не устоят ни города, ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все ниспровергнется, так как более сильные поглотят более слабых»³.

Власть нужна не для еще большего утверждения «сильных», не для бесконечного умножения их благоденствия и роскоши, а чтобы защитить «слабых», установить социальную гармонию. Не всякая государственная власть может считаться правильной только потому, что она власть сама по себе. Неосмотрительно было бы признать право любому человеку начальствовать над другими. И здесь неважно, что понимается под *властью* – обладание деньгами или возможностью принимать решения. Как говорил преподобный Исидор Пелусиот, внутренне порочные и несовершенные люди, получив власть, могут причинить «...тысячи зол и себе, и подчиненным, впоследствии же безусловно низринутся в бездну гибели»⁴.

¹ Лк. 22. 25-27. Синодальный перевод.

² Климент, папа Римский. Два окружных послания св. Климента Римского о девстве, или к девственникам и девственницам // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1869. С. 175.

³ *Иоанн Златоуст*. Беседы на Послание к Римлянам. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Издание СПб. Духовной Академии, 1903. Том 9, Книга 2. С. 497.

⁴ Творения святого Исидора Пелусиота. М., 1859. С. 217.

Власть, совершающая произвол над подданными, не просто незаконна, ее действия противоречат самой человеческой природе, созданной по образу Божию. «Неправда» власти, как отклонение и отступление от идеальных установлений, является выходом за установленные пределы, что позволяет быть «сильным» пропорционально «слабости» другого. В этом случае речь не идет только о бесчеловечном отношении к людям, им отказано в самом праве быть людьми, они становятся «подданными», а в конечном итоге «функциями» государства. Их единственная задача – платить бесконечный оброк власти, а те, кто не может или не хочет подчиниться таким правилам, становятся бесполезными для власти, и им отказывается в праве на жизнь, они утилизируются как животная биомасса.

Государственная власть и население существуют как бы отдельно друг от друга. Люди, находящиеся у власти, считают себя вправе не нести никакого бремени ответственности перед народом. Этим уничтожается основополагающий смысл существования самой власти. Поэтому в выражении «Нет власти не от Бога»¹, изложенном апостолом Павлом, нет прямого указания на безоговорочное подчинение начальствующим лицам или безликим государственным структурам, речь идет о самом принципе *власти* как отражении небесной иерархии в человеческом обществе. При этом незаконные власти установлены не Богом, а «попущены» как испытание за людские грехи.

В повиновении власти на первый план выдвигается подчинение Божественным (идеальным) установлениям, которые эта власть должна исполнять. Если же государственная власть отвергает эти установления, то апостолы призывают не подчиняться такой власти. Когда фарисеи пытались запретить проповедовать от имени Иисуса, то апостолы Петр и Иоанн ответили законникам: «Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»², – так как «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»³. Если политическая власть выступает против Бога, то она подлежит суду и уничтожению⁴.

¹ Рим. 13. 1. Синодальный перевод.

² Деян 4. 19. Синодальный перевод.

³ Деян 5. 29. Синодальный перевод.

⁴ «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подожди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах

многих, с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню, и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее, и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Исусовых, и видя ее, дивился удивлением великим. И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее, имеющего семь голов и десять рогов. Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель, и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится.

Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель. И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час.

Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их, ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные. И говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки. И десять рогов, которые ты видел на звере, сии возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне, потому что Бог положил им на сердце – исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божии. Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями». Откр. 17:18. Синодальный перевод.

Кесарю кесарево

Если непосредственно рассматривать взаимоотношения христианства и власти, то для обоснования этих связей в Священном Писании возможно найти материал до крайности скудный. Немногие догматические места Св. Писания и предания могут служить основанием для того, чтобы понять идеальную систему взаимоотношений власти и общества. На первый взгляд может показаться, что не существует твердой и неизменной системы отношений между человеком и государственной властью. При этом в Новом Завете есть прямые указания на взаимоотношения человека и любого проявления политической власти.

Первым и самым важным источником власти, согласно Евангелию, является сам Господь Иисус Христос: «И приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле»¹. Отсюда вытекает второй принцип, который установил Христос. Он учит воздавать «кесарю кесарево» и «Божие Богу». К этому относится, прежде всего, известное место в Евангелии от Матфея, где повествуется, как на вопрос фарисеев, следует ли отдавать кесарю, Христос ответил им: «Отдадите кесарево кесарю, а Божие Богу»². Отметим, что Иисус заповедовал *отдавать кесарю только кесарево*³, поэтому именно на этом месте из Нового Завета и будет строиться дальнейшее повествование.

Смысл этих слов исключает бездумное подчинение всякой государственной власти. В то же время он заключает в себе основы взаимоотношений христианина с обществом, государством и Богом. Данный принцип заставляет христианина рассматривать бытие не с точки зрения различных человеческих политических и исторических теорий, где господствует природное или человеческое произволение, а предполагает взгляд из идеальной сферы, где господствует Божественный Закон. С этой точки зрения государство, как инструмент политической власти, совершенно некомпетентно в духовной области.

---

¹ Мф. 28,18.

² Мф. 22:21.

³ Там же.

Оно не имеет право вторгаться в данную сферу. Если же государство все же вмешивается, но действует при этом несогласно с духом и учением Христианской Церкви, то верующие во Христа должны открыто выступить против навязываемой лжи и насилия и даже претерпеть мученичество. Формы государственного вмешательства, с одной стороны, и христианского сопротивления вторжению в духовную область, с другой стороны, могут быть самыми различными и зависят от определенной исторической обстановки¹.

Так к какому выводу можно прийти, если внимательно вчитаться в знаменитое евангельское выражение «Отдадите кесарево кесарю, а Божие Богу»? Во-первых, подчинение власти есть общая для всех обязанность («воздадите кесарева кесареви»). Но это покорение не несет черты безусловного характера, оно не должно противоречить христианской обязанности повиновения («Божие – Богу»). Евангелие устанавливает ограничение любой власти – подданные обязаны ей повиноваться только в известных пределах, и если власть хочет, чтобы подданные никогда не отказывали ей в повиновении, она сама не должна в своих проявлениях выходить за установленные Христом пределы.

Все происходящее в жизни людей и народов определяется и совершается всевышней и «всесильною десницею Божией»³, силой и Промышлением Божиим. При этом власть и высокое положение правителя в государстве не столько являются преимуществом, сколько бременем, возложенным на него Божественной Волей. По этой причине государственная власть не должна служить источником гордости и превозношения: «Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грех, непреложен имей благочестия помысл и не возвышайся, господине, временную славою в суетному шатанию»⁴.

Сущность общей христианской политической теории можно выразить следующим образом: над миром царствует беспристрастный Божественный суд, избавиться от которого не поможет ни высокий

---

¹ *Троицкий П.* Церковь и государство в России. М., 1909. С. 57.

² Мф. 22.

³ *Троицкий П.* Церковь и государство в России. М., 1909. С. 59.

⁴ Акты исторические. Т. 1. № 12. С. 21, столбец 2, С. 22, столбец 1.

статус, ни какая-либо земная власть. Цари и правители являются избранными от сообщества людей посланниками Божиими («тя постави Дух Святыи пасти люди Господня»¹). Но их «избранность» возможна лишь, когда они являются носителями и воплощателями в человеческом обществе Божественной правды. Они призваны направлять свою деятельность ко благу *христиан*, а не к личной наживе или кровопролитию.

Не личные интересы и отношения должны направлять власть правителей, а закон высшей правды, которую они призваны воплощать на земле, чтобы *люди Господни*, таким образом, достигали конечной цели своего земного бытия, не страдали от нищеты и не гибли от междоусобий. Об этом хорошо написано в одном из древнерусских сочинений: «...И ты, господине, смотри того: властелин еси в своей отчине, от Бога поставлен, люди свои уймати от лихаго обычая»².

Пределы любой власти устанавливаются Божиим законом. Следовательно, условием обязательности актов, исходящих от государственной власти, является их согласие с Божественным Законом. Сам по себе Закон Божий ограничивает государственную власть и, одновременно, устанавливает степень подчинения ей со стороны христиан.

Начальство не только что из личности верных несть зло, но и неверное на пользы и помогать ко спасению, есть ли толко не вредитъ вѣрѣ³

«Начальство не только не является злом у верных [христиан. — *А. Щ.*], но и неверным является на пользу и помогает ко спасению, если только не вредит вере»⁴.

Учение об ограничении светской власти законом Божиим развивается в других новозаветных книгах. В апостольских Деяниях данное учение выражено в форме общей мысли, что Богу нужно повиноваться больше, чем людям.

¹ Там же.

² Там же.

³ Тактикон. Слово 20. Л. 157 об.

⁴ Перевод наш. — *А. Щ.*

Собраша вос ѿ востити во градѣ семъ, на стѣго отрока твоего Ісаа егоже помаза. Иродъ же и понтийскій Пилатъ съ языки и людьми иудейскими, сотворити елика рѣка твоа и совѣтъ твои прежде нарече быти. И нѣтъ Гдѣи, прихри на прещеніа ихъ, и даждь рабомъ твоимъ совѣтъ дерзновеніемъ глати слово твое¹

«Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским. Чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и да рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое»².

У апостолов не было сомнения, что надо свидетельствовать об истине перед любой властью, государственной или духовной. Находясь перед лицом мучителей и истязателей, апостолы просили только дерзновения у Господа для свидетельства Божественного Слова.

Не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ, не оучити о имени семъ, и се исполните іерусалимъ вашимъ, и хощете навести на ны кровь чѣла сего, ѿвѣщавъ же Петръ и апѣли, рѣша. вѣровати подобаетъ бѣги, паче нежели чѣломъ³

«Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? И вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека. Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»⁴

Этот принцип – «повиноваться больше Богу, нежели человекам», является основным принципом христианского отношения к государственной власти. Поэтому всякая власть, противящаяся Богу, Его заповедям, отделяющая себя от Бога и восстающая на Него, является не законной, но богоборческой узурпацией и тиранией.

¹ Острожская Библия. Л. 576 об. 577.

² Деяния. 4, 27-29. Синодальный перевод.

³ Острожская Библия. Л. 577 об.

⁴ Деяния 5, 28-29. Синодальный перевод.

Гражданин должен руководствоваться в первую очередь христианским законом, а потом всеми остальными идеями, теориями и законами, оценивая их с точки зрения Высшего Закона. Повиновение Богу – вот единственная и необходимая обязанность и закон верующего во Христа. Эти же критерии относятся и к духовной (священнической) власти, которая также имеет единственным своим назначением исполнение Божественного Закона. Именно им одним она должна руководствоваться в своих действиях. И если существуют случаи, когда следует отказывать ей в повиновении ради соблюдения подлинных Божиих Законов, то тем более существует большое количество поводов к тому, чтобы не принимать действия светской власти, так как она имеет земное назначение и руководствуется плотскими побуждениями.

В апостольских Посланиях эта мысль выражена в известном месте Послания к Римлянам Святого апостола Павла.

Всѣа душа властѣмъ преда-
жающимъ да повинѣтсѣ нѣсть во
власть аще не ѿ Бѣга сѣщи таже
власти ѿ Бѣга оучинены сѣть.
Тѣмъ же противлѣнсѣ власти,
вѣжю повелѣню противлѣтсѣ.
противлѣющіиже сѣ, себѣ грѣхъ
пріемлютъ. князи бо несѣтъ бо-
лзнь дорымъ дѣломъ, но злы-
мъ. хочещи же ли не боатисѣ
власти, благое твори, и имѣти
бѣдеши похвалѣ ѿ него. вѣжн бо
слѣга есть тебѣ въ блгое. аще
ли злое сотвориши, вонсѣ. не во
безъ оума мечъ носитъ. вѣжн бо
слѣга есть. ѿмститель въ гнѣвѣ
злое творѣщемъ. тѣмъ же по-
треба повиноватисѣ, не токмо за
гнѣвѣ, но и за совѣсть, сего ва ,

«Всякая душа да будет по-
корна высшим властям, ибо нет
власти не от Бога, существующие
власти от Бога установлены. По-
сему противящийся власти про-
тивится Божию установлению. А
противящиеся сами навлекут на
себя осуждение. Ибо начальствую-
щие страшны не для добрых
дел, но для злых. Хочешь ли не
бояться власти? Делай добро, и
получишь похвалу от нее. Ибо
начальник есть Божий слуга, тебе
на добро. Если же делаешь зло,
бойся, ибо он не напрасно носит
меч, он Божий слуга, отмститель
и наказание делающему злое. И
потому надобно повиноваться не
только из страха наказания, но и

ради и дани даетею Служите ли
бо бжїи сѣть въ истое се пре-
бывающе. воздадите оубо всѣмъ
должнаа. емѣ же оубо оуброкъ, емѣ
же дань, дань. а емѣ же страхъ
страхъ. И емѣ же честь, честь.
ни единомѣ же ничимъ же должны
бываєте. точно еже любите дрѣ-
гъ дрѣга. Любай бо дрѣга, зако-
нъ сконча¹

по совести. Для сего вы и подати
платите, ибо они – Божии слу-
жители, сим самым постоянно
заняты. Итак отдавайте всякому
должное: кому по́дать, подать,
кому оброк, оброк, кому страх,
страх, кому честь, честь. Не
оставайтесь должными никому
ничем, кроме взаимной любви,
ибо любящий другого исполнил
закон»²

Здесь следует обратить внимание на следующее положение. Если власть от Бога и начальник есть Божий слуга, то его власть не может быть неограниченной, потому что он сам обязан повиноваться Богу и не может предписывать ничего такого, что было бы противно Божией Воле. Повиноваться властям нужно за совесть, но это невозможно, если приказание, исходящее от власти, противоречит совести. Далее, все действия начальника как Божиего слуги должны быть направлены на добро. Отсюда начальник не может под видом блага совершать зло. Если начальник действует исключительно во зло, то он уже перестает быть начальником, а становится деспотом, борьба с которым обязательна для христианина.

Таким образом, новозаветное учение о государственной власти основано на том начале, что Божий Закон обязателен в одинаковой степени для всех: для представителей государственной власти так же, как и для подданных. Повиновение властям – это взаимное встречное движение, а не безграничные и бесосновательные требования одной из сторон и не бесконечная терпеливая обязанность другой. Начальник только тогда властитель, если он Бжїи слѣга (Божий слуга), во всех остальных случаях – это противник Христов, слуга темного и глухого царства.

---

¹ Острожская Библия. Л. 614 об.

² Рим. 13, 1-8. Синодальный перевод.

Внимательное прочтение стихов 13-й главы Послания к Римлянам открывает, что политические «высшие власти» должны быть «Божими слугами», поощряя творящих добро и наказывая делающих зло. Смысл Евангельского текста показывает, что не высшие власти, а Бог определяет, что добро и что зло. Поэтому, когда римский император или любой другой представитель политической власти требовал того, что запрещает Бог, или, наоборот, запрещал то, что Бог требует, он больше уже не действовал как, Божий слуга. Иисус сказал: «Отдадите кесарево кесарю, а Божие Богу»¹. Когда римское правительство требовало то, что принадлежит Богу, как например, поклонение или жизнь, истинные христиане следовали совету апостола: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку»².

Апостольские слова показывают, что, хотя политические высшие власти служат в какой-то мере как «Божие установление» для поддержания порядка в человеческом обществе, они остаются частью мирской системы вещей, богом которой является сатана³. Поэтому подчинение христиан таким властям относительное, а не абсолютное. Христиане должны подчиняться власти только в одном случае – если она сама соблюдает Божественный Закон.

Молю оубо прежде всѣхъ творити мѣтвы, моленїа, прошенїа, бл҃годаренїа за вса чл҃ки, за цр҃к, и за вса иже во власти сѣтъ, да тихо и безмолвно житїе поживемъ, во всякомъ бл҃говѣрїи и чистотѣ. Се во добро и прїатно предъ сп҃сителемъ нашимъ б҃гомъ, иже всѣмъ чл҃комъ хоцетъ сп҃тиса, и въ разумъ истинныи прїити⁴

«Итак, прежде всего, прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков. За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте. Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»⁵.

¹ Мф. 22:21.

² Деяния. 5:29.

³ 1 Иоанн. 5:19 «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле». Синодальный перевод.

⁴ Острожская Библия. Л. 638 об.

⁵ 1 Тим. 2:1-4. Синодальный перевод.

Вне Логоса (Христа) не может быть ни абсолютного добра, ни абсолютной истины, ни абсолютной красоты, и потому все, что есть в мире, как истина, добро и красота, все дает миру Бог Слово. Поэтому и мир, в свою очередь, должен уподобляться Христу. Это касается самого человека, но еще в большей степени развития общества. Именно в человеческом обществе происходит дифференциация добра, во главе с Христом, олицетворяющим все божественное, и зла, во главе с антихристом. Главное место в противостоянии антихристу отводится всей Церкви или отдельным христианам, которые неизбежно оказываются связанными с государством силой и властью. И здесь главным руководствующим положением является апостольское учение о власти – нужно повиноваться всякому человеческому начальству, но до тех пор, пока требования этого «начальства» не противоречат самому смыслу заповедей Христа.

Впоследствии, под влиянием политических причин, апостольское учение трансформировалось в безусловное повиновение властям, выйдя тем самым за рамки того круга, который был очерчен в новозаветных текстах. Более того, существующей властью стали признавать не только ее божественное установление, но и «божественное» содержание самого факта существования власти, а также «божественность» любого действия власти, отсюда совершенно возмутительная и не соответствующая христианскому смыслу идея обожествления царя как «помазанника Божиего». При этом совершенно игнорируется, что в апостольском смысле от христианина требуется относительное, а не абсолютное повиновение любой, в том числе и царской, государственной власти.

Правитель есть властелин, поставленный от Бога, назначение такой власти – оберегать вверенных ему людей от уклонения в выполнении ими нравственного назначения, вести своих подданных к достижению конечной цели земного бытия – спасению души. Тем самым, земная власть учреждена Богом как бы в восполнение небесной Божественной Власти, когда страх пред невидимой Божественной Волей, выраженной в Божественном Слове, окажется недостаточным для поддержания богоустановленного порядка на земле и для обуздания воли людей. Поэтому земные начальства являются «слугами

Божиими» и в границах предоставленных им средств «много благодетствуют человеческому роду», одних людей «с рассуждением милуя», а других спасая страхом властного принуждения.

Как установленной Богом и представляющей власть Бога на земле, люди обязаны воздавать земной власти: царю и всем «владычим», не только «дани», но честь и страх. В этом случае противление земной (государственной) власти может рассматриваться как противление самому Богу. Это противление видится не только в открытом противостоянии властям, но и в нарушении требований власти, определяющих порядок земной жизни человека.

Чтобы правильнее понять апостольское учение об отношении между Церковью и государством, надо ясно сознавать различие их природ. Церковь создана непосредственно Самим Богом, и в своих основах она вечна и нетленна. Поэтому Церковь – это не только административный и управленческий институт («ведомство»), это наличие идеальных, духовных начал в изменчивом и конечном бытии. Установленность же государственной власти опосредована историческим процессом и человеческим произволом, который совершается по воле Творца. Если целью Христианской Церкви является спасение душ людей, то цель государства заключается в их земном благополучии. Сама разница в сущностных природах Церкви и власти не может вести к «обожествлению» власти. О чем достаточно определенно говорил св. Иоанн Златоуст: «Как это, неужели всякий начальник от Бога? Не то говорю, у меня теперь речь не о каждом начальнике в отдельности, а о самой власти. Существование властей, причем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, все это я называю делом Божией премудрости. Потому апостол и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существовании власти и говорит: несть власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть. Так и Премудрый, когда говорит, что от Господа сочается жена мужеву (Притч. 19, 14), понимает здесь, что брак установлен Богом, а не то, что Бог сочетает каждого вступающего в брак, так, как мы видим. Что

многие вступают в брак с дурным намерением и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можем вменить Богу»¹.

Для оправдания любых произвольных действий власти, произнося, как магическое заклинание, некоторыми «богословами» используется известное нам апостольское изречение «несть бо власть еще не от Бога», оправдывая, тем самым, всякий властный произвол. Поэтому политическое насилие часто предстает как сущность действий власти. Подобная точка зрения совершенно превратно истолковывает изречения ап. Павла, или, что еще хуже, совершенно не передает их смысла. Ап. Павел не сказал: «Несть начальник, еще не от Бога», – но как бы показал природу самой власти, говоря: «Несть власть еще не от Бога». Здесь идет речь об общем смысле *власти* как основе всего универсального мироустройства. Поэтому в человеческом обществе установлены начальства и властная иерархия, где одни начальствуют, другие живут под начальством. В этом смысле государственная власть не имеет случайного характера и определяется Божиим установлением.

Отсутствие власти порождает беззаконие и произвол. Противостояние самостоятельных, направленных самих на себя, противоположных бытийственных начал ведет к хаосу, разжигает войну всех против всех. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Если же посмотришь и на море, то и оно окажется не лишенным сего благочиния. И там многие породы рыб имеют одного правителя и вождя – посему отправляются в дальние переселения. Ибо безначалие везде всего ужаснее и бывает причиною замешательства и безурядицы. Посему и в теле, хотя оно есть нечто единое, не все равночестно, но одни члены начальствуют, а другие подчинены. Потому вправе мы сказать, что само дело – разумю власть, то есть начальство и власть царская, установлено Богом, чтобы общество не пришло в неустройство. Но если какой злодей незаконно восхитил сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему или изbleвать все свое лукавство, как фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна и жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил иудеев»².

---

¹ Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста. В 12 т. СПб., 1898–1906. Т. 9. С. 774–775.

² Иоанн Златоуст. Т. 9. С. 775.

Сложная проблема взаимоотношений Церкви и государства разбирается св. Иоанном Златоустом в двух его сочинениях: «О священстве» и «Беседы на слова пророка Исаии». В первом из них он проводит мысль о преимуществе священства перед царством и о том, что земные владыки имеют власть только над телом, но не над душой. Во втором Иоанн Златоуст на примере иудейского царя Озии, которого первосвященник Азария изгнал из храма, проясняет мысль, что царь должен соблюдать установленные для него пределы и не касаться того, что составляет область иерейского чина.

Как мы видели, смысл христианской свободы и государственного принуждения – одна из важнейших тем в Священном Писании. Обратимся вновь к положению, которое установил ап. Павел для христиан, живших под господством Римской империи: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены»¹. Здесь сразу возникает несколько вопросов, в которых необходимо разобраться. В каком смысле ап. Павел считал, что политические власти его дней были установлены от Бога? Подразумевалось ли в этих словах, что Господь лично назначает каждого правителя этого мира или, в политическом смысле, – «начальника»? Признание буквального смысла апостольских слов предполагает «обожествление» данной власти. Тогда можно утверждать, что любой начальник является «богом» или, на худой конец, «представителем бога», что правители с удовольствием часто и утверждают.

При этом забывается, что Священное Писание в других местах говорит, что ни один человек не обладает врожденным правом властвовать над другими людьми, а миром правит сатана – «князь мира сего», которого ап. Павел назвал «богом века сего»: «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон»². Сатана предложил «власть» над «всеми царствами земными» Иисусу, утверждая, что ему было дано такое право. Иисус отверг его предложение, но он не отрицал, что сатана обладал этой властью.

---

¹ Рим. 13:1. Синодальный перевод.

² Иоанн. 12:31. Синодальный перевод.

И возведе его дѣволъ на горѣ высокѣ, показа емѣ всѣ црѣтвѣа вселенныа, въ часѣ времени. и рече емѣ дѣволъ тебѣ дамъ власть всю и славу ихъ, яко мнѣ дана есть и емѣ же аще хощѣ, дамъ ю. ты оубо аще поклонишася предо мною, вѣдѣтъ тебѣ всѣ¹

«И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее, итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое»²

Первые христиане не объединялись с иудейскими политическими заговорщиками, которые устраивали заговоры и боролись против римлян, захвативших Израиль, вооруженным путем. Римские власти с помощью правового кодекса, обязательного для всех независимо от статуса, поддерживали порядок на суше и на море, строили много необходимых акведуков, дорог и мостов и в основном содействовали общему благу. Римское государство поддерживало закон и порядок, позволяющий христианам повсюду проповедовать Благою Весть. По христианским представлениям, последним государством, обеспечивавшим «тихое и безмолвное» житие, являлось римское государство, в своем обобщенном политическом значении.

Неразрушимое и вечное Христово Царство, заключенное в римские правовые и государственные формы, не пребывает как этническое или политическое образование. Святые отцы и учителя Церкви не определяли римское владычество как исключительную этнократию какого-либо народа. Христианскими толкователями подчеркивается важность политического устройства Рима, охватывавшего практически все народы Земли. Эта всемирная политическая универсальность и есть наследие Великого Рима. Оно включает в себя торжество римских государственных институтов и права, которые распространяются на территории всей Земли. Влияние государственных институтов Рима можно найти даже у народов, которые никогда не слышали о са-

---

¹ Острожская Библия. Л. 556.

² Лук. 4, 5-7. Синодальный перевод.

мом существовании Рима. Римское право есть начало любой государственности, на основании его основных моделей созданы и продолжают действовать юридические, социальные и экономические законы. Правовые, юридические элементы римской системы права в той или иной степени постепенно были приняты почти всеми мировыми государствами.

Римское государство является, по мнению св. Иоанна Златоуста, преградой распространения хаоса и беспорядка. Рим есть **оудерживающий и держай**, тем самым он является препятствием для воцарения антихриста, то есть воплощения абсолютного социального зла. При этом имеется в виду не только римское государство, а сам дух Римского права и государственных законов, сдерживающих беззаконие. Св. Иоанн Златоуст говорит, что после разрушения римского царства водворится безначалие, при котором антихристу легко и удобно будет захватить в свои руки власть.

Святый Иоаннъ Златоустъ толкуа глаголет, точию содержай ныне донележе от среды бѣдетъ сиречь власть римская егда возметса от среды тогда он придетъ¹

«Святой Иоанн Златоуст следующим образом объясняет это положение: «Только содержится ныне до тех пор, пока существует римская власть, как только она будет изъята, тогда он [антихрист. – *А. Щ.*] придет»².

В святоотеческих толкованиях под римским государством понималось не просто историческое существование Римской республики или империи, а духовный и политический смысл власти, воплощенный в Римском царстве. Римские законы являлись образцом для всего мира: их чертами были строгая законность, всеобщность и всеохватность самих законов, стоящих над этнической и племенной принадлежностью. Римляне выработали полное, точное и строгое право, то

---

¹ Иоанн Златоуст. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни. Рукопись XVI в. (Частное собрание. Л.) 10 об.

² Перевод наш. – *А. Щ.*

есть законы, каких не было ни у какого другого народа, и осуществляли это право в самой жизни. По силе правовой законности и по строгости военной и гражданской дисциплины римляне далеко превосходили все предшествующие и современные им народы.

Твердые, основанные на строгих законах власть, управление, правовой порядок, законность, дисциплина были теми незыблемыми началами, на которых зиждилась вся власть в Римской империи. Отличительной особенностью Римской империи была суровая военная дисциплина. Но, как ни велико и как ни сильно Римское царство, однако и оно падет, потому что нет ничего, созданного человеческими руками, что не могло бы быть разорено человеческими силами, ибо дела смертных конечны и тленны.

Ослабление свойств римского духа и основ государственного строя ведет к смягчению страха перед государственной властью. Обессиливание римских государственных начал приведет к упадку государственной власти и силы законов, то есть к анархии, самоволию и безначалию. Разрушится железная сила и непобедимое могущество. В мире будет властвовать безначалие под видом власти, как противоположная государственной власти и законному порядку сила, когда законы окажутся недействительными, что и проложит путь антихристу. Управляющее миром римское право истребится, и «царство», в смысле государственной власти, будет строиться на совершенно других основах и началах, чем оно строилось до этого, хотя внешне будут соблюдены римские государственные политические атрибуты и законы.

Глядя на то, что ныне совершенно безосновательно именуется «христианством», многие именно и полагают, что Христова Церковь всегда была такой, каковой мы ее видим сейчас. Современная «церковь» больше уже не может рассматриваться как божественное установление, но все более воспринимается как некое идеологическое министерство духовной пропаганды, обслуживающее интересы различных властных структур. Причем с течением времени роль Церкви становится все менее значительной. Подобная «церковь» всячески замалчивает подлинную христианскую идею единства государства и Церкви как духовного союза, единства во Христе (*unum corpus christianum*).

Современная «церковь» как и любая существующая корпорация, управляется «менеджерами», получающими от «духовного окормления» свое бесстыдное материальное благополучие. Величайшая «святыня» этих «церквей» – бессовестное обслуживание любой наличной власти, а главная задача «церкви» – придать этой власти «духовно-нравственную» легитимацию. Всяческое беззаконие, совершаемое государственной властью, олицетворяется ложной ханжеской святостью. Государство, в свою очередь, уже не заботится совместно с Церковью о спасении человеческих душ, но озабочено лишь благополучием власти, для чего ей необходимо потакать плотским и животным инстинктам в людях и «освящать» их.

Институт государства становится целью для себя, так как именно государственная власть дает возможность бесстыдно обогащаться и безнаказанно повелевать. Сама по себе государственная власть становится уже ничем не ограниченной и находится в руках беспринципных, жадных и неприглядных дельцов. Вместе с тем, современной властью представляется вполне логичным дать всякой «церкви», как простой корпорации в государстве, самостоятельное управление собственными внутренними делами, удерживая за государством право гласного и негласного надзора. В результате появляется некое магическое, оккультное объединение – «церковь», на которой написано, что она «православная». В наличии имеются субъекты с бородами, рясами, крестами и соответствующими манерами и телодвижениями, почему-то взявшие на себя право совершать ритуалы от имени Св. Писания и Св. Предания.

В свою очередь, государство, прикрываясь ханжеским «благочестием», имеет исключительно, сугубо эгоистическую цель – удовлетворение ничем не ограниченных материальных потребностей. В нашем мире религия вместо высшего освящения и преображения государственной власти превращается в одно из средств государственного властвования. «Церковь» выступает в роли магического фокусника. Государство не только пользуется ею для своих целей, но и научилось приспосабливать ее к себе. Обе эти силы соединяются в полном антихристианском соитии.

Чтобы использовать значение и важность религии, государство должно подчинить ее своей власти. В противном случае Церковь может обратиться в антигосударственную силу. «Церковь» превращается в политический, идеологический collegium (содружество). Попытка установить власть над Церковью и проявлениями человеческого духа есть составная часть порочной современной государственной власти. Поэтому и современная «церковь» предстает безгласной, лишенной христианского самосознания и ясного взгляда на настоящее, где «архипастыри» выступают в виде театральной декорации, как фиговый листок, маскирующий беззаконие.

На самом деле, существующая «церковь» своим «благочестивым» видом прикрывает духовных и вещественных воров и помогает им. Антихристов мир напитал и отравил «церковь» духовными ядами. «Церковь», людское общество и государственная власть переплелись друг с другом и стали тождественными. Ныне уже не отличить, кто из них является движущим началом духовного человеческого истребления. Институциональная «церковь» прошла позорный и бесславный путь, приведший к современному мирскому мышлению, заключающемуся в сохранении некоей «церковной» внешней оболочки, под которой скрывается любовь к плотским удовольствиям и духовным удобствам. Видя все это «духовное» ничтожество еретических «церквей», человек, ищущий Бога, сомневается уже и в самой Христовой Правде. Под видом Истины к людям приходит антихристова ложь.

Богу Богово

По словам Аристотеля, государство выступает как союзническая общность людей, а всякий союз заключается для достижения известной пользы. В христианском смысле высший из всех союзов будет тот, который заключается для высшего блага, объемлющего все остальные. Таким образом, государство, осуществляя главную, божественную идею, реализует и высшую нравственную идею, не существующую саму по себе, а представляющую главенствующее сочетание свободы, даруемой связью с Богом, с разумным порядком. Все это в совокупности и составляет природу государства, его внутреннюю цель, которую оно осуществляет в своем устройстве. Государство есть союз, но сам союз осуществляется через *учреждение*, то есть постоянное устройство общества, определяемое нормами права. Но такое понятие слишком общее.

С христианской точки зрения государство образует единое целое, в состав которого входят, с одной стороны, общество, с другой – система учреждений, которые служат ему органами. Наша цель – исследовать, каким образом и юридическое начало, и нравственное требование осуществлялись, когда Христианская Церковь и ее земная представительница, христианская государственность, являлись основополагающей и государственной, и общественной силой.

Начнем, пожалуй, с того, что государство не может быть только вещественной, плотской силой, а должно нести в себе силу нравственную и духовную. Оставаясь таковой, государственная власть ограничивала свои действия, направленные на принуждение. В свою очередь, Церковь облегчала или, наоборот, затрудняла действия государственной власти соответственно тому, находилась ли эта власть с нею в союзе или в борьбе с учением Христа. Это значение Христианской Церкви и иерархии для государства и правительственной власти прекрасно выразил император Юстиниан во введении к шестой новелле «*Corpus juris civilis*»: «Всевышняя благодать сообщила человечеству два великих дара: священство (*sacerdotium*) и царскую

власть (*imperium*)»¹. Происходя из одного начала – Бога, они совокупно устраивают человеческую жизнь.

Потому, по христианским представлениям, нет важнее заботы для правителей, чем благое сохранение и устройство Церкви и священства, которые, со своей стороны, служат им молитвой к Богу. Если Церковь поддерживается не только с внешней стороны, но и изнутри, из духовных пределов, а государственное управление направляется путем законов, то все это совместно и полагает жизнь народа к истинному благу. Только в этом случае возникает подлинный и благотворный союз Церкви и государства, столь вожделенный для человечества («тихость жития»).

По этому поводу Кормчая книга задает следующий вопрос: почему государство озабочивается охранением Православной Веры и благоустройством священства? И дает на него вполне определенный ответ – тем самым мы надеемся получить великие блага от Бога и sobлюсти твердый порядок на основе Христианской Веры в государстве². Именно на Христовой правде было основано государственное управление. Начиная с Константина Великого, постепенно расширяется государственная юрисдикция духовенства, главным образом епископов как преемников в Христианской Церкви апостольского права и власти.

Так, по свидетельству Ермия Созомена, Константин Великий позволил судящимся христианам из мирян по собственному желанию

---

¹ «*Corpus juris civilis*» – современное название свода римского гражданского права, составленного в 529–534 годах при византийском императоре Юстиниане Великом. Известен также под названиями «Свод Юстиниана» или «Кодификация Юстиниана». Первоначально свод состоял из 3-х частей: «Институции» (4 тома, представляющие собой учебник для начинающих юристов), «Дигест» (50 томов, составленных из трудов классических римских юристов, с интерполяциями кодификаторов), «Кодекс», состоит из 12 томов, 1 том: посвящен церковному праву, источникам права и праву магистров, 2–8 тома – частное право, 9 том – уголовное право, 10–12 – положения о государственном управлении. Позже была добавлена четвертая часть, «Новеллы» (168 новых законов, опубликованных после составления свода). Для «*Corpus juris civilis*» характерно стремление соединить разнообразие ветви Римского права и придать новое содержание отдельным старым правовым понятиям и институтам и таким образом сохранить их жизненность. В XII веке свод получил название «*Corpus juris civilis*».

² Кормчая книга. М. 1650. Л. 5.

отказываться от суда гражданских чиновников и обращаться к епископскому суду. В этом случае приговор епископов надлежало считать обязательным и ставить его выше приговора других судей. Исполнителями приговора обязаны быть правители и подчиненные им войска. Этот закон Константина Великого легализовал давнюю практику христианских общин, имеющуюся еще с апостольских времен.

Смѣетъ ли кто ꙗко вась, вещь имѣа ко иному, сѣдитиса ꙗко неправедныхъ, а не ꙗко стѣихъ, не вѣсте ли, яко стѣи миру хотятъ сѣдити, и аще вами сѣдъ приметъ миръ, не достонни есте сѣдищемъ хѣдымъ, и вѣсте ли яко айглому сѣдити хоцѣмъ а не точію житейскимъ, житейска бо сѣдища аще имате, оуничиженыхъ въ цркви. си хъ посаждаете, въ срамъ вам глѣо¹

«Как смеет кто из вас, имея дело с другими, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве вы не знаете, что святые будут судить мир? <...> А вы, когда имеете тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значащих в Церкви. К стыду вашему говорю, неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится и притом пред неверными. И то уже унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собой»²

Епископы творили нелицеприятный суд. И этот суд был не по гражданским, условным и формальным законам, а **совестным**, по закону общей христианской справедливости. Само право суда проистекало не из положения епископа как государственного судьи, а из его высокого духовного, нравственного значения в обществе, как представителя христианской религии, и из доверия к нему общества и высшей правительственной власти. Проявлением епископской юрисдикции было его значение милостивого защитника угнетенных и бесправных.

¹ Острожская Библия. Л. 518.

² 1 Кор. 6, 1-7. Синодальный перевод.

В глазах правительства и общества епископ выступает как воплотитель высокой христианской правды, любви и милосердия. Долг защиты угнетенных был связан с величайшими жизненными трудностями и требовал немало мужества со стороны епископов, потому что выполнение этого рода обязанностей нередко приводило епископа к столкновению с влиятельными по своему государственному и общественному положению людьми.

Нам, современным людям, живущим в мире духовных призраков, бесконечной и нескончаемой лжи по любому поводу, трудно даже представить **совестный** суд, где слабые и немощные получили бы оправдание перед «великими» мира сего через посредство Церкви. Обычный гражданский суд превратился в бессовестное торжище, где покупаются и продаются любые законы, кроме, может быть, законов Исаака Ньютона. Хотя и их бы продали, была бы возможность. Невозможно представить, чтобы самовлюбленный и богатый никонианский или католический «епископ» вступился бы за слабых и беззащитных перед властью.

Великое гражданское значение епископской власти понимали многие римские и византийские императоры. При процедуре избрания в епископский сан они становились на сторону тех кандидатов, которые давали основание предполагать в них необходимое мужество. «Твоя смелость, – говорил император Валентиниан св. Амбросию Медиоланскому, – мне и прежде была известна. Зная о ней, я не только не противоречил твоему избранию, но к общему голосу присоединил и свой. Врачуй язвы наших душ, как внушает тебе Божественный Закон»¹. При предоставлении епископам права суда императоры хотели создать из епископов посредников, отвечавших их стремлению защитить общество и отдельных лиц от произвола и возможных превышений власти. Бедные, вдовы, сироты и рабы всего более нуждались в этой защите.

Так, с согласия епископов и в их присутствии происходило избрание опекунов и попечителей для малолетних и умалишенных, если такие опекуны и попечители не были назначены по завещаниям роди-

---

¹ *Амбросий Медиоланский. О должностях священнослужителей церкви Христовой.* Киев, 1875. С. 124.

телей и родственников. Акт избрания, следовавший за присягой, скреплялся в числе других лиц и епископом. В церкви, в присутствии епископа и экдика¹, господа отпускали своих рабов на свободу, причем акты, при этом составленные, получали полную юридическую силу. Епископу принадлежало право участия в назначении приданого и свадебных подарков, когда вступали в брак дети умалишенных.

Епископы имели право проверки отчетности опекунов по управлению имуществом умалишенных. Епископ имел не только право, но и обязанность надзора за тем, чтобы возвратившиеся из плена не обращались кем-либо в рабство, не подвергались денежным и иным притеснениям. Он же следил за тем, чтобы не обращались в рабство, но пользовались свободой дети, брошенные родителями.

Епископы также ограждали целомудрие девушек. Зло, к пресечению которого одинаково стремились в данном случае Церковь и государство, проистекало из неограниченной власти родителей над детьми и господ над рабами и рабынями. Случалось поэтому, что родители – детей, господа – рабынь продавали в публичные дома, руководствуясь исключительно стремлением к наживе. Если принять во внимание упадок нравственности времен поздней Римской империи, то станет понятным, до каких размеров доходило в данном случае злоупотребление родительской властью и особенно правом рабовладения.

По закону Феодосия Младшего и Валентиниана епископы совместно с гражданскими начальниками имели право принимать жалобы от дочерей и рабынь, которых родители и господа стали бы принуждать к порочной жизни. При справедливости жалобы одни освобождались от родительской, а другие от господской власти. Император Леон право епископского попечения распространил и на женщин свободного и несвободного происхождения, принуждаемых родителями или господами к игре и пению в театре. Рабыни в этом случае получали свободу. Указанные злоупотребления власти господ дают понять, с

---

¹ Экдикос, государственный адвокат, который должен был блюсти интересы государства и выступал преимущественно в фискальных делах как адвокат и обвинитель во имя государства. Экдик также назывался *cognitor civitatis*.

какими трудностями было связано осуществление гражданской заботы епископа о целомудрии женщин. Попечение о целомудрии вело к жестоким столкновениям церковной власти с людьми разнообразных высоких общественных положений.

С такими же трудностями было связано исполнение епископского права по надзору за тюрьмами. Император Юстиниан, как это видно из его конституций, стремился к уничтожению тюрем, которые содержались частными лицами. Надзор за исполнением своей воли он поручил местным епископам, которые должны были наблюдать, чтобы заключенные в таких тюрьмах лица получали свободу, небрежность местных властей в точном исполнении императорского эдикта предусматривала строгую ответственность. Епископу принадлежал надзор и за государственными тюрьмами. Так, он должен был следить за человеколюбивым содержанием заключенных.

По закону Юстиниана епископ должен был самое малое раз в неделю, в среду или пятницу, посещать заключенных в тюрьме и узнавать от них о причинах их заключения. Следствием этих посещений было напоминание властям о своевременном разборе дел преступников, чтобы, таким образом, срок предварительного заключения не длился более установленного времени. Следствием посещения епископом тюрем могло быть обнаружение несправедливого обвинения и судебного преследования, чрезмерной суровости в оценке преступного деяния. Тогда епископу ничего не оставалось, как ходатайствовать или просить о помиловании или смягчении наказания.

К христианскому епископскому попечению относилось так называемое *jus asyli*, или право убежища в христианских храмах, для лиц, над которыми тяготело государственное или частное право. У ветхозаветных иудеев местом убежища служили шесть городов, куда могли укрываться все, кроме предумышленных убийц, прелюбодеев и других преступников, совершивших тяжкие преступления против личности. В римском государстве в языческие времена местом убежища служили храмы. Сущность христианского права убежища Блаженный Августин выражает так: «Ты смущен, поражен страхом, бледный бежишь в церковь, хочешь видеть епископа, припадаешь к его ногам и говоришь: Владыка! Я погибаю, меня влекут в темницу.

Помилуй меня! Спаси меня! И я спешу помочь твоей плоти, чтобы ты поспешил спасти твою душу»¹.

Так, 8-е правило Сардикийского собора считает долгом епископа ходатайство или заступничество перед царем за вдов и сирот, как лиц, наиболее беззащитных перед всякого рода насилием.

аще сирота или вдовица, въ коей напасти нѣждею страждѹще, и помолѣтса епискѹ помощи имъ, да дерзнет епискѹ и пристѹпаетъ къ црєви и мѣнтса, елико можетъ, да помилѹетъ ихъ ^{1А}	«Если сирота или вдовица будет страдать в напасти или нужде, да помолится епископу о помощи, епископ идет в церковь и молится, сколько может, да помилуют их» ^{1Б} .
--	---

В толковании этого правила (диакона Алексея и Аристина) читаем: «Заступаться за сирот и вдовиц, утешать в печалях, помогать в напастях и нужде есть долг епископа»² (Ѣже оубо застѹпати сироты и вдовицы и печальныѹ оутѣшати, и въ напастѣхъ ноуждѹ прѣемлющихъ помогати епискпи должни соутъ)³. Очевидно, в данном случае речь идет о столкновении вдов и сирот с законом и властью. «Слабые, пострадавшие от озлобления и обид сильнейших <...> местные епископы да противятся насилию и мучительству богатых и защищают слабых от насилия»⁴ (Оубо зѣи ѿ силнѣйшихъ озлобленѣи и обиды подымахѹ... местници да противѣтса насилию и моучительствѹ богатыхъ, и отмѣнаютъ оубогѣи ѿ насилѣи ихъ, епископи того ради не стѹжаеми пребываютъ)⁵.

---

¹ Августин А. О природе блага против манихеев. Против ниспровергателей Закона и Пророков. Против послания манихея по имени Фундамент / Пер. О. Е. Нестеровой. Об учителе / Пер. В. В. Библихина // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. М., 1998. С. 150.

^{1А} Кормчая книга. Л. 157.

^{1Б} Перевод наш. – А.Щ.

² Перевод наш. – А.Щ.

³ Кормчая книга. Л. 157 об.

⁴ Перевод наш. – А.Щ.

⁵ Кормчая книга. Л. 158.

В церковной истории мы встречаем епископов, для которых не страшны были никакие жизненные испытания, когда речь шла об интересах Церкви или защите угнетаемых. Св. Иоанн Златоуст, находясь в изгнании, писал в утешение епископу Кириаку, тоже подвергнутому изгнанию: «Не падай духом и не отчаивайся. Вот я, когда изгоняли меня из города, не заботился ни о чем этом и говорил самому себе: если императрица хочет отправить меня в ссылку, пусть ссылает: «Господня земля и исполнение ея» (Пс. 23, 1). Если она хочет перепилить меня пилой, пусть перепилит, у меня есть образец – Исаия. Если желает повергнуть меня в море, я припомню Иону, если желает бросить меня в печь: есть три отрока, которые терпели то же самое, если желает отдать меня зверям: я припомню Даниила, брошенного львам в яме, если желает побить меня камнями – пусть побивает: у меня есть первомученик Стефан, если желает взять мою голову – пусть возьмет: у меня есть Иоанн Креститель, если желает взять мое имущество – пусть возьмет его: «наг изыдох от чрева матери моей, наг и отыду» (Иов. 1, 21)»¹.

Первый закон, касающийся права убежища в христианских храмах, был направлен к ограничению этого права вследствие преследования Евтропием Иоанна Златоуста, архиепископа константинопольского, за его принятие под защиту Церкви жертв насилия и произвола. Закон был обнародован в 398 году, а в следующем году сам Евтропий, оклеветанный в оскорблении супруги царя, вынужден был прибегнуть к покровительству Церкви, но не был принят архиепископом Иоанном Златоустом. В результате появилось знаменитое Слово на Евтропия: «Я принял для себя правило сделавших зло (просящих защиты и заслуживающих ее) не выдавать гражданским властям, но не избавлять тех, которые должны быть выданы, потому что давно сказано апостолом, чтобы в злом деле боялись князя: небо всеу, говорит апостол, меч носит. Поэтому как выдавать не человеколюбиво, так и избавить будет знаком, что даю повод обижать»². Поэтому, отказывая Евтропию в защите, Иоанн Златоуст говорил: «Не церковь отвергла его, но

---

¹ Иоанн Златоуст. Письма к разным лицам. СПб. 1866. С. 138–139.

² Слово на Евтропия. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 124.

он отверг церковь, не из недр церкви предан он, но взят вне церкви, потому что прежде отдалил себя от церкви»¹.

Правитель птолемаидской области Андроник самочинно распоряжался жизнью и собственностью граждан, увлекаемый страстью к наживе. На защиту преследуемых граждан выступил местный епископ Синезий с правом церковного убежища. В ответ на это Андроник прибил на дверях храма эдикт с угрозой сурового наказания тому из клириков, который осмелится вступить за гонимых. Он доходит до прямого богохульства и объявляет, что рук его, Андроника, не избежал бы и тот, кто прибег бы к защите Самого Христа. Синезию ничего не оставалось, как отлучить его от Церкви. Скоро сам Андроник, впавший в немилость, должен был, подобно Евтропию, прибегнуть к покровительству Церкви и был принят Синезием.

Местом убежища служил не только сам храм, но и все пространство внутри церковной ограды с прилежащими к храму постройками и садами. По закону Юстиниана право убежища было воспрещено для убийц, прелюбодеев и похитителей девиц. Лишались права убежища и лица, оскорблявшие святыню храма своим поведением. Так, воспрещено было входить в храм с оружием в руках, производить во время богослужения крик и шум, желая обратить внимание правителя на свое стесненное положение.

Цель права церковного убежища состояла не в том, чтобы освободить от судебной ответственности преступников, а в том, чтобы дать преследуемому возможность укрыться от проявлений самоуправства и беззакония и дать епископу возможность выступить со своим ходатайством перед судом (за рабов перед господами) о надлежащем расследовании дела или даже новом расследовании, если бы епископ нашел со своей стороны решение дела неправильным или наказание чрезмерным.

Исполнение пастырского долга требовало большого мужества. Один влиятельный гражданин Понтийской области, близкий к викарию префекта, хотел принудить силой богатую вдову выйти за него замуж. Вдова прибегла к защите Кесарийской церкви, где епископом был тогда св. Василий Великий. Префект был враждебно настроен к

---

¹ Там же.

св. Василию, он воспользовался этим случаем, чтобы доказать свою власть, и потому потребовал выдачи вдовы. «Не должно ли было, – говорит св. Григорий Богослов в надгробном слове св. Василию, – вступить в дело, удержать прибегшую, позаботиться о ней, подать ей руку помощи, по Божию человеколюбию и по закону, почтившему жертвенники»¹. Василий Великий действительно отказался выдать вдову. Тогда викарий приказывает силой заставить самого св. Василия предстать перед трибуналом, но вызывает своим поступком такое волнение народа, что перепуганный префект лично просит Василия Великого успокоить народ. Как мы видим, великие христианские отцы не были послушными соглашателями с любыми беззакониями власти.

Так, при патриархе Арсении император Михаил Палеолог подверг опале патриарших хартофилаксов² и эконома за то, что первый из них наложил запрещение священнослужения на придворного священника за совершенный без предварительного разрешения брак. Палеолог приказал севастократу Торникию «разрушить дома хартофилаксов и главного эконома, срыть их виноградники и, связав самих, прислать к нему»³. Опальные бежали в церковь с женами и детьми. Севастократ, «раздраженный, подобно льву, хотел было силой оружия исторгнуть их из храма», но перед ним неожиданно явился патриарх и с

---

¹ Григорий Богослов. Слово 43. Надгробное слово Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // Григорий Богослов. Творения. В 6 ч. М., 1843–1848. Ч. 5. С. 178.

² Хартофилакс (ὁ χαρτοφύλαξ) – название одной из византийских церковных должностей. Хартофилаксу (χαρτης – хартия, бумага, φύλαξ страж, хранитель) принадлежало хранение церковных книг и документов. Должность хартофилаксов на четвертом месте после эконома, сакеллария и скевофилаксов, но по степени значения и влияния, какими пользовались лица, имевшие эту должность, она должна быть названа важнейшей и влиятельнейшей из всех должностей. Хартофилаксы были секретарями, или канцлерами, представителями и защитниками прав епископа. Как представитель закона и канонического права, хартофилаксы наблюдали, чтобы в епископских распоряжениях и указах не было ничего противного каноническим правам и гражданским законам, поэтому в епископском совете или суде они участвовали в создании свода церковных и гражданских постановлений по известным делам, согласовывали эти постановления, направляли к решению, читал все относящиеся к делу постановления и документы и решал канонические недоразумения.

³ Троицкий П. Церковь и государство в России. М., 1909. С. 63.

гневом сказал: «Зачем вы нападаете на наши глаза, руки и уши и стараетесь одни ослепить, другие отсечь»¹?

Описанные события можно отнести к тому времени, когда подвиг считался богоугодным делом. Несмотря на опасности, проистекающие от власти, христиане не боялись выступить против несправедливости. С другой стороны, и власть, считавшая себя христианской, находила в себе силы прекратить преследование невиновных и признать собственную неправоту. Возможно ли подобное социальное устройство в современном мире? К сожалению, современные люди настолько изменили духовным основаниям, что такое устройство общества может вызвать лишь саркастическую улыбку.

Мы наблюдаем абсолютно порочную, антихристианскую объединенную структуру «государства» и «церкви». Эта структура своими ложными действиями и воспеванием любой гнусной реальности превращает людей в ленивых, безнравственных и безответственных рабов. Царебожничество, поклонение любым властным мерзавцам, освящение существующего несправедливого положения вещей стало основой бытия. Поэтому у любых современных церковных институтов не может быть никакой «общей системы ценностей» с подлинной Христианской Церковью.

и не бываеѣ оудобѣ преложени ко
иномѣ гармѣ, тако же невѣрнѣи. кое
бо причастіе правдѣ къ беззаконію,
или кое общеніе свѣтѣ къ
законію, или кое общеніе свѣтѣ ко
тмѣ, кое же согласіе христови, съ
вѣліаромѣ. или какъ часть вѣрнѣ
съ невѣрными²

«Не впрягайтесь в чужое ярмо
вместе с неверными. Ибо, какое
общение праведности с беззаконием?
Или что общего у света с
тьмой? Или какое согласие Хри-
ста с Велиаром? Или какое соу-
частие верного с неверными?»³.

В апостольских словах о подчинении слуг господам и о подначальных начальникам выражена мысль, что Христос ввел Свои законы не

¹ Троицкий П. Церковь и государство в России. М., 1909. С. 60.

² Острожская Библия. 624 об.

³ 2 Кор., 6, 14–15. Синодальный перевод.

для ниспровержения общественного устройства, но для лучшего его исправления и наполнение христианским смыслом. Часто под этими словами понимают исключительно оправдание любого антихристианского действия, исходящего от земных архонтов (правителей). Власть часто не задумывается над тем, что ведет свой народ к уничтожению, присваивает народное богатство, всячески развращает людей. Власти, при которой нормой стал любой мыслимый и немислимый порок, нечистоплотные антихристовы жрецы требуют подчинения. При этом совершенно забывается, что всякая власть не только от Бога, но и для Бога, Который осуществляет через нее свои предназначения и промыслительные цели. И что именно в этом состоит источник государственной власти, ее сила, а также заключается страшная ответственность перед Богом, который вручает своим избранныкам часть своих полномочий, чтобы затем потребовать от властей строгого отчета в их деятельности.

Основа государственного благосостояния состоит в точном и неуклонном соблюдении заповедей Православной Веры, тогда как уклонение от Христова Закона ведет государство к гибели. Ответственность за нравственное падение народа несут власти, как облеченные самим Богом разными полномочиями именно для устройства справедливого Царства Божия на земле, а не для собственного обогащения и утверждения порока. Источник власти христианского правителя – в Боге, перед которым правитель понесет ответственность за свое управление: «Ты же, господин, сам Бога ради внимай себе и всему своему княжению, в нем же поставил тебя Дух Святой пасти людей Господних, которых стяжал честною своей кровью»¹ (Ты же господинъ, самъ Бѣга радибъ внимай себе и всему княженію твоюмъ, въ немъ же гатъ постави Дѣхъ Сѣтын пасти люди Господня, еже стяжа честною Си кровію)². И эта ответственность измеряется высотой его власти.

как же бо и кораблехъ есть, егда «Как и на кораблях происходит, оубо наемникъ, еже есть грѣвецъ, когда наемный гребец соблазнит-

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Цит. по: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1884. С. 34.

соблазнился, малъ врьдъ творитъ плавающимъ съ нимъ, его же кормчѣи, тогда встѣмъ кораблю сотвораетъ пагѣбѣ, такоже, господине, и о князехъ, сицѣ кто ѿ воаръ согрешитъ, не творитъ всемъ людемъ пакость, но токмо себе единомъ, аще ли же самъ князь, всемъ людемъ, иже подъ нимъ, сотвораетъ врьдъ^{1А}

ся, то причинит небольшой вред плывущим с ним, если же кормчий [причинит вред. – А. Щ.], тогда погубит весь корабль. Так, господин, и о князьях, если кто из бояр согрешит, не создает вреда для всех людей, только себе, но если же сам князь – то всем людям, находящимся под его руководством, создает вред»^{2Б}.

Поэтому власть и высокое положение правителя в государстве не столько есть преимущество, сколько бремя, возложенное на него волею Божией. Власть не должна служить источником гордости и превозношения: «Возненавиди, господин, всякую власть, ведущую тебя ко греху, имей непреложный благочестивый помысел и не возвышайся, господин, временной, суетной, неустойчивой славой»¹ (Возненавиди, господине, всакъ власть, влекѣщю тѣ на грѣхъ, непреложенъ имей благочестѣа помыслъ и не возвышайся, господине, временную славою к сѣтномъ шатанію)².

Христианский закон указывает, что «князьям и властителям» надо заботиться о благе вверенных людей. Воинам вменяется в обязанность довольствоваться «уроки своими» и всячески избегать «неправедных стяжаний». От «сильных властодержцев» требуется неуклонное исполнение справедливого правосудия, правильное и неподкупное употребление мер и весов, так как «всякия неправды пригорше двоя мерила имети, малыя и велия, а ближних лишати, сокрушати лукавно»³.

Налоги должны быть взыскиваемы человеколюбиво и в указанном лишь размере. «Всякая душа властям предержажим да повинуется, хотя бы ты был апостол или евангелист, хотя бы ты был пророк

^{1А} Там же. С. 35.

^{1Б} Перевод наш. – А. Щ.

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Григорий Богослов. 16 слов с толкованиями Никиты Иракийского // ГИМ, XIV в. Син., № 954.

³ Творения св. Ипполита, еп. Римского. В 2 т. Казань, 1898–1899. Т. 1. С. 100.

или кто-либо другой, это христианская аксиома, но подчинение власти не должно подрывать благочестия. Апостол не просто сказал – да будет послушание, но да повинуется. Повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради. Аще ли царю преобладающе. Аще ли же князем, яко от него посланном. Во отмщение злодеем, в похвалу же благодетелем. Яко тако есть воля Божия»¹. Апостол ясно учил повиноваться власти, но не без разбора. Эту мысль подтверждает св. Ипполит, папа Римский: «Ведь когда и апостол учит повиноватися всем властем предержажим, то он не о том собственно говорит, чтобы мы, отрехшись от нашей веры и Божиих заповедей, безразлично выполняли все то, что прикажут нам люди, а [он учит нас тому. – *А. Шц.*] чтобы мы, боясь властей, ни делали ничего дурного и чтобы мы не заслуживали от них наказания, как какие-нибудь злодеи»².

Сущность христианской политической теории такова: над миром царствует нелицеприятный суд Божий, от которого не избавляет ни высокое общественное положение, ни обладание земной властью. Властные управители людьми установлены Творцом: «Постави Дух Святый пасти люди Господня». Власть и ее носители воплощают на земле Божественную Правду, они призваны обращать свою деятельность ко благу «хрестьян», а не к их кровопролитию. Не личные интересы и отношения должны направлять власть, а закон высшей правды, которую они призваны воплощать на земле, чтобы люди «Господни», таким образом, достигли конечной цели своего земного бытия, а не гибли по прихоти властителей.

Промыслительное действие Божие на человека совершается свободно, а не по принуждению, и потому предполагает в человеке свободное произволение в приобретении заслуг для спасения души. Отсюда, при слабости человеческой воли, необходимо должны быть органы или посредники между Богом и людьми в достижении как отдельным человеком, так и целыми народами изначальной цели их бытия – жизни для Бога и с Богом. Таких посредников христианское богословие видит в представителях высшей государственной власти, какие бы именованья они не носили.

---

¹ *Апостол Толковый*. Гл. 2. 1-е соборное послание Петрово. Зач. 58. Л. 164.

² Творения св. Ипполита, еп. Римского. Т. 1. С. 101.

Высшая государственная власть, да и само государство являются средством к достижению основной цели бытия человека – спасению души, и уже ни в каком случае они не должны разрушать дела Божии на земле. Поэтому и всякая власть на земле и особенно верховная – не только от Бога, но исполняет дело Божественного Промысла на земле, являясь как бы видимым его воплощением. С этой точки зрения суд и администрация – только выражение Божественной Правды на земле.

занеже и гсдѣри нашихъ Бѣ избралъ есть в свое мѣсто и на свой прѣстолъ посадилъ есть. и мѣсть и животъ в рѣцѣхъ ихъ положи. такоже пророкъ глѣтъ. не ѿ Гса дана бысть вамъ власти сила ѿ Вышняго. и давыи власть Гсѣ. Тои истязаетъ дѣла и помыслы истязаетъ вскорѣ. и аще и той срѣдце немѣсть покажетъ къ чѣкомъ. ихъ же ради Хсѣ кровъ свою излиа. скоро и страшно прѣиде на того испытанїа. и ярость Гсѣ на немъ неосцѣлена. прѣдны же цѣрь или кнѣзь. аггльскїи и стгльскїи иматъ чинъ. аще сохранитъ законъ и сѣд и правдѣ и не обвинетсѣ лица силнаго на сѣдѣ. нѣже прѣиметъ мзды нѣ ѡповаетъ на неправдѣ и на восхищенїе не желаетъ. къ таковымъ рече Гсѣ. всѣ будете и сѣве Вышнеговъ си. кнѣзи вон сѣдїи и слѣжителн сѣтѣ бни нарицаются» «имѣти попечение о равѣхъ, такоже о чадѣхъ, и наказывать ихъ всегда не благамъ дѣла, на Бжїи пѣтѣ спсѣнныи. иже есть

«Потому и государей нашихъ Бог избралъ вместо себя и посадилъ на ихъ престолъ. В ихъ руки онъ положилъ милость и жизнь. Какъ говоритъ пророкъ: отъ Господа дана вамъ власть и сила отъ Вышняго. Власть даетъ Господь, Онъ исследуетъ дела и помыслы. Вскоре ихъ определяя, онъ найдетъ сердце немилостиво къ людямъ, ради которыхъ Христосъ кровъ свою излилъ, и на него придутъ испытания. Ярость Господню нельзя исцелить. Праведный цѣрь или князь, ангельскїй и святительскїй имея чинъ, если сохранитъ законъ, судъ и правду и не испугается лица сильнаго на суде, не приметъ мзды, не уповаетъ на неправду и не восхищаетъ лишняго, то къ такимъ обращается Господь – Боги будете и сыновья Вышняго. Кнѣзи, судьи и служители будутъ названы Божиими. Имея попечение о подданныхъ своихъ какъ о чадахъ, они направляютъ ихъ на благїе дела, на Божїй спасительный путь: блуда не

сие. бл҃да не творити, прелю- творить, прелюбодейства не де-
бодѣиства не дѣлати, не красти, лать, не красть, не лгать и всех
не лагти и всѣх злых дѣл уша- злых дел избегать и заботиться
лтиса и пециса дѣми их, еже о своих душах, чтобы сделать их
поставити их чисты и непороченъ чистыми и непорочными перед
пред Богом¹ Богом»².

Когда евангельские выражения о власти понимаются в буквальном смысле, как о подчинении любой власти, то они приводят к утверждению всяческого деспотизма или к оправданию правления любых властных мерзавцев, чему недавняя русская история имеет множество ужасных примеров.

Судьба государств целиком и полностью зависит от Божественного Промысла, отношение которого к отдельным народам обуславливается исполнением с их стороны Божественной Воли. Исполнение Божиих заповедей ведет государства и народы к благоденствию, а неисполнение – к гибели от врагов. Судьба народов определяется не механической деятельностью стихийных, природных сил и человеческим произволом, а свободной волей совокупности людей, образующих народ. Поэтому и конечная судьба человечества не может быть доступна ограниченным существам, но предусматривается и предопределяется единственно Божественной Волей. Вера в Бога есть основа благосостояния и бытия не только отдельного народа, но и всего человечества. Когда иссякнет в людях вера, разрушатся и основы государственной власти, тогда наступит кончина мира.

Таким образом, государственная власть должна считать своей целью открытие непреложной Высшей Истины и усвоение ее внутреннего духа, внутреннего его смысла, скрывающегося под теми или другими внешними выражениями или формами, которые могут быть совершенно различными. Но если земная власть ставит в собственное основание «скромную» жизнь и корыстный личный интерес, то такая власть ведет к потрясению самих государственных

---

¹ Рукописный сборник сер. XV в., РГБ, Троиц. Ф. 304. 1. № 176. Л. 105 об.

² Перевод наш. – А. Ш.

основ: «Ныне малым некоим небрежением поколебася, и всяко ослабе и разпадеся велико некое беззаконие внезапно восташе, и мнози помрачашася безумием и обьюродеша пьянством и всякими грехи, и изнемогоша совестью, житие свинское улучиша, прелюбодеяние содомское постигоша, и таково прелюбодеяние, яко ни в языцех именуется, ни во всей поднебесней, ни в поганых верех нигде того ни чинят»¹.

---

¹ Рукописный сборник. XIX в. (Частное собрание). Л. 112 об.

Идеальные начала власти

Сами идеальные образы, на сущности которых мы подробно остановились выше, на наш взгляд, легче всего проследить на примере древнерусского духовного и интеллектуального наследия. Именно с его помощью мы и попытаемся исследовать сложнейшую проблему взаимоотношений государственной власти и человека. Предметом данного изучения может быть вопрос об особенном понимании *власти* в Христианской Руси, определяющим смысл Русского Мира и Русского Народа в их отношении к государственной власти. В этом случае вопрос о связи власти и общества возможно разрешить не только и не столько в исторической или юридической проекции, а исходя из духовных, идеальных смыслов и построений.

Сразу возникает вопрос: почему исследование *власти* должно опираться на древнерусские представления? Мы вполне отдаем себе отчет, что в сложившейся интеллектуальной традиции разного рода «рациональных» европейских и американских «ценностей» правовые положения, культура в самом широком понимании всегда ставятся во главу угла. В то время как Русское Начало, русскую культуру рассматривают по большей части предубежденно, снисходительно и небрежно. Причем эта установка на рассмотрение русских основ свойственна не только примитивному обывателю, к сожалению, она составляет любимую тему большинства российского образованного населения.

Поэтому разговор пойдет не о банальных, гротескных идеологических стереотипах в стиле современного украинского национализма, основанных на нелепой мифологии, а о преимуществах именно Русского Начала. Речь здесь не о том, насколько Русское Начало лучше, чем остальные, подобные рассуждения неминуемо приводят к мыслям об этническом превосходстве. В нашем случае вульгарное и биологическое обоснование каких-либо этнических начал было бы совершенно неприемлемо.

Мы пытаемся говорить о совершенно иных вещах, включающих в себя скрытые и неинтересные для простого обывателя смыслы. Постараемся прояснить, что имеется в виду. Для целей нашего исследо-

вания важно знать истоки появления власти, поэтому именно благодаря Русскому Началу мы можем увидеть эти корни. Если же взять за образец общеевропейские (глобалистские) основы, то увлечение пустым рационализмом привело там к уничтожению всяких смысловых корней, вместо понимания основ мы видим лишь утверждение и развертывание власти как безраздельного господства. Под «пустым рационализмом» понимается не просто определенный способ мышления, а утрата высших целей. По сути, это искаженная форма мысли, идеальная беспочвенность, не привязанная ни к чему.

Если рассматривать термин рационализм (*ratio*) не только как разум, рассудок, но как основу, основание, то мы увидим, что данное слово происходит от латинского глагола *reti* («считать»). В своем первоначальном значении этот термин подразумевал некие простые, обычные действия, повседневные счетно-расчетные операции. Но в европейской традиции Нового Времени это слово постепенно приобрело несколько иное значение. Вместо простого арифметического смысла «считать, вычислять, рассчитывать», оно приобретает значение, соответствующее русскому термину «расчет», «выгода». «Рацио» уже обозначает деятельность, направленную на корыстный обман, противозаконные счетно-расчетные махинации. В этом и проявляется господство (властвование) бессодержательного рационализма, опирающегося на манипуляции. Сюда относятся бесчисленные и беспринципные теоретические, понятийные и практически значимые уловки. Это значит, что господство над духовной сферой людей – самая эффективная форма власти: с помощью лжи утвердить свое господство. На деле, преступность, криминальное сознание вливается в общественную жизнь именно под видом «подлинных начал».

В этом случае совершенно безразлично, является ли современное обращение «уважаемых западных людей» к морали и нравственности лицемерной или воспринимается носителями этого направления как «истинное» в своем самообмане и самодовольстве. Важно здесь, что подобное духовное направление вообще не исходит из отнесенности к нравственности, поэтому все чуждое в этой системе ценностей расценивается как аморальное. В противоположность этому Русское Начало, несмотря на свою внешнюю пугающую суровость, а также кажущуюся

щуюся наружную простоту, по-прежнему владеет связью идеальных начал с природной и метафизической реальностью. Поэтому оно гораздо более сильное единство, чем, допустим, американское (английское) искусственное «рациональное» объединение. В долгосрочной перспективе совершенно различных духовных и интеллектуальных основ, вполне возможно, победит именно Русское Начало.

Сами по себе популярные сегодня интеллектуальные основы «американизма» или – шире – англосаксонского способа мышления не имеют под собой никакой метафизической укорененности и потому абсолютно разрушительны. Мистика и воодушевление идеальным, божественным совершенно чужды этому мировоззрению. Англо-американская философия, созданная учеными-прагматиками с узким рационалистическим мышлением, порождает искусственные и механистические представления. Это мышление удаляет из жизни естественность, подавляет непосредственное, сдерживает всякую интуитивную жизнь, замещает пустой рассудочностью естественные мотивы.

В результате непрерывной борьбы с идеальным (метафизическим) началом получают распространение самые низменные и пошлые явления. Вместо идеальной непосредственности все жизненные стимулы сводятся к чувственному и животному состоянию. Человеческие представления рационализируются и становятся частью хорошо продуманного механизма, преследующего вполне определенные цели. При этом данный пустой рационализм претендует на высшую духовность.

Оригинальность и неповторимость человеческой личности, ее полнота заменяются специфическим, рационально построенным душевным механизмом. В этом случае человек из существа разумного превращается в «человека рационального» (*homo rationalisticus*), совершающего переоценку всех жизненных ценностей. Для подобного «искусственного» человека значение имеют только деньги и стоящее за ними бесконечное удовольствие. При полном господстве финансов искусство, наука и вся вообще чисто духовная деятельность лишены всякой ценности. Подобный интеллектуализм очень поверхностен, он никогда не проникает вглубь, в глубину предмета, души, мира, и

поэтому «рациональный» человек лишен корней. Подобная личность механистична, бесцветна и вненациональна.

Русское Начало, в отличие от англо-американского, имеет под собой сущностную почву. На протяжении своей долгой истории оно всячески противится западному «расчетливому» принципу, ставящему на первое место рассудочные манипуляции. Это сопротивление существует даже в том случае, когда русские пытаются копировать предложенные им совершенно чуждые для них духовные и идеологические конструкции. Поэтому, именно благодаря присутствию в Русском Начале трансцендентной сущности, а не западной метафизической опустошенности, Россия, на удивление «мировых господ», не срывается даже в самых сложных ситуациях вниз, до самого дна, а получает каждый раз все новый исторический разбег. И очередной подъем – это только вопрос времени.

В борьбе русского с западным началом на поверхность выходит скрытая метафизическая смысловая пустота Нового Времени, когда становятся очевидными все беды, утраты и искажения, появившиеся из-за утери духовных смыслов и содержаний. Некая кажущаяся внешняя простота и одновременно необузданность Русского Начала содержит в себе понимание Бога и Его действий, но время выйти на свет этому знанию еще не наступило. «Расчетливый» рационализм (гешефт), ныне пытающийся получить господство в России, полностью нерусский по своей природе и есть одна из опасных форм, которая все же может привести к вырождению Русского Начала.

Именно подобный пустой рационализм, а не сами русские основы, являются причиной всех отрицательных процессов в русской истории. Собственно, идеологически чистый западный «рационализм» всегда выступает источником деспотии, так как его сущность заключена в утрате всяких корней и установке на собственную абсолютизацию, направленность на торжество изменчивой и конечной личности. Отсюда деспотизм и массовое оглушение.

Поэтому окончательное торжество «расчета» имеет все возможности лишить фундамента саму сущность русского народа, наполнить его основание пустотой. Этот триумф беспринципной расчетливости приведет не к процветанию, а к разграблению страны, которая посте-

пенно потеряет духовный суверенитет. При этом сами «западные» люди уже не обладают историческим осмыслением подлинного бытия, не говоря уже про карикатурную «российскую интеллигенцию», бездумно копирующую западные «расчетливые» начала.

Постоянно существует опасность, что явление, совершенно неправоммерно именуемое ныне «либерализмом», разрушит Русское Начало. Будет ли тогда Россия именоваться страной русских людей или всепожирающее «бытийственное» истощение достигнет своих пределов? Этот вопрос пока остается без ответа.

Таким образом, вопрос об основах власти – это не расовый, этнический или юридический, а именно метафизический вопрос, который может быть разрешен исключительно выведением истоков всего сущего из идеального бытия. Только в этом случае можно преодолеть верховенство «сущего», окружающего нас природного мира. Эта преодоление также относится и к пониманию истинной власти. Чтобы понять истоки Русского Начала, необходимо обратиться к христианской идее воплощенного Бога. Сын Божий принял одушевленную идеальную плоть нашего естества, следовательно, христиане должны поклоняться не просто любой земной власти, а только той, которая воплощает в себе идеальные образы Господа, Пречистой Богородицы и всех честнейших святых. Если бы Творец всяческих не принял наше падшее естество, невозможно было бы говорить о власти в метафизическом смысле. Власть в этом случае обладала бы только сугубо земным величием, служила телесным и вещественным целям, прославляла человека и его бытие, как Бога.

Как Бог Слово (Логос) явился в образе человека, так и люди через земную власть должны поклоняться не ее грубому, плотскому порядку, а тому идеальному образу, отражением которого власть является. На земную власть смотрят «очи нашего разума, а очами, направленными из сердца, мызираем на Того, чей образ находится за пределами природного мира»¹. Только в этом случае невидимое предстает видимым, преображая само видимое в первозданное идеальное состояние. Власть перестает быть лишь насилием в искаженном мире, под-

---

¹ *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. С. 139.

чиненном тлению и смерти, источником всяких несчастий и пороков. Ее основы принуждения просветляются заложенным в ней первоначальным идеальным первообразом. Поэтому часто выдвигаемое против христиан обвинение, что они считают для себя возможным воздавать божественное поклонение государственной власти, является не чем иным, как искажением христианского учения.

Попробуем более подробно рассмотреть эти идеальные начала. Все относительные явления имеют свое основание в Абсолютном Начале. По логическим законам нечто, зависящее от другого, предполагает что-то, что зависит только от самого себя. Таким образом, мы говорим о бытии абсолютном (сущим в себе), не зависящим ни от чего иного. Это бытие является источником всего, относящегося к нему. В этом смысле Абсолютное Начало выступает как производящая или творящая сила. Содержа в себе полноту бытия, Начало определяется как Высший Разум и Высшее Совершенство. Проявляя из небытия иное, Оно всему дает не только начало, но и вкладывает в него закон, выражающий необходимость самого существования относительных явлений. Как всякое метафизическое, абсолютное Начало, Оно не постигается только с помощью органов чувств, которым доступно восприятие лишь малой части физического, материального бытия. Это Начало доступно только духовному взгляду человека, и в этом случае Оно всецело поглощает его, подчиняя себе не только разум, но чувства и волю.

Поэтому любое *государство*, как понятие, не имеет сущностного значения, кроме того, оно также не ограничивается только функциональными рамками. Философия государства должна быть построена на многообразии природы человека. Личность не может быть отделена от своих действий. Человеческое существование, в том числе и в виде государственного или общественного устройства, возможно только в дуалистических рамках – *природного* и *духовного* человека. Естественное, природное начало предполагает наличие желающей воли, то есть такой воли, которая обусловлена окружающим физическим миром, порождающим в человеческом теле природные желания и потребности. Если человека рассматривать только с физической стороны, то существо его сводится к очень узкому опыту и ограничен-

ному кругозору. Его сознание становится закрытым для иных миров. Безрассудное подчинение исключительно биологической природе приводит к ложному пониманию собственных физических границ за пределами подлинного Бытия.

С другой стороны, *духовное* основание в человеке свидетельствует не только о биологическом индивидууме, но и о его личностном существовании. Личность не ограничивается физическим миром, в первую очередь, это восприятие Духа природой. Поэтому личность – это не проблема обществознания или социальной философии, а, прежде всего, проблема метафизической философии. На самом деле, личность – это всегда духовный феномен. Отсюда, *природному* (физическому) человеку не могут принадлежать права, свободы и власть, так как эти феномены имеют сугубо духовную природу. Но это совершенно не значит, что реального человека надо искусственно разделить на *духовного* и *природного*. Подобное разделение приведет к крайнему отвлечению (абстрагированию) от тех же *духовных* и *физических* начал. В этом случае человек теряет свои реальные признаки и превращается в абстрактный объект. Этот объект может быть как *естественным*, так и *духовным*, но в нем уже нет личностных черт. Поэтому важно не дробление целостной человеческой природы, а избавление от произвольного смешивания начал.

Сфера духа не может быть отдана в услужение биологической природе, которая, отвлекаясь от своего изначального идеального единства, неожиданно становится самозаконной. Поэтому установление политических прав и свобод принадлежит духовной области в человеке, и только потом они воплощаются в природном существовании всего человеческого общества. Лишь в этом случае политические свободы и права могут утверждаться без всякого насилия, так как они следуют разуму. Вначале необходимо внутреннее осмысление политических прав и свобод, и лишь потом возможен переход в единство закона и единство власти. В следовании разуму и природе можно считать государственный закон обязательным для всех (*ἔλεσθαι τῷ ζῆνῳ*). Назвать подлинным общество, основанное на законах, можно лишь в том случае, если общество осознает, что такое справедливость. Именно с помощью этого понимания людские законы приобретают силу и

правду. Собственно, за такие положительные законы народ и должен стоять, «как за стены своего города»¹.

Установка государственной власти на господство естественных, биологических желаний в человеческой природе вначале приводит государство к власти безликой толпы, а затем всегда заканчивается тиранией. Таким образом, декларируемые права и свободы не могут быть установлены механически, сугубо формально, без всякого осмысления со стороны общества. Любые политические установления, в том числе и различные политические права, вторичны по своей сути. Они результат работы личности, духовной и интеллектуальной содержательности человека, а не повод для оправдания и воплощения низших, бессознательных влечений. Отсюда политическая свобода предполагает осмысление и поиски Истины как главного предназначения всего человеческого существования. Утверждение личности – это всегда усилие над собственным дебельзмой естеством, включающее ограничение своеволия внутреннего и внешнего человека.

Осмысление Истины не должно предполагать лишь направленность процесса мышления на какие-либо политические установки. Разум обязан определять Истину и справедливость в вещах, а не являться физиологическим отправлением человеческого субъекта. Если разум подводится под физиологическое осмысление функций, то тем самым происходящие события становятся безличными по отношению к Истине, а сам процесс познания – неопределенным по отношению к себе.

Какие начала положены в основания власти, такой становится и сама власть. В этом случае, для понятия *власть* определяющим основанием является понятие *начала* («ἀρχή»), которое выступает отправной точкой, служит не только основанием, но и является истоком происхождения самого понятия *власть*. *Начало* предстает как основа, источник *власти*. Таким образом, *власть* находится в установленных пределах, имеющих собственную первопричину в метафизических принципах. *Власть* – это не просто начальствование над чем-либо или

---

¹ *Гераклит*, 44 DK // *Fragmenta*, ed. H. Diels and W. Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951 (repr. Dublin/Zurich: 1966): 150–182.

управление кем-либо. В первую очередь, понятие *власть* можно передать словом «господство», представляющим собой силу как осуществление, меру воздействия. *Власть* является направлением и, одновременно, точкой приложения господствующей силы, возможностью ее проявления. В основе *власти* находится *господство*, предстающее как возможность, потенция (δύνμις). В этом случае, *господство* предстает как могущество скрытой, трансцендентной силы, проявляющейся в реальности. Эта сила выступает как осуществляющая, действующая сила (ἐνέρμεια).

В этом смысле метафизическое *господство* обнаруживается как полное раскрытие заложенной внутри *власти* цели. Отсюда уже следует обычное представление о *власти* как властвовании над людьми, предстающей в качестве законченной, полной действительности, осуществленности в социуме. К этому свойству *власти* вполне можно отнести слова Аристотеля: «деятельность стремится к реальности»¹ (ἐνέρμεια συντείνει πρὸς τὴν ἐντελέμειαν²). Поэтому нет никаких оснований определять власть только как политическое управление и уж тем более как некую государственную должность, осуществляемую назначенным (выбранным) лицом или ведомственным учреждением (институтом).

Следовательно, будет сознательной или несознательной ошибкой представлять власть лишь как отношения между людьми. Понятие *власть* говорит не о социальном статусе «вязать и решать». Речь идет о гораздо более высоком сущностном статусе власти, ее положении в бытии, превосходящим физические и биологические границы. В конечном счете, иерархия власти и есть основной закон бытия. Поэтому «властитель» (potens) – это тот, кто обладает силой, способный воплотить в действительности те или иные смыслы, установить ценности и значения человеческого бытия. Но «властвовать» – не значит считать себя имеющим безусловное превосходство, заключающееся в безраздельном доминировании: господствовать и управлять.

Если принять эту точку зрения, то тогда безраздельная власть физического мира над человеком должна быть признана незыблемой

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Аристотель. Метафизика. 1050а.

и непререкаемой. Однако же человек всячески сопротивляется¹ этой темной и равнодушной силе, окружающей его существо. Поэтому *власть* не может расцениваться как механическая передача части некоей имеющейся собственности в управление какому-либо лицу. Такая *власть* не обладает независимостью, в первую очередь, от самой себя. Это власть количества, она использует свое превосходство, чтобы любым путем получить как можно больше количественных ресурсов. Поэтому такая «власть» может только отнимать, но это, в свою очередь, приводит к тому, что ее основания становятся призрачными и неустойчивыми .

В подлинной системе власти любой государственный правитель не отличается от остальных людей, несмотря на его временный высокий социальный статус. В нем нет никакого бытийственного преимущества над другими. Древние и новые политические теории, гласящие, что лицо, наделенное высшей государственной властью, имеет непосредственное отношение к источнику ценностей и смыслов, обожествляют именно политическую власть, делают ее автономной самой в себе. Обладание властью никоим образом не приближает к сакральным основам бытия. И уж, тем более, правитель не может получить вместе с высшим статусом какое-то особое знание или святость.

По мере своего развития европейское рациональное мышление до пределов увеличило пропасть между миром вещества и миром духа, оставив человеку только бездушную природу. Духовный мир постепенно стал все более независимым от физической природы и в конечном итоге оказался совершенно оторванным от нее. Сама же материя стала окончательно бездушной, и человек, погруженный в ее бессмысленную стихию, становится пленником собственной телесной ограниченности. Созданная картина мира не учитывает пропасти тех заблуждений, которые содержатся в человеческих представлениях о самих себе. Напротив, творцы подобных концепций считают, что нет и не может быть ничего более простого и прозрачного, чем сложнейшие и темные для понимания человеческие представления об окружающем мире. Более того, утверждается, что это темное и искаженное

---

¹ В том числе и с помощью разного рода созданных человеком технологий.

наполнение нашей душевной жизни каким-то образом может быть настоящим знанием.

Изложенные соображения относятся и к самой природе *власти*. Только с помощью метафизики можно обнаружить, что за различными концепциями происхождения и природы *власти* скрываются элементарные инстинкты примитивных человеческих чувств и страстей, прикрытых подчас яркой, но пустой интеллектуальной софистикой. Примером может служить такое явление, когда философия права оказалась от всякого упоминания о теологической абстракции и поставило на ее место естественное (природное) право.

Плоское морализаторство заменило повеления Божества, результатом остался лишь принцип механической причинности, переданный на рассмотрение человека. Наоборот, метафизика дает основание полагать, что представление о сверхчувственном мире существует, если и не в форме рационального познания, то как реальный продукт в человеческом мышлении. Есть вечные истины и есть истины факта, поэтому наша задача заключается в попытке если не соединить, то хотя бы сблизить эти два начала при изучении природы государственной власти.

Как уже отмечалось выше, в нашем исследовании мы пытаемся рассмотреть проблему понимания власти государства над человеком и человека над человеком с христианской точки зрения. Безусловно, мы со всей очевидностью представляем себе непосильность этой задачи, окончательно решить которую вряд ли возможно с помощью человеческих сил. Но всегда остается вероятность хотя бы в некоторой степени приблизиться к такому сложному предмету, несмотря на условность, относительность нашего земного пребывания. Вот что писал по этому поводу св. Дионисий Ареопагит: «Ведь невозможно нашему уму восходить к невещественному созерцанию небесных чинов и уподоблению <...> иначе, чем через посредство вещественного, то есть, представляя себе видимые красоты изображением невидимого благолепия, и чувственные благоухания – отпечатками умного подаяния, и вещественное сияние – изображением безвещественного (нематериального) дарования света...»¹. Идеальные образы предстают в

¹ Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С. 226.

вещественном виде, поэтому наше знание не должно быть заключено только в материальные границы, а должно иметь возможность возводиться от чувственного к умному (ноуменальному), то есть к тому, что выше чувственного. Умственные построения должны быть отпечатком и подобием идеального порядка, а не искаженной действительности.

Это позволяет *знанию* возвыситься над *действием* (практикой), само знание в этом случае является не как теоретизирующее, а нацеливается на метафизическую реализацию, то есть совершается попытка увидеть идеальные, сверхиндивидуальные состояния. Идеальное предстает как сила, одухотворяющая и движущая человечество изнутри, и оно не может быть подчинено только всецело внешней власти. Власть не может, в этой схеме, быть лишь внешним предметом (чистым «юридизмом»), обеспечивающим различные проявления человеческого эгоизма. Поэтому правильно понятое подчинение «властям предержавшим» включает в себе лишь условные обязательства подданных участвовать, наряду и наравне с высшей политической властью, в защите правды и правильном устройстве мира, иначе говоря, содействовать власти в исполнении ее обязанностей перед Богом. Эти обязательства связывают подданных лишь до тех пор, пока власть требует от них исполнения того, что они обязались исполнять. Если же, вместо того чтобы управлять государством, власть начнет действовать тиранически, если она станет враждовать против правды, нарушать мир и отступит от Веры, то народ освобождается от всякого подчинения: он вправе низложить правителя как нарушителя установленного порядка и возвести другого на его место.

Если внимательно взглянуть в представления о власти в Древней Руси, то мы увидим, что в основе этого мировоззрения лежат универсальные вечные истины, которые с самого начала не были лишь бесплодной умственной гимнастикой или чистой эмпирией, направленной на получение практической выгоды. Это было познание Истины в исторически необходимых формах, раскрывающих в сознании и реализующих в действительности простые метафизические истины.

Идеальному миру противостоит земной мир, мир призрачный и ложный, в котором истинно сущее пребывает только как сверхчув-

ственная идея, первообраз всего существующего. В потоке различных явлений, непрерывно убывающих и возникающих, появляющихся и уничтожающихся, вечно пребывают первоначальные смыслы в качестве основы всего существующего. Мир идеального есть не только сущность, но и конечная цель, вечный идеал всего бытия, этот мир идей есть не что иное, как вечная основа мировой жизни. Чтобы приблизиться к вечной блаженной жизни идей, нужно вырваться из оков чувственного бытия, надо освободиться от этого земного мира: ложного, обманчивого, не долженствующего существовать, иными словами, необходимо «умереть» для всего земного.

Земная жизнь человеческого существа имеет относительную ценность и смысл. Конечная цель человека расположена не в земном мире, а за его пределами. К этой сверхъестественной, непреходящей цели и должно стремиться все существующее, к ней же должна быть направлена и вся земная деятельность человека. Человек должен, прежде всего, спасти свою бессмертную душу, и для достижения этого любые мирские заботы теряют всяческий смысл. Главное – это достижение и созерцание мира вечных идей, для чего необходимо пожертвовать любыми дольными стремлениями.

Человек находится между мирами, его природа двойственна, он живет в том и другом частью принадлежащего ему двойственного существа. Вечным разумом, умом (*νόος*) он способен созерцать идеальные формы, но есть и другие, низшие сущности, находящиеся в нем – желание, вожделение (*ἐπιθυμία*). Примитивная и разрушительная часть души влечет человеческий образ к распаду, к чувственным аффектам, к примитивной жизни. Третья способность – дыхание жизни (*ψυχή*), находящаяся между высшей и низшей природой человека, служит инструментом разума в борьбе со страстями, помогая ограничивать чувственные желания, или же, напротив, соединяется с животным началом, препятствуя разумным устремлениям.

Не в силах человека освободиться от двойственного состояния, лежащего в основе его бытия. Он не может самостоятельно избавиться от низших движений души, влекущих его к чувственной жизни. Луций Сенека писал: «Никто не в состоянии помочь самому себе, ему

должен кто-нибудь подать руку, чтобы поднять его»¹. И это может быть только Новый Адам – Иисус Христос, «который не только был бы безгрешен и совершенно оставался бы непобедимым, но мог бы прощать грехи и избавлять от наказания подверженных греху, – и не только обладал бы жизнью, но и способностью оживотворять, чтобы сделать участниками жизни тех, которые прилепляются к Нему и принадлежат к Его роду, и не только представителей последующего за Ним поколения, а и тех, которые уже умерли до Него»².

Он подал руку ветхому Адаму и поднял его, вывел из сени смертной и привел в горний Иерусалим: «Поэтому Новому Адаму надлежало быть не только Человеком, но и Богом, чтобы Он Сам по Себе был и жизнью, и премудростью, и правдой, и любовью, и милосердием, и вообще всяким благом для того, чтобы привести ветхого Адама в обновление и оживотворение»³. Только с помощью Спасителя, путем долгих и трудных душевных и телесных упражнений возникает возможность обуздать порочные чувственные влечения, если уж нет возможности уничтожить их совершенно. Тем самым появляется вероятность подчинить их разуму и обратить изначальный дуалистический разлад человеческой природы в некоторое созвучие. При таком гармоничном состоянии смысл всей человеческой жизни заключен в спасении души для вечной жизни. Нахождение согласия, при котором низшие способности человека подчиняются высшей, способствует тому, что все человеческое естество служит достижению Божественного, Небесного Царства.

---

¹ Луций Сенека. О провидении / Пер. В. Стовик и В. Стейн. Керчь, 1901. С. 21.

² Григорий Палама. Триады. I,3,42. ГПС. Т. 2. С. 238 // Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα. Τ. Α΄-Ε΄. Θεσσαλονίκη, 1988–1992 (далее – ГПС).

³ Григорий Палама. Триады. II,3,18. ГПС Т. 2. С. 448.

Истоки политических теорий в Древней Руси

Не требует дополнительного исследования общее представление о том безусловном факте, что политические теории, определившие основы государственного развития, проникли на Русь из Восточной Римской империи. Вместе с принятием христианства правовое мировоззрение восточных римлян (ромеев) отразилось на государственных идеях русского народа. Поэтому в самых общих чертах нам необходимо выяснить: в чем состоит сущность этих идей и теорий? В устоявшемся общественном и научном мнении и по сию пору политическая система и структура Восточной Римской империи (Византии) приравниваются к не ограниченному ничем, кроме произвола деспотии строе, синонимом которого в наше время является одиозный термин «империя».

По этим взглядам верховная государственная власть целиком принадлежала византийскому императору. Как принято считать, ромейский базилевс – это всегда коварный, кровавый деспот и жестокий насильник. В его руках сосредоточивалась вся законодательная и административная власть. Над императором не было никаких правовых ограничений, или же они были до крайности призрачными и не имели никакой действительной силы. Эти устоявшиеся взгляды иллюстрируют архитипическую картину насилия и произвола, господствовавшего в Византии, которые, соответственно, пришли на Русь, получили свое развитие в Московской Руси и последующей имперской России. При этом совершенно не учитывается, что «фактическая возможность произвола не была еще законным правом»¹. Нарушая Божественные Законы, власть поступала как тиран и деспот, и общество относилось с осуждением к ее преступным поступкам. С юридической точки зрения византийский император не мог нарушать законы, а, наоборот, обязан был защищать их неприкосновенность.

В этой связи требует уточнения понятие «империя». Обычно этот термин имеет отрицательное значение и, как правило, противопостав-

---

¹ *Троицкий П.* Церковь и государство в России. М., 1909. С. 78.

ляется западноевропейскому политическому устройству как некоему государственному идеалу. Но на самом деле, в своем первоначальном значении, у римлян понятие Imperium (Империя) просто олицетворяло высшую государственную власть. Сам термин «империя» происходит от лат. imperium, что буквально значит «власть». Эта «власть» принадлежит народу, представлявшему ее на выборах, в законодательстве, в верховном суде, при объявлении войны и мира. Отражением этой власти является империя как высшее полномочие государственных органов. Империя давалась правителям посредством выборов или особого закона. То есть империя – это выборная власть с избранным на время особым законом правителем. Но при этом данная власть устанавливается как наследственная, единоличная. Народ передает часть своих полномочий верховному правителю, который, со своей стороны, несет ответственность перед народом, уполномочившим его на правление.

В Древнем Риме империя была военной, с правом определения жизни и смерти. Император (Imperator) первоначально означал верховного главнокомандующего римской армией. Со времени Юлия Цезаря (Imperator Caesar Divi Julii filius) титул «император» стал постоянным наследственным именем. В поздней Римской империи правитель носил название автократор (αὐτοκράτωρ), то есть высший государственный субъект, обладающий неограниченными политическими полномочиями, не зависящими ни от чего внешнего и субъективного¹. В этом и заключается смысл суверена, самодержца, обладающего неограниченным политическим правом, которое, тем не менее, жестко ограничено Высшим (Божественным) Законом.

При внимательном рассмотрении подобная форма власти не имеет ничего общего с политическим произволом. Подобного властителя, не согласующего себя с Высшей Справедливостью, называли тираном (τύραννος). Он был правителем, незаконно захватившим власть. То же самое относилось и к правителям, управляющим государством, исходя исключительно из собственной выгоды, а не закона. Поэтому часто приписываемая тиранам жестокость, подозрительность и самодурство

---

¹ В «Священной римской империи германского народа» император считался наместником Бога на земле в светских делах, в отличие от Папы римского, считавшегося наместником Бога в духовных делах.

были результатом первоначального отрицания Справедливости и законности в государственных делах.

После Римской и Византийская (Восточная Римская) империя воспринималась как политическая система, объединяющая духовные и мирские начала, где власть сочетала в себе принцип народовластия с учреждением единого правителя, при этом смысл и задачи правителя заключались в защите и хранении Православной Христианской Веры.

Как противоположность первоначальному значению христианской империи может служить «империя», созданная Петром Первым в России. Петр Первый в 1721 году в честь победы над Швецией (Ништадский мир) определил себя как «Император Великий, Отец Отечества». Тем самым Петр узурпировал в лице светского владыки как духовную, так и государственную власть. Это привело к тому, что Петра христиане стали именовать «антихристом», ибо он стал верховным правителем, противопоставившим себя Христовой Правде, выступающим «вместо» (ἀντί) Христа.

Из системы русской власти христианский народ, как суверен первоначального права, был насильственно удален, и его место занял абсолютный, ничем не ограниченный произвол верховного правителя, осуществлявшего управление через безликие, враждебные народу бюрократию и власть, которые паразитируют на теле русского народа и по сию пору, живя за его счет.

Византийский император получал свою власть не в силу законного порядка престолонаследия, а по избранию. Императора избирал весь народ, или, чаще, войско, а утверждение законов принадлежало Сенату, который и сам обладал избирательным правом. Это право Сенат мог осуществлять не только тогда, когда престол был свободен, но и в любое время. По основному государственному закону, действовавшему в Риме и продолжавшему действовать в Константинополе, народ мог не только избирать императора, но и низлагать его.

Законного, формального порядка низложения императора не было, но у граждан были все средства добиться низложения тирана и еретика. Средства свержения, в соответствии с византийской юридической практикой, были вполне законные и действенные. Если император насилием или ересью возбуждал против себя неудовольствие,

то можно было провозгласить нового императора, и, если он получал поддержку со стороны войска и Сената, свергнутый император принужден был уступить ему место, удалившись в монастырь или каким-нибудь иным способом оказавшись от общественной жизни.

Внешним знаком царского достоинства был императорский венец, и его император получал от представителя тех слоев, которые вручили ему верховную власть. В IV веке корону возлагал на императора префект, как представитель войска, со второй половины V века эта почетная обязанность переходит к константинопольскому патриарху. Коронование императора первоначально вовсе не имело значения религиозного акта, и это видно из того, что оно не было необходимостью. Над воцарившимся императором этот обряд большей частью совершался, но было немало случаев, когда обходились без него. Не религиозный обряд и не согласие Церкви давали императору право на власть, а общественное избрание. Интересно отметить, что во время обряда помазания на царство¹ в Византии читались определенные главы Евангелия от Иоанна. И для ясности дальнейшего изложения на эти евангельские отрывки стоит обратить пристальное внимание.

Аминь, аминь глѣю вамъ. не вх-
дди дверми во дворъ овчїи, но
прелазѣ инѣде, той тать есть
и разбойникъ. а вхѣдди дверми,
пастырь есть овцамъ. семѣ двер-
никъ ѿверзаетъ, и овцы гласъ его
слышатъ. и своѣ овца глашаетъ
по имени, и изгонитъ ихъ. И егда
своѣ овца ижденетъ, предъ ними
ходитъ, и овца по немъ идѣтъ,
яко вѣдѣтъ гласъ его. по чю-
жемѣ же не идѣтъ, но бѣжатъ
ѿ него, яко не знаютъ чюжаго

«Истинно, истинно говорю вам:
кто не дверью входит во двор ов-
чий, но перелазит инуде, тот вор
и разбойник, а входящий дверью
есть пастырь овцам. Ему прид-
верник отворяет, и овцы слуша-
ются голоса его, и он зовет своих
овец по имени и выводит их. И
когда выведет своих овец, идет
перед ними, а овцы за ним идут,
потому что знают голос его. За
чужим же не идут, но бегут от
него, потому что не знают чужо-

¹ Лопарев Х. К чину царского коронования в Византии. Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко, 1913. С. 5.

же не идѣтъ, но бѣжатъ ѿ него, тако не знаютъ чужаго гласа. Сию притчѣ рече имъ Ісѣ, они же не разѣмѣша, что баше таже глѣше имъ. рече же паки имъ Ісѣ. аминь, аминь глѣю вамъ, тако азъ есмь дверь овцамъ, вси елико нѣхъ прїиде прежде мене, татїе сѣтъ и разбойницѣ, но непослѣшаша нѣхъ овца. Азъ есмь дверь. мною аще кто внидетъ, спасетса, и внидет и изыдетъ, и пажить обратетъ. Татѣ не преходитъ, развѣ да оукрадетъ, и оубїетъ и погубитъ. азъ прїидохъ, да животъ имѣтъ, и лишше имѣтъ. азъ есмь пастырь добрый. пастырь добрый дшѣ свою полагаетъ за овца. а наемникъ и иже не естъ пастырь, емѣ же не сѣтъ овца своа, видитъ волка градца, и оставляетъ овца и бѣгаетъ, и волкъ расхититъ нѣхъ, и распѣдитъ овца. а наемникъ бѣжитъ тако наемникъ естъ, и не радитъ о овцахъ. азъ есмь пастырь добрый, и знаю моа, и знаютъ ма моа, такоже знаетъ ма оцѣ, и азъ знаю оца, и дшѣ мою полагаю за овца. И ины овца имамъ, таже не сѣтъ ѿ двора сего. и тыа ми подобаетъ привести. и гласъ мой оуслышатъ, и бѣдетъ едино стадо, и единъ пастырь¹

го голоса. Сию притчу сказал им Иисус, но они не поняли, что такое Он говорил им. Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники, но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и оставляет овец, и бежит, и волк расхищает овец, и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах. Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь»²

¹ Острожская Библия. Л. 577–577 об.

² Иоанна 10, 1–16. Синодальный перевод.

Текст Евангелия от Иоанна применительно к теме взаимоотношений христианства и власти хотя и метафорически, но достаточно ясно определяет государственные приоритеты, существенные с христианской точки зрения. Император, царь, правитель, должен соблюдать государственный закон и Божественные заповеди. Закон, в данном контексте, есть «дверь», через которую правитель должен управлять обществом – «овцами». Не соблюдающий закон правитель превращается в «вора и разбойника». «Голос» правителя, ведущий за собой людей, – это Священная Христианская Правда. Люди («овцы») должны следовать этому «голосу», только если это «голос» Христа, то есть исключительной и единственной Истины. Если правитель нарушает или отвергает Христовы заповеди, то люди не должны повиноваться такому правителю.

Неправедный правитель – это наемник, позволяющий «волку» диаволу разрушить государственные христианские основы и отвратить людей от правой Веры. Правитель должен положить свою жизнь за своих людей – «и жизнь Мою полагаю за овец», а не заниматься грабежом и поощрением пороков, как «волк» или как наемник, не заботящийся о своем народе, а использующий преимущества, предоставляемые властью, радея лишь о своем благополучии. Правитель должен заботиться не только о христианском «стаде», но надо, чтобы и все народы – «другие овцы, которые не сего двора», услышали «голос» Христа и приняли Его правду, «и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь».

Правитель, если следовать вышеприведенному тексту, – это справедливый и благой Правитель для вверенных в правление ему людей. Христианский правитель – не бездушно «управляющий» наемник, а Отец, милующий и прощающий своих детей. Более того, правитель должен думать об обращении ко Христу других народов. Мысль о благом и справедливом правителе также развивает читаемый при венчании императора на царство отрывок из апостольского Послания к Евреям.

Тѣмъ же цѣрство не поколебимо «Итак, мы, приемля царство непріємлюще, имамы влѣдѣть, ею же поколебимое, будем хранить

слѹшимъ бѣгодоно бѣгъ съ бѣго-
говеніемъ и страхомъ. нбо бѣгъ
нашъ огнь подалн естъ...
яко дерзающн намъ глати, гдѣ
мнѣ помощникъ, и не оубоюса,
что сотворитъ мнѣ чѣкъ. Помни-
айте наставники ваша, иже гла-
ша вамъ слово бжїе, и хъ же визи-
рающее на скончаніе жителства,
подражайте вѣрѹ их¹

благодать, которую будем слу-
жить благоугодно Богу, с благо-
говением и страхом, потому что
Бог наш есть огнь поядающий
<...>. Так что мы смело гово-
рим: Господь мне помощник, и
не убоюсь: что сделает мне че-
ловек? Поминайте наставников
ваших, которые проповедовали
вам слово Божие, и, смотря на
кончину их жизни, подражайте
вере их»²

Император приобретает христианское царство, созданное по об-
разу Царства Небесного. Этот образ правитель должен и обязан хра-
нить, устанавливая *благодать*, и при этом не бояться человеческого
произвола. Если же царь разрушает вверенное ему царство, то ему
предстоит не только ответить за это перед подданными, которые име-
ют право низвергнуть тирана или деспота, а самый Страшный суд
ожидает неверного властителя в вечности. «Коронационные» тексты
из Св. Писания заключают в себе наставление повелительно управлять
в заповедях Христовой Веры. Эти же священные тексты читались при
помазании на царство русских царей до Петра Первого. С наступле-
нием петровского «модернизма» в России при «поставлении» и венча-
нии на царство российских императоров акцент был перенесен на уже
совершенно другие священные тексты, обозначающие иные «власт-
ные» приоритеты.

Тогда шедшее фарисей, совѣтъ «Тогда фарисеи пошли и со-
прїемлюше, яко да оболѣстатъ вещались, как бы уловить Его
его словомъ. и посылаютъ къ в словах. И посылают к Нему

¹ Острожская Библия. Л. 648 об.

² Евр. 12, 28–13, 6. Синодальный перевод.

немѹ оучѣнки своа со иродѣаны, глѣюще. оучителю, вѣмы яко истиненъ еси, и пѣти бжѣю вонстинѹ оучиши, и не радиши не окомъ же. не во зриши на лице члкомъ. рцы оубо намъ, что тис а мнитъ, достойно ли есть дати кнсонъ кесареви, или ни, разѹмѣвъ же їсъ лѣкавство ихъ, рече. что ма искѹшаете лицемѣри, покажите ми златицѹ книсоннѹю. они же принесоша емѹ пеназь. и глѣ имъ, чїи образ сей и написанїе, глѣша емѹ, кесаревъ. Тогда глѣ имъ. воздадите оубо кесарева кесареви. и бжѣа бгови. И слышавше, дивншася. и оставльше его Ѡидоша¹

учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо. Итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Исус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли»².

В искаженном политическом контексте изложенные цитаты из Священного Писания однозначно увещевают подданных повиноваться любой власти, без каких-либо условий. Второй «коронационный» текст из Послания к Римлянам святого апостола Павла не менее категорично призывает общество к безусловной покорности любой власти.

Всака дша властѣмъ преде-
жацимъ да повинѣтса нѣсть
во власть аще не Ѡ Бга сѹщи
таже власти Ѡ Бга оучинены
сѹть. Тѣмъ же противлнса

«Всякая душа да будет покорна
высшим властям, ибо нет власти
не от Бога, существующие же
власти от Бога установлены. По-
сему противящийся власти про-

¹ Острожская Библия. Л. 538 об.

² Мф. 22, 15–22. Синодальный перевод.

власти, вѣжю повелѣнїю против-
ляется. противляющїи же са,
себѣ грѣхъ прїемлютъ. князи во
несѣтъ боязнь дорымъ дѣломъ,
но злымъ. хочещи же ли не бо-
лтиса власти, благое твори, и
имѣти вѣдещи похвалѣ ѿ него.
вѣжн во слуга есть тебѣ въ бла-
гое. аще ли злое сотвориши, вон-
са. не во безъ оума мечъ носитъ.
вѣжн во слуга есть. ѿмститель
въ гнѣвъ злое творящемъ. тѣмъ
же потреба повиноватиса, не ток-
мо за гнѣвъ, но и за совѣсть,
сего ва ради и дани даею. Служ-
жите ли во вѣжн сѣтъ въ истое
се пребывающе. воздадите оубо
всѣмъ должнаа. емъ же оубо оу-
рокъ, оурокъ, емъ же дань, дань.
а емъ же страхъ, страхъ. И емъ
же честь, честь¹

противится Божию установле-
нїю. А противящиеся сами на-
влекут на себя осуждение. Ибо
начальствующие страшны не для
добрых дел, но для злых. Хочешь
ли не бояться власти? Делай до-
бро, и получишь похвалу от нее,
ибо начальник есть Божий слуга,
тебе на добро. Если же делаешь
зло, бойся, ибо он не напрасно
носит меч: он Божий слуга, от-
мститель в наказание делающему
злое. И потому надобно повино-
ваться не только из страха нака-
зания, но и по совести. Для сего
вы и подати платите, ибо они Бо-
жии служители, сим самым по-
стоянно занятые. Итак отдавайте
всякому должно: кому подать,
подать, кому оброк, оброк, кому
страх, страх, кому честь, честь»²

Из приведенных текстов мы видим, что в императорской России упор делался на безоговорочное подчинение всякой власти и любому ее действию. И священные тексты здесь использовались исключительно для манипуляции, они были употреблены для утверждения безраздельного полновластия. Оправдание неограниченных полномо-
чий привело к тому, что власть уже не несла никакой ответственности за свои правые или неправые деяния. Для власти не устанавливаются ограничения ни в гражданском законе, ни в Божественных Заповедях. Власть становится самодостаточной и сакральной только потому, что она существует. Ее основы проистекают уже не из учения Христа, а становятся законоположенными, исходя из существования самой вла-

¹ Острожская Библия. Л. 614 об.

² Рим. 13, 1–7. Синодальный перевод.

сти как «божественного» установления. Задача власти править, как она может и желает, а долг граждан – исполнять эти властные приказы, часто далеко отстоящие от Христовой Правды. Именно по этой причине подобные лукавые политические «взгляды» по сию пору замутняют подлинное христианское представление о *власти*, покрывая всяческий порок и негодяйство неким священным покровом.

Здесь важно понять, что не сами священные тексты несут в себе положительный или отрицательный заряд. Просто интонация и вырывание из общего смысла отдельных частей Св. Писания ведут к извращению христианского учения о власти, что мы и наблюдаем у современных «властепоклонников», особенно представителей никонианской церкви. Именно никониане более всего преуспели в деле оправдания Священным Писанием любой власти, независимо от ее сущности.

Если внимательно проследить за «служением» государству никонианской церкви, то мы увидим вопиющие факты, начиная от поддержки и оправдания действий Петра Первого до крепостничества и бесконечного духовного и вещественного насилия над народом. Никонианские антихристовы жрецы всегда елейно пели на все лады: «смиряйся, подчиняйся» – «несть власти аще не от Бога». Особенно омерзительно, что современная российская клептократическая и безнравственная власть, поставившая Россию на край цивилизационной пропасти, получила, сама того не ожидая, «духовную» поддержку от все той же безнравственной «никонианщины».

Безусловно, в Державе Ромеев за свои действия император не был ни перед кем ответственен: не было органа, который мог бы его контролировать, но избиратели могли поставить перед ним ряд условий и тем сделать его власть ограниченной. Так, Сенат мог потребовать от императора, как это было с Анастасием Первым, присяги, что он будет управлять по совести и не станет мстить своим прежним врагам. Далее, для избрания необходимо было исповедовать Православную Веру, и это открывало путь для новых ограничений. Когда императора можно было заподозрить в склонности к ереси, патриарх заставлял его подписывать присягу, что он не будет вводить в Церкви никаких новшеств. Известно достаточно много случаев такой присяги.

Но гораздо сильнее присяги связывали императора неписанные законы, как они и сейчас связывают английского монарха. Император имел право творить законы, но никогда и ни у кого не возникало сомнения в том, что акты своей власти он обязан согласовывать с действующими законами. Теоретически он стоял над законами, практически же был связан законами (*alligatus legibus*), как это вполне определенно выразил Феодосий II и повторил Василий I. Сенату не принадлежало ни малейшей доли верховной власти, но, по обычаю, император должен был предлагать некоторые дела Сенату для предварительного одобрения. При слабых императорах Сенат пользовался этим и составлял ему оппозицию. Значительное ограничение власти заключало в себе также обязательство не нарушать постановления Вселенских соборов. Все это вместе взятое дает основание утверждать, что византийский император вовсе не был похож на воображаемого абсолютно автократора, а обладал жестко ограниченной властью.

Напомним, что реальные основы христианских политических теорий были выражены в 6-й новелле императора Юстиниана, где устанавливаются отношения между государственной и церковной властями. Творец вручил людям два величайших дара: *священство* и *царство*. Из них священство служит утверждению божественного начала в мире, а государство призвано заботиться о человеческом благополучии. При этом священство и царство происходят от одного начала и украшают человеческую жизнь, поэтому для царей нет более важной заботы, как утверждать Христову Веру и помогать священноначалию, которое, в свою очередь, возносит молитвы за правителей к Богу. Основываясь на христианском единстве, созвучное и согласное действие исключительно обеих властей будет достигнуто тогда, когда каждая из сторон будет правильно соответствовать своему предназначению. Обязанность государственной власти состоит, в первую очередь, в заботе о догматах Веры и соблюдении священных преданий и священных канонов.

В предисловии к 137-й новелле императора Юстиниана особо подчеркивается мысль, что если в целях общественной безопасности нужно строго соблюдать государственные законы, то тем более необходимо заботиться о соблюдении священных канонов, которые

установлены для спасения наших душ. Обе новеллы почти с одинаковой определенностью устанавливают начало подчинения бытия государства христианским правилам и церковным канонам. Христианским законам и канонам подчиняется императорская власть, и ее акты только тогда имеют обязательную силу, когда они не противоречат церковным правилам.

Огромный интерес по теме взаимоотношения властей представляет царский свиток диакона Агапита, поднесенный им императору Юстиниану. По учению Агапита, император получил свою власть от Бога. Творец вручил ему символический скипетр земного царства, которое должно быть устроено по образу Небесного Царства, поэтому царь, будучи по своей плоти сходен с любым человеком, по степени власти подобен одному Богу. Чтобы исполнить свое высокое назначение, император должен быть достоин его. Агапит подчеркивает, что недостатки и грехи императора приносят вред не только ему одному, а непременно отражаются на всем государстве. Это обязывает императора бороться со своими дурными наклонностями и заботиться о своем усовершенствовании. Бог дал императору власть, чтобы он научил людей хранить справедливость. В этом заключается весь смысл существования верховной императорской власти. Чтобы воспитать в подданных уважение к идее права, император сам должен проникнуться этим уважением, должен построить все управление на идее закона¹.

Император обязан исполнять двоякий закон: Божественный и государственный. Император, для того чтобы иметь право требовать от других исполнения закона, должен сам находиться под духовным надзором Христианских Законов. Императорская власть неограниченна – в том смысле, что императора никто не может принудить к исполнению закона, но он сам должен себя к этому принудить, чтобы иметь право требовать это от других. Император обязан крепко держать кормило государственной власти и строго следить за тем, чтобы поставленные им начальники действовали согласно существующим

---

¹ *Курганов Ф. А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи. Казань, 1881. С. 457–460.

законам. Поэтому Агапит рекомендует императору не поручать никаких государственных дел людям низкой нравственности, помня, что ответственность перед Богом за их действия несет тот, кто дал им властные полномочия.

Отдельно останавливается Агапит на судебной власти и требует, чтобы при судебных решениях не делалось различия между друзьями и врагами, так как одинаково несправедливо оправдать виновного и осудить правого. В учении о судебной власти отчетливо проявляются основы управления, данные миру римским государством. Ни принадлежность к племени (расе, нации и т. д.), ни высокое общественное положение или богатство не определяли решения суда. Только Христова Истина и человеческая, гражданская правда¹. Ныне же мы можем увидеть совершенно противоположное описанному положение дел. Принадлежность к богатому и сильному племенному клану, наличие богатства или высокий пост избавляют человека от любого преступления. Истина и справедливость только провозглашаются, а на деле ничего не стоят.

Идеал Агапита – не властитель, обладающий неограниченной властью, не знающий никаких сдержек своей воли и по своему усмотрению решающий все вопросы государственной жизни, его идеал – царь, ограниченный законом, управляющий страной по закону, хранящий идею законности, и с благоговением относящийся к нравственному долгу или справедливости.

---

¹ О справедливости судей говорит древнерусское «Слово» пророка Захарии «К немилостивым правителям». «Так говорит Вседержитель властителем: «Суд праведный творити, милости и щедроты создавайте для ближних». Вдов, сирот, убогих не подвергайте насилию. Не имейте зла на своего брата и вражды в сердце своем. Властители не думают о Творце всяческих. Уши ваши не слышат, а сердца ваши не принимают Божественный Закон. Современные правители грабят вдов, слабых и безответных людей и подвергают насилию несчастных. Данную вам во владение землю вы привели в запустение, пролили множество безвинной крови и уничтожили Божественную Правду. Но когда возопиют угнетенные к Господу, Он услышит их. И тогда пошлет на вас меч ярости и унесет все ваше несправедное благополучие в вихре, и ярость Господня прольется на вас, если не покаетесь и не очистите себя милостыней. Богу нашему Слава ныне и присно и во веки веком». *Смирнов И.* Пророки: Аггей, Захария, Малахия. Рязань, 1872. С. 124–125.

Мысль о подчинении императора идее Христианского Закона высказана в Эклоге¹ Льва Исавра и его сына Константина: «Мы питаем такое убеждение, что нет ничего, чем бы мы первее и более могли воздать Ему, как управление вверенными нам от Бога людьми в суде и правде (δικαιοσύνη), так, чтобы с этих пор разрешился всякий союз беззакония, расторглись сети насильственных обязательств и пресечены были стремления согрешающих... Занятые такими заботами и устремив неусыпно разум к изысканию угодного Богу и полезного обществу, мы поставили впереди всего земного справедливость как посредницу с небесным, острейшую всякого меча в борьбе с врагами вследствие той силы, которая приобретается служением ей»². Далее в предисловии содержится обращение к судьям и ко всем исполнителям законов. Должностным лицам вменяется в обязанность выносить решения по истинной справедливости – «не так, чтобы по наружности, на словах превозносить правду и справедливость, а на деле предпочитать несправедливость».

Справедливость состоит в том, чтобы у обидевшего отнять столько, на сколько пострадал обиженный. Исполнением правовой справедливости императоры надеялись угодить Богу, а обязательность осуществления справедливости для себя они выводят из слов псалмопевца: «Аще убо во истину правду глоголете, правая судите сынове человечестии», – и из слов Соломона: «Мерило велико и мало – мерзко пред Господом»³. Таким образом, Эклога устанавливает служение императора христианской справедливости, обязательность этого слу-

---

¹ Эклога (Изборник) законов Византии – сборник византийских законов времен Льва Третьего (март 726 года). Эклога призывала судей «воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла произносить решения истинной справедливости, не презирать нищего и не оставлять без обличения сильного, неправду деющего... Справедливо воздерживаться от всякого дароимания». Все служащие по судебным делам должны были получать определенное жалование из императорского «благочестивого казначейства, с тем, чтобы они уже ничего не брали с какого бы то ни было лица, судимого у них, дабы не исполнилось на нас глаголемое пророком: Продажа на серебрэ праведнаго (Амос 2, 6), и чтобы мы не навлекли на себя гнева Божия, сделавшись преступниками его заповедей».

² Васильевский В. Законодательство иконоборцев // ЖМНП № 199. С. 270–275.

³ Там же. С. 280–284.

жения она выводит из Св. Писания и связывает его с происхождением императорской власти от Бога.

Законодательный памятник Эпанагога¹ продолжает традицию новелл Юстиниана и в соответствие с этим устанавливает в государстве две власти – императора и патриарха, определяя им различное назначение и разные права. Сам термин «эпанагога» (ἐπαναγωγή) в своем первоначальном смысле обозначает возвышение, подъем к чему-то высшему, идеальному. Значение данного термина прекрасно передает Платон: «Влечение самого возвышенного начала души к созерцанию подлинно сущего в бытии»² (...ἐπαναγωγήν τοῦ βελτίστου ἐν ψυχῇ πρὸς τὴν τοῦ ἀρίστου ἐν τοῖς οὐσι θέαν³).

Император представляет справедливую, законную и честную власть (ἐννομος), которая наказывает не из ненависти и награждает не по расположению, но ко всем относится одинаково беспристрастно. Задача императорской власти – сохранение и умножение общественных сил всего христианского пространства, а конечное назначение ее состоит в том, чтобы творить добро⁴. Подобная власть действует на началах социального и юридического созвучия, когда две эти основы не отделены друг от друга, а существуют в соразмерности и гармонии. Однако отметим, что с современной точки зрения все это выглядит как совершенно непозволительная и наивная юридическая фантазия.

Справедливость императорской власти устанавливалась тем, что она была приобретена законным путем в противоположность власти узурпатора, но еще более законность власти состояла в том, что все ее действия имели основания в Христианском Законе. Императору необходимо сохранить неизблемым все, что заключено в Священном Писании, что установлено Семью Вселенскими соборами, и, наконец, все, что предписано римскими гражданскими законами. Поэтому

¹ Эпанаго́га (греч. ἐπαναγωγή τοῦ νόμου) – византийский сборник законов конца IX века. Составлен от имени императора Василия I и его сыновей Льва и Александра. В написании принимал участие патриарх Фотий.

² Перевод наш. – А. Шц.

³ Платон. Государство, 532c // Plato. Respublica, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St II.327a–621d.

⁴ Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги. Византийский Временник. Вып. 1. С. 29–30.

Эпанагога учит, что император должен быть непреклонен в Православной Вере и благочестии и должен во всем исповедовать Православие согласно с учением Церкви. Из долга хранить законы вытекает чрезвычайно важная обязанность императора – толковать их. На этой обязанности комментирования Священного Писания Эпанагога останавливается очень подробно. Толкование законов имеет своей целью вывести определения для тех случаев, которые в законе не предусмотрены, и их юридическое разрешение основывается на началах христианской гуманности и желании творить добро.

При недостатке и неполноте закона император может принимать в соображение гражданский обычай, но все, что введено в противоположность канонам, не может служить образцом, то есть не может служить силой права и властного политического действия. Таким образом, император, а с ним и вся структура власти, был поставлен в тесные рамки вначале Священного Закона, а затем и вытекающих из него гражданских установлений. С формальной стороны это выглядело следующим образом: император должен подчиняться действующим в государстве гражданским законам, но кроме этого над ним стоят высшие нравственные заповеди, установленные Православной Верой, и каноны Православной Церкви.

С другой стороны, патриарх, как излагает Эпанагога, есть живой образ Христа, в своих действиях и словах представляющий саму Истину. Задача его состоит в том, чтобы заботиться о сохранении в благочестии членов Церкви и об обращении еретиков, а конечная его цель – спасение душ и жизнь во Христе. Патриарх должен быть христианским учителем, ко всем относиться справедливо, а в защиту правды и догматов Веры выступить открыто даже перед императором. Как императору принадлежит толкование светских законов, так на патриархе лежит толкование правил святых отцов и постановлений Вселенских и поместных соборов.

В определении отношения патриарха к царю Эпанагога исходит из органичного понимания структуры государства. Подобно человеку, государство состоит из частей и членов, и самыми важными и необходимыми членами его являются император и патриарх. Мир и благоденствие подданных возможны только при условии полного

единения и согласия между обеими властями во Христе, а не заключены в произволе или приобретении мамоны. Эпанагога устанавливает между императором и патриархом полное равенство, при котором патриарх не подчинен императору, а император – патриарху. У каждого из них свои задачи, свои права и обязанности.

Восточный римский автор VI века Петр Патрикий¹ оставил интересное политическое рассуждение, известное под названием «О политической науке»² (περί πολιτικῆς ἐπιστήμης). Автор поставил себе задачу изобразить свой идеал христианского государства. Государство подобно созданному Космосу, и царь подобен Богу. Поэтому царь должен управлять подданными по образу и подобию Небесного Царства. Залог народного благосостояния заключается в воздаянии почестей достойным и лишении почестей злых и несправедливых людей. Для этого необходимо, чтобы все управление было построено на началах христианской справедливости, которая требует воздавать каждому по заслугам. Для достижения своих политических целей царь может пользоваться только одним оружием – справедливостью. В соответствии с этим автор требует от царя, кроме личных добродетелей, еще особого совершенства, которое имеет право политического значения и дает ему возможность добиваться того, чтобы подданные любили его, но боялись³. Вот как передает Менандр Протектор мысли Петра Патрикия о необходимости закона: «Когда бы между людьми господствовала правда, не нужны были бы ни ораторы, ни точное знание законов, ни совещания, ни искусство красноречия, ибо мы прилеплялись бы по собственному побуждению к общепользным делам. Но так как все люди думают, что справедливость на их стороне, то нам и необходимо обаяние слова. Для

---

¹ Высший византийский государственный деятель, дипломат и юрист эпохи правления Юстиниана I (527–565). В его ведении находилась дворцовая администрация. Ему подчинялась имперская канцелярия, он разбирал петиции и жалобы, посланные на имя императора.

² В настоящее время оспаривается авторство данного сочинения как принадлежащее Петру Патрикию. См. *Praechter K. Zum Maischen Anonymus περί πολιτικῆς ἐπιστήμης // Byzantinische Zeitschrift. 1900. Т. 9. С. 621–632.*

³ *Antonopoulos P. T. Petrus Patricius. Some Aspects of his Life and Career // Vavřínek V. From late antiquity to early Byzantium: proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. Prague, 1985. P. 49–53.*

того мы и собираем совещания, где каждый из нас искусством слова желает убедить другого, что он прав»¹.

Из византийских писателей IX века, обратившихся к политической теме, обращает на себя внимание преподобный Феодор Студит (759–826). В двух письмах к папе Льву III он категорически не согласен с мыслью, что «Божественные правила не распространяются на царей». Над священными и справедливыми гражданскими законами не властны ни епископы, ни цари, и император должен им совершенно подчиняться в такой же мере, как и прочие члены Церкви. В 809 году проведен Собор, где его члены утверждали, что «законы Его не равно относятся ко всем, но перед царями отступают и получают новый смысл». «Где же, – спрашивает преп. Феодор, – где же Евангелие царей? Поистине, они впали в крайнее нечестие, не разумея, что Бог не взирает на лице человека, как говорит святой апостол (Гал. 2:6). Царь подчиняется заповедям и канонам совершенно так же, как всякий его подчиненный, и в своих действиях он должен ими руководиться и не выходить за те пределы, которые им установлены»². По мнению Феодора Студита, Богу надо повиноваться больше, чем человекам, для подтверждения чего приводит слова из Пс. 118: «Глаголах пред цари и не стыдяхся»³.

Император, по мнению Феодора Студита, обладает ограниченной властью. Он ограничен властью патриарха, который занимает равное с ним положение и заботится о духовном состоянии людей так же, как император об их земном благополучии. Государственная власть ограничена церковными канонами, и для нее закрыта вся область церковного управления. Если император переходит эти границы, подданные свободны от повиновения ему. Труды Феодора Студита стали рано известны на Руси: некоторые его сочинения встречаются уже в древнейших Кормчих⁴. Ссылки на его поучения делаются, начиная с XIV

¹ *Менандр Протектор*. [Выдержки] / Пер. и комм. И. А. Левинской, С. Р. Тохтаева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1994. С. 311–356.

² *Феодор Студит*. Письма к разным лицам // Творения преподобного Феодора Студита. Т. 1–2. СПб., 1867–69, Т. 2. С. 6–9.

³ Там же. С. 9.

⁴ *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М. 1829. С. 125.

века. Житие Феодора Студита, из которого русские мыслители могли ознакомиться с его взглядами на отношение светской власти к делам Церкви, находим в русском переводе уже в XII столетии¹.

К IX веку относится рассуждение, известное под названием «Наставление, или Завещание императора Василия Македонянина сыну Льву» (**Главы наставительныя, иначе Завещаніе императора Василя Македонянина сынъ Львоу**). В главе «О соблюдении законов» говорится о том, что образ действий государя является для подданных своего рода неписанным законом, поэтому, если он хочет заставить подданных исполнять законы, он должен, прежде всего, сам неуклонно на деле следовать благочестивым законам, изданным предшествующими царями. Если он станет нарушать прежние законы, то не будет никакого уважения и к его собственным законам, никто не станет исполнять никаких законов, и тогда в общественной жизни установится такой беспорядок, который неизбежно приведет государство к катастрофе.

В главе «О несправедливости» читаем наставление правителю никогда не отказывать в правосудии обиженному. Если он не хочет наказать обидчика, он этим уничтожает различие между справедливым и несправедливым, и тогда человеку, потерпевшему от преступления, остается искать защиты у Бога, который призовет к ответу царя. От императора требуется, чтобы он не только подчинял свои действия отвлеченной идее справедливости, но и исполнял установленные законы. Данное «Наставление» императора Василия Македонянина встречается в Древней Руси, начиная со второй половины XV века, но, по некоторым сведениям, могло существовать на Руси гораздо раньше.

Патриарх Фотий в «Послании к болгарскому царю Борису, в крещении Михаилу» отмечал, что благополучие подданных требует от верховной власти уважения к справедливости². Царь основывает свою власть на благосостоянии подданных, а деспот – на взаимных раздорах и разрушении общественного порядка, поэтому царю свойственно заботиться, чтобы в государстве было полное единомыслие между всеми его гражданами. Тираном он называет того правителя, кото-

---

¹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. М., 1903. С. 20.

² *Dvornik F.* Byzantine Mission among the Slavs. New Jersey, 1970. P. 38–39.

рый не обращает никакого внимания на обиды и несправедливости, причиняемые им своим подданным, и, наоборот, жестоко наказывает всякого, кто сделает какое-нибудь зло ему самому. Напротив, царь обязан, по определению Фотия, осуществлять власть, основанную на законе, и это проявляется в том, что к людям, причинившим ему зло, он относится с человеколюбием, а за преступления, совершенные по отношению к целому обществу или к отдельным его членам, судит по всей справедливости.

Именем царя Фотий наделяет такого правителя, который не пользуется безграничной властью, а подчиняется идее Христианской справедливости¹. В главе 21-й мы читаем, что царь должен «исправлять в вере» свой народ и руководить им в познании истинного Бога²: «Царь есть христианский устав и образец». Переводы сочинений патриарха Фотия и Феофилакта Болгарского встречаются в древней русской письменности достаточно рано и часто³. О «Послании» патриарха Фотия говорит архиепископ Геннадий Новгородский в письме к ростовскому архиепископу Иасафу⁴. Другое указание находится у Максима Грека, который настоятельно советовал царю Иоанну Грозному читать «Послание» Фотия⁵.

Если следовать приведенным политическим взглядам, то верховная власть является единственным справедливым представителем естественного закона, но только при условии соответствия его Божественному Закону. В ином случае, даже если обязательный закон один, то толкование его становится разнообразным и противоречивым. Государственный закон возможен только когда он несет в себе идеальные основы, а не представляет собой формальные установления государственной власти. И эти начала политическая власть не может

---

¹ *Creygthon Robertas*. Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos, prooemium, p. 34.

² *Василевский В.* Советы и рассказы византийского боярина. ЖМНП. 1881, июнь-август. С. 248–250.

³ *Соболевский А.* Переводная литература. С. 22, 305, 313.

⁴ *Попов А.* Библиографические материалы. М., 1880, 2. С. 153.

⁵ Объяснение, отчасти, неудобопонятных некоторых изречений в слове Григория Богослова // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. В 3-х т. Т. 3. С. 28–29.

изменять по своему усмотрению. Поэтому любая *власть* как таковая, в своей полноте, не обладает возможностью быть выше установленного закона. Эта христианская концепция власти полностью противоречит римскому юридическому изречению: *princeps legibus est solutus* («Правитель находится выше закона»¹). Исходя из этой посылки, никакой утвержденный закон не может связывать верховную власть так, чтобы она не могла его изменять. Вечные законы при таком понимании сущности власти немислимы.

В этой связи отметим лишь, что на этой древнеримской концепции основывается развитие европейского государственного законодательства, начиная с эпохи Нового времени. Если в средневековых представлениях о государстве верховная власть, будучи сама источником закона, связана им нравственно и метафизически, то в эпоху модерна и постмодерна остается только пустой юридизм. Поэтому государственная власть является единственным законным творцом и исполнителем закона. Она – источник закона, она же его изменяет и отменяет по своему усмотрению. Помимо того, что верховная власть является источником законов, стоит выше их, она переносит данную абсолютизацию власти и на отдельные, нижестоящие органы и учреждения власти. В государстве, устроенном на таких началах, только предписания законной власти обязательны для всех, без исключения, граждан. Во всем водворяется юридическое начало. Из этого возникает вполне прозрачная марксистская формула: «*Всякое государство есть диктатура правящего класса, закон есть воля правящего класса, возведенная в ранг обязательного установления*»².

Таким образом, здесь возникает логический круг: закон потому обязателен, что он издается верховной властью, а верховная власть потому издает закон, что самый закон дал ей на это право. В средневековой христианской концепции власти этот круг разрешается тем, что первоначально власть получает свое право не от юридического закона, а от метафизической связи с Высшим Началом.

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Цит. по: *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.) / Российская акад. наук; Институт российской истории. М., 2006. С. 176.

Древнерусское понимание власти

В свете изложенной христианской доктрины о политической власти перейдем к непосредственному восприятию государства в допетровский период. При этом надо учитывать, что понимание природы власти в Древней Руси достаточно трудно определимо, так как никто из древнерусских ученых людей не ставил перед собой задачи формализовать политические представления. Современное правовое сознание исходит из принципа противоположности объекта и субъекта, разделяя, тем самым, мир на две сферы – объективную и субъективную. Всю действительность, в том числе и человека, подобное мирозерцание рассматривает только как предмет, «сущность», познанием которой можно манипулировать в терминах субъекта-объекта. В культурах, подобных средневековой культуре Древней Руси, рассмотрение человека исходило из единства объекта и субъекта. То есть мышление не уходило в бесплодные абстрактные сферы, рассматривая в отвлеченной области реальные человеческие отношения. Это единство было возможно только во вполне определенной трансцендентной реальности. Таким образом, целеполагание было совершенно иным, чем оно видится сейчас.

Однозначно можно сказать, что принятое в византийской версии христианство принесло на Русь идеи ветхозаветного и христианского учения о власти. При этом надо ясно представлять, что христианство в Древней Руси понималось не как абстрактное умственное движение, уводящее в отвлеченные и призрачные области. Христианство воспринималось как учение, в котором каждый человек, хотящий стать христианином, подвергался жесткой умственной и нравственной дисциплине. Дисциплина должна была закалять волю, стойкость в усвоенных понятиях и правилах жизни и готовность в нужном случае открыто выступить со своим мнением и защищать справедливое или то, что представлялось справедливым в данное время. Крестить во Имя Христа можно было не всех подряд, а только достойных, чтобы можно было «...без порока пройти маловременное и скоропреходящее, мимоидущее житие... чтобы можно... грешную душу очистить от грехов»¹

¹ Перевод наш. – А. Шц.

(...везъ порока преити маловерѣменное и скороминѹющее, и мимоходящее житїе,... дабы мощно... грѣшнаѧ дѹша очнстити ѿ грѣховъ)¹.

Задача христианина – спасти душу, а не заниматься построениями призрачных дворцов земного бытия. Отсюда и воспитание было соответствующим, не замутненным различными плотскими и рациональными соблазнами. Любой христианин в Древней Руси старался быть воспитан и воспитывал других: «...В добром наказании и по времени отдастся своими родителями учиться Божественным Книгам, как только ясно научится Божественному Писанию, можно заняться толкованием других писаний и изучать философскую мудрость»² (...въ добромъ наказанїи и по врѣмени вданъ бысть родителями своими оучитисѧ Бжѣственнымъ Книгамъ, вскоре некакo ясно изыче Бжѣственныхъ Пїснїѧ, елико мощи емѹ и толкованьемъ глаголати и инѣми писаньми, и философскѹю мѹдрость изыче)³.

Христианство допетровского периода имело исключительное влияние на склад нравственных и интеллектуальных понятий русского народа. Влияние это заключалось не в имущественной силе, не в государственных правах, а в нравственной мощи лучших христианских подвижников, в силе лучших представителей иночества. Это была та могущественная сила, перед которой чувствовала себя стесненной и обезоруженной формально безграничная политическая власть и сила правителей. Примером может служить житие св. Ефросиния Псковского, где он осуждает произвол властей.

обличи их о многой неправдѣ и наслованїи, обличить боярѹ и намѣстниковѹ псковскихѹ о многой неправдѣ и наслованїи не ѹбоасѧ смерти⁵

«Обличил [Ефросиний – А. Щ.] их [власти. – А. Щ.] во многой неправде и насилии. Обличал псковских бояр и наместников во многой неправде и насилии, не убоявшись смерти»⁶

¹ «Пчела», или Главы поучительные из Писания, святых отцов и мудрых мужей. Конец XIV в.–начало XV в., ГИМ, Синод. № 370. Л. 23 об.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Сборник житий и слов XIV – начала XV вв., ГПБ. Соф., № 1365. Л. 75.

⁵ Сборник житий и слов XIV – начала XV вв., ГПБ. Соф., № 1365. Л. 89 об.

⁶ Перевод наш. – А. Щ.

Когда возникал вопрос, утверждать или нет Христову Правду, то христианские исповедники не думали выбирать – промолчать или обличить нечестие. Как правило, не грубой силой, а высотой нравственной жизни, исключительностью христианских подвигов утверждалась Христианская Вера. Люди видели не «церковных» князей (хотя были и такие), думающих исключительно о плотском прибытке, а силу и несокрушимость духа, что придавало учению Христа высоту и могущество. Любовь к ближнему и готовность прийти к нему на помощь в трудные минуты его жизни, а не изыски псевдоинтеллектуальной болтовни «о Христе» были решающими для решительного перелома в жизни, приводившего их ко Христу.

Появляется небольшая группа людей, которые объявляют решительную и непримиримую войну плотским желаниям и старым вековым традициям, направленным на удовлетворение чувственных потребностей. Равнодушные ко всему, что так ценится в обыденной жизни: к славе, почестям, роскоши и плотской неге – эти люди непоколебимы и непреклонны в вопросах веры и нравственного идеала.

видѣ трудъ пѣстыннныи, житіе
скорбно и жестоко, отовсюду тѣс-
нота же и недостатки, не имѣемъ
ни откѣду ни ястїи, ни питїа,
ни прочїхъ, ꙗже на потребу, не
приходѣща ни приноса ни откѣдѣ¹

«Видя труд пустынников, скорб-
ную и жестокую жизнь, отовсю-
ду притеснения и недостатки, не
имея ни еды, ни питья и всего
остального, что обычно требует-
ся, и неоткуда [пище и питью. –
А. Щ.] было взяться и некому
принести²

Это торжество над миром и, в особенности, над собой, было поразительно и вызывало одновременно небывалую вражду и невольное преклонение. Для людей, живущих связью с Богом, исповедовавших живую, а не умозрительную Веру, загробная ответственность является определяющей и действительной силой и превосходит всяческую си-

¹ Рукописный сборник начала XVI в. (Частное собрание). Л. 37.

² Перевод наш. – А. Щ.

юминутную «правду». Страх Божественного нелицеприятного Суда был более действенен, чем судилища различных земных трибуналов и судов.

Из византийских религиозно-политических теорий русские христиане усвоили политическую константу, что действительными определителями судьбы человечества не могут выступать все народы, таковыми являются только народы, принявшие христианство. Обращенные в Христианство народы сменили богоизбранный еврейский народ, и только они остаются хранителями и воплощениями Божественных обетований, составляющих основу бытия человечества в его прошлом, настоящем и будущем.

Политическая самобытность и независимое государственное бытие – не случайность, не человеческий произвол в исторической жизни народов, они есть дело промыслительной Божественной Силы, создающей условия выполнения определенным народом его исторического призвания. В этом и только в этом смысле политическая форма государственного бытия народов получает высшее Божественное освящение. Она является выражением особого Божественного расположения к избранным народам, ведущим человечество к осуществлению конечной цели человеческого бытия на земле, или, напротив, средством наставления и наказания избранных народов ради удержания их на высоте собственного исторического призвания. Таково было по своему значению неоднократное политическое и духовное испытание еврейского народа в пору уклонений его от завета с Богом, когда вокруг богоизбранного Израиля возвышались окружающие народы, разрушившие политическую самостоятельность еврейского царства.

Но христианские народы, как показывала история, не являются в одинаковой мере носителями Божественных обетований и заповедей, таковыми остаются только народы, пребывающие верными учению и заповедям Христианской Веры.

Да внемли, Гѣ ради, в которѣю звѣ-
здѣ стали хрѣстіанскаа цѣрѣства, еже
нѣтъ вси по прании ѿт невѣрных.

«Внимай, Господа ради, под ко-
торой звездой находятся христи-
анские царства – они ныне захва-

такоже пророкъ глет. кто да- чены неверными, как и говорил
стъ на расхущеніе нѣла, не пророк: «Кто отдаст Израиль на
Бъ ли. Емъ же съгрѣшиша^{1А} расхищение? Не Бог ли? Ему и
согрешили»^{1Б}

Перед конечным бытийственным Судом от Христа отпадут все царства мира сего, останутся только немногие верные. К числу христианских народов, сошедших с исторической сцены как богоизбранные народы, принадлежал и греческий народ, изменивший Православной Христианской Вере. Причиной сокрушительного бедствия, постигшего Византийскую империю, был ее великий и неисправимый исторический грех. Таким грехом была измена Православию: «...Греческое царство разорилось и не создастся. Это произошло из-за наших грехов, потому что греки предали православную греческую веру латинянам»¹. (грѣцкое црство разориса, и не созиждеса. сѣ вса слѣчиса грѣх ради нѣших. понеже они предаша православнѣю гречскѣю вѣрѣ в латынство)².

Именно из Священного Писания черпались древнерусскими учеными людьми мысли для политической проповеди. Эта идея богоустановленности княжеской власти и теория пределов покорности земным властям. Политические теории Древней Руси строились на идее о богоустановленности власти, учениях о почитании властей, о божественных основах власти, об ответственности царя, об охране правосерия. Как мы уже указывали выше, эти теории имели основания в Священном Писании: «Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли»³ (Покажите ми златицѣ кинсоннѣю. Они же принесоша емѣ пенязь и глагола им, чїи образъ сей и написанїе, и глаголаша

^{1А} Рукописный сборник конец XIV в., РГБ, Ф. 29 (Беляевск.), № 54. Л. 70.

^{1Б} Перевод наш. – А. Щ.

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Кормчая Ефремовская, XII–XIII вв., ГИМ, Син., № 227. Л. 89 об.

³ Евангелие от Матфея. 22, 19-22.

емъ, кесаревъ. Тогда глагола имъ, воздадите оубо кесарева, кесареви, и Бжїѡ Бгви)¹.

Понятие власти и государства в Древней Руси не имело только историческое, сиюминутное значение, как это выглядит в наши времена, а обладало мистико-историческим смыслом, положенным в абсолютной вечности. Не человеческий произвол или закон, а Бог Слово (Логос) создает и определяет подлинное государство.

Ѡ Костантина града просвѣтила-
са ес(ть) стѣмъ крѣннем великам
Рѣскам землѡ наша, Ѡ тѣдоу
ж(е) и вѣра в Хѣ и законъ црк-
вныи, також(е) и Ѡставъ излож-
са православномѣ пѣнїю и въ всю
подслѣичнѣю и в конци вселеныя^{2А}

«...От града Константина про-
светилась Святым Крещением
великая Русская земля наша, от-
туда появились вера в Христа,
церковный закон и уставы, а так-
же православное пение, и при-
шли во все места под солнцем и
во все концы Вселенной»^{2Б}.

Мистическое (метафизическое) содержание *власти* имело свое практическое выражение в Древней Руси в виде самодержавия. Обычно под самодержавием понимают ничем не ограниченный деспотизм или некий теократический абсолютизм. При этом совершенно игнорируется, что под термином «самодержавие» в Древней Руси подразумевалась высшая государственная власть, независимая ни от какой посторонней силы². Словом «самодержец» определяли в Древней Руси не внутренние политические отношения, а внешнее свободное положение московского государя. «Самодержавная» Россия – это самостоятельный и независимый центр силы, не подчиняющийся никакому влиянию, кроме православного христианского закона.

С понятием о самодержавии общество соединило мысль о внешней независимости страны³. Самодержавие в Древней Руси совершен-

¹ Благоевственное Евангелие от Матфея. Гл. 19-22. Синодальный перевод.

^{2А} Рукописный сборник сер. XV в. РГБ, Троиц. Ф. 304. 1. № 176 Л. 35.

^{2Б} Перевод наш. – А. Ц.

² *Ключевский В.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 127.

³ Там же. С. 270–271.

но не совпадает с идеей неограниченности власти, как это видится в императорский, советский и современный периоды. Московские государи не обладали и не хотели обладать неограниченной властью. Напротив, неограниченная власть была у римских императоров языческой эпохи, когда каждое их желание имело силу закона, так как сам языческий император часто являлся воплощением божества и имел полную и абсолютную власть и божественные атрибуты.

В Древней Руси христианский суверен нес ответственность за судьбу не только веры, но и христианского народа, которым он должен был управлять по христианским законам, с христианской совестью. «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми Божий»¹, – утверждал преп. Иосиф Волоцкий и на основе этого делал вывод, что если царь разрушает Веру Христову, то он приравнивается к разбойникам и подлежит наказанию. Восстание против такого разрушителя («антихриста») являлось долгом и обязанностью христиан². Власть не понималась как средство беззастенчивого обогащения и разрушения своей страны, как происходит в современной России, или в служении только плотскому началу, как это понимается в «цивилизованном мире», а воспринималась как тяжкое бремя и ответственность – **крестъ правленїа**.

Византийские императоры со времени Вселенских соборов назывались «святыми», и с течением времени это название укрепилось за ними в качестве официального титула. Московские великие князья и цари и после падения Константинополя не именовались «святыми». Императоры Византии пользовались правом каждения в храмах, принимали активное участие в богослужении, произносили проповеди, поучая христиан истинам веры, и т.п. Богомольные выходы московских царей и их присутствие в храмах при богослужении не имело со всем этим ничего общего. Идея царской власти была совершенно не та, которую можно заметить в таких же обрядах византийского двора³.

---

¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.–Л., 1959. С. 300.

² Такая бескомпромиссная позиция преп. Иосифа Волоцкого заставляет современных «христианских» модернистов испытывать к нему исключительную ненависть.

³ *Савва В.* Московские цари и византийские басилевсы. Харьков, 1901. С. 79–80.

В Византии ритуальные действия указывали на особое положение императора в Церкви как царя всех христиан, в Москве же в этих обрядах выражалась не столько высота власти царя, сколько глубина его благочестия. В Византии император стоял на первом плане, особенно в обряде, который совершался в Вербную неделю: он затмевал даже патриарха. В Москве же, наоборот, – в тени смиренная фигура царя¹. Идеал христианского правителя представлялся в Древней Руси примерно в таких чертах.

Таковъ оубо бысть и сїи благочестивын царемъ царь великїи князь Василїи, истовын велеумнын правитель, вседовлїи наказатель, истиннын кормчїи, изащпнын предстатель, молитвенникъ крепокъ, чистотѣ рачитель, целомудрїа образъ, терпенїю столпъ, княземъ русскимъ и болгаромъ и прочимъ вельможамъ, и радникомъ, и чиновникомъ, и вонномъ, и всеѣмъ людемъ еже о благочестїи твѣрдын поборникъ, архїереомъ же и всемъ священномъ соборъ благоразумнын соглагольникъ²

«Таким был этот благочестивый царь царей, великий князь Василий, настоящий разумный правитель, добрый управитель, истинный кормчий, искусный предстатель, крепкий молитвенник, поборник чистоты, образ целомудрия, столп терпения, всем русским князьям и боярам, а также прочим вельможам, начальникам, чиновникам, воинам и всему народу твердый поборник о благочестии, архиереям и всему Священному собору благоразумный собеседник»³

В Московском государстве изменили византийскую политическую теорию сообразно своим взглядам и потому имели собственное религиозно-политическое представление о государственной власти, отличное от византийских воззрений. Если византийская политическая теория была персонифицирована в императоре, то на Руси мо-

¹ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 137.

² Златая цепь. Конец XIV – начало XV вв. РГБ. Тр. 11. Л. 58.

³ Перевод наш. – А. Щ.

сковский царь не стал слепо повторять действия византийского императора: «Идея власти царя русского была не та, что в Византии идея власти императора ромеев»¹. Одно из основных различий древнерусской и византийской систем власти было более значительное ограничение власти русского князя со стороны христианского закона и обычая, чем это проявлялось в империи ромеев. Определение власти сущностно основывалось на Христианском учении. Власть стремилась согласовывать свои действия с евангельским учением и христианской нравственностью, чем, в сущности, и ограничивала свой произвол. Московским государям «была чужда мысль, что закон есть то, что им нравится, что он есть дело их произвола»².

Определение и ограничение христианским законом властных полномочий описывает «Церковный устав князя Владимира»³. В «Уставе» проявления власти не просто ограничиваются неким законным писанным или устным правовым актом, сами представители власти добровольно, в соответствии с христианскими нравственными требованиями, ограничивают властную свободу, не давая ей превратиться в произвол. Как христианин добровольно и без всякого принуждения налагает на себя трудности поста и молитвенного правила для ограничения произвола плоти, так и князь Владимир добровольно самоограничил, по сути, собственную неограниченную власть, более того, он передал это христианское ограничение власти последующим Рюриковичам.

Норма ограничения предполагала отказ от властного произвола и обещание действовать в рамках определенных христианских законов. Власть в лице князя Владимира самоограничивается не по собственному желанию, а исключительно в силу признания метафизического, трансцендентного начала *власти*, исходящей от Бога. Ограничение происходит из требований, в первую очередь, Божественного Закона,

---

¹ *Савва В. И.* Вновь открытые полемические сочинения XVII века, против еретиков. СПб., 1907. С. 156.

² *Сергиевич В. И.* Русские юридические древности. В 2 т. СПб., 1896. Т. 2. С. 604–605.

³ История русской церкви / Макарий (Булгаков Михаил Петрович). В 12 т. СПб. 1887–1910. Т. 1. С. 169–173.

а затем из правил, установленных святыми отцами и христианскими (византийскими) императорами. Выше власти земной оказываются нормы, над которыми не властно время и законы космоса, – Божественные Установления никто не может отменить: «Аще кто преобидит наш устав, какож уставиша святыи отци, к таковым непрошеном бытии от закона Божиа, горе себе наследует»¹.

Постановления Христианской Веры св. Владимир признавал для русской власти обязательным. В силу неограниченности своей власти он мог этого и не делать, но тогда он не был бы тем, кем он стал с принятием Св. Крещения – Владимир не был бы христианским государем, для христианского государя обязательны постановления Соборов и христианских царей. Следовательно, ограничение княжеской веры есть прямое следствие признания властью истин Христианской Веры: «И потом воззрех в Греческий номоканон и обретох в нем, яже не подобает сих тех и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его и сгадав аз с своею княгинею Анною, и с своими детми, дал есмь святой Богородицы и Митрополиту и всем Епископом, а ты не ступают ни дети мои, ни унуци мои, ни род мой, в люди церковные и во все суды, и по всем городом дал есмь и по погостом и по свободам, где крестьяне суть, а кто уступит на мое предание, суд с тем пред Богом»².

Этими словами Владимир свое понимание и свое признание Христианских Законов (Номоканона) не для своего каприза, а сделал достоянием всего княжеского рода, всех последующих князей, в руки которых переходила государственная власть. Номоканон стал и для них обязательным. Нормы христианского Номоканона, которые ограничивали власть св. Владимира, должны были ограничивать власть его наследников. Обязательность этих норм, их неотменяемость он скрепил ответственностью для последующих поколений русских властителей. В самом начале русской государственности признание Христианских Законов стало главенствующим и определяющим для государственной власти.

---

¹ Там же. Т. 1. С. 283.

² *Макарий*. Т. 1. С. 284.

Митрополит Иларион¹ в «Слове о законе и благодати» продолжает и развивает главную идею, заложенную в основы русской государственности равноапостольным св. князем Владимиром. Родившийся среди израильского народа Спаситель не был принят еврейским народом. С проповедью Его учения апостолы обратились к язычникам: «Лепо бо бе благодати и истине на новые люди восияти, не вливают бо – по словеси Господню – вина нового – учения благодатна в мехы ветхы, обветшавшая в иудействе, аще ли просядуться меси и вино пролиется, не можете бо закона стена удержати... но новое учение, новы языки, новое соблюдеться, якоже и есть»².

«Новым мехом» для учения Христа оказался русский народ: «Вера бо благодатная по всей земли распростресе и до нашего языка русьского доиде <...> евангельский же источник наводнився и всю землю покрыв и до нас доиде <...> евангельский же источник наводнився и всю землю покрыв и до нас пролиявся»³. По мнению митрополита Илариона, русский народ был уже от начала времен предназначен к восприятию благодатной веры, и это дает основания для надежды, что ему в будущем готовится важная мировая роль как последнего народа, сохраняющего в нерушимости Христианскую Истину.

В «Похвале» Иларион сравнивает Владимира с Константином Великим: «Колико ты похвален имаши быти, не токмо исповедав, яко Сын Божий есть Христос, но и веру уставль по всей земли сей, и церкви Христовы поставль, и служителя Его введ, подобниче великого Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночстителю служителем его. Он со святыми отци Никейского собора закон человеком полагаше, ты же с новыми отци нашими епископы снимаяся часто с многим смирением съвещаваашесе, како в человецех сих новопознавших закон уставити, он в елинех и римлянех царство Богу покори,

---

¹ Митрополит Иларион (прозвище Русин, умер ок. 1055 года) – митрополит Киевский и всея Руси времен правления Ярослава Мудрого, святитель. Первый митрополит русского происхождения в Древнерусском государстве. Автор «Слова о законе и благодати» (1030–1050).

² Макарий. Т. 1. С. 285.

³ Жданов И. Н. Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру. СПб., 1891. С. 60–61.

ты же, блаженниче, подобно, уже бо и в оных и в нас Христос царем зовется»¹.

Константин Великий покорил Богу эллинское и римское царства, то есть сделал Христианскую Веру господствующей и определяющей, «подобно» поступил и князь Владимир, так как благодаря ему на Руси Христос зовется царем, Христа славят как царя, Христу поклоняются, Христа исповедуют. Именно Христос и есть подлинный Царь Русской Земли. Иларион придает Христу царское достоинство, а не царя сравнивает с Христом и не возводит к Христу основание царской власти. Владимир понял введение христианства как свое государственное дело, и это была его величайшая заслуга. Иларион указывал, что Владимир «землю свою пас правдою, мужеством и смыслом»². Христианский князь стремится в новообращенном народе установить Христианский Закон, и это является главной обязанностью и смыслом русской государственной власти.

Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» однозначно утверждает, что главенствующей чертой князя, управляющего христианским государством, является его любовь к Христовой Правде. При этом государственная правда была далеко не отвлеченным началом: «Если какая-либо страна управляется Богом, то [Он, Бог. – А. Щ.] поставляет ей праведного цесаря и князя, любящего суд и правду, устанавливает власть и суд»³ (**Аще бо каа земля ѿправитсѧ Бѣгмъ, поставлѧтъ ей цесарѧ и князѧ праведна, любѧща сѣдъ и правдѧ, и властѧла оустраѧтъ, и сѣдью правѧщего соуды**)⁴.

Страна, которая соответствует Божией Правде, должна иметь справедливых правителей и судей, и это не заменишь никаким, самым совершенным юридическим законом. Задача христианского правителя, как указывал митрополит Никифор⁵ Владимиру Мономаху: «Если

¹ Пономарев А. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. С. 73.

² Жданов И. Н. С. 70.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси в 20 т. СПб., 1997. Т. 1.

⁵ Митрополит Никифор (XI век – 1121) – киевский митрополит, автор посланий и поучений.

в стадо Христово не дать войти волку и не позволить в винограднике вырастить терние, то тем самым последуешь древнему преданию своих отцов»¹ (аще въ стадо Хрстово не даси влъкъ внити, а и аще виноградъ, нже насади Бгъ, на даси насадити трънна, но съхраниши преданїа старое отецъ твоихъ)². Задача власти предполагает охранение государственными средствами христиан, борьбу с ересями и заблуждениями среди подчиненных христиан, а также сохранение и незыблемость устоев православия.

Инок XI века Иаков Черноризец³ говорит о справедливости и милосердии власти, о необходимости соблюдать установленные правила и о том, как строгое исполнение закона может быть соединено с заповедью любви к Богу и людям. Для объяснения логического парадокса между любовью и законом Иаков приводит пример из книги Судей. Израильский вождь Еффай дал обет: если Бог дарует ему победу над аммонитянами, то он принесет в жертву Ему то, что выйдет к Еффаю навстречу при возвращении с войны. Победа была одержана, а когда Еффай приближался к дому, первой, кто вышел ему навстречу, была его любимая дочь. Еффай стал колебаться в исполнении обета, движимый чувством отцовской любви, но дочь сама поддержала его, и обет был исполнен⁴. Таким образом, заповедь любви к ближнему должна отступить перед строгим исполнением установленного обета. Иаков также напоминает евангельское сказание об убогой вдове, которая положила в сокровищницу две лепты, что составляло все ее пропи-

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Митрополит Никифор. СПб. 2007.

³ Иаков Черноризец (Мних Иаков), монах, древнерусский мыслитель и писатель. В первый раз имя Иакова упоминается в летописи в 1074 году, когда Феодосий Печерский перед смертью предложил братии поставить в игумены Иакова Пресвитера. В Харатейной Кормчей 1282 года упоминается о. Иаков Черноризец и Чернец Иаков. Иаков Черноризец написал: «Сказание о свв. страстотерпцах Борисе и Глебе», «Житие блаженного кн. Владимира», «Память и похвала русскому кн. Владимиру, како крестися Владимир и дети своя крести и всю землю русскую от конца и до конца, и како крестися бабка Владимира», «Послание к вел. кн. Изяславу». «Сказание» с небольшими изменениями внесено в летопись Нестора.

⁴ Суд. 11.

тание¹. Евангельская вдова, как и Еффай, принесла Богу то, что у нее было самого дорогого.

Соблюдение установленного правила, или справедливость, стоит выше чувства любви и не должна перед ней отступать. Тем более не должна отступать справедливость перед силой, не имеющей нравственного характера – «Правило своего не остави противу силы». Так именно советует поступать Иаков князю Изяславу. В исполнении закона нельзя отступать ни перед какими препятствиями, идея закона должна быть для князя священна, и правитель должен быть строгим исполнителем государственного правила.

Может ли человек взять на себя ответственность за все последствия неумолимого исполнения буквы им самим изданного закона – исполнения, не допускающего никакого снисхождения к слабостям ближнего, никакого милосердия? Иаков, не колеблясь, отвечает утвердительно: «Сего дея Павел велит присно въоруженым быти. Милостивии бо помиловании будут, милость на суде лишше при всем хвалима и смерти избавляет. Сеяй щадя, щадя и пожнет, рече Павел: и все вашу любовию да бывает. И се ти буди оуказ. Еффа князя единокорная дщи и оубогие вдовы две медницы, не веде, равно ли будет, кому то принесены быша. Правила своего не остави противу силы. Се же бы добро и в тайне. Девица бо хранима любима есть внешними, аще ли исходит, не всем оугодна есть, от оных судима. Буди, аки пчела, извъну нося цветы, а внутрь соты делая, да не дым в солнца место приимеши, и не рцы, что зло творя, еще бы се не угодно Бгу, не попустил бы. Самовластье дал есть человеку нераскаянен дар его. Но терпит и идолом служащим и отметающимся Его, и еретиком, и дияволу, или готово имеа ицеление покаяние. И будеши часто обращаяся, еже не угодно Богу. А без вести оутрений день, а глаголю и днешний, и несмы тому властели, и никто же весть о себе в тайных Божиих судех, да вси трепещем о своих деяниих. Позорише бо есмы аггелом и человеком. И аггели знаменають на всяк день, кто что предложит. И ты вник в сердце си, и пройди мыслию всю тварь, и рассмотри торг челоука жита како ся расходит по писаному, вся стена немощнее. И зри

---

¹ Марк 9, 41–44.

Господа с небес оуже на суд грядуща человеческим тайнам и въздати всем по делом»¹.

Если Богу было бы не угодно, то Он не допустил бы «самовластья», но Он дал человеку это самовластье как «нераскаянен дар» и уже не вмешивается в действия человека, но предоставляет ему пользоваться данной ему свободой по своему усмотрению. Бог, говорит Иаков, терпит и идолопоклонников, и еретиков. Он тем более отнесется терпеливо к проявлениям свободы, существующей в границах закона. «И будеши часто обращаяся, еже не угодно Богу», – значит, если человек не будет крепко держаться норм закона, то неизбежно будет проявлять колебания в своей деятельности, в совершенно одинаковых обстоятельствах будет поступать различно, следовательно, будет вершить чистый произвол, а это Богу не угодно. Чтобы стать выше закона и отступить от него, нужно знать с достоверностью, к каким последствиям приведет данный поступок. А мы, говорит Иаков, не знаем даже того, что произойдет сегодня. Остается только не отступать от христианских правил и ждать последнего суда Божия.

Иаков приводит заповедь блаженства, говорящую о милостивых, приводит и текст из 2 Кор. 9, 6, где апостол Павел советует не скупиться на дела любви, чтобы получить полную награду. И вслед за этим следует мысль о строгом исполнении правил. Необходимо строго держаться установленного закона, но само содержание закона должно быть продиктовано милосердием, чувством любви и снисходительности, а также христианским смыслом. Еффай, поступок которого должен служить примером князю Изяславу, из любви к богоизбранному израильскому народу принес в жертву свою дочь, потому что любил Бога и свой народ больше, чем любимую дочь.

Всякое проявление милости должно быть поставлено в рамки закона, иначе под видом «милости» будет господствовать своеволие. Христианская политическая идея есть строгая законность в управлении. Князю не подобает «оставлять свое правило», но он не должен и

---

¹ *Иаков Черноризец. Летопись Львовская // Летописец русской земли от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича. ПСРЛ. СПб., 1910–1914. Т. 20.*

допускать произвол в своей деятельности. Вся государственная мысль должна быть построена на твердых основаниях закона, и князь обязан быть его охранителем и исполнителем. Преподобный Феодосий Печерский указывает вел. князю Изяславу на обязанность защищать Православную Веру от иноверных, поддерживать, где возможно, правоверных: «Если им поможешь, то избавишь овец из львиных уст, если же промолчишь, то предашь их сатане»¹ (аще имъ поможешн, то яко овча избавиши ѿ оустъ Львовыхъ, аще ли оумолчиши, то, яко ѿтъмь ч Хрста, предаши ихъ Сатонѣ²).

Митрополит Кирилл³ в «Слове о судиях и властителях» проводил мысль, что правители получают свою власть от Бога, но власть дается им не для их собственного блага, а для утверждения христианской правды: «Вас Бог избрал вместо себя на земле и на свой престол вознес и посадил, милость и жизнь дал тебе»⁴ (Васъ Бгъ въ себѣ место избрал на земли и на свой престолъ вознес посади, милость и животъ положи ѿ тебѣ)⁵.

Он обратился к князьям, которые остаются верными своему высокому христианскому назначению – «бози есте и сынове Вышнего». Неверные князи, «остерегайтесь, чтобы не стать чадами гнева, вы бывшие боги, потому что погибнете не как люди, а как псы, и попадете в место, которое уготовано диаволу и аггелам его, а не вам»⁶ (блюдитежеса, да не вѣдетѣ чада гнѣвъ, бози бывшее, да не изъмрѣте, яко человеци, и во пса мѣсто во да сведенн вѣдете, идеже есть мѣсто Днаволъ и аггеломъ его, а не вамъ)⁷.

Истинный князь – тот, который для своего народа олицетворяет правду («князи мира сего – правда») и, как пастырь добрый, бережет народ от волков, т.е. от всех тех, кто хочет поживиться за счет народного блага.

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Летопись Лаврентьевская // Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.

³ Митрополит Кирилл святительствовал в 1242–1281.

⁴ Перевод наш. – А. Щ.

⁵ Летопись Софийская // Софийский временник, или Русская летопись с 362 г. по 1534 г. М., 1820. Л. 35.

⁶ Перевод наш. – А. Щ.

⁷ Там же. Л. 37.

Поставилъ есть васъ пастѹхи и стражи людем своимъ, да соблюдете стадо его Ѡ волкъ невредимо и Ѡ татїи некрадено. Вы же пастѹхъ мѣсто волци быстѣ и стадо Хрѣстово погѣбисте... Вы же глаголю, цари и князи, не отъ себѣ, но отъ Бга прїимъ разѹмъ, да не бѣдете волки в пастѹхъ мѣсто стада Хрѣстова, дрѹжаще оу сѣбе слѹжащихъ вамъ злыхъ и немилостивыхъ властелей и слѹжащихъ имъ^{1А}

«Поставил вас пастухами и стражами своих людей, чтобы соблюдали стадо невредимо от волков и воров. Вы же вместо пастухов стали волками и губите Христово стадо.... Вам же говорю, цари и князи, не от себя, но от Бога получил знание, да не будете волками вместо пастухов стаду Христову, держащих у себя служащих вам злых и немилостивых властителей»^{1Б}

В свою очередь, неправедные князи «вместо истины утверждают ложь»¹ (держатъ истинѹ в неправдѣ)².

Как видим из вышеприведенного, *власть* признавалась божественным установлением, но сами действия этой власти отнюдь не принимались безусловно, как мы это слышим от современных адептов поклонения государственной власти, освящающих любой властный произвол и порок. Есть два вида, говорил Кирилл, князей перед Богом – праведные и неправедные: «Святой великий Константин рече власть держащим: послушайте и внушите вси судящии земли, яко от Бога дасться власть вам и сила Вышнего. Давый бо вам власть истязет скоро ваша дела и помыслы испытает, яко служители есте царства и не судите в правду, ни сохранисте закона и в повелении Божии не пребысте. Страшно и скоро придет на вы испытание, яко немилостиво творите людем Божиим, ихже ради Христос кровь свою пролия»³ («Святой великий Константин приказал имеющим власть: послушайте и узнайте, все, судящие на земле, так как от Бога дана вам власть и

^{1А} Там же. Л. 38 об.

^{1Б} Перевод наш. – А. Щ.

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Там же. Л. 38 об.

³ Список XV в., в Православном Собеседнике, 1864. Ч. 1. С. 365–374.

сила Вышнего. Но, вручая вам власть, Он спросит, вас за ваши дела и помыслы, вы, государственные служители, правдиво не судите, не бережете закон и не исполняете Божественные повеления. Страшно и скоро придет к вам испытание, так как вы не имели милости к людям Божиим, ради которых Христос пролил свою кровь»¹. Неправедные и порочные действия власти неминуемо попадали под церковное осуждение.

Теория защиты христианства выражена в «Написании Акиндина, мниха лавры Святыя Богородица, к великому князю Михаилу» (**Ⲡ поставляющихъ мыздъ ради**). Послание Акиндина основано на 6-й новелле Юстиниана: «Святительство бо и цесарство съединением и бес порока законные уставы твердо и неподвижно должны суть держати и творити: ово бо божественным служа, ово же человечьскими обладая, едином же началом веры и законом обое происходя, человечьское украшает житие²» («Соединившись вместе, священство и царская власть должны твердо и строго содержать и исполнять законы без всякого изъяна. Священство поставлено для службы Богу, а государство предназначено для управления людьми. Став едиными Вера и закон направлены для блага человека³»). Акиндин в точности повторяет предисловие к 6-й новелле, он говорит, что цари ни о чем не должны так заботиться, как о чести иереев. В Кормчих книгах XIII века говорится: «Аще тако боудеть тыщаньно цесарем, яко же священных чистота»⁴. Новелла говорит о гармонии (ἡ συμφωνία ἀγύλη, bona harmonia), которая наступит, когда священство будет пребывать непорочным, а царство – устанавливать правильный порядок общественной жизни. Славянские кормчие называют это **оукрашати преданнѣе имъ грады**⁵.

Преподобный Кирилл Белозерский не только утверждал богоустановленность власти, но и приравнивал к богоустановленности христианское, праведное значение ее действий. Он писал к велико-

---

¹ Перевод наш. – А. Шц.

² Бенешевич. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкования. СПб, 1907. София, 1987. Т. 1. С. 739.

³ Перевод наш. – А. Шц.

⁴ Там же. С. 740.

⁵ Там же. С. 740.

му князю Василию Дмитриевичу (ок. 1400 года) и можайскому князю Андрею Дмитриевичу (1408–1413 годы), что главной обязанностью властителя является хранение Христовых Заповедей «и уклонение от всякого пути, ведущего в пагубу»¹. Кирилл говорит о князе как о религиозном вожде своего народа и описывает идеального князя-пастыря. Князь «от Бога поставлен», но его общая обязанность состоит в том, чтобы люди своя оуѣматн ѿ лихаго обывчал.

Соудъ бы, гѣсподинѣ, соудили праведно, как предъ Бѣгомъ, право, поклеповъ бы, гѣсподинѣ, не было, соудьи бы, гѣсподинѣ, посоудовъ не имали доволны бы были оуроки своими... И ты, гѣсподинѣ, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, занеже, гѣсподинѣ, то вѣлика пагуба дѣшамъ: крестѣне са, гѣсподинѣ, пропиваютъ, а дѣши гивнѣтъ. Также бы, гѣсподинѣ, и мытговъ бы ѿ тѣбѣ не было, понеже, гѣсподинѣ, кѣны неправдныа, а гдѣ, гѣсподинѣ, перевозъ, тѣто, гѣсподинѣ, пригоже дати трѣда ради. Также, гѣсподинѣ, пригоже дати трѣда ради. Также, гѣсподинѣ, и развоа и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не оуѣмѣтса своего злаго дѣла, и ты нѣхъ вѣли наказывати своимъ наказанѣемъ, чемъ вѣдѣтъ достойни²

«Суд бы, господин, судили праведно, как перед Богом, истинно. Поклепов бы, господин, не было. Судьи бы, господин, взятков не брали, но были бы довольны своим жалованием... И ты, господин, внимай, чтобы кабаков в твоём отечестве не было, потому что, господин, [пьянство. – А. Щ.] есть великая пагуба душам. Христиане, господин, все пропивают, а души гибнут. Так, господин, и неправдных налогов у тебя бы не было, но где, господин, есть перевоз, то тут, господин, необходимо заплатить ради труда. Так, господин, чтобы разбоя и воровства в твоём отечестве не было. И если не прекратят своего злого дела, то ты вели их наказывать своим наказанием, которого они будут достойны»³.

¹ Деяния 20.

² Цит. по: *Ефимов Н. И.* Преподобный Кирилл Белозерский и его послания. Симбирск, 1913. (Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Вып. 2). С. 25.

³ Перевод наш. – А. Щ.

Преп. Кирилл не рассуждает отвлеченно о задачах властителя. Правящему князю Кирилл указывает на неправду его правления и свидетельствует о должной и обусловленной истине. Власть должна бороться с пороками общества, а не поощрять их под различными экономическими или социальными предлогами. Страшный порок **пїанственнаго питїа** должен пресекаться властью. Неправедность налогообложения и управления не должны создавать невыносимые условия для жизни. Св. Кирилл писал князю Андрею Дмитриевичу о том, что гуманность и справедливость есть основное призвание власти. Св. Кирилл основывает свои требования на заботе о нравственно-религиозной жизни народа.

Такоже, гѣсподинѣ, оуймай подѣ собою люди ѿ скверныхъ словъ и ѿ лалнїа, понеже то всѣ прогневати Бѣга... А ѿ оупиванїа: понеже, гѣсподине, вы есте оуимались, а милостынькѣ вы есте по силѣ давали: понеже, гѣсподинѣ, поститесь не можете, а молитиса ленитиса, ино въ то мѣсто, гѣсподинѣ, вамъ милостыня ваш недостатокъ исполнитъ. А вѣлкому Спѣсѣ и Пречистой Его Мѣри Гѣспожн Бѣгородицы, заступницѣ крестѣанской, чтобы есте, гѣсподинѣ, велели бы молебны пѣти по цѣрквамъ, а сами вы есте, гѣсподинѣ, ко цѣрквамъ ходите не лѣнились¹

«Так, господин, не позволяй своим людям ругаться скверными словами и браниться, потому что все это гневает Бога... И от пьянства, господин, оберегай, а милостыню давайте по возможности: потому что, господин, поститься не можете, а молиться ленитесь, и за то, господин, милостыня ваш недостаток восполнит. А Великому Спасу и Пречистой Его Матери Госпоже Богородице, заступнице христианской, чтобы им, господин, велел бы молебны петь по церквям, а сами вы, господин, по церквям не ленились ходить»².

¹ Цит. по: *Ефимов Н. С.* 26.

² Перевод наш. – *А. Щ.*

Понимание смысла и значения власти имело в Древней Руси исключительно христианское значение. Нравственные качества, необходимые для князя, диктуются христианскими заповедями и правилами Церкви, а учителями тех и других является Церковь. Архиепископ Геннадий говорит о смысле молитвы за великого князя, чтобы «государю Бог склонил сердце для защиты Церкви, а православное христианство [защитил. – *А. Ш.*] от еретического нападения»¹ (государю Бгъ положиа на сердце, чтобы оуправиа црковь Бжю, а православное бы хрстианство от еретического нападеня)².

Преп. Иосиф Волоцкий учит, что князь «властью подобен есть вышнему Богу», но это подобие он видит не в неограниченном абсолютизме власти, а в том, что, как Бог хочет спасения человеческого рода, так и царь должен всех подданных ему хранить от душевного вреда и вести к спасению. Поэтому царь отвечает перед Богом не за свои только действия, но и за действия всех своих подданных³. В 7-м слове «Просветителя», разбирая вопрос о пределах служения царю, преп. Иосиф толкует известный текст от Матфея воздадите кесарева кесареви, а Бжю Бгви в том смысле, что царю надо оказывать только гражданское повиновение, а отнюдь не божественное: «царю надо повиноваться телесне, а не душевне».

В послании к царскому вельможе Кутузову преп. Иосиф отрицает взгляд на правителя как на всемогущего и безнаказанного владыку, не знающего никакого ограничения пределам своим желаний и стремлений. Истинный правитель только тот, кто действует в пределах христианской законности: «Молвят так, волен де государь в своих монастырех, хочет жалует, хочет грабит, ино, господине, того ни в древних царех православных, ни в наших государех русских самодержцех, ни в удельных князех не бывало...»⁴ («Утверждают, что свободен государь в своих монастырях, хочет жалует, хочет грабит, но того, господин, не было ни у древних православных царей, ни у наших русских

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Попов А. Библиографические материалы. Часть 2. М., 1880. С. 147.

³ Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889. С. 49.

⁴ Цит. по: Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 227.

самодержавных государей, ни у удельных князей»¹. Там же преп. Иосиф продолжает: «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою имать царствующа скверныа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех, неверие и хулу, таковый царь не Божий слуга, но Дьявол и не царь, но мучитель»² («Если царь, царствуя над людьми, имеет господствующими над собою скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, а худшие из всех – неверие и хулу, то такой царь не Божий слуга, но дьявол и не царь, но мучитель»³. Определив нечестивую сущность порочной власти, преп. Иосиф делает вполне определенный вывод: «Ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претит»⁴ («Ты тогда такого царя или князя не слушай, даже если он тебя мучает или угрожает смертью, иначе он приведет тебя к нечестию и лукавству»⁵).

Всякая государственная и общественная власть теряет практический смысл, если она позволяет распространяться пороку. И христианин не обязан ей повиноваться. Здесь уже не идет речь о том, что повиноваться следует власти, утверждающей неправду, гордое сребролюбие и яростное лукавство. Более того, христианин обязан выступить против этой власти, принять от нее мучения и даже смерть. Не вся власть от Бога по своим действиям и последствиям, как бы это ни нравилась современным церковным соглашателям. Есть правитель – Божий слуга, а есть правитель – слуга дьявола. Главные признаки тирана – неверие и хула. Преп. Иосифу, безусловно, была известна средневековая западноевропейская теория, считающая государство со всеми его учреждениями произведением дьявола⁶.

---

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Там же.

³ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁴ Там же.

⁵ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁶ *Трубецкой Е. Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов, его современников. Киев, 1897.

Иосиф Волоцкий развивает христианское учение о правомерном сопротивлении государственной власти. В 16-м слове «Просветителя» игумен Волоцкий излагает свое учение о тиране: «Всякий убо царь или князь в небрежении живый, и о сущих под ним нерядя, и страха Вышнего не бояся, слугу себе сатане сотворяет, сего ради страшно и напрасно найдет на него гнев Господень»¹ («Всякий царь или князь, живущий в небрежении и не заботящийся о подчиненных, не боящийся страха Вышнего [Бога. – А. Щ.], делает себя слугой сатане, и потому обрушится на него гнев Господень»²). И ниже продолжает: «Иже убо царь злочестивый не брегий о сущих под ним, не царь есть, но мучитель»³ («Если нечестивый царь не заботится о подчиненных, он не царь, а мучитель»⁴). В другом месте 16-го слова Иосиф называет волками тех царей, которые предают стадо Христово духовным зверям на поругание, «еже есть иудеем и еллином и еретиком и отступником»⁵ («иудеям, язычникам, еретикам и отступникам»⁶).

Неправедного правителя игумен Волоцкий называет слугой сатаны и мучителем, такой правитель есть *слѣга диволь*, и он запрещает подданным повиноваться ему. Преп. Иосиф не только угрожает царю гневом Господним и ответственностью перед Богом, но призывает не подчиняться и сопротивляться подобным тиранам⁷. В этой связи имеет смысл привести мысли преп. Иосифа полностью.

---

¹ Цит. по Хрущов. С. 192.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Там же.

⁴ Перевод наш. – А. Щ.

⁵ Там же.

⁶ Перевод наш. – А. Щ.

⁷ В католической Европе существовали подобные теории, которые устанавливали различие между царем и тираном и признавали за народом право сопротивления тирану. Это учение Иоанна Солсбери XII века, а в XIII веке – учение Фомы Аквинского. Эти учения были основаны на религиозной точке зрения, и тираном в этом случае называли монарха, преступившего пределы власти, данной ему от Бога, или просто отступника от правой веры. (*Gennrich P. Die Staats und Kirchenlehre Iohanns von Salisbery. 1894. S. 71–76, 95–99. Froschammer. Die Philosophie des Thomas von Aqvino, 1889. S. 484–486*).

Бгда оубо Царю, или князю, или властѣлинѹ поклонѣшися, или слѹжиши, того ради подобаѣтъ поклонѣтисѹ и слѹжиши, тако се естъ благоугодно Богови, еже воздавати властѣмъ покореніе и послѹшаніе: они бо имѣютъ о насъ попеченіе и промышленіе. Писано бо естъ: князю людѣе своихъ не речеши зла. И Апостолъ глаголетъ: Бѣга вонтеся и царѹ почитайте и рави послѹшайте господъ своихъ по плоти, страхомъ и трепѣтомъ, тако человекомъ, предпочтенномъ ѿ Бѣга и власть ѿ него примшемъ. И могѹщихъ благодетельствовати и мѹчити телесне, а не дѹшевнее, и воздавати имъ Царьскѹю честь, а не Бжѣственнѹю, такоже Господъ глаголетъ: воздадите кесарева кесареви а Бжѣа Бжѣви. Аще сице поклонѣшися и слѹжиши, нѣсть ти на пагѹбѹ дѹши, но паче ѿ сего наѹчишися волатисѹ Бѣга: Царь бо Бжѣи слѹга естъ, къ человекомъ милостію и казнию. Аще ли же естъ царь, надъ человеки царствѹа, надъ собою же имать царствѹюща скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лѹкавство и неправдѹ, гордость и ярость, злейши же всѣхъ, невѣрїе и хѹлѹ, таковыи царь не Бжѣи слѹга, но диаволъ,

«Когда поклоняешься или служишь – царю, князю или господину, то поклонение и служение возможно тогда, когда они благоудобны Богу. Необходимо слушаться властей и покоряться им, потому что они пекутся о нас и заботятся. Написано: «люди, не говорите князю злого». И Апостол говорит: «Бога бойтесь и царя почитайте и, рабы, слушайте господ своих со страхом и трепетом, как людей, выбранных Богом и принявших от Него власть, могущих благодетельствовать и мучить телесно, а не душевно». Воздавать им следует царскую честь, а не Божественную, как и говорит Господь: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Если так поклоняешься и служишь, то это не на гибель твоей души, но ведет к тому, что лучше научишься бояться Бога. Царь есть Божий слуга, относящийся к людям с милостью или наказанием. Но если есть царь, который управляет людьми, но над собой имеет господствующими скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, а худшие из всех – неверие и хулу, то такой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, а мучитель. Такого

и не царь, но мѣчитель. Такоговаго царя, лѣкавства его ради, не наречемъ царем, но лисомъ. Шедшѣ, рече, Господь нашъ Ісѣ Хрѣстсъ, рцете лисѣ томоу. И Пророкъ глеть: Царь оплазив погыветъ. Пѣтїе бо его темни сѣтъ. Трїе же отроцы не токмо є покоришася повеленїю Навуходносора царя, но и врага беззаконна нарекоша его и мерзкаго отступника и лѣкавейша паче всеа землѣ. И ты оубо таковаго царя, или князя не послѣшаеши, на нечестїе и лѣкавство приводѣща тѣ, аще мѣчитъ, аще смертїю претитъ. Семѣ свидѣтельствуютъ Прѣрци и Апѣстоли, и вси мѣченици, иже ѿ нечестивыхъ царей оубѣени быша и повеленїю нхъ не покоришася. Сицѣ подобаетъ слѣжити царемъ и княземъ¹

царя, из-за его лукавства, не называем царем, но лисицей. «Идите, – сказал Господь наш Иисус Христос, – скажите этому лису». И Пророк говорит: «Царь лукавый погибнет. Пути его темные». Три отрока не только не покорились Навуходносору царю, но назвали его беззаконным врагом, мерзким отступником и самым лукавым на всей земле. Ты тогда такого царя или князя не слушай, даже если он тебя мучает или угрожает смертью, иначе он приведет тебя к нечестию и лукавству. Об этом свидетельствуют пророки и апостолы и все мученики, которые нечестивыми царями были убиты, но повелению их не покорились. Именно так подобает служить царям и князьям»²

Власть, основанная на сребролюбии, лукавстве, обмане и всяческой неправде, ставит себя по отношению к подданным вне закона, они имеют полное право не только не повиноваться нечестивой власти, но и свергнуть ее любым путем. Властитель, становящийся мерзким отступником от Христовой Правды, подлежит отторжению. Неправедный властитель, как и еретик, искажает образ и подобие Божие на земле. Еретик извращает духовные начала бытия, а лукавые и неправедные «начальники» искажают основы земного бытия человека, вносят в них порок и разложение. Принимать властное беззаконие

¹ Просветитель. Сл. 7, Твор. Препод. Иосифа Волоцкаго. Казань. С. 286–288.

² Перевод наш. – А. Щ.

с позиций ложно понятого смирения есть не меньшее зло, чем творить зло. *Власть* является наместником Божиим на земле, и должна осуществлять заботу о христианах.

Со своей стороны, *власть* должна подчиняться церковным правилам и христианскому установлению. Если она действует в границах нравственных, христианских требований, то властитель есть истинный и праведный правитель, которому народ должен вполне покоряться и который несет ответственность только перед Богом. В противном случае – это неправедный царь, слуга диавола, мучитель, которому народ не обязан повиноваться, а имеет полное право его свергнуть.

Политическую теорию подчинения власти лишь в пределах закона развивает митрополит Даниил¹. В 8-м Слове он пишет: «Подобает ко властелем послушание имети и честь им воздаяти»² («Необходимо иметь к правителем послушание и почитать их»³). Общее назначение царской власти Даниил определяет в следующих выражениях: «Бог наш... оустрой власти в человеческих сынох во отмщение злодеем, в похвалу же благотворящим, да аще презрит человек страх Божий, да воспомянет страх властелей земных, да боящееся земных начальств не поглотают друг друга якоже рыбы... достойно и праведно есть воздавати честь царем, якоже рече апостол Петр: Бога бойтесь, царя чтите, подобне же и Павел»⁴ («Людем наш Бог создал власть, чтобы отомстить злодеям и вознаградить праведных. Если человек не боится Божьего Суда, то пусть почувствует страх земных правителей. Государственная власть не дает людям проглатывать друг друга, как рыбы, поэтому достойно и праведно воздавать честь царям, как говорил апостол Петр: Бога бойтесь, царя чтите, так же говорил и апостол Павел»⁵).

Так как цари имеют власть только над телом, то они не могут требовать от подданных таких поступков, которые губят душу, и в

---

¹ Митрополит Даниил (1470/1491–1547) – митрополит Московский и всея Руси (1522–1539), в 1515–1522 годах игумен Иосифо-Волоколамского монастыря. Ученик Иосифа Волоцкого, после смерти которого стал главой иосифлянского направления.

² Цит. по: *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 234.

³ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁴ Там же.

⁵ Перевод наш. – *А. Ш.*

этом случае им не следует повиноваться. Даниил допускает возможность неповиновения не только мучителю-тирану, но и праведному царю в том случае, если он совершает беззаконие или даже призывает к нему. В том же 8-м слове митрополит Даниил пишет следующее: «Рече некто от святых: испытай себе искушааи, яко князи и владыки над телом имуть власть точию, а не над душею... Тем же аще или на оубийство или на некая безъместная и душевредная дела повелевают нам, не подобает повиноватися им, аще и тело до смерти мучат, Бгъ бо душу свободну и самовластну сотвори, о их же аще делает добра и зла»¹ («Как сказал некто из святых: испытывай и исследуй, где добро, а где зло. Князи и владыки только над телом имеют власть, но не над душой. Если же призывают на убийство, на нечестивые и вредные душе дела, то не повинуйся им. Пусть лучше они тело твое предадут мучению и смерти, но над свободной и самовластной душой, которую сотворил Бог, они власти не имеют»)². Подлинным господином для человека является Христос, а не преходящие людские установления. Человек наделен свободной душой, и он призван различать добро и зло. Различение добра и зла определяет отношение христианина к власти, о чем определенно свидетельствует митрополит Даниил.

Даниил приводит обширное толкование, приписываемое Василию Великому, на один из самых важных евангельских текстов: «Повиноватися подобает, рече, Господа ради. Аще же Господа ради повинуюемся, рекше отдадите кесарева кесарю, егда же что вне воли Господни повелевают нам, да не послушаем их, да не убо глаголет верний, яко оуничиживаеши нас и небрегомы твориши. Небесное царство приати хотящим властелем повиноватися показует яко не властелем, но Божови, аще по закону Божию начальство им есть. Егда убо видит вас, рече, совестью Божиею властелем повинующимся, тогда безответны суще обуздываются. Сего ради оубо и сами те властели, рече, вещь некую правде законы имущее, елика по правде и по закону творят, не имут о сих истязание, елико же неправедно и беззаконно творят, в сих и погыбнут»³ («Как говорил [Василий Великий. – *А. Ш.*], подчиняться

¹ Там же. С. 285.

² Перевод наш. – *А. Ш.*

³ Цит. по: *Жмакин*. С. 130–131.

властям можно только ради Господа, то есть отдавать кесарю кесарево. Но если правители призывают нас нарушить волю Господа, то не послушаем их. В этом случае верный [христианин. – *А. Ш.*] лучше подвергнется унижению и останется без защиты государства, чем нарушит Божественную Волю. Те, кто хочет достигнуть Небесного Царства, должны подчиняться Богу, а правителям покоряться лишь когда они правят по Божественному Закону. Властителям, управляющим сообразно Божественной совести, необходимо подчиняться во всем. Более того, тех правителей, у кого законы согласуются с правдой, нельзя никоим образом осуждать. Князи, творящие беззаконие и уклоняющиеся от правды, ведут к гибели своих подданных»¹.

Здесь приводится общая христианская мысль о повиновении только в пределах Христианского Закона. Если власть действует по закону и по правде, мы должны ей во всем повиноваться, и с нас снимается всякая ответственность за последствия. Если же власть требует от нас чего-то противного Христу или Его Закону, то мы не должны ей подчиняться, так как заповедь воздания «кесарю кесарева» дана нам Спасителем, который не мог требовать от нас нарушения Его собственной Воли.

От власти надо терпеть несправедливые гонения и смотреть на них как на особую милость Божию, за которую надлежит воздавать благодарность. Но отсюда было бы неправильно делать вывод, что евангельскими словами проповедуется безусловное подчинение и повиновение власти. На несправедливость со стороны власти надо смотреть как на возмездие за грехи или как на напоминание свыше о необходимости самому жить по заповедям, но это не значит, что у власти нет никаких пределов и что она может совершать несправедливости. Правомерное сопротивление государственной власти необходимо и, более того, обязательно.

Нил Сорский на примере подчинения иноков монастырскому начальству – игумену определяет отношение человека к правящей власти. Ставя в основу личной жизни каждого человека полную нравственную свободу, Нил распространил это начало и на отношение инока к монастырскому начальству. Наставления игумена обязатель-

---

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

ны для иноков только в том случае, «аще суть ко благоугождению Божию и пользе душевной», а судьей в этом вопросе является христианская совесть самого инока¹.

Внутреннее ощущение справедливости, основанное на чистоте восприятия мира, выступает главным критерием, по Нилу Сорскому, возможности повиновения власти. «Слово кратко против тех, иже в вещи священные вступаются» или, в других списках, «О свободе святые церкви», написанные заволжским старцем в 1505 году², ярко проявляют свободу христианской духовной жизни от государства. По взглядам автора, богоустановленность власти не составляет безусловной ее особенности: «власть и настоятельство духовное и мирское обое изволится от власти божественныя»³. Духовная власть, а с ней и духовная свобода, независимы от власти мирской: «Не подобает епископом... бояться царей или начальников, понеже, по апостольскому учению, паче подобает повиноватись Бгви неже человеком, мирстии бо властели человеци суть, тело отнятии могут, души же ни»⁴ («Епископам не надо бояться царей и начальников, потому что по апостольскому учению более необходимо повиноваться Богу, чем людям. На самом деле мирские властители такие же обычные люди, как и все, поэтому они имеют власть только над телом, а не над душой»)⁵.

Властям не принадлежит господство над духовным миром и, главное, над духовными свободами. Автор указывает на пример многих царей в Ветхом Завете, погибших за присвоение себе такой власти, а «царство иудейское и с царями своими вкупе погибе, и достойно, понеже царьство вкупе и власть на пастыри церковные, яко и на своя воины имети дерзнуша»⁶ («иудейское царство погибло вместе с царями по той причине, что цари с помощью воинской силы решили подчинить себе духовных пастырей»)⁷.

---

¹ Цит. по: *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. С. 211.

² Там же. С. 212.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁶ Там же. С. 197.

⁷ Перевод наш. – *А. Ш.*

Задачи государственной власти определяются, в первую очередь, как служение христианской правде: «Царское и начальническое и прочих господ мира дело бытии достойно есть праведна повелевати, а неподобнаа възбраняти. Сего ради всяка власть оустроена есть Бог, да злии и лукавии человеци от злых действо воздержани бодут, блазии же посреди злых покойнее и мирне да поживут, без неправд и невредимо. Того ради царие и начальницы в мире оуоставлении соут, да соуд, правдоу и оуправление подвластником творять, к нимь пристоит злых казнити, пастырей своих защищати»¹ («Царское и начальническое и прочих господ общества дело праведно править, а неподобное запрещать. Поэтому всякая власть устроена от Бога, чтобы злые и лукавые люди были воздержаны творить зло, благие [люди. – *А. Ш.*] смогут невредимо жить среди злых в покое и мире, без неправд. Для этого цари и начальники установлены в мире, чтобы творили праведный суд и управляли подчиненными. [Власти. – *А. Ш.*] должны наказывать злых и защищать [христианских. – *А. Ш.*] пастырей»)².

Задача власти есть справедливое управление, основанное на христианском законе: «Сего ради научитесь, нашего времени о земьстии господа, мудрости и разумоу, да занете подвластники ваши владети и оуправу творити, церкви и их пастырей защищати, а не брежати, чтити, а не преткновения творити и их даровании свободнее и любезнее оукрашати, а не обижати»³ («Пора уже вам, господа правители, научиться разуму и достичь мудрости, чтобы понять следующую истину. Необходимо не просто управлять людьми, но, в первую очередь, защищать церкви и пастырей, чтить их, а не создавать им трудности. Вы должны предоставлять им свободу, а не преследовать»)⁴. Ограничение власти устанавливает Закон Божий или заповеди Божии, «от сохранения которых никто от человек свободен верится быти»⁵ («сохранять которые должен любой человек»)⁶.

---

¹ Там же.

² Перевод наш. – *А. Ш.*.

³ Там же. С. 195.

⁴ Перевод наш. – *А. Ш.*.

⁵ Там же.

⁶ Перевод наш. – *А. Ш.*.

Царь не может издавать повеления, которые противоречили бы Закону Божию, высший закон не может быть отменен низшим законом. От обязанности исполнять заповеди Божественного Закона властителя никто не может освободить, даже сама духовная власть: «Аще кто хочет православнее и христианьски подвластные себе люди оуправляти, сему прежде достоит себе Божию правительству повиноути»¹ («Если кто из правителей хочет управлять православными христианами, тот прежде всего должен повиноваться божественному руководству»)². Богу нужно покоряться больше, чем людям и их мнению: «Болши церкви и пастырю ее повиноватися нам достоит в семь, неже господину мирьскому»³ («Больше следует повиноваться духовной власти, чем мирскому правителю»)⁴.

Самим подданным, в каждом отдельном случае, предоставляется решать, согласуются ли повеления, исходящие от царя, с наставлениями духовного пастыря, и, если подданные находят между ними противоречие, они должны ради исполнения высшей заповеди отказаться от повиновения царскому указу. Нужно подчиняться духовной власти и совести, а не правителю-тирану, мучителю, который не может рассчитывать на повиновение народа. Народ свободен от обязанности бездумно или безумно поддерживать власть. Невозможно повиноваться власти, которая не соблюдает христианские правила.

Истинный правитель, по Максиму Греку, есть образ и подобие Божие, он действует по правде и по закону, его главные добродетели – правда, целомудрие, кротость. Его образцами являются библейские цари Мельхиседек, Езекия, Давыд. Титул самодержца Максим прилагает только к истинному царю: «Царя истинна и самодержца оного мни, благовернейший царю, который коеже правдою и благозаконием устроить житейская подручников прилежит»⁵ («Истинным и самодержавным властителем царя можно назвать только тогда, когда

---

¹ Там же. С. 243.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Там же. С. 244.

⁴ Перевод наш. – А. Щ.

⁵ Цит. по: *Максим Грек. Послание неизвестному игумену* // Православный собеседник. Казань, 1860. С. 70.

он правдой и Благим Законом управляет людьми»¹. **ВонстинѸ** подлинный царь самодержец есть тот, кто поборол в себе три главные страсти: сластолюбие, славолюбие и сребролюбие.

Отсюда понятие «самодержавие» получает два смысла: во-первых, им обозначается соответствие царя нравственному идеалу, а во-вторых, оно указывает, что царь подчиняется началу законности и проводит его в своем управлении государством. Самодержец – тот, кто сам над собой господствует и не отдает себя во власть греховным страстям. Наоборот, кто подчиняется страстям, тот не истинный царь, а **насылникъ**. Он презирает закон Божий, не принимает священнического учения и **советованїа многонскѸснѸхъ старцовъ**.

В своей теории, касающейся власти, Максим Грек исходит из дилеммы: что важнее в христианстве – вера или дела? По Максиму, дела значительно важнее веры. Нравственная сторона имеет преимущество перед догматической и обрядовой. Не посты и бдения, не молитва спасают христиан, а к «нищим и в бедах и в скорбех живущим человеколюбие и милость и сострадание»². Сказано: «Милости хочу, а не жертвы», – и потому только «евангельских заповедей прилежно делание» оправдывает человека, а не «вера или крещение и черное рубище»³. В отходе от христианских норм Максим видел главную опасность для существования русской государственности: «Русия царство – аще и стоит верою православной вере, но добрых дел оскудение и неправда умножися»⁴ («Русское царство хотя и имеет своей основой Православную Веру, но в нем оскудели добрые дела и умножилось беззаконие»)⁵.

Преп. Максим был убежден, что богатство есть нравственное и общественное зло. Тем более если погону за достижением богатства, господства «золотого тельца» ставит перед собой государство. Он не мог представить себе богатство, которое не содержало бы всех неправд

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Там же. С. 71.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Максим Грек*. Слово второе, разоряющее главы латинского мудрования // ЧОИДР, М., 1879. С. 80.

⁵ Перевод наш. – А. Щ.

и насилий, которыми оно добыто. Богатство может быть приобретено только «богомерзскими росты», *скверными привыткы* («нечестивым путем полученными доходами»), всяким лихоимством, в основе его непременно лежит бесчеловечное отношение к слабым. Вот почему он советует всякому, кто заботится о своем спасении, продать имение и жить только своим трудом. Максим объявлял рабство явлением совершенно незаконным, противоречащим христианству, и основывался на заповеди любви к ближнему, как к самому себе: «не подобает в христианах влаstem быти» или, в другой форме, «несть требы быти начальством в христианстве»¹.

Публицист XVI века Иван Пересветов, так же, как и Максим Грек, первым условием благоденствия государства и общества ставил не только Христианскую Веру, но и дела, поступки всех членов этого общества и их соответствие Христовым Заповедям: «Вера христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет»². По убеждению Пересветова, одной веры недостаточно, и христианская правда выше умозрительной веры: «Коли правды нет, то всего нет... Правда Богу сердечная радость», «не веру Бог любит, но правду», «Бог любит правду лутчи всего», «правда вере красота»³. Правда составляет необходимое условие государственного благополучия, и без нее государство раньше или позже должно погибнуть.

Только то царство, в котором есть правда, может не опасаться гнева Божия. «Греки Евангелие чли, и иные слушали, а Воли Божии не творили», и за эту неправду Бог выдал греков турецкому царю в неволю. По учению Пересветова, *правда* есть закон христианский, и греки виновны, прежде всего, в том, что преступили все заповеди Божии. Но неправда их заключалась не в одном этом. Было в Византии и общественное зло – неправый суд и рабство. «Все есмь дети Адамовы»⁴ – говорит Пересветов и этим устанавливает принцип равенства всех перед лицом государя, перед законом и обществом. Отсюда

---

¹ Цит. по: *Максим Грек. Послание неизвестному игумену* // Православный собеседник. Казань, 1860. С. 118.

² Цит. по: *Ржигга В. Ф. И. С. Пересветов – публицист XVI в. М., 1908. С. 38.*

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 111.

вытекает необходимость отмены всяких имущественных и сословных привилегий. Рабство, по его мнению, незаконно, так как один Бог есть Господин над всей Вселенной, и «Бог гордости не любит». Власть не может править «кривым изветом»: «Сами ся управят, како хотят, а язв се не вступлюся». Если власть перестает быть справедливой, то царство «если и стоит верой в Православии, но оскудением добрых дел умножилась неправда»¹ («црѣство аще и стоитъ вѣрою въ православіи, но добрыхъ дѣлъ вскъдѣнїемъ и неправда оумножиса»²).

Власть, провозглашая на словах Христову Истину, на деле устанавливает беззаконие и порок, и постепенно, незаметно, власть и государство перестают быть христианскими. Что и произошло с Римом ветхим, с Царьградом – Римом вторым и с Москвой как последним, Третьим Римом, хранителем и защитником Православия. Неправда приведет к крушению русского государства, пишет И. Пересветов, и наступит время, когда в мире перестанет существовать последнее христианское государство: «Кто потом да удержит хоругви русского царствия? Кто да соблюдет православных исполнение? Кто поборет на безумныя? Кто да упраздит языческое стремление? Кто да посрамит еретическое гнилословие? О, кто да управит исконное его любопренное и гордынное о благородстве мятежное шатание?»³.

Христианская концепция власти основывается не только на образе Божественного мироустройства, когда Творец есть первое начало всего сущего, которым Он управляет. Христианская доктрина власти включает в себя двойственность человеческого бытия, сущностное соединение души и плоти. В земной жизни человека тело, само по себе, так же не может существовать без души, как душа без тела, поэтому человек существует в двух измерениях: природном, вещественном, и духовном. Двоединоство человеческого пребывания в сиюминутной, короткой жизни предполагает двойственность управления человеком.

Два величайших дара были даны человеку для его земной жизни: священство и царство. Задача этих властей – приблизить человека к Богу. Духовная власть должна заботиться об истинном направлении

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 150.

воли человека, а мирская – избавить от плотских соблазнов и пороков. Блаженство человека зависит от правильной воли его духа, а не от раболепства его перед плотью. Все же зависящее от плоти есть животное и смертное. Поэтому задача мирской власти – защищать христианина от мирских, плотских соблазнов. Мирская власть, как и власть духовная, имеет священное значение для человеческого бытия. Отступление от Христовой Истины в священной сфере ведет к нарушению Божественного порядка и в земной, мирской жизни.

Из вышеизложенных религиозно-политических учений ясно, что выражение «всякая власть от Бога» никоим образом не должно пониматься с точки зрения принятия всех без исключения проявлений и деяний государственной или общественной власти. Для христианина, безусловно, важен институт государственной власти, обеспечивающий социальный и государственный порядок, препятствующий хаосу и проявлениям возможного человеческого произвола. Если есть способность власти устанавливать и поддерживать порядок хотя бы в соответствии с естественным человеческим правом, тогда у христианина нет препятствий для подчинения установлению и действиям власти. Разумное и действенное управление проявлениями человеческих взаимоотношений в обществе может быть только приветствуемо. Более того, утверждение социального порядка, то есть сама власть, имеет, по христианским представлениям, божественные основы.

Как мы видели выше, именно в таком смысле понималось апостольское выражение «вся власть от Бога». Но признание метафизических начал *власти* отнюдь не означает, что непосредственные, земные действия власти имеют сакральное значение, и уж тем более не означает, что любым действиям власти надо подчиняться. Кроме того, помимо установления и поддержания порядка, для христианина власть имеет еще надмирное, религиозное значение. Какие абсолютные начала устанавливают власть? Для христиан единственно возможной является власть христианская, описанная нами на примере допетровской Руси. Остальные типы и проявления власти могли лишь приниматься христианами как Божие попущение, наказание за грехи несоблюдения Христианских заповедей.

Другими словами, сами идеальные начала *власти* не должны вовлекаться в область изменчивых человеческих отношений. Государство должно не вносить в общество элементы социальной нетерпимости, а согласовывать жизнь людей с практическими требованиями умеренности и уступчивости, составляющими истинную сущность политических отношений. То есть всякая власть есть власть лишь постольку и до тех пор, пока она больше чем непосредственно «власть». Власть способна пребывать в самой себе, т. е. в своем существе, только превосходя и превышая собственное существование. Задача власти – реализовывать высшую истину в сущем. Если власть останавливается на каком-то достигнутом уровне, то это уже является немощью власти, началом ее трансформации и последующего разрушения.

Внешнее благочестие и внутренняя несправедливость

С наступлением эпохи Нового времени пришла эпоха иного полагания смыслов, не связанного с прежними ценностями. На место прошлых значений в качестве верховных смысловых начал приходит власть, которая уже сама устанавливает целесообразность. Наступает, говоря древнерусским языком, «своеволие» человека. Подобная «власть» исполняет только то, что ей присуще. Уже только она определяет собою все окружающее, менее всего она признает за ценностное что-либо вне себя самой. Это, в свою очередь, ведет к неизвестной цели, основанной на разнужданных человеческих влечениях. Новым порядком становится абсолютное господство чистой власти, осуществляемой через человеческое произволение.

Уже в XVI веке, в связи с проникновением из католической Европы различных политических теорий того времени, основанных на разрушительном субъективизме, многие в России задумались, что будет с православным царством, если его правитель, придерживаясь Истинной Веры, перестает выполнять Христовы заповеди, вызывая же нарушает то, что предписано соблюдать каждому христианину. Недавним отрицательным примером для них служила судьба Державы Ромеев (Византии), которая внешнее христианское благочестие пыталась совместить с внутренней несправедливостью, неправдой, обнаруживавшейся в безудержном стяжательстве, государственных хищениях, а также безразличным отношениям к подданным.

В этой связи Максим Грек определяет состояние русского государства как державы, где Православная Вера во многом существует только внешним образом. При отсутствии внутренней правды появляется разрушительное лицемерие, ведущее в конечном итоге к падению этой державы. Один из персонажей «Большой челобитной»¹ мол-

---

¹ «Большая челобитная» – программа политических реформ, выдвинутая в XVI веке Иваном Семеновичем Пересветовым.

давский воевода Петр¹ сильно сокрушается, внимая словам некоего Василия Мерцалова о тогдашнем русском государстве: «Если правды нет, то всего нет»² (Коли правды нетъ, то и всего нетъ)³, «Та власть крепка, когда все подданные боятся закона, так же, как и наказания»⁴ (Та власть крѣпка в ней же вси живоще боатся закона, ако же и мочителл)⁵. Другими словами, власть должна защищать Закон как Божественную Правду, а не просто «закон» как формальный набор статей: «Так говорит Петр, молдавский воевода, про русское царство, что сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что Богу лгут и государю»⁶.

Только в случае соблюдения государством Истины подданные должны повиноваться власти, соблюдать ее установления и порядки. Христианин может подчиняться государственным установлениям исключительно в мере следования государством тем политическим нормам, которые не противоречат Христовой Истине. Легко увидеть, что представления о власти в описанном нами контексте совершенно противоречат самому смыслу понятий «господствования» и «подчинения» европейских политических теорий. В соответствии с утопичными материалистическими представлениями любая власть наделяется «священными», абсолютными атрибутами. Что, безусловно, не имеет никакого отношения к христианскому представлению о власти.

Природа верховной власти должна сочетать закон и наказание, основываясь на Божественной Правде, и быть снисходительной к людям. В созвучии закона и милости, их внутреннем балансе, находится залог процветания любого государства. Всякое проявление крайностей в политическом устройстве пагубно для государства. Пустое

¹ Петр IV Рареш, молдавский господарь, занимавший престол в 1527–1538 и 1541–1546 гг.

² Перевод наш. – А. Шц.

³ Цит. по: Ржигя В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI века. М., 1908. С. 59.

⁴ Перевод наш. – А. Шц.

⁵ Цит. по: Ржигя В. Ф. С. 63.

⁶ Цит. по: Ржигя В. Ф. С. 63.

и жестокое «законничество» и ничем не ограниченная вседозволенность – все это результат предельного развития общественных противоположностей, приводящих к деградации власти. Такая власть теряет свою устойчивость, становится уродливым воплощением одной из своих сторон: «Ради милости и покровительства князь испытывает любовь от подданных. А боятся они [князя. – А. Щ.] только из-за утверждения им Истины»¹ (**Ради милости бо предстатель и князь ѿ подвластных вельми любится, а истинны ради боятся**)².

Следовательно, подчинение власти возможно лишь тогда, когда власть выполняет свою непосредственную задачу: защиты людей и милосердия в отношении их. Страх перед действиями власти, а потому и повиновение ей допустимо исключительно в случае, если власть истинна и владеет Истиной. И эту Истину власти не могут дать никакие «законные», механические «демократические» выборы, состоящие из формального сочетания мнений людей как абстрактных единиц. В противоположность искусственному «закону» здесь можно говорить о Власти как явлении Высшего Порядка.

Подобное государственное устройство, основанное на милосердии и Истине, было общим местом в древнерусских политических представлениях: «Милость без правды есть нерешительность, а правда без милости предстает как мучительство, и два этих начала в таком виде разрушают государство и любое общество. Милость всегда подкрепляется правдой, а правда ограничивается милосердием. И только в этом случае имеет прочность во времени царство и его правитель»³ (**Милость бо безъ правды малодѣшество есть, а правда безъ милости мѹчительство есть, и сиа два разрѹшаютъ царьство и всако градо-сожителство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью оукрацаемасохранаютъ царя царство въ многоденствѹ**)⁴. Под «правдой» здесь необходимо понимать Закон, правильное и гармоничное устройство политической жизни и государства. Под милостью (милосердием) разумеется одна из важнейших христианских добродетелей.

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Цит. по: Ржига В. Ф. С. 64.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ Цит. по: Ржига В. Ф. С. 64.

Любовь к ближнему непосредственно связана с выполнением Божественных Установлений: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих»¹. *Милость* и *Закон* должны существовать в созвучии, в гармоничной пропорции. Если государство именно таким образом сочетает Веру, Закон и справедливое милосердие, или, по крайней мере, стремится к этой цели, то тогда держава приобретает непоколебимую устойчивость.

Любой государственный закон должен устанавливаться не на субъективном человеческом произволении, а на милости к ближнему, основываться на правде. Это и есть настоящий долг истинного государства. Не только религиозное отступничество, но и нарушение Божественной Воли из-за человеческих грехов ведет государство к неизбежному крушению. Здесь мы видим вполне ясную мысль: невозможно, будучи христианином, жить в грехе, угнетать ближних, оставаться несправедливым. Другими словами, надо различать *Веру* как институциональную и каноническую принадлежность и *Правду* как данные Богом установления, управляющие поведением людей. Государственная *Правда* и *Закон*, государственные нормы, заповеди, таким образом, отождествляются, как Высшая Справедливость, с самим Христом или с Божественным Светом.

В древнерусской традиции власть, основанная не на законах, а на произволе, определялось древнегреческим термином *τύραννος* (тиран), который приобрел достаточно характерное значение. Приблизительно с конца XV века данный термин был усвоен русскими книжниками в транскрипции *тира́ннѹсъ*². Первоначальное, достаточно нейтральное

---

¹ Иак. 2:14. Синодальный перевод.

² *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 158.

значение этого греческого слова, именовавшего «властителя», «государя», стало применяться к правителю, управляющему без помощи божественного или естественного закона, а также обозначать жестокую, богопротивную власть. То есть это государь, правящий по собственному произволению.

Интересно, что в этом случае объем понятия «тиран» значительно увеличивался, и подобный правитель получал статус «мучителя». В «Азбуковнике» можно без труда найти определение слова «тиран»: **тиранностьъ мѹчительъ или насильникъ**¹. Для нашей цели важно показать определяемый этим понятием момент субъективизма, ничем не ограниченной человеческой воли, ведущей к сиюминутному, иллюзорному решению, результатом которого является насилие над людьми (подданными). Такая власть, даже преследуя благие цели, в любом случае становится тиранической и беспощадной.

Разбирая древнерусские смысловые коннотации термина «тиран», важным представляется следующий момент. Правитель-тиран, правящий без оглядки на Божественный Закон, является только насильником и мучителем. И здесь возникает вопрос: каким образом возможно противостоять этому беззаконию? В древнерусском понимании конфликт между властью и подданными из области политической (как в наше время) переходил в сферу нравственных отношений. На одном полюсе этого конфликта находился «тиран-мучитель» или обезличенная власть, облеченные всем могуществом государства, на другом ему противостояла фигура, не обладающего никакой силой, кроме воли и Веры, страстотерпца, претерпевающего нравственные и физические мучения от государя-насильника или его присных. Мучитель всячески истязает плоть, предлагает жертве всевозможные соблазны, в его власти насильно отнять жизнь, но он не может победить жертву духовно.

И здесь мы видим принципиальное отличие христианского отношения к беззаконной власти и современных концепций революции, влияния пропаганды и политических технологий для достижения сиюминутных политических целей. Христианское учение предполагает неизбежность страданий на пути к Богу и поэтому рассматривает му-

¹ Там же.

ченичество как добровольное самоотречение физического «я» во имя Христа, «подобострастие», испытание и повторение на себе страстей и искупительной жертвы Богочеловека. Своими страданиями мученик выявляет условность и ограниченность власти тирана.

Мученик выполняет Высшую Волю, насильник-властитель исполняет дьявольскую волю и ни при каких обстоятельствах не может постичь Божий замысел. Беззаконный правитель обречен на поражение. Неожиданная победа, казалось бы, бессильной «жертвы» становится для власти внезапным позором. Внешнее могущество власти, ее пышность и показная сила оказываются лишь дьявольской иллюзией, подчинением сатанинскому внушению. Эта победа выглядит невысказанной, если не учитывать, что за праведником, мучеником находится Высшая Сила, Божественная Правда, а за тираном находится только призрачная, злая сила, не имеющая основания в вечности.

Мученик идет на смерть, видя перед собой в смерти за Христа событие предопределенное и чаемое. Он сознательно идет на страдание, так как печаль, скорбь и мука означают беды, приходящие к человеку со стороны, из внешнего мира. Подобный сюжет бесконечное количество раз встречается в христианской агиографии. На древнерусском материале в этом можно убедиться на примере конфликта между св. Феодосием Печерским и князем Святославом. Вот как описывает житие суть раздора простого инока и всемогущего князя: «И, таким образом, откуда-то пронеслась весть, что блаженный должен быть задержан... Услышав же новость о своем заточении, блаженный возрадовался духом и ответил принесшим ему эту весть: «Братия, я этому только радуюсь, так как ничто не доставляет мне удовольствия в этой жизни... Я готов или на муку, или даже на смерть». И далее стал еще более укорять того князя за его ненависть к братьям, с нетерпением ожидая своего заточения»¹ (И такоже отътолѣ промъчеса вѣсть, еже на поточение осъженъ быти блаженномъ <...> Си же слышавъ блаженный тако о заточении его рѣша, въздрадоваса дѣхъмъ и рече к тѣмъ, «Се бо ѡ семь вельми см радѣю, братїе, тако нечьсоже ми блаже въ житии семь..7<...> Тѣмъ же готовъ есмь или на смьрьть»

¹ Перевод наш. – А. Ш.

И оттолѣ начать того (кнѣзѣ) оукарлати о братоненавидѣнии, жадаше во зѣло, еже поточенѹ быти)¹.

Таким образом, всякая власть, творящая беззаконие и нечестие, должна быть подвергнута осуждению вне зависимости от своего могущества и силы, положения или деклараций о благих намерениях. Нечестие должно быть осуждено, невзирая на лица. Следовательно, власть и ее действия для христиан не имеют абсолютного статуса, как нас пытаются убедить лукавые современные «богословы». Они странным образом рассматривают положение «Вся власть от Бога» с точки зрения безоговорочного подчинения указам и деяниям этой власти.

На самом деле, и мы видим это благодаря житию св. Феодосия, «власть от Бога» возможна только тогда, когда она сама соблюдает Божественные и человеческие установления. Нарушая их, она попадает под осуждение и отрицание. Ведь «окаянный» Святополк² по своему внешнему облику христианин, но это не мешает ему быть злодеем. Князь злоумышляет беззаконным и преступным образом получить желанную государственную власть. Святополк «из-за своей гордыни начал думать, что если перебьет всех своих братьев, то один завладеет всей русской властью. Однако не ведает, что только Бог дает власть, кому хочет, ставит цезарем или князем того, кому желает дать власть...»³ (нача помышлати, тако избью всю братью свою и примѹ власть Рѹсьскѹю един, помысливѹ высокоуміем своимѹ не вѣдын, тако Бгѹ даетъ власть, емѹ же хощеть дастъ)⁴. Автор жития подчеркивает, что власть – это Божий Дар, и его нельзя получить преступными способами.

---

¹ Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго (текст в дореволюционной орфографии и по списку в составе Успенского сборника XII века). М., 1899. С. 54.

² Святополк Владимирович (др.-рус. Свѣтопѡлкѣ Владѣимировичѣ, в крещении Петр, в древнерусской историографии по прозвищу «Окаянный», ок. 979–1019) – князь туровский (с 988 года, первый из рода Рюриковичей), великий князь киевский в 1015–1016 и 1018–1019. «Повесть временных лет» обвиняет Святополка в организации убийства Бориса и Глеба, которые при Ярославе были прославлены как святые мученики и являлись его единокровными братьями.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ Там же. С. 59.

Внешне часто представляется, что тираны не подвластны земному суду, да и сами люди не в состоянии одолеть мучителя без высшей помощи. Все это совершенно не значит, что могущественному земному владыке или безликой, но порочной власти нельзя противостоять, и пример св. Феодосия здесь совершенно убедителен. Он не только осуждает преступные действия Святополка, но и готов с радостью пострадать за правду. Эта правда, в данном случае, носит не умоглядный богословский, а политический характер. При этом отмечается, что все поступки узурпаторов и мучителей тщетны, они одержимы нечистыми страстями, приводящими к колебаниям и отчаянию. Их судьба в руках Бога. Пытаясь избежать его суда, Святополк «не ведал, от кого примет мучительную смерть»¹ (вѣгаш не вѣдыса ꙗко кого злострастьнѹ съмерть приа)².

Если любая государственная власть не направлена на достижение Высшего Закона, Божественной правды, то эта власть, даже именуемая христианской, ничем, в глазах христианского подвижника, не отличается от власти иноверческой. Такая власть ставит себя вне идеальных смыслов, следовательно, она принуждает поклоняться пустоте, призрачности, не *сущему*. В одном из житий христианский воин, представ перед царем-тираном, говорит следующее: «Мы воздаем тебе честь и поклонение как действующему правителю [царю. – А. Ш.], так как тебе, смертному и тленному человеку, вручена власть от Бога и слава над вечно становящимся [погибающим. – А. Ш.] миром, но ты не заставишь и не сможешь принудить нас поклониться твоим не сущим богам. Так как [власть. – А. Ш.] есть творение Божие и создана Богом на служение людям»³ (Тѣбѣ же царю същѹ, человекѹ мертвенѹ и тлѣннѹ, но тако власть имѹщѹ обладателнѹ честь воздаемъ и поклоняемса, понеже вручено ти есть царствие отъ Бга и слава мира сего скоро погибающаго, а еже Христа Бга отречеши и не същимъ богомъ твоимъ поклонитса, не принѹдиши нас никогда же, тварь бо Божна есть и на службѹ человекомъ сотворена отъ Бга)⁴.

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Там же. С. 59.

³ Перевод наш. – А. Ш.

⁴ Цит. по: Бахметьева А. Н. Рассказы из русской церковной истории. М., 1883. С. 79.

Таким образом государь, имеющий власть, предстает лишь как орудие, средство, инструмент. Поэтому сама власть не может быть самоцелью, иметь абсолютного значения, поскольку человек живет в *міре сѣмъ*, вечно изменяющемся конечном Космосе. Всякая власть, как и все земное, преходяща и сиюминутна, она быстро возникает и так же быстро исчезает, так как нет «постоянства в твари»¹. Властитель, не осознающий отведенной ему Провидением роли *человѣка мертвенна*, может легко превратиться в мучителя и нуждается не только в просвещении, наставлении или осмыслении своих несправедливых поступков, но также и в осуждении.

Власть, как говорится в житии, – «творение Божие», поэтому она должна зиждиться на Божественных Установлениях. Власть, тем или иным способом отвергающая Высший Закон, становится вне его границ. Она, как и идолы, уже есть безжизненное воплощение языческой веры, обоготворяющей вечное становление и вечную конечность *небытия*. Такая государственная власть сама становится идолом, и тем самым у нее отторгается возможность быть инструментом, средством владычества. Данная власть – уже поущение Божие, относящееся к Божественному Промыслу, а не к сиюминутному историческому событию, в котором пути Провидения могут быть совершенно непонятны.

Человеческая власть, пытающаяся заменить собой Творца, тиранична и существует вне Закона. И здесь нет совершенно никакой разницы, что подобная политическая и государственная власть утверждает: «всеобщее человеческое счастье» или «всеобщее благоденствие» – ее внутренняя сущность будет незаконной. Такой власти можно подчиняться, в лучшем случае только как техническому средству управления, но до тех пор, пока она не войдет в противоречие с Божественными Установлениями. Семантический архетип нечестивой власти включает в себя два следующих важных принципа: она, как власть тираническая, истязает, мучает людей или, будучи как «мысленный волк», превращает их в ничего не смыслящих животных. Такой власти нельзя подчиняться ни при каких обстоятельствах.

Преподобный Иосиф Волоцкий в 7-м Слове «Просветителя» разграничивает два типа власти: духовную, связанную с областью духов-

¹ Там же. С. 80.

ных основ и интеллектуальных проявлений, и телесную, зиждущуюся на мире вещей и физических явлений. Отсюда, всякие насильственные действия власти также имеют духовную и вещественную природу. Игумен Волоцкий, основываясь на ветхозаветных и апостольских указаниях, утверждал, что необходимо подчиняться власти: «Люди, выбранные Богом и имеющие от Него власть, могут как доставлять благо, так и наказывать людей, но не вмешиваться в духовную жизнь»¹ (такъ человекомъ предпочтенномъ ѿ Бѣга и власть ѿ Нѣго примшемъ, и могущихъ благодѣтельствовати и мѣчити тѣлесне, а не дѣшевне)². Поэтому правителям может быть оказана только человеческая честь, но не присвоена божественная слава: «Как говорит Господь: отдавай-те кесарю кесарево, а Божие Богу. Если же поклоняешься и служишь [правителю. – *А. Ш.*], то это не может повредить твоей душе, более того, благодаря этому научишься больше бояться Бога. Царь есть Божий слуга, поставленный к людям для милости и наказания» (также Гспѣдъ глаголетъ, воздадите кесарева кесарю, а Божия Богови. Аще си-цепоклоняешися и служиши, нѣстьти на пагѣвѣ души, но паче ѿ сего наѣчишися волтиса Бѣга, Царь во Божии слѣга есть, къ человекомъ милостно и казнию)³.

Пр. Иосиф говорит о том, что необходимо подчиняться властям, но только на уровне закона и установлений. В духовную жизнь (в данном случае, следование Христианской Правде) власть не имеет право вмешиваться. В любом страдании нет вреда – если человек смиряет себя под влиянием внешних обстоятельств, то он не вредит своей душе. Физические мучения лишь учат его служить Богу. Здесь, конечно, речь не идет о том, что «наказание» – это положительная особенность власти. Подчинение власти или получение наказания от нее – это судьба и личная обязанность христианина, но такие политические события не имеют абсолютного значения или абсолютной обязанности для последователя Христа.

Любая власть, даже внешне исповедующая христианство, если управляется вместо Божественного Закона собственными страстями,

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² *Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Окончание ереси жидовствующих. Казань. 1903. С. 47.*

³ Там же. С. 48.

то работает не Богу, но своим похотамъ, потворствуя собственным порокам. Пути такой власти темни сѣть: «Если же есть царь, который, царствуя над людьми, сам управляется скверными страстями и грехами: сребролюбием и гневом, лукавством и неправдой, гордостью и яростью, а хуже всего – впадает в неверие и хулу, то такой царь не Божий слуга, но диавол, это уже не царь, но мучитель. Такого царя не называй царем из-за его лукавства. Сам Господь наш Иисус Христос такого царя назвал лисом: «Идите и скажите лису тому...»¹ (Аще ли же есть царь надъ человекѣи царствѣа, надъ собою же имать царствѣюща скверныа страсти и грѣхи, сребролюбие же и гнѣвъ, лѣкавство и неправдѣ, гордость и ярость, злѣиши же всѣхъ, невѣрїе и хулѣ, таковый царь не Божин слѣга, но днаволъ, и не царь, но мѣчитель. Таковаго царѣ, лѣкавство его ради, не нарече царемъ Гспѣдъ нашъ Исѣсъ Христосъ, но лисомъ, шедше, рече, рцѣте лисѣ томѣ)².

Подобная концепция совершенно по-иному в сравнении с современной точкой зрения определяет отношения господства и подчинения. Не только религиозное отступничество, но и распространившиеся «вольные и невольные» грехи, исходящие из падшей природы человека, предполагают назвать правителя «диаволом», а всю власть антихристианской. Гнев, сребролюбие, неправедность и гордыня достаточно легко делают эту власть незаконной, так как она нарушила установившуюся взаимосвязь между добродетелью и нечестием. Такой власти подчиняться нельзя.

В этой связи показателен библейский пример трех отроков в печи вавилонской, который приводит пр. Иосиф: «Три отрока не только не покорились повелению царя Навуходоносора, но, более того, обличали его как незаконного врага и мерзкого отступника, самого лукавого на всей земле. Поэтому такого царя или князя, ведущих тебя к нечестию и лукавству, не слушай, даже если мучит или грозит смертью»³ (Триѣ же отроци не токмо не покорѣшасѣ повелѣнїю Навѣходоносора царѣ, но и врага незаконна нарекоша его, и мерзкаго отстѣпника, и лѣкавѣиша паче всеѣ землѣ. И ты ѣбо такого царѣ или княза да

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Там же. С. 51.

³ Перевод наш. – А. Щ.

НЕ ПОСАДШАЕШИ, НА НЕЧЕСТИЕ И ЛЖАВСТВО ПРИВОДЯЩА ТЯ, АЩЕ МЪЧИТЬ, АЩЕ СМЕРТНЮ ПРЪВТИТЬ)¹. Таким образом, игумен Волоцкого монастыря прямо говорит о неподчинении государственной власти, если она не соблюдает Божественные установления и человеческие законы.

С христианской точки зрения недостаточно исповедовать свою веру, более важным представляется не поклоняться тем ложным идолам, которых современная власть навязывает в интеллектуальном и духовном смыслах. Незаконной власти необходимо оказать самое решительное сопротивление. Важно осмысление того, в каком мире мы находимся, отсутствие этого понимания – дело умалишенных, какими бы именами они себя не называли.

При этом личная воля человека, имея «немилосердную и нерадивую природу»² (естество тлжкосердо и нерадиво³), должна всячески ограничиваться государственным законом. Страдание и терпение невзгод являются обязанностью человека. Это отнюдь не значит, что можно «мерзостно и лицемерно возносить»⁴ (ласкать пресквѣрно)⁵ любые, самые безнравственные действия власти. Это уже падшая власть, власть-блудница, заставляющая присягать дьяволу. Поэтому важно осознать, разоблачить «внутреннего» дракона, подлинное естество которого оказывается явлено миру через любую, в том числе и современную антихристову власть.

То есть христианам предстоит противник, вести борьбу с которым обычными человеческими средствами, например силой оружия, уже невозможно. За гонениями, мучениями и соблазнами скрывается духовный и «мысленный» враг, одолеть которого можно будет только когда придет определенный час и исполнятся и завершатся судьбы всего мира. Поэтому любой политический заговор и борьба бессмысленны и обречены на поражение, так как **врагъ** находится в умах и сердцах людей. Имеет значение лишь открытое свидетельство Христовой Веры.

---

¹ Там же. С. 61.

² Перевод наш. – А. Ш.

³ Там же. С. 61.

⁴ Перевод наш. – А. Ш.

⁵ Там же. С. 61.

Невозможно бороться с «невещественными супостатами» только разного рода оружием или политической деятельностью. Симеон Денисов¹, автор «Истории об отцах и страдальцах соловецких», открыто пишет о тщете обычной силы против враждебной власти, поскольку христиане противостоят «не плотским и вещественным противникам, но отчаянно и храбро борются с невещественными и мысленными врагами, побеждая их тем, что за отеческие законы и церковное Православие подставляют плечи свои под раны, хребты под удары, части тела на раздробление, а тела на муки...»² (не плотскихъ, ниже вѣщественныхъ сопостатовъ, но невѣщественныхъ, мысленныхъ враги храбро, и зѣло храбро, побѣдившихъ, иже за отеческіа законы, за церковное православіе вдаша плещи свои на раны, хребты на оудареніе, оуды на раздробленіе, телеса на мѣки)³. Господство «невещественного» супостата отличается двуличием, он использует одновременно мучение и тиранию с земными соблазнами и посулами. Во всех его проявлениях находится внешнее, показное благообразие и скрывающееся за ним духовное уродство.

Власть антихриста сохраняет атрибуты истинного царства, но за ними скрывается жестокая тирания и мучительство. Эта та духовная и интеллектуальная пестрота, о которой писал дьякон Феодор⁴: «Видится мне, что удивительное смешение представляет его [антихриста. — А. Щ.] нечестие: лживой хитростью сплетается нечестие с благочестием, клевета с благословением, мучительство с щедротами, милость с жестокостью, кротость со зверством, беспорядок с порядком, здоровое с вредным...»⁵ (Нечестіе же єго оудивительно рекъ пестротное єго и за лживое зложитрство, іако сплете нечестіе с благочестіемъ, клатвѣ же с благословеніемъ, мѣчительство с щедротами, милость

¹ Семен Денисович, князь Мышецкий (1682–1740), который вместе со своим братом Андреем был основателем и настоятелем знаменитой Выговской пустыни.

² Перевод наш. — А. Щ.

³ История отцов и страдальцев соловецких иже за благочестие и стяжания древле церковные законы и предания великодушно пострадаша. Почаев, 1794. Л. 45 об.

⁴ Федор Иванов (вторая половина XVII века), дьякон московского Благовещенского собора. Один из наиболее значительных представителей в истории старообрядческого движения.

⁵ Перевод наш. — А. Щ.

с немилосердием, кротость со звѣрствомъ, безчиніе съ благочиніемъ, здоровое со вредящимъ)¹. Эта власть духовных «идолов», вмещающая в себя некое образное изваяние вещей, не обладающих реальностью, образ, имеющий основание не в действительности, а возникший от искаженного образа – **образным образы**. Всякое действие, исходящее от власти, становится смешано, **пѣстротно** (неоднородно).

Политический идеал допетровской Руси заключался в общем человеческом законе, который определял постоянные условия жизни. Задача юридического закона, как определенного принудительного правила, определяла права и обязанности отдельных лиц между собой, а также отношение отдельных членов общества к государству и его обратную связь, как целого к отдельным частям, то есть личностям и обществу. Естественный человеческий закон и закон юридический были объединены между собой нравственным законом, который основывался на совести и исполнялся по свободному решению человека, а не в силу принуждения.

Тем самым в вышеописанном политическом объединении цель государственной власти и закона – подчинять личности постоянному Высшему Порядку, что, в совокупности с природным и нравственным законом, соединяет государство в единое целое. При поверхностном взгляде может показаться, что речь здесь идет о некоем идеальном общественном устройстве, якобы существовавшем в Древней Руси. Думать подобным образом было бы величайшим заблуждением. Государство и гражданское общество, отношения людей между собой – это всегда насилие, преступление и несправедливость. Как говорил А. Уайтхед: «У природы тяжелый нрав, и ее железные законы создают сцену, на которой разыгрываются драмы человеческих страданий»². В нашу задачу не входит исследование несправедливости и страданий в древнерусском государстве. Для этой цели находится много охотников, особенно в настоящее время.

---

¹ *Диакон Феодор. О познании антихристовой прелести // Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. VI, 1881. С. 79.*

² *Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 460.*

Мы говорим о балансе трех элементов, составляющих государство как подлинный народный союз. Повторим, что эти элементы – естественный (природный), правовой (юридический) и нравственный (христианский) законы. Это то, что и определяет забытый смысл латинского слова «юстиция» (*justitia*), которое в переводе обозначает «справедливость». Поэтому действовать по справедливости для государственной власти означает действовать правомерно, соблюдая баланс равноценности между тремя основами подлинного государства. Именно нарушение равновесия, преобладание одних или одного элемента над другими и ведет к вырождению государства.

Торжество физиологических, природных начал превращает общество в анархическую, неуправляемую, желеобразную массу. При злоупотреблении использованием нравственного закона общество легко трансформируется в теологическую или идеологическую диктатуру, с присущим каждой из них слепым фанатизмом масс. Господство сугубо юридического закона превращается в ничем не ограниченное право силы, подменяющее собой всякое юридическое начало. Эти колебания между тремя основаниями свойственны любому подлинному государству, их равновесие ведет к процветанию, а изменение в пользу одного или другого элемента ослабляет государство и часто приводит его к гибели от внешних врагов или самоистреблению.

Гораздо хуже, когда в государстве вообще отсутствуют одна или две составляющих. Другими словами, если их просто нет в системе политического устройства. Это именно то, что произошло в результате «реформ» патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, а затем благодаря катастрофическим изменениям русской общественной жизни, вызванным действиями Петра Первого. Последнее православное христианское царство было подменено призрачной копией, не имеющей оригинала в реальности.

Что произошло и почему эти изменения вызвали столь чудовищные последствия, от которых русское общество не может избавиться по сей день? Во-первых, «реформа» церковной жизни подменила нравственный закон его имитацией, пошлым и серым подражанием Вечным Началам церковной жизни. Под видом Христа обществу силой и ложью навязали и по сей день навязывают антихриста. Вместо Церкви

как *боготелесного* института появилось «Ведомство православного исповедания»¹ в императорский период или, как ныне, Московская Патриархия. Естественные человеческие права были переданы узкой группе населения (дворянству), народ был разделен на «благородные» и «подлые» сословия, и это разделение просуществовало до середины XIX века, вплоть до реформ Александра II.

Таким образом, природный и нравственный законы были исключены из области политических отношений. Остался только юридический закон, как право ничем не ограниченного насилия над населением. Сам закон, вместо избавления каждого индивидуума от чужой воли, стал навязывать ему свою, более страшную, безличную зависимость. Государство стало уже не союзом народа, а средством подавления, определяющим свободу как право делать все, что не запрещено законом. Отсюда и лишение большинства русского народа гражданских прав. То есть закон уже не защищает, а ограничивает свободу и уничтожает права граждан. Таким образом, теряется общая юридическая связь всех элементов государства. Такое политическое устройство противоречит самому принципу государства, когда, выражаясь словами Цицерона, «закон есть связь граждан» (*lex est vinculum civitatis*).

Подобный союз уже не представляет собой юридически целого, так как не имеет нравственного лица, а основное население лишено естественных прав. Государство становится субъектом и объектом обязанностей и прав, оно опирается исключительно на свою волю, органом которой является установленная в нем власть. Вследствие этого государство превращается в жесткую систему государственных учреждений, которые действуют как цельный, связанный внутри себя организм. В этой системе народ не допускается до государственного управления. Российское государство представляет собой воплощение политического сочинения Т. Гоббса – «Левиафан», впрочем, здесь не стоит удивляться, именно труды этого политического английского

---

¹ «Ведомство православного исповедания» – административный термин, обозначающий в Российской империи совокупность всех властных учреждений никонианской (синодальной) «церкви». «Церковь» рассматривалась как учреждение, находящееся в системе государственного управления.

философа в искаженном виде, через третьи руки послужили прообразом «новой» российской государственности, тяжелое марево которой развеялось только в начале XX века, но, к сожалению, ненадолго.

Подлинное государство состоит из разумных и свободных людей, имеющих свои интересы, свои права и цели. Этот духовный организм обладает особой природой и свойствами. Но «овеществленная» государственная власть часто рассматривает граждан как некий физический материал, из которого с помощью физических законов можно составить любую общественную конструкцию, что в конечном итоге приводит к ложным и трагическим последствиям. Если власть берет за основу нравственную и политическую неправду, то страдает все общество в целом: «Якоже бо о кораблех есть, егда убо наемник, еже есть гребец, соблазнится, мал вред творит плавающим с ним, егда же кормчий, тогда всему кораблю сотворят пагубу, такоже, господине, и о князех: сице кто от бояр согрешит, не творит всем людем пакость, но токмо себе единому, аще ли же сам князь всем людем, иже под ним, сотворяет вред»¹.

Цель истинного государства – высшее и общее благо, заключающееся в полноте и согласном развитии всех его составных частей. Именно в этом и состоит истинная идея государства. В таком случае принуждение, находящееся в руках государства, нужно терпеть со всей непреложностью. Но в случае, когда власть рассматривает народ с точки зрения физических и абстрактных единиц и ее не заботит частное благо граждан, то подобное государство не имеет права на существование и народ просто обязан свергнуть подобную власть.

Если рассматривать любую государственную власть с точки зрения абсолютных начал, то государство выступает как постоянный союз. Оно существует не для сиюминутных, временных целей, определяющих человеческую жизнь, а подчиняет ее с помощью принуждения высшему нравственному порядку. Такое государство представляет для отдельной личности благодатную среду, в которой она живет и умирает, а индивидуум, в свою очередь, может рассматривать свое отечество как Вечную Идею, ради которой он может пожертвовать

---

¹ Акты исторические. Т. 1. № 12. С. 21, столбец 2 и С. 22, столбец 1.

своей жизнью. Только в этом случае любовь к Отечеству может быть одной из самых священных и возвышенных основ.

В государстве, ставящем перед собой временные цели, как в современных «демократиях», народ не может иметь свое историческое предназначение, он предстает лишь материалом для таких же временных и изменчивых целей. Показательным примером являются поклонники материалистических и социалистических идей, растворяющие всякую личность в государстве, которое приобретает у них абсолютное значение. Индивидуум становится инструментом государства, вернее, той, как правило, утопической идеи, которая и направляет верховную власть. Здесь уже не идет речи о гармоническом соотношении внутри государства, так как безличное начало поглощает все остальное. У человека изымается его личность, которая не должна быть у него отнята.

Из сказанного совершенно очевидно, что Отечество, как Вечная Идея народа, и государство, как формальная организация жизни, совершенно различны, поэтому их необходимо разделять. В случае, когда идея Отечества воплощается через политическое и нравственное устройство, Отечество и государство имеют одну волю, воплощенную в едином народном теле. Государство становится организованным Отечеством, которое, в свою очередь, воплощается через государство. В этой целостности выражается истинная идея Отечества и государства¹. Именно в этом случае можно говорить о цели и назначении идеи политической власти, понять природу и причину ее существования. Главная цель государства состоит в достижении созвучия между его элементами. Причем эта гармония должна реализовываться на практике, а не в теории.

В задачу государственной власти не входят поиски и нахождение Истины, как сплошь и рядом можно увидеть в современных «социалистических» или «демократических» государствах, где та или иная идеология становится довлеющей и стремится подчинить себе человеческую личность. Но главенство любой идеологии не способно удовлетворить порыв к возвышенному, неистребимому в душе человека.

---

¹ На наш взгляд, современным примером такого единства может служить возникновение и существование Государства Израиль.

Поэтому исключительное предназначение государства – это достижение народного блага, гармоничного устройства человеческой жизни в соответствии с Высшей Истиной. Следовательно, государство является только внешним институтом, установленным для соблюдения права и безопасности.

В конечном итоге, назначение власти определяется ее сущностью, составляющей внутреннюю основу и цель развития и управляющую ее деятельностью. Из цели, положенной в основание государства, исходит реализация его идеи, развитие его сущности. И здесь умозрительные основы, мысли и убеждения, составляющие духовные начала образованного общества, влияют на решение практических задач, порядок и устройство самого общества. С другой стороны, теоретические цели, как правило, нуждаются в практических средствах, находящихся в распоряжении верховной государственной власти.

Платон считал, что такое государство включает в себя всевозможные добродетели, такие как умеренность, мудрость, праведную силу, мужество и конечную цель – Истину. Сила выступает как прерогатива и одновременно добродетель власти, стоящая на страже безопасности. Мудрость подразумевает сознание высшего закона, определяющего начальные основы политического порядка. Умеренность граждан есть равновесие между их личным интересом и интересом других людей. Все перечисленные добродетели вкуче подчиняются Истине, устанавливающей для каждой части государства подобающее ей место и пределы в общей политической совокупности, сообразуясь с назначением каждой из частей.

Только в таком идеальном государстве возможно осуществление не личной свободы как индивидуальной и часто эгоистической выгоды, а свободы духа, что и определяет бытие человека. Политическое равенство предстает как природный закон, сущность которого заключена в непредвзятом отношении к гражданским индивидуумам. Заклучая каждую личность в своих пределах, оно уравнивает интересы всех.

Отсюда, право – уже не устрашающая «вещь в себе», как она видится ныне, а выражение свободной человеческой воли, подчиняющейся общим юридическим нормам. Таким образом, право выступает

как законное ограничение свободной воли. Термин «право» происходит от того же корня, что и «правда», что и подтверждает одно из основных определений Римского права: «Право получило свое наименование от правды, правда же предстает как постоянная и непреложная воля воздавать каждому свое»¹ (*Jus a justitia appellatum est, justitia autem est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuendi*). Благодаря *правде* верховная власть приобретает абсолютный характер. Государство не может стать собственностью каких-либо лиц, в таком случае это будет мафиозный союз, семейное или корпоративное «государство».

Как мы видели выше, в основе христианского учения лежит представление об окружающем мире и человеческом обществе как о царстве победившего антихриста, а также о том, что истинная Церковь, истинные христиане могут существовать только за пределами этого мира: «Яко Царство Божие въсюду глаголет Писание внутрь человек быти, а не инако, тако же и царство диявольское в том же человеке вънутри соитися по деянию коегождо»². Отсюда, побег из «антихристового» мира – это необходимость, первая обязанность и религиозный долг истинно верующего человека, иного пути спасения души не существует.

По сути, современные правители являются последовательными воплощениями антихриста, а правительственные чиновники и разного рода государственные бюрократы, а также государственные институты и «духовные» власти – это прямые слуги сатаны. Власти удерживают силой своих подданных в богопротивном, погрязшем во зле и безверии мире, не давая никому выйти из него. Мирская неправда, существовавшая всегда, многократно возросла, когда была введена частная собственность на землю и появилось социальное неравенство. Результатом этого стали различные общественные конфликты.

Власть, политические институты, и тем более политические права не могут быть собственностью. Высшая политическая власть присваивается какому-либо лицу как должность, обязанность, но ни в коей

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² *Диакон Феодор. О познании антихристовой прелести. С. 79.*

мере как собственность¹. Неограниченное и тираническое полновластие государства возникает именно в то время, когда верховная власть рассматривает государство как свое имущество. Тем самым все, что находится в пределах государства, подчиняется власти и является ее личным имуществом. Именно из этих начал выросло крепостное право, происхождение которого прекрасно передано средневековой немецкой фразой – «воздух делает крепостным» (*Luft macht eigen*²). Если исходить из точки зрения государства, где у всех равные права, то государство как политическая организация является собственностью народа, образующего это государство, а самой власти с помощью управления доверено сохранять политическое равновесие. Но сама Идея *государства* не принадлежит никакому земному институту, она основывается исключительно на метафизических принципах.

Политическая власть не может быть также договором граждан в том смысле, что люди передают власти благодаря договору свои природные права. При заключении договора об организации государства важна не сама устанавливаемая форма правления, а то положение, что, связав себя договором с властью, передав ей свои права, народ уже не может и не вправе вернуть их назад. С другой стороны, последовательно утверждаемая неотчуждаемость личных прав приводит к тому, что любой человек сам определяет степень своего повиновения власти.

---

¹ Современная Россия представляет собой именно такое «семейное государство». Любая власть и государственные должности являются собственностью правящей верхушки. Это совершенно противоречит государственным основам и в конечном итоге приведет государство к катастрофе. Доказательством нашей мысли служат действия российской власти, нарушающей принцип неотчуждаемости собственных территорий. Власть в России свободно распоряжается государственной территорией, отчуждает ее как свою личную собственность, не сообразуясь с мнением народа. Это происходит без всякого внешнего давления и подразумевает исключительно меркантильные интересы самой власти, смотрящей на государство как на собственность и обращающейся с ним как с вещью. Народ нельзя отчуждать как собственность. При этом международное право подразумевает, что всякая добровольная уступка какой-либо области требует согласия на то жителей этой территории.

² «Воздух делает несвободным». Этот средневековый тезис был противоположен тезису «*Luft macht frei*» – «Воздух делает свободным». Согласно с последним принципом, крепостные крестьяне, уходившие от своих господ в города и там поселявшиеся, через год и один день становились свободными.

В реальности подлинное государство как целостный организм образуется не с помощью отчуждения (как в деспотиях) или формально-неотчуждения (как в демократиях) личных свобод, а подчинением государства Высшему Началу. Помимо действительной (физической) власти, государство представляет собой некий высший порядок, находящийся за пределами природного мира и определяющий истинное господство над людьми. В этом смысле любое «земное» государство представляет собой не более как сиюминутное звено в этой метафизической связи (*religare*). Отсюда временность и условность государства и власти как институтов. Государство не может само представлять собой абсолютное, ни от чего не зависящее начало, получившее через это право безраздельного господства над людьми.

Верховная власть не может быть независима от воли людей, их представлений о духовной жизни. Если она отделена от народа, то граждане в такой системе власти не участвуют в политической жизни, а должны лишь беспрекословно подчиняться. Таким образом, народ воспринимается как неорганизованная толпа, темная людская масса. Народ, граждане, не являются субъектом власти. Подобный взгляд на власть очень популярен в так называемых «христианских» политических теориях, где он доказывается с помощью Христианского Учения. При этом совершенно не принимается или сознательно замалчивается, что Христианство говорит о существе власти, а не о принадлежности ее тому или иному лицу, идеологической доктрине или установкам каких-либо иных форм власти. Об этом прямо говорит св. Иоанн Златоуст: «Здесь речь идет не о лицах, а о существе предмета. Необходимо, чтобы существовали власти, чтоб одни господствовали, а другие подчинялись, дабы народы не носились туда и сюда, как волны, в этом состоит Божественное установление. Поэтому не говорится: «несть бо князь аще не от Бога, а несть бо власть». Точно так же в Писании говорится, что Богом муж сочетается с женой не в том смысле, что соединение каждого мужчины с каждой женщиной происходит от Бога, а в том, что Богом установлен такой порядок жизни»¹.

То есть от Бога исходит любая власть, как сама возможность существования людей в земной жизни, и она может принимать лю-

---

¹ *Иоанн Златоуст. Толкование на Послание к Римлянам // Творения в русском переводе: В 12 т. СПб. Санкт-Пет. дух. акад., 1895–1906. Т. 4. Ч. 2. С. 89.*

бые формы, не меняя своего содержания. Политическая власть, тем самым, не может быть метафизическим «откровением», а устанавливается и передается в лучшем случае юридическим законом, она не божественное, а сугубо человеческое законодательство. Человеческие власти никогда не могут быть полноправными представителями идеальных начал. Государство не может быть идеальным объектом, это правовой союз, включающий в себя многие поколения людей, права которых не должны нарушаться.

В случае если государственный закон определяет то, что не входит в сферу его применения, то есть затрагивает общественные и личностные отношения людей, не может быть сомнений в том, что любой вправе отказать ему в повиновении. Если государственная власть нарушает высшие нравственные законы, на которых основывается человеческое общество, то подчинение такой власти должно иметь свои пределы, и тогда непреложный долг повиновения становится невозможным. Повиновение возможно и необходимо, если государство не выходит из принадлежащей ему области общественных отношений, определенных его сущностью и природой юридического закона.

Личность не может отказаться от тех прав, которые неотъемлемы от нее. Примером могут служить христианские мученики, которые умирали, но не повиновались приказанию поклоняться идолам или совершать порочные действия. Их подвиг подтверждает, что человек по своей сущности не состоит только из физиологических желаний. Преодолевая страх страдания и самой смерти, христианские мученики и подвижники доказали, что человек свободен и самостоятелен в выборе для себя не материального, а духовного союза, когда гражданская свобода превратилась в пустой призрак.

Давлению и деспотизму государства христианами были противопоставлены не борьба за смену одного правителя на другого, а чувства и убеждения, существующие внутри человека. Совесть и разум не могут испытывать никакого принуждения.

Но человеческое бытие состоит из отношений с другими людьми, эти отношения определяются юридическими правами, поэтому человек, независимо от его желания, подчиняется внешним законам, хотя при этом его внутренняя сущность остается неприкосновенной.

Всеобщее благо

Как уже отмечалось, любое проявление государственной власти необходимо рассматривать с точки зрения общественной пользы. По мнению Аристотеля, государство выступает как определенный союз людей, цель которого есть объединение человеческого общества на основе всеобщего блага. Поэтому государство есть высшее объединение всех людей, так как его предназначение есть достижение универсальной и высшей пользы. Только в таком, и ни в каком ином смысле возможно государство как совершенная и самодовлеющая жизнь общества. Но в таком подходе скрывается опасность. Власть становится не только принципом нового полагания ценностей, она уже не имеет никакой другой цели за пределами сущего в целом. Общественная область человеческого бытия очерчена кругом постоянного возрастания власти, отсюда жизнь человеческого общества возвращается снова и снова к *власти*. Тем самым сущее воспринимается как властное установление, которое при необходимости возвращается к себе и приводит к тому же самому.

Примерно подобным образом описывает государство Гегель в своем труде «Философия права». По его мнению, разумный порядок всегда представляет собой высшее соединение свободы с нравственной идеей. Осуществление нравственной идеи и есть внутренняя составляющая и цель государства, которую оно призвано воплотить через свое устройство. «Сферам частного права и частного блага семьи и гражданского общества» противостоит «организм государства, собственно политическое государство и его устройство»¹. В то же время безличная по своей природе, абсолютная мысль, по Гегелю, достигает совершеннейшего своего воплощения не в отдельной человеческой личности, а в безличном союзе людей – государстве. Поэтому государство есть высшая безусловная цель человеческого развития. Человек у Гегеля, как и у мыслителей античности, низводится на уровень орудия, материала для становления государства.

---

¹ Hegel G. Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee: Rechtsphil. Stuttgart, 1976. S. 257. Перевод наш. – А. Ш.

Человек может достигнуть «абсолютной нравственности» только отдавая все свои силы государству, жертвуя всем для него. В учении Гегеля человек становится инструментом, в его государственной теории торжество отвлеченной «идеи» происходит ценой унижения человеческого достоинства. Цель человека не в нем самом, а в государстве: вне государства он не имеет безусловной ценности и значения. Но при таком условии человек полностью становится рабом государства, которое подчиняет себе саму его душу, совесть – все его назначение сводится к тому, чтобы быть пригодным орудием для государства. Вся его добродетель заключается в обязательном исполнении закона. Идеал Гегеля является, в сущности, бюрократическим идеалом, его цель – сделать человека безупречным автоматом закона. При таком понимании задач нравственной деятельности для духовной свободы человеческой личности в системе Гегеля вовсе не остается места.

Цицерон, как римский гражданин, в сочинении «О государстве» дает определение государству. С одной стороны, данное определение подразумевает свободу граждан, с другой, обосновывает абстрактный юридический закон как связующую нить между государственной властью и гражданским обществом. Цицерон определяет государство как устройство народа: «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»¹.

Для нашего сочинения чрезвычайно важно указание Цицерона на тот факт, что форма государства (демократия, монархия и аристократия) не оказывает сущностного влияния на бытие непосредственно самого государства. Любой вид или форма государственного устройства с легкостью может вырождаться в свою противоположность: «... Виды государственного устройства <...> легко превращаются в свою порочную противоположность – вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы (аристократы) кликой, народ изменчивой тол-

---

¹ Цицерон. О государстве, I, 39. «Est igitur... res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus». (Перевод М. И. Рижского). Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1966. 224 стр.

пой»¹. Таким образом, утверждение о «единственно правильной (чистой) форме» государственного устройства не может считаться правильным. Те же мысли Цицерона, но уже в Новое время, повторил философ права Гуго Гроций: «Государство есть совершенный союз свободных людей для охраны права и для общей пользы»².

Существенным признаком государства необходимо считать верховную власть. Именно наличие высшей государственной власти послужило основанием для происхождения государства из договора в теории Т. Гоббса: «Верховная власть (государство) представляет собой единую личность, воля которой, вследствие договора большинства людей, считается волей всех. Поэтому она может использовать силу и способность каждого для общего мира и защиты»³. Мнение Т. Гоббса об исключительном положении высшей государственной власти, не связанной никакими нравственными ограничениями, привело к исчезновению и нивелированию государства как союза свободных личностей и связывающего их юридического начала – закона.

Довлеющим над всем гражданским обществом началом признана только государственная власть, свободно творящая произвол и ставящая себя единственной целью и основой государства. На самом деле в любом политическом объединении важна вся совокупность общей цели, во имя которой и происходит появление этого союза. Верховная власть лишь важная и характерная особенность государственного объединения, которое предстает как союз народа, связанного законом в одно целое и управляемого государственной властью для всеобщего блага человеческого общества. Другими словам, на первом месте находятся свободные личности, объединенные общей благой целью, затем закон и только потом появляется политическая власть, управляющая обществом.

Как это ни покажется парадоксальным, утопические идеи Гоббса о безусловном главенстве государственной власти, безраздельно

---

¹ (Cic. De re pub.I, 69) Цицерон. О государстве, I, 69. «...ex rege dominus, ex optimatibus factio, ex populo turba et confusio» (Перевод М. И. Рижского).

² Grotius H. De imperio summarum potestatum circa sacra, ed. Harm-Jan van Dam (Brill, 2001). P. 114. Перевод наш. – А. Ш.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб., 1868. С. 79.

владычествующей и имеющей абсолютный статус, получили свое пагубное развитие не где-нибудь в Европе, а именно в России. Это произошло после реформ Петра Первого, когда на смену свободной русской личности пришло безраздельное верховное, «державное» владычество малой группы правящей верхушки над всеми остальными. В допетровское время русский человек был внутренне и внешне свободным¹, благодаря чему его признание *власти* строилось на договорных началах. Само ограничение прав предполагало договорные связи между «своей» властью и «своим» гражданином, которые не обязательно должны быть прописаны в формальном законе. С эпохи Петра Первого насильственно внедряемый теоретический, отвлеченный европейский «юридизм» привел к тому, что российское государство стало для подавляющего большинства русского народа лишь учреждением, институтом власти.

Показательным примером может служить сочинение «Правда воли монаршей» одного из самых зловещих деятелей в русской истории – «епископа» Феофана Прокоповича². На этом сочинении стоит

---

¹ Здесь предвидятся эмоциональные восклицания: об усилении крепостного права, «юрьевом дне», постепенном закабалении крестьян и «вечном русском рабстве», а я говорю здесь о «вольности» средневекового человека. На самом деле здесь нет никакого противоречия. Средневековый человек обладал самостоятельностью как фактическим явлением, над ним не довлело юридическое начало, вытекающее из самого существа появившейся позже деспотии.

² Феофан Прокопович родился 8 (18) июня 1681, Киев, Русское царство. умер 8 (19) сентября 1736, Санкт-Петербург, Российская империя) – епископ Православной Российской церкви, с 25 июня 1725 года архиепископ Новгородский. С 25 января 1721 года – первый вице-президент Святейшего правительствующего синода. Для более ясного представления о личности Прокоповича надо привести наиболее яркие его характеристики, данные самими представителями синодальной церкви. Вот, в частности, что про него писал известный богослов Георгий Флоровский: «Феофан Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типический наемник и авантюрист, – таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает свои действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Вернее назвать его дельцом, а не деятелем. Один из современных историков остроумно назвал его «агентом Петровской реформы». *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 89–90.

остановиться подробнее, так как эта книга невероятно ценна для целей нашего исследования. Ценность данной книги заключена, прежде всего, в откровенном описании безусловного превосходства политической власти над всеми проявлениями человеческой жизни. Это первый случай, когда утопические политические и юридические идеи Нового времени были претворены в политическую реальность.

В более позднее время, вплоть до октября 1917 года, идеи, выработанные Ф. Прокоповичем, лежали в основе политической доктрины Российской империи, но при этом подавались в несколько завуалированном виде. В еще более уродливом виде подобное понимание государственной власти было воспринято большевистским режимом. Впрочем, и в «новой», современной России эти идеи по-прежнему составляют основу государственной машины. Собственно, Ф. Прокопович не был единоличным творцом этих идей. Вся «социально-экономическая» обстановка конца XVII – начала XVIII веков способствовала появлению подобных взглядов на государственное управление. Поэтому нам так важно обратиться непосредственно к самому тексту, представляющему собой тот субстрат пагубных идей, от которых Россия не может избавиться и поныне. «Великие» деяния петровской эпохи еще ждут своих беспристрастных исследователей. Подчеркиваю, исследователей, а не популистов и мифотворцев от исторической науки.

Общим местом в учении о государственной власти Ф. Прокоповича является его знакомство с сочинениями Г. Гроция и Т. Гоббса, а также Ф. Меланхтона. Но если упомянутые авторы пытались с помощью естественного права и рационалистических теорий доказать божественное происхождение государственной власти, то Ф. Прокопович подчиняет смысл и сущность Священного Писания в отношении власти самому естественному закону. Другими словами, государственная власть получает абсолютное и непререкаемое значение. Для этого Ф. Прокоповичем ловко используется двойственная система аргументации. С одной стороны, ложно интерпретируемые высказывания Священного Писания, с другой – доведенный до крайних пределов рационализм.

В своей государственной этике Ф. Прокопович полностью следует за Ф. Меланхтоном, он определяет государство как независимое

божественное установление. Естественное право – не что иное, как право, которого хотел сам Бог, и которое Он установил вместе с созданием человека. Единственной правдой человека является живущий внутри его Богочеловек. Такое утверждение имело своим мистическим основанием учение об единосущности единичного человека с идеальным человеком, учение, бывшее сначала очень близким Лютеру. Феофан Прокопович также признавал идею происхождения верховной государственной власти от Бога, но эта идея служила у него прикрытием совершенно противоположных смыслов и элементов политического учения. Прокопович своеобразно применял это непосредственно к человеческому естеству и государственному устройству. Он заявлял, что в человеке изначально заложен некий «естественный» закон: «Ибо, кроме Писания, есть в самом естестве закон, от Бога положенный»¹, – и далее подробно пояснял, какие это законы. Начинает он с достаточно общих мест: «Таковы законы суть в сердцах всякаго человека: любить и бояться Бога, хранить свое житие, желати неоскудевающаго наследия роду человеческому, не творити другому, еще Себе не хочещи, почитати отца и мать. Таковых же законов и учитель и свидетель есть совесть наша»². Перечислив эти тривиальные для своего времени положения, Прокопович переходит к главной цели – доказать, что любая государственная власть, так же как и вышеизложенные положения, имеет сущностное начало в природе человека. Так как человек был создан Богом, то и верховная, политическая власть также, по его мнению, происходит от Бога. Поэтому в числе законов человеческого естества (таких, как любовь, благо, совесть и т.д.) Прокопович на равных с ними основаниях полагал закон, по которому надлежит «быти властем предрержащем в народех»³. И именно этот закон он считал наиглавнейшим: «Есть тако воистинну! И се всех законов главизна»⁴. Более того, без наличия государственной власти не могут существовать и другие «естественные» законы, утверждал он: «Ибо понеже, со стороны одной, велит нам естество любить себе

---

¹ Прокопович Ф. Правда воли монаршей. СПб., 1722. С. 5.

² Там же. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же.

и другому не творити, что нам не любо, а с другой стороны, злоба рода растленного разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страж, и защитник, и сильный поборник закона, и то есть державная власть»¹. Таким образом, государственная власть ставится среди естественных законов на первое место и приобретает абсолютный, самодостаточный смысл. Более того, все остальные естественные законы могут существовать и исполняться исключительно благодаря наличию государственной власти.

Ф. Прокопович, вслед за Гоббсом, определяет «догосударственное» состояние человеческого общества, как «войну всех против всех». Как и у Т. Гоббса, человеческий разум постепенно приводит человека к познанию естественных законов. Природные инстинкты самосохранения и продолжения своего рода побуждают людей прекратить вражду через заключение общественного договора. Именно таким образом появляется государство. Созданием государства и руководит Божественный Промысел. До этого момента Прокопович следует за автором «Левиафана», но затем делает совершенно противоположный Т. Гоббсу вывод. Гоббс считал, что люди созданы Творцом равными, поэтому у них существуют равные возможности и одинаковые, ничем не ограниченные «права на все». Некоторые люди по доброй воле ущемили свои свободы и права в пользу государства взамен предоставляемой государством безопасности. При этом Гоббс не утверждает, что все государства возникли только путем договора. По его мнению, существует два пути образования государства. Один путь – захват и подчинение, второй – добровольное соглашение. Первый вид государства называется основанным на приобретении, а второй – основанным на установлении, или политическим государством.

Если Гоббс признавал у человека свободу воли, то Ф. Прокопович считал, что после заключения общественного договора народ обязан безгранично повиноваться монарху, вернее, олицетворяемому им государству. Народ у Прокоповича, в отличие от Т. Гоббса, не представляет собой собрание личностей, не обладает никаким суверенитетом и не имеет никаких прав по отношению к государству. Народ один раз, когда-либо отдавший свою волю государству, не может уже по-

---

¹ Там же. С. 5.

лучить ее обратно, то есть вернуться в прежнее, естественное состояние. Люди не равны представителям власти и не имеют никаких прав. Власть получает абсолютное верховенство, так как в своих началах не связана никакими законами. Она ни перед кем не держит ответа и при этом обладает полной неприкосновенностью. Ф. Прокопович утверждал: «Вся правда, и Божеская, и человеческая, во власти монарха»¹. Он писал, что абсолютный монарх подчинен непосредственно Богу, поэтому не связан Церковью как институтом. Из этого следовала необходимость подчинения Церкви государству и лично монарху. Вслед за Гоббсом Прокопович утверждает подчинение Церкви государству, так как религия необходима как важнейший инструмент государственной власти для обуздания народа.

Отсюда, само понятие «власть» получает сакральное значение, она «не судима есть от человека, но единого Бога суду подлежит». Она есть «высочайшая, крайняя власть» и «не подлежит никей же другой власти человеческой»². Соответственно, она выше любых человеческих законов и не может им подчиняться. «Понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како может законам человеческим подлежати, аще бы подлежала, не была бы верховная. А когда сами Государи творят то, что гражданские уставы повелевают, творят по воле, а не по нужде»³.

Власть не подчиняется, соответственно, никаким человеческим законам, как их превышающая и устанавливающая. При этом такой смысл власти Ф. Прокопович видел только в России. Абсолютная и безответственная власть может быть только у русского народа, считал Прокопович, основываясь при этом на политических идеях, распространенных в его время в Западной Европе. «Русский народ таков есть от природы своей, — замечал Прокопович, — что только самодержавным владением храним быть может. А если как оное ни будь иное владение правило воспримет, содержаться ему в целости и благосостоянии отнюдь не возможно»⁴. Справедливости ради надо за-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

метить, что признаки верховной политической власти, описываемые Феофаном Прокоповичем, такие, как ее недоступность для человеческого суда, независимость от какой-либо другой человеческой власти и надзаконность, отмечались Т. Гоббсом и С. Пуфендорфом¹.

Само верховенство государственной власти, ее непререкаемый суверенитет Прокопович определяет термином «маестат». Данный термин у него определяет власть, предстающую как «самая крайне превосходная честь и единым токмо верховным властям подается и значит не токмо достоинство их превысочное, и котораго по Бозе большаго нет в мире, но и власть законодательную крайне действительную, крайний суд износящую, повеление неотрицаемое издающую, а самую ни каковым же законам не подлежащую»². Именно в этом значении данный термин употребляли в своих сочинениях такие западноевропейские политические мыслители, как Ж. Воден, Г. Гроций, И.-Ф. Буддей.

Вместе с тем, отстаивая полное верховенство государственной власти, Ф. Прокопович оказался невосприимчив к другим идеям европейских ученых по этому вопросу. Утверждая согласие народа на передачу своих прав государству, он обошел молчанием весьма существенный момент в европейской теории, а именно «общественный договор». Согласно этой теории народ – это не просто безликая людская масса, а сознательная совокупность отдельных индивидов, каждый из которых представляет собой независимую личность, а следовательно, обладает суверенитетом. В учении Прокоповича изначальным носителем суверенитета выступает безликий народ, как единое тело, а не собрание личностей. Этот отвлеченный «народ» обладает общей волей, которую он преподносит государственному суверену как дар. При этом Феофан ничего не говорит о том, как образовался народ.

В политической теории Т. Гоббса верховная государственная власть образуется не в результате прямого договора ее носителя – суверена – со своими подданными, а путем заключения соглашения

---

¹ Темниковский Е. Н. Положение императора всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти. Ист.-догмат. очерк. Ярославль, 1909. С. 20.

² Прокопович Ф. Правда воли монаршей. С. 7.

множества индивидов между собой. Именно таким образом учреждается государственная власть или одного человека (монарха), или коллегии (парламента) людей. В учении Ф. Прокоповича описанное выше соглашение между личностями вообще не предполагается, поскольку индивиды не мыслятся в качестве обладателей прав или воли. Для Т. Гоббса создание государственной власти является одновременно формированием народа. В представлении Ф. Прокоповича народ как таковой уже сформирован и существует до появления самой власти. Поэтому, если в теории Т. Гоббса верховную государственную власть учреждают личности, то в понимании Феофана Прокоповича власть имманентно присуща народу как его основная и характерная черта.

Кроме того, теория «общественного договора», разработанная европейскими философами, подразумевала еще один важный момент. Для любого государства может наступить период распада, тогда общество возвращается в свое первоначальное состояние, при котором властный суверенитет отдается индивидуумам, создавшим государство. В понимании Прокоповича *власть* не может исчезнуть и вернуться людям, она неотъемлемое свойство народа, присущая ему по своей природе. Власть является Божественным атрибутом, определяющим народную волю: «Народная воля, как в избирательной, так и в наследной Монархии и в прочих правительствах образах бывает не без собственного смотра Божия... но Божиим мановением движима действует»¹.

Абсолютизация власти с помощью простой манипуляции выдается за Божественную Волю, отсюда и обязанности подданных по отношению к власти зависят не от их личной воли, а определяются Волей Божественной. Отсюда возникают и поныне существуют подобные идеи, позволяющие с легкостью оправдать любой произвол власти Божественным Провидением: «Не может народ судить дела Государя своего... повелевать что-либо Монарху своему»². Более того, даже если правитель, которого народ избрал своим властителем, усмотрев в нем «мужа доброго, который бы с великою отечества пользою цар-

---

¹ Там же. С. 7.

² Там же.

ствовать мог»¹, вдруг станет не таковым, каким казался вначале – «быв на время добр, переменится в злого»², то и в этом случае народ должен ему подчиняться. Поскольку, что бы ни совершал правитель (начальник), какие бы чудовищные преступления он ни сделал, он только исполняет Божественную Волю, «которая и волю народную двигнула, и купно с нею сама действовала»³.

Данная политическая установка оказалась невероятно живуча в России. Она благополучно пережила императорский период, советско-большевистское правление и в карикатурном, но не менее отвратительном виде продолжает существовать в современной России. При таких началах государственной власти никакого «общественного договора» нет и в помине. Власть – это проводник Божественной Воли, поэтому от народа требуется беспрекословное подчинение ей в любой ситуации.

По мнению Т. Гоббса и других европейских философов, правитель должен был действовать в интересах общего блага, он не имел права издавать законы и совершать поступки, противоречащие общему благу. «Хороший закон, – считал Т. Гоббс, – это тот, который необходим для блага народа и одновременно общепонятен»⁴. С точки зрения Феофана Прокоповича правитель (государь) также обязан действовать на пользу обществу. Правитель не имеет полномочий на совершение действий, противных естественным законам и Божественным Заповедям, но в то же время, при необходимости, определяемой субъективно, он может их нарушить. Другими словами, государь не может публично отвергнуть абстрактные, отвлеченные законы, например, открыто богохульствовать. При этом он имеет право утверждать любые другие законы, которые противоречат или даже прямо не служат общему благу.

Определяя в упомянутом сочинении «Правда воли монаршей» пределы действий верховной государственной власти, Феофан писал: «Может Монарх Государь законно повелевати народу не только все,

---

¹ Там же. С. 9.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Гоббс Т.* Левиафан. СПб., 1868. С. 78.

что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, только бы народной пользе не вредно и воле Божией не противно было»¹. Далее этот идеолог петровского мракобесия перечислил сферы бытовой жизни народа, которые государь может регулировать своими законами, не считаясь ни с каким народным мнением: «И сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов, строений, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях, и прочая, и прочая, и прочая»².

Таким образом, при формальном соблюдении столь же формальных принципов справедливости, блага, всеобщей любви и т.п., то есть того, что принято называть абстрактными и общими естественными законами, политическая власть получает разрешение на беззастенчивый и ничем не ограниченный произвол по отношению к совокупным личностям, составляющим гражданское общество. Отсюда становятся совершенно ясными кровавые и несправедливые поступки Петра Первого по отношению к собственному народу. Так же очевидными становятся и действия большевиков, истреблявших русскую идентичность. Столь же несомненными предстают действия современных «реформаторов», поставивших Россию перед крайними пределами духовного, нравственного и физического выживания. Истоки и начала такой катастрофической государственной установки были, несомненно, заложены в период петровских преобразований.

При всем неприятии зловещей для русской истории фигуры Ф. Прокоповича надо отдать ему должное. Он рассмотрел в политических идеях Нового времени главный, скрытый момент – крайнюю идеологическую отвлеченность подхода к *власти*, формальный юридикзм, приводящий в конечном итоге к абсолютизации верховной государственной власти, наделению ее абсолютными признаками. Эти основания и были с успехом для самой власти реализованы в послепетровское время и не только в России.

В наше время мы видим, что *власть* становится всеобъемлющей и абсолютной, она принимает совершенно несвойственные ей черты –

---

¹ Прокопович Ф. Правда воли монаршей. С. 8.

² Там же.

устанавливать исключительно те начала и положения, которые происходят из собственных ее интересов и представлений, в том смысле, как она их понимает. Все иные мнения не учитываются. Безусловно, политические философы Нового времени не имели в виду ничего подобного, но их изначальные представления о государственной власти привели к безусловной абсолютизации принципов власти и тех людей, которые имеют к ней доступ. В понимании этих процессов и есть главная заслуга Ф. Прокоповича. Его сумеречное, ограниченное сознание сумело выхватить из рассуждений Т. Гоббса и прочих политических философов самое главное. Власть – это «божество», действия ее абсолютны, и вырваться из сферы ее воздействия не удастся никому. Реализуя эти идеи на русской практике, Ф. Прокопович стремительно обогнал свое время. Политический эксперимент был полностью выполнен. А Россия? Для экспериментов всегда выбирают ту страну, которую не жалко, особенно если государственная власть в этой стране не считает ее своей, а ее народ равным себе.

Так в чем же заключается основной, скрытый смысл представлений о власти у мыслителей Нового времени? Ответ на этот вопрос состоит в описании их псевдорационального и квазинаучного подхода. С точки зрения данных философов наука признает только телесные субстанции. Соответственно, тела бывают естественными и искусственными, но если с первыми имеет дело физика, из последних наибольший интерес представляет совершенное искусственное тело – государство. Так как государство есть искусственное тело, то и действует оно по механическим принципам, или, если точнее, по принципам причинности физического мира. Именно сложные и неопределенные условия, происходящие от механического взаимодействия, были перенесены политическими адептами (в первую очередь, Т. Гоббсом) на человека. Другими словами, явления и действия физического мира свободно переносились на человеческое общество. Так, естественным состоянием в природном порядке является борьба за существование. Отсюда характерное свойство человеческой жизни – вражда «всех против всех». Против этой борьбы за выживание существует одно спасение – государство. Т. Гоббс при описании общества исходил из атомистических идей, где отдельными элементами служат

люди, из которых каждый стремится осуществить свои эгоистические желания. В этом случае государство является системой, в которой силы человеческих самолюбий и желаний взаимно поддерживают друг друга, помогают и уступают друг другу.

Для равновесия раздробленных атомистических интересов, по мнению Т. Гоббса, и создается государство. Оно появляется благодаря договору между этими независимыми людскими составляющими. Акт договора заключают между собой люди, чтобы прекратить состояние всеобщей междоусобной войны. Важным моментом теории Т. Гоббса является его рассмотрение человеческой личности как атома, обособленного от других индивидуумов-атомов, случайным образом оказавшихся вместе. Произвольность здесь выступает как синоним хаоса, то есть беспорядочное, не связанное никакими изначальными законами движение, где сами законы содержат в себе отсутствие причинной обусловленности. Таким образом, человек предстает как беспричинное сочетание атомов. Для Гоббса государство – это огромный механизм, приводящийся в движение человеческим эгоизмом.

Поэтому, с точки зрения механистической причинности, единственным способом человеческому обществу уберечься от распада является государство. Атомарные индивидуумы должны перенести все свои силы, а вместе с тем и свое «естественное» право, на государство, которое и есть библейский всепоглощающий Левиафан. Отсюда и мнение Гоббса, что государство может выполнить свою цель наилучшим образом путем сосредоточения любой силы и права в одном лице. Его теория государства является грубым воплощением принципа абсолютизма государственной власти. Гоббс – категорический сторонник полновластия государства во всех сферах жизни. По его мнению, существует только один способ выйти из пределов подчинения индивидуума государственной воле: это самоубийство. Чуждый положительной метафизики, Гоббс отрицает всякую внутреннюю ценность или даже признание религиозной или просто духовной жизни. В его глазах религия имеет законное основание лишь в установленной государственной форме церковных институтов. Воля государственной власти является, следовательно, единственным источником религиозных убеждений для доброго гражданина.

Из-под пера Т. Гоббса в результате вырастает материалистический социальный миф, ставший достоянием как политической философии, так и множества иных политических течений, каждое из которых находило для себя в его сочинениях скрытые смыслы. Главные аспекты этого мифа – чувственное восприятие действительности, отвергающее всякие проявления сверхчувственности. Тени чувственных восприятий, глухие голоса физических ощущений принимаются за подлинные начала. В этом темном царстве торжества вещества уже нет необходимости прикладывать усилия, чтобы понять суть вещей. На самом деле только сверхчувственность и есть главное приложение духовных и умственных усилий.

Предлагаемое политическими философами Нового времени государство – это духовные узы и физические оковы. Основание такого государства – ложь, видимость и фантомные впечатления, так как чувственный мир предполагает изменчивость, конечность и призрачность. Основываться на таком мире – значит пуститься в бесконечную погоню за тенью и потерять смысл самого предмета. Все усилия человеческого общества, заключенные в оковы космических архонтов, проецируются на тени, призраки, так отклик заменяет само понятие, определяя образ жизни человека. Упование только на органы чувств ведет к ограничению человеческого бытия. Возникает иллюзия, состоящая в том, что идеи чувственного восприятия принимаются за подлинное познание, и эти необходимые, но условные представления о физической действительности выдаются за истинные представления о предметах.

Показательным примером может служить учение Феофана Прокоповича, использовавшего политические идеи Нового времени относительно Церкви. Согласно Христианскому идеалу Веры, Церковь является духовным и нравственным единением всех возродившихся людей. Она представляет собой Царство Божие на земле. В представлении Ф. Прокоповича и современных последователей теорий Т. Гоббса, материалистическая религия нравственной веры превратилась в исполнение церковных обрядов для соискания некоего благоволения – видимые церкви превратились в рассадники рабства и лицемерия. Христианские представления о блаженстве были замене-

ны сытым благополучием. Место благородства заняло внешнее благоприличие, главной стала не подлинная, внутренняя идея блага, а внешняя, условная добродетель.

Отсюда появление определенного типа людей, которых сейчас принято называть «советскими», то есть искусственный, оторванный от корней, безродный человек. Вместо «сверхчеловека» появился гомункул, наделенный особыми качествами – притворством, силой лжи, умением казаться не тем, кем он является на самом деле. И эти качества у него находятся не в уме, не в воле, а в глубочайшем бессознательном инстинкте. В этой страшной духовной мгле ослепшие люди блуждают и кажутся друг другу привидениями. Их ум – вечный скиталец по темным лабиринтам вещества. Они не обладают сердечным ведением, их «око сердечное» скрыто прахом земных вещей, и оттого они не чувствуют своей духовной наготы.

На русской почве такие люди есть плод «реформ» патриарха Никона и Петра Первого. Именно они удобрили эту почву политическими учениями Нового времени, в кривом, но по сути верном изложении Феофана Прокоповича. Сам Ф. Прокопович выбирает из политических теорий Нового времени, то, что он считает нужным. Все прочее, слишком для него глубокое и высокое, он с легкостью сводит к примитивным измерениям, сокращает, облегчает, сжимает до последней степени плоскости и краткости. Из всей политической культуры Нового времени он берет только лакомую пенку, которая на самом деле является вредной накипью. Поэтому из всего европейского Просвещения принимается самое подлое и вредное.

Но было бы ошибочно думать, что происхождение таких человеческих типов – это исключительное явление, возможное только в России. Возращение таких людей в России началось на двести лет раньше, чем в Европе. Но сейчас подобный человеческий образ стал доминирующим в человеческом обществе. Люди еще в состоянии воспринимать реальность, но они уже не обдумывают, не анализируют ее. Они вечные приспособленцы, при этом меняя форму, они всегда сохраняют свою суть. Их душам недоступно понимание «о небесных вещах». И вместо самих душ у них даже не пустота, а камень. Как роса, орошая камень, только внешне делает его влажным, но внутри

его живительная влага проникнуть не может, так и подобные люди уже не только не воспринимают **Божіихъ глаголовъ**, но для их ушей стали непонятны и простые умственные рассуждения. Сам человеческий разум становится ненужным. Однако это нисколько не мешает ни жить, ни мыслить, ни действовать. Остается только сиюминутное явление, а какова его сущность они не знают и не хотят знать. Как сущность обнаруживается, что она представляет собой на самом деле, как она себя проявляет – не имеет смысла, надо просто убедить себя в том, что духовные истины понятны и без всякого анализа.

Интересна и вытекающая из данных философских политических теорий концепция права. Над человеческой жизнью получает господство субъективное, произвольное начало. Здесь уже нет места внутренней человеческой жизни, формальное право становится связанным исключительно с внешней стороной человеческих поступков. Отсюда господство внешних условий и принуждения. Человеческие намерения не рассматриваются вовсе. При этом не берется в расчет, что поступки человека могут меняться, но его внутренние намерения всегда остаются одинаковыми. Человеческая сущность регулируется формальными представлениями. Отвлеченное правовое установление входит в практическую жизнь и полностью подчиняет ее своему абстрактному началу. Подобная правовая концепция Нового времени основывается на сущностном утверждении, что человек по своей природе зол. Он превращает данную ему свободу в произвол. Поэтому юридическое право служит исключительно ограничением индивидуального произвола по отношению к другим. Это становится возможным через посредство общего (формального) закона свободы, позволяющего избежать конфликтов между личностями.

В этой концепции правовые законы всегда принудительны, они вначале касаются внешней стороны человеческой жизни, а затем поработают и его внутреннее состояние. В силу того, что государственные законы, по сути, являются абсолютным принуждением, их воля воплощается в государственных учреждениях. Более того, принуждение получает собственную законность, через мифическое утверждение «общественного договора», по которому люди отказываются от своих природных прав, перепоручая их формальным законам. Сама

идея общественного договора представляет собой в лучшем случае интеллектуальное заблуждение, в худшем, как в наше время, мошенническую манипуляцию.

Основной постулат «общественного договора» – это утверждение, что люди, убедившись в невозможности естественного состояния всеобщей вражды, заключили между собой договор с тем, чтобы образовать государство и чтобы каждый индивидуум повиновался общей воле, путем передачи своих прав государству. Таким образом, государство сводится к формальному договору, а договор создает и предполагает само государство. Вследствие этого договора появляется абсолютная «регулятивная идея», государственная жизнь представляет собой абсолютный факт общей человеческой жизни и несет в себе безусловные начала.

На наш взгляд, эта концепция нелепа и опасна по нескольким причинам. Первая из них состоит в том, что на протяжении всей человеческой истории люди никогда не передавали своих прав государству, как в практической жизни, так и в теоретических умозаключениях. Не происходит этого и сейчас. Тот факт, что ныне государственная власть довлеет над всеми проявлениями человеческой жизни, вовсе не говорит о том, что самому государству чужды человеческие устремления. Человек, по словам Ницше, начинается там, где кончается государство¹. Поэтому никакой передачи прав нет и в помине. Если заключен общественный договор, то он должен быть воплощен в законодательном акте, но его мы не сможем найти, даже при большом желании.

При этом утверждается, что законодательство должно всецело и вполне выражать общую волю и в нем каждый гражданин может свободно участвовать. Законодательство воплощается в кодексе законов. Это очевидная истина! Где же сам акт «общественного договора», закрепленный пожеланиями обеих сторон, государства и людей, входящих в него? Мы его не видим! Что же тогда имеется в наличии? Ничего, кроме отвлеченных философско-политических теорий!

---

¹ «...Государство лжет на всех языках добра и зла; и в речах своих оно лживо, и все, что имеет оно, – украдено им». Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1900. С. 62.

Вторая причина заключается в том, что человек, на самом деле, не может передать свои естественные права никому другому, так как он их не имеет. От человека не зависят его жизнь и его судьба, это происходит с ним помимо его воли. А ведь это главные естественные права человека, полностью определяющие его бытие. Человек не может отдать или обменять то, что ему никоим образом не принадлежит.

Кроме того, любой договор подразумевает две стороны. Одна сторона очевидна – это общество, состоящее из отдельных человеческих личностей. А вот определение другой стороны, выступающей под термином «государство», не столь просто. Безусловно, вокруг упомянутого термина существует много казуистики. Это и монарх, имеющий для управления «божественные основания», и республика, с правом утверждения большинства над меньшинством (или наоборот, как ныне). Но все же совершенно скрытым остается окончательный ответ – кому передаются «естественные» права в обмен на благополучие?

Если внимательно всмотреться в сам факт существования второй, государственной стороны, то можно увидеть, что «передача» прав происходит совершенно отвлеченным началом государственной жизни. То есть, передается тому самому «Левиафану», которого так красочно описал Т. Гоббс. В конечном итоге, этот «Левиафан» представляет собой абсолютный факт общей человеческой жизни и условие, которое становится определяющим для всей совокупности правовых норм. В результате появляется некое государственное устройство, предполагающее чистое господство права и произвол отдельных лиц, создающих это право.

В этом смысле государственное устройство совершенно не зависит от какой-либо определенной политической формы. На суть дела не влияет даже такое распространенное юридическое, схематическое представление, как разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Формальное, юридическое определение обладает столь же формальными принципами условной справедливости и не может гарантировать исчезновение несправедливости. Потому что в этой системе ценностей справедливость и нравственность условны и зависят от изменчивого человеческого произвола. Когда мы гово-

рим о равнозначности форм государственного управления, то имеем в виду не внешний схематизм учреждений, а внутреннее, смысловое наполнение. Любой властный институт может выполнять свойственную ему функцию, а не имитировать ее лишь когда внешняя форма и внутреннее содержание соответствуют друг другу, когда присутствует баланс смысла и его реализации. Иначе происходит использование конкретных институтов как инструмента для манипуляции.

В этом случае «общественный договор» есть мошенническая узурпация со стороны государства любых проявлений человеческой личности. Отвлеченное следование предписаниям закона не ограничивается его внешним исполнением, осуществлением приказаний и запрещений, а предполагает вторжение во внутреннюю жизнь индивидуума. Вся сила государства направлена на подчинение живой личности отвлеченным принципам. Человек полностью исчезает как живая сущность в бездне «правового» установления, в недрах государственной власти.

Поэтому понятие государственного «возмездия», право наказания уже не рассматриваются как вселение уважения к закону и внушение страха перед его попранием. Возмездие уже не педагогическое средство исправления, это формальный акт наказания, требуемый субъективной, сиюминутной справедливостью. Любой проступок должен быть искуплен страданием, но это искупление устанавливает не Высший Закон, а государство, в котором личность не имеет никакого значения. Если нет формальной и условной справедливости, то людям вообще нет смысла жить. Такое государство – это механизм для устройства внешней совместной жизни людей, но при этом, в своем глубочайшем смысле, оно институт практического разума человеческого рода, единственный источник нравственности и справедливости. Поэтому главная задача государства сводится к основной мысли, что государственная правовая жизнь устанавливает внешние условия для практической жизни, исходя из своего произвола.

Со стороны внешнего наблюдателя видно, что в государственном «Левиафане» находятся два мира: мир чувственных представлений, устанавливающий принуждение через правовые нормы, и мир нрав-

ственности и справедливости. Причем первый принято считать царством природы, а второй царством свободы. На самом деле это один и тот же мир: мир полного принуждения и зависимости. Любое современное государство, основанное на политических и философских принципах Нового времени, – это беспринципное главенство немногих над большинством. Такое государство – это фикция, политический призрак, создаваемый политическими технологиями по заказу определенных социальных или этнических групп. Какие в этих условиях могут быть выборы, какая демократия? Создается красивая картинка, фикция – то, что существует вместо реального дела, прикрываемая технологиями, создающими крайний эвдемонизм, то есть ничем не ограниченное стремление к достижению индивидуального и социального благополучия (счастья).

Обзор философско-политических теорий приводит к однозначному выводу, что они разрушают сами устои государства, благодаря которым должен держаться и упорядочиваться мир. В результате мы видим, как государственные институты превращаются в беспомощные атрибуты, а государствами управляет люди, неспособные к государственному строительству. Поэтому, глядя на современные «государства», создается впечатление «организованного хаоса», преследующего цель устранить любое значимое сопротивление. Все, кто не укладываются в «прокрустово ложе» этих идей, должны попрощаться с привычным миром. Надо признать, что традиционное христианское общество побеждено. Те, кто принял правила и требования, определяемые «Левиафаном», были приняты в его сообщество и безвозвратно поглощены чудовищем.

К чему, в конце концов, привели описанные выше теории? Появился устойчивый приоритет интересов меньшинства над большинством. Безраздельную свободу воздействий сильных на слабых. Приоритет частного интереса над государственным и общественным. Нетрадиционные и извращенные отношения между людьми, которые в подобных государствах формируют новую общность. Государство стало руководствоваться двойными нормами, объединяющими меньшинство при его неограниченной власти над большинством. В этой связи, если рассмотреть понятие «государство» как величину посто-

янную и, одновременно, изменяющуюся, приоритет отдается именно господству изменяющегося над постоянными основами этого явления. Существует лишь мимолетная и условная множественность, делющаяся до бесконечности. Граждане этого «нового Вавилона» – обезличенные клеточки огромного государственного тела, бесконечно малые дроби бесконечно великого целого. Из принятой исходной точки создается почти полное и совершенное поглощение человеческой личности мертвым безличным целым – «Левиафаном».

Если же кто-то еще верит в фантазийные образы разных навязываемых политических идеологий, то пусть внимательно посмотрит на современное политическое устройство. Все существующие партии в реальности полностью финансируются государством. А само государство выступает как политическая бизнес-корпорация, где безликие управленцы и беспринципные дельцы делают карьеру. Подобные государственные корпорации не имеют никакого отношения к представительству интересов тех, от лица которых они выступают. В действительности все эти партии ничем не отличаются друг от друга. Поэтому политические дельцы, находящиеся в этих партиях, легко переходят из одной в другую: правые – в левые, левые – в правые, коммунисты – в либералы и т.д.

Однако не стоит полагать, что эта политическая система искусственна, она как раз совершенно соответствует политической и духовной общественной реальности. Никто постоянно не держится за один и тот же политический расклад. Любые протестные и внесистемные отношения сразу, с большой долей профессионализма, растворяют в политической кислоте. Совершенно неважно, как определяет себя человек: демократ, фашист или нигилист. Все будет «куплено» в этом театре политических марионеток. В этом бесконечном политическом шоу к каждой группе или просто к выдающимся людям подбирается нужный ключ, к каждому подходят с точным расчетом.

В обществе возникает недостаток нравственной выдержки, цельности, оно внутренне неустойчиво. Духовное расстройство современного людского общества делает его нелепым и смешным. Интеллектуальные движения людей комичны, они карикатурны в своем невежестве и ничтожестве. Всякая собственность в таком государстве

является обыкновенной кражей¹, потому что она противоречит высшей справедливости, она не может существовать, исходя из эгоистического человеческого принципа. Политический плод Нового времени – это человек, закупоренный в себе самом, существующий без всякой внутренней свободы. Он определяется не духовной глубиной, а приходящей извне мировой необходимостью, в которой все разорвано, враждебно одно другому. Человек падает с парящей высоты на грубую плоскость чувственного бытия. Человек выброшен в этот Космос, в мир обреченности. И если он не ощущает своего изгнания, то подвергается бытийственной объективации, которая делает судьбу человека безысходной, выпавшей из высшей действительности. Отсюда бесконечная политическая ложь, которая является результатом роковых социальных последствий, бесконечно создаваемых этой ложью.

В этом смысле государство – уже не свободный союз народа, определяемый нормами права, а должностные места и чиновничьи лица, с совершенным равнодушием (это в лучшем случае!) выполняющие свои важные общественные обязанности. По большому счету – это учреждение и корпорация, которые нависают над народом и управляют им без оглядки на его интересы. Пагубность и недостаточность такого типа политического управления совершенно очевидны, они ведут к тяжелым и трагическим последствиям.

Граждане подобного государства перестают быть его членами, они должны безоговорочно ему подчиняться и имитировать свое участие в государственной жизни, чтобы не попасть под очередное «колесо истории». Люди уже не граждане этого государства, они только условно, формально входят в его состав. Государство, в этом случае, не представляет собой целостности, оно раздроблено на непримиримые начала: правящий класс, упивающийся своей безнаказанностью, и темная, забитая масса народа, стремящаяся выжить любой ценой в предлагаемых ей невыносимых условиях.

На самом деле народ, объединенный в государство, должен образовывать единое целое, где он соединен юридическими основами

---

¹ Прудон П.-Ж. Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти, Бедность как экономический принцип. Порноκραтия, или Женщины в настоящее время / Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1998. С. 67.

с властью, которая с помощью учреждений и лиц при них должна управлять цельным юридическим телом на всеобщее благо, а не отстаивать свои узкие корпоративные интересы. В этом случае, как единое политическое тело, как совокупность личностей, народ тождественен с государством, в которое, помимо самого народа, входит и его юридическое устройство, в том числе правительство как высшая власть. Только тогда государство составляется из граждан совместно с правительством в единое целое, несмотря на разногласия и взаимную противопоставленность друг другу. Граждане, как свободные личности, имеют в таком государстве права и свободы, простирающиеся до самого участия в верховной власти. Именно населяющий государство народ должен быть необходимым элементом политической жизни, так как государство состоит из личностей, с правами, данными им Богом, а не из учреждений, наполненных чиновниками, и уж тем более не из приказчиков (менеджеров) или лавочников (бизнесменов).

В этом смысле народ, как политическое и юридическое целое, может и должен подчиняться правительству, в остальных случаях неповиновение власти должно считаться гражданским и человеческим долгом. Открытое выступление против власти может быть оправдано также правом на сопротивление, когда государственная власть, преступая свои права, ниспровергает законный порядок. Нарушение естественных прав людей может вызвать восстание, которое, в свою очередь, может иметь своим последствием уничтожение существующего строя.

С точки зрения средневекового взгляда на государство политическая власть должна отождествляться с обществом, любые социальные связи должны стремиться к межличностным, основа которых усматривалась в семейной структуре. Семья же выводится из отношений между родителями и детьми. Нормативный тип такого человека, гражданина – это благородный муж, познающий небесное, идеальное предопределение. Отсюда возникает не отвлеченный, а подлинный гуманизм, сочетающий в себе идеальные духовно-моральные качества с правом на высокий социальный статус. Этой метафизической реализации противостоит абсолютная субъективность воли к власти. Данная субъективность безусловна как субъективность тела, которо-

му свойственны влечения и аффекты. Утверждается существо человека как *animal rationale*. Путеводной нитью становится *animalitas* (животность). В государственно-историческом единстве непреложной значимостью становятся *rationalitas* и *animalitas*.

Если средневековые (в нашем случае древнерусские) представления о политической власти создавались людьми, думающими метафизически и изготавливающими «метафизические системы», то в наше время можно говорить о конце государственной метафизики. Но это совершенно не значит, что человечество впредь не будет «жить» на метафизическом основании. Конец метафизики есть пока только начало ее «воскрешения» в совершенно иных, отличных от средневековых, формах.

История древнерусских представлений о политической власти показывает, что государство невозможно рассматривать исключительно как *вещь*. Это была попытка встать *над* вещественным государством и материальной историей. И, надо сказать, попытка небезуспешная. Власть и реализация государства в человеческом обществе понималась как *φύσις* (природные свойства, природа, характер), т.е. основная структура творения, что ведет к созданию упорядоченного бытия, возникающего и реализуемого в сущем.

Цель государства, по древнерусским представлениям, есть реализация метафизической *внесущностной* иерархии в физическом бытии. В этом состоит истинная природа государства, его идея. Эта цель содержит в себе и юридическое начало, и начало нравственное. Юридическое осуществляется путем принуждения, нравственное служит способом подчинения частных целей общим. Это и есть нравственное требование, предъявляемое к гражданам. Но государство не воздействует на совесть, не вторгается в духовную сферу. Принудительное исполнение нравственных требований является отрицанием самих основ нравственного закона, который есть закон свободы. Государство осуществляет нравственные (идеальные) начала в собственной своей деятельности. При этом государство не коренится в существе человеческой природы, а необходимо лишь в силу ее несовершенства.

Власть во времена господства духовного антихриста

В древнерусских представлениях о власти присутствует внутреннее единство. Несмотря на сугубо отвлеченную метафизичность, древнерусская государственность была реальной в *высшем смысле*. На протяжении 700 лет русской истории создавалась и осуществлялась с помощью государства попытка создать высшую, духовную реальность. Другое дело, что эта попытка не удалась, но это совершенно не значит, что она растворилась в неких хтонических глубинах. Теоретические основы древнерусского государства всегда утверждали не внешний психологизм, а стремились достичь понимания и реализации первородности человеческого духа. Действия власти должны были помочь раскрыть таинственность первооснов эмпирических событий. Тем самым, Древняя Русь показывает нам скрытое противоречие человеческого существования.

Весь смысл человеческой жизни заключался в волевом, но свободном усилии личности, в самоопределении и творческом порыве. Ничто не может осуществиться иначе, как только через волевою решимость и избрание пути в *горнии* высоты. Даже покорность перед любыми обстоятельствами возможна только через внутреннее преодоление неустойчивого человеческого положения в бытии. Во всех человеческих действиях должно присутствовать волевое усилие, иначе это ложное смирение, которое легко превращается в оправдание рабства в самом широком смысле этого слова.

Само существование русской цивилизации убедительно показывает саморазрушительность внешней свободы, когда требование абсолютного своеволия в конечном итоге ведет к нравственному разложению, распаду личности. Придуманная человеческая «свобода» оборачивается одержимостью и внутренним пленом. И, более того, свобода превращается в принуждение и насилие. Пустая свобода делает личность рабом страсти или идеи.

Средневековое государство не разрешало социальный вопрос только через установление юридических, формальных законов. Соци-

альные проблемы решались на совершенно другом уровне. Древнерусское государство могло существовать единственно в апокалиптической перспективе. С этой точки зрения задача государства состоит в противостоянии строительству новой Вавилонской башни, воплощающей в себе жажду имманентного апофеоза человечества и окончательного утверждения имени человека как основы «своеволия». И это гуманистическое «своеволие» приведет к окончательному закреплению человека самим собой. Человечество из свободных личностей превратится в «муравейник», выдаваемый за желанный хрустальный дворец.

Русская история рождалась и существует в часто непередаваемом исступлении и неистовстве, ее постоянно захватывает огненный вихрь страстей и искушений. Но, на самом деле, страшнее всего мертвая зыбь распавшегося духа, духовное опустошение людей, жизнь среди страшных образов небытия. Тихое беснование и духовная немощь страшнее яростной бури. *Власть* в древнерусском понимании – это также возможность противостояния «тайне зла». Так как смысл власти зависит от ее основы, то эта основа может вести прямыми путями добра или кривыми дорогами зла. Метафизическое, или мистическое, отравление европейской христианской жизни одержимостью гуманитарного соблазна могло привести только к окончательной замкнутости на человеке.

Одним из видов этого соблазна и являются политические теории эпохи модерна и постмодерна. Власть абсолютизируется, то есть получает способность и возможность достигать своих целей любыми методами, честными и нечестными, насилием и местью, обманом и провокациями, вымогательством, вещественным стимулированием, ложными обещаниями. Главной основой для современной власти является развращение человека как такового, человека, как Божественного Образа и Подобия. Вселенской задачей власти стало полное подчинение человека плотскому началу, направление человеческого духа в область телесных мечтаний. Для достижения этой цели современная власть основывает свое существование на лжи, чтобы сами люди «начали говорить нелепицы... и зашатались, как пьяные») ¹ (на-

¹ Перевод наш. – А. Шц.

чаша нелѣпѣм глаголати и развращенна... и восколебашася, яко пыяны) ¹.

Люди под влиянием современного управления уподобляются животным, духовное начало покидает их. Бог, религия, Христос остаются где-то в отдаленной метафизической сфере, жизнь людей определяют животные инстинкты и способы их удовлетворения. Смертный грех уже не соблазн или порок, а становится жизненным, конечным бытием, к которому необходимо стремиться любыми путями. Все силы государственного управления направлены на поддержание образа человека-бога, любителя плотских удовольствий, насильника, лжеца, убийцы. Во главу ставятся желания и прихоти телесного человека, с него сняты все удерживающие ограничения. Но из «человека-бога» люди превращаются в человека-зверя, существ, которые «подобны скотам, не имеющим разума, могущие только кричать, так, как даже бессловесные животные не рычат... кричат и лают, как псы, говоря непристойности»² (иже скотомъ подобни сѣть, ничтоже разума имѣщихъ, но токмо едино кричаніе, иже и безсловеснаа животнаа не сице рычахѣ... кричахоу и лахоу, яко пси, и нелепѣм глаголахоу)³.

Современная власть может быть только тотальной, в какие бы привлекательные одежды она не рядилась. Власть разделяет общество на немногих («элиту» в современной трактовке), «обладающих» властью, отдающих приказы, и остальных, обязанных принимать эти приказы и подчиняться им. Индивидуумы интеллектуально, эмоционально, сознательно обманываются и физически вынуждены быть вовлеченными в порочный процесс управления. Определение такой власти только одно – духовная и плотская клептократия. Клептократия (от др.-греч. κλέπτειν – воровать, κράτος – господство, власть, буквально «власть воров») – это определение любой современной власти, действия которой мотивированы непосредственной материальной заинтересованностью узкой группы лиц, имеющих «власть» в своей собственности.

¹ Альфа и Омега. Супрасль. 1787. Л. 118 об.

² Перевод наш. – А. Щ.

³ Диоптра, или Зерцало и изображение живота в мире сем человеческого. Орша. 1651. Л. 147.

Основным элементом современной власти является полное разложение. Масштабное зло духовного гниения – одна из основных личин государственной власти. Клептократию (воровство) власти надо понимать шире, во всем многообразии этого термина. Клептократия – это не просто воровство тех или иных ресурсов. Это, в первую очередь, духовное воровство. Власть уже не ставит перед собой задачу использовать механизмы государственного управления по своему прямому назначению: «безначалие всюду является злом и причиной мятежа»¹ (*безначалие всюду зло есть и мятежа виновное*)². Власть уже не занимается обеспечением государственного управления. Происходит вырождение *власти* не только на метафизическом уровне, она перестает соответствовать своему мирскому предназначению, превращаясь в инструмент преступной эксплуатации общества.

Духовную поддержку этой власти обеспечивают, в том числе, и «члены Церкви», выдающие себя за «христиан» или просто за неких духовных адептов. Именно на государственном уровне существует антихристианское единение «Церкви» и «власти». Сейчас это выглядит как благостная картина «гармоничных отношений» или, как ее принято называть, «симфония» «лжегосударства» и «лжецеркви», творящих общее беззаконие под видом единственных «хранителей духовности и нравственности».

Любая государственная власть имеет только внешний вид благочестия, но отвергает его силу и смысл. Власть становится земным утверждением антихриста: «И вся си чины, и вся его держава и все его адово царство в сих содержится»³. Людьми управляют лжецы, воры и проходимцы, не останавливающиеся перед любым преступлением. Правители обманывают и унижают граждан, а люди не только не восстают против порока, но и сами желают войти в число негодяев и на своем бытовом уровне множат всяческие нечестия, идущие от властей предержавших. Главной задачей государства стала охрана и приумножение имущества разнообразных мошенников. Государство

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Сборник Троицкий, конец XIV в. РГБ. Тр.-Серг. № 9. Л. 39.

³ *Дьякон Феодор. О познании антихристовой прелести // Пустозерская проза. М., 1989. С. 209.*

уже не хочет заниматься порядком, организацией правовой культуры, оно сняло с себя обязанность упорядочивать собственные начала на христианской основе.

Внутренняя жизнь человека становится духовной пустыней, в которой царствуют дикие звери всесмешения и безразличия. Из блудодейственного града Вавилона отлетел Ангел-Хранитель: «Пал, пал Вавилон великий... изыдите из нея, людие Мои, и не причащайтесь нечестия ея, чтобы не подвергнуться язвам ея»¹ («Пал, пал Вавилон великий... покиньте его, люди Мои, и не причащайтесь нечестия его, чтобы язвы его не перешли на вас»²). Человек, созданный как образ и подобие Божие, одаренный словом и мыслью, низводит свое призвание до вещественной похоти, приверженности только земным, преходящим пристрастиям. И вот результат: у человека отнимается его скрытая, невидимая духовная сила, он становится игрушкой на поприще страстей и ограничивается своим наличным, сиюминутным, скоропреходящим и тленным бытием. Человек существует уже не как свободный индивидуум, он живет внутри всепожирающего зверя – духовного антихриста. Происходит оправдание любой симуляции, ведущей к уравниванию в правах добра и зла, целомудрия и бесстыдства, высокого и низменного. Создается некое новое кощунственное бытие, затушевывающее бездну между пороком и добродетелью.

Человек в антихристовы времена, резвясь и радуясь, с постоянной глумливой полуулыбочкой, смакует плотскую жизнь, в которой все понятия перевернуты и все подходы извращены, когда стыд бесстыдно подмигивает, а бесстыдство притворяется стыдом. Из образов и идей исчезло содержание, они, как пустые сосуды, могут вмещать в себя различный смысл. Современные люди есть *τῆρπία мертвые*, не думающие самостоятельно и не понимающие духовные стороны своего существования. Несмотря на то или иное исповедание, у людей не только нет убеждений, но отсутствует тот орган, который заведует духовной функцией человеческой души. Обо всех так называемых «религиозных вопросах» думают и говорят только поскольку от этого зависит их личная судьба или интересы конкретного дела, которым

¹ Апокалипсис. 18, 2,4.

² Перевод наш. – А. Щ.

данный человек занят. Потому-то они с такой легкостью приносят покаяние, каются в своих ошибках, меняют свои принципиальные установки.

Власть уже не защищает человека от порока, она и есть, вместе с духовной еретической отравой «церквей», сама порок и беззаконие. Форма правления уже ничего не определяет, все решают типы отбора правящей верхушки. Устанавливается отрицательная ценностная шкала и организуемые ей духовные потоки, возносящие вверх наиболее темных и слабых в профессиональном и нравственном отношении людей. В результате к власти приходят тупые, ограниченные и примитивные люди. И общество получает господство невежественных и духовно убогих субъектов, которых с трудом можно назвать людьми.

По этому поводу святой Ефрем Сирин пишет: «Создаст [антихрист – *А. Ш.*] себе начальников от бесов и пошлет в каждый город и утвердит свои скверные бесовские законы с плотскими людьми»¹ (*Сотворитъ во себѣ начальники ѿ бѣсовъ на кѣждо градъ пошлетъ и законенїа свои скверныя съ бесы же и чувственными человеки*)². Св. Ефрем прямо указывает, что в наступившие времена духовного антихриста начальники и правители будут как бы «бесами во плоти». Не может быть в погибельном царстве ничего здоровым и полезным для христиан и всех людей. Такие власти законопреступны, ибо основы их заключены не в Боге, а в противостоянии Ему. Мысленный антихрист – это вся совокупность нечестивого мира, не знающего учение Христа и извращающего его. Но духовное отступление должно выражаться в неких чувственных формах, так как человек есть не бесплотный дух, а имеет и тело. Так и духовный антихрист не может существовать без воплощения в том или ином виде «по земному и плотскому расположению»³ (*земному и чувственному обладанию*)⁴.

Одной из видимых форм антихриста является любая власть. Подчиняться такой власти нельзя. В «Книге о вере» написано, что когда

---

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Поучения преподобного Ефрема Сирина о жизни // *Ефрем Сирин*. Вильно. 1780. Л. 158.

³ Перевод наш. – *А. Ш.*

⁴ Там же. Л. 159.

Папа римский восхитил на себя три власти – царскую, святительскую и Божию, хранящие закон православные христиане отреклись от него и не пожелали ему подчиниться: «Ни налогов ему не платить, но всячески его гнушаться, как самого сатаны»¹ (ни дани емѹ дадохѹ, но всачески его гнѹшалнса, такоже самого сатаны)². Если христианская государственная власть, заключенная в христианском же владыке, по «Слову Максима Грека на латини» «ничто же иное, как одушевленный образ самого Небесного Царя»³ (ничто же ино, развѣ одоушевлен образъ самага Црѣл Нѣснаго, сиречь жив пред ним)⁴, то образы современных властителей не являются ли по своим мыслям и делам образом самого сатаны? Подобные власти для христиан предстают как сатанинские наместники, душегубы, а не правители.

И сидятъ сѣдѣи дѹхоборнии, «Сидят духоборные судьи, жидаы, гоѹбы жареныи сиречь бритыи, и товоком носѹ навиты, и товокирки лежатъ пред ними. Так оныи сѣдѣи сѣдатъ и распорежаютъ по своей похоти, сиречь по златѹ, и по сребрѹ, и по мешкам, и по штофам. И промеждѹ ихъ прибываетъ и распорежаетъ сопотивникъ Божий, отецъ ихъ, Дивволъ, то есть смѹщенное жидовское собраніе и ихъ церковь»⁵. «Сидят духоборные судьи, жидаы, с сальными, бритыми губами, носы забиты табаком, и табакерки лежат перед ними. Они судят и распоряжаются по своей похоти, по злату и серебру и по различным взяткам. И между ними пребывает и распоряжается противник Божий, отец их, диавол. Их «церковь» – нечестивое жидовское собрание»⁶.

В антихристовы времена *народ Божий* выходит из подчинения любой власти. Жизнь христиан становится иной, она меньше связана с миром. Задача христиан – исполнять Божественный Закон, идти

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Книга о вере. М. 1648. Глава 25. Л. 78 об.

³ Перевод наш. – А. Щ.

⁴ *Максим Грек*. Слово на латини // Православный собеседник. Казань, 1859. С. 250.

⁵ Рукописный сборник. XIX в. (Частное собрание). Л. 204 об.

⁶ Перевод наш. – А. Щ.

его путями. Дух антихриста, обитающий в людях, делает все прямые и идеальные пути искаженными и искривленными. Каждое действие связано с отрицательным духом, все общественные проявления совершаются в обществе не по Христову, а по антихристову велению. Все имеет только внешний вид «правильности», а на деле во всем наблюдается отступление от Христова Учения. Современная власть, как и видимая «церковь», также находится в числе антихристовых превращений. Любое управление человеческими отношениями должно приближать человека к его спасению: «...Начальство всегда одно и то же, из мирских или священных чинов: учить, заступаться, судить, не допускать беззакония, творящих его наказывать, а противящихся отлучать»¹ (начальство есть присно одно и то же, аще изъ простыхъ или и изъ священныхъ, еже ѹчить, застѹпать, сѹдить, безчинна не допѹщать, а сотворшихъ таа наказать, а противящихса отлѹчать)². В наши времена власть желает лишь получить господство над людьми, полностью подчинить их себе, развивая при этом самые порочные страсти в человеке.

«Миродержатели» и государственные правители создают все условия, чтобы народы привыкли к роскошной, праздной и изнеженной жизни. Людей приучают к расточительности, чревоугодию и разврату. В конечном итоге, всеобщая нравственная порча, сопровождающаяся упадком религии, приводит к политической и нравственной смерти. От вселенской катастрофы не спасут ни могущество государства и народа, ни совершенство законов и качество гражданских учреждений, а также сила войска. Порочный и духовно искалеченный народ не может иметь хороших законов, а если имеет их, то законы остаются мертвой буквой. При деморализации народа лучшие и совершенные законы становятся бессильными, так как их обходят, не исполняют, все решают субъективные договоренности, направленные, как правило, на зло. При нравственном разложении и религиозном упадке народа сами законодатели и блюстители законов заражаются общими со всем народом недугами, и зло становится довлеющим.

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Там же. Л. 205.

Поэтому современная власть – это одно из видимых воплощений духовного антихриста. Государственная власть «отреклась от колена царского, прелестью восхитила власть»¹. Если царь или любой другой правитель есть антихрист, то все, исходящее от царской власти, – законы, суды – носит на себе печать антихриста. Свод юридических законов – «Богом ненавидимыя, кривосказательныя, духовборныя книги», должностные лица – слуги антихристовы, синод – «жидовский синедрен». Сенат или дума – «антихристов совет», делопроизводство по законам – «никонианский богоборный суд». Со времени воцарения духовного антихриста любая власть может быть отождествлена со слугами антихриста. Царствует уже не власть, но антихрист через власть. Из понятия о власти как «слуге антихриста» логически вытекает положение, что молиться о власти – значит молиться об укреплении царства антихриста.

Если в мире произошло всеобщее отступление от Христа, когда все, в том числе и власть, стала антихристовой слугой, то как, в таком случае, понимать христианское определение о молитве за любую власть: «Должны есмы молитися о всех человецех: понеже тако учит, и тако повелевает нам и совещавает и божественный и священный апостол Павел, творити мольбы и молитвы и моления, благодарения о всех человецех, о царех, и всех в величиих сущих: даже тихо и безмолвно житие имама, во всяком благоверии и чистоте. Еже бо молитися о всех человеках братие, не токмо естеству добро есть, понеже вси томужде естеству причащаемся, но Богу благоугодно есть сие и приятно: той бо хочет всем человеком спастися, и на разуме истины приити. Аще ли же Бог хочет всем человеком спастися, и приити на разумение его. Восхощем и мы молися и уподобимся Богу добрыми делы елико по силе нашей и молимся Богу добрыми делы елико по силе нашей, и молимся о всех человецех, яко же учит нас Писание. Велию бо ползу ходатаи души, еже молитися о всех человецех, понеже бо на любовь приводит, не токмо человек верных, но и тех самых нечестивых и неверных врагов наших, и не оставляет сих зверитися и брати нас. Сея же ради вины нужда есть привлещися о нем, и прийти в истинную веру Божию, и се есть спасение их, еже на разуме Божий

¹ Там же. Л. 205 об.

и на истину прийти. Едина же сущая истина есть, яже к Богу вера наша»¹. Из приведенного положения кажется, что существует противоречие. С одной стороны, власть является антихристовым делом, с другой стороны, наоборот, позволяется молиться за власть. На самом деле, это внешнее затруднение разрешается само собой в вышеприведенном тексте.

Св. отцы заповедовали молиться не за сущую, наличную власть, а за власть, государственными средствами ограничивающую зло и беззаконие. Без государственной власти человеческое общество будет похоже на некое *оуродовице, чюдовице*. Мы видим, что христианская молитва за власть не должна служить оправданием любого угодничества перед правителями, не соблюдающими закон. Это молитва за общественный порядок и спокойствие, возможность жизни без насилия и страха: «Да тихо и безмолвно житие поживем, во всяком благоверии и чистоте». «Благоверие» возможно только в устойчивом обществе, которое имеет общественную иерархию и государственный порядок. Молитва за «власти» объединена, в данном случае, с молитвой об обращении в христианство всех людей. Другими словами, эта молитва о расширении христианского порядка, или о благополучии христиан.

Послушание власти не предполагает безропотного выполнения всех ее условий, о чем недвусмысленно свидетельствует Иоанн Златоуст: «Тем же противляйся власти, Божию повелению противляется. Смотри, куда он [апостол. – *А.Щ.*] ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться наша обязанность. Чтобы верующие не сказали: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя начальникам тех, которые должны получить небесное царство, апостол доказывает, что и в настоящем случае он подчиняет их не начальникам, но опять Богу, так как подчиняющийся властям повинуется Богу.

Впрочем, апостол не говорит это в таких, например, словах: кто слушается начальников, тот повинуется Богу – но устрашает противоположным и то же самое подтверждает с большею силою, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это.

---

¹ Поучительное Евангелие. Анонимное старообрядческое издание. Слово 71. Л. 490 об.

И он везде старается внушать это, то есть что мы не дарим властям повиновение, но исполняем долг.

Таковыми наставлениями апостол и верующих побуждал к повиновению, и неверующих начальников располагал в пользу христианского благочестия. Ведь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостолов в восстании и нововведениях, а также в том, будто они и словом, и делом стараются подорвать все общественные законы. А доказав, что общий наш владыка повелевает всем соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветников, обвинявших в нововведениях, и с большею смелостию защищать истинное учение»¹.

Христианин должен слушаться не представителей власти, он обязан напрямую повиноваться Богу. Не бездумное повиновение властям, а утверждение божественной справедливости остается для христиан смыслом подчинения. Отношение Златоуста к власти как божественному установлению подтверждает Ипполит епископ римский: «В самом деле, верующие в Бога не должны ни лицемерить и не бояться людей, облеченных властью, за исключением тех случаев, когда совершается какое-либо злодеяние. Наоборот, если начальники, имея в виду их веру в Бога, принуждают их сделать что-нибудь противное этой вере, то тогда им лучше умереть, чем исполнить приказание начальников. Ведь когда и апостол учит повиноваться всем властям предержавшим, то он не о том, собственно, говорит, чтобы мы, отрекшись от нашей Веры и Божиих заповедей, безразлично выполняли все то, что прикажут нам люди, но он учит нас тому, чтобы мы, боясь властей, не делали ничего дурного и чтобы мы не заслуживали от них наказания, как какие-нибудь злодеи»².

Подчинение власти не должно вести к отказу не только от Христовой Веры, но и от соблюдения божественных заповедей или установлений. Св. Ипполит ясно учит, что если власть искажает божественные определения, то этой власти подчиняться нельзя, повиноваться необходимо только государственному порядку и регулированию общественных отношений. Подчинение предусматривает послушание принципам государственного устройства и управления, но если

---

¹ Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1903. Т. 9. С. 775.

² Творения святого Ипполита, епископа Римского. Казань. 1898. С. 101.

действия власти нарушают естественные властные установления, то власть становится беззаконной. Преподобный Никон Черногорский в своем сочинении «Тактикон» оправдывает сопротивление власти примером пророка Даниила и трех отроков.

Сѣа же єдина нам подобают, понеже ради грѣхъ нашихъ въ каковъ любо языкъ телеснее порабощенїи бѣдемъ тѣломъ, не дѣшею, потребно есть въ телесныхъ смиратиса и благоразумнее работати бошимъ же и меньшимъ. Егда же в дѣшевнѣю вводимъ есть пакость, тогда мѣжатиса, а не разслаблатиса подобает, или смиратиса, или покаратиса отнюдне лепо есть. Да блюдетъ оубо еже по Бѣе благочестїе твое три отроки живъ въ Вавилонѣ, и сѣтаго онаго пророка Даниила, колико благородне имѣхъ преже плѣненїа ѿ мїра. И паки въ плененїе и работѣ пришедшее колнкѣ славѣ же и власти ѿ самехъ царей персскихъ пришла. И обчаче тамо благоѹгодиша Бѣви, не зрѣхъ бо на пѣрвое благородїе, или юже по сихъ славѣ, не смиренїе держащее твердее, и хѹдость съ целомѹдрїемъ и овдержне всѣмъ сердцемъ телеснее благоѹгожденїе царю персскомѹ: егда же повеле темъ приразитиса Бѣѹ, сиречь прогнѣвати Бѣа, тогда не послѣшаша, и о еже по Бѣе

«Если мы будем порабощены за грехи наши каким-либо народом, то нам подобает без всякого сомнения подчиняться любой новой власти. Но подчинение возможно только если оно касается телесных нужд. В этом случае необходимо смиряться и быть благоразумными в отношении власти. Но если власть нарушает божественные установления, тогда без всякого сомнения и страха необходимо мужественно ей противостоять. И уж тем более ей нельзя подчиняться и покоряться. Примером может служить благочестивый поступок, совершенный во славу Божию тремя отроками, жившими в Вавилоне, а также святого пророка Даниила. И до своего пленения они имели великую мирскую славу, а после плена были назначены персидскими царями на самые высокие должности в их государстве. На своих государственных постах они угодили Богу тем, что, несмотря на пленение и благородное происхождение, они искренне, от всего

благочестіѣ показаша. Сне вос-
поминаніе иже по Бзѣе благоче-
стіѣ твое да иматъ, и тѣ, и вси
такожде и преимѹщій власти со-
мноземъ смиреніемъ и тщаніемъ,
и мирномъ такожде вѣликимъ
же и малымъ и прочимъ кня-
земъ смиреніе показати къ нимъ,
и прочаа елика христіаномъ по-
добна сѣть, и всѣмъ такожде, и
темъ самемъ послѣднимъ, кроме,
явѣ тако еже не превреждатисѣ
благочестію¹

сердца служили персидскому
царю. При этом их смирение
происходило от твердости духа,
а их внешняя слабость происхо-
дила от свойственного им цело-
мудрия. Но когда царь приказал
им преступить Божественный
Закон, то они не подчинились и
тем самым угодили Богу. Так и
ты станешь благочестивым пе-
ред Богом, если будешь подчи-
няться любой существующей
власти со многим смирением и
тщательностью. Причем пови-
новение должно быть всем пред-
ставителям власти, даже самым
малым, не говоря уже о главных
правителях. Но подобное смире-
ние является поистине христиан-
ским, если оно не вредит благо-
честію»²

Порабощение человека злой и несправедливой властью – это на-
казание за грехи, испытание, посылаемое человеку. Поэтому всякое
телесное озлобление необходимо терпеть с христианским смирением.
Но повиновение власти прекращается, когда за телесным озлобле-
нием или внешней добропорядочностью стоит душепагубная порча.
Пророк Даниил всячески подчинялся персидскому государственному
порядку во время пленения иудеев в Вавилоне, но как только требо-
вания власти стали расходиться с Божественными установлениями, то
на первое место вышло безусловное поклонение Богу, а не суетным
человекам, пусть даже облеченным большой властью или обладаю-

¹ *Никон Черной Горы*. Тактикон. Слово 25. Л. 145 об. 146.

² Перевод наш. – *А. Щ.*

щими богатством. Развивая далее свою мысль, св. Никон Черногорский пишет: «Говорят некоторые из святых отцов, испытывай себя и искушай, князи и владыки имеют власть только над телом, а не над душой, и это ты должен понимать, если повелевают нам убийство или некие душевредные дела, не подобает повиноваться им»¹ (Рече некіи ѿ отць сѣтыхъ, испытѣи себе и искѣшай, тако князи и владыки как тѣломъ имѣтъ власть точію, а не надъ дѣшею, и се готово да есть ти вынѣ, тѣмъ же аще ли на оубійство, или на некаѣ дѣшевредныѣ дѣла повелеваютьъ намъ, не подобаетъ повиноватисѣ имъ)².

Человек наделен от Творца свободной волей и душой, способной различать добро и зло, которые существуют как противоположности в бытии. Если тело, плоть находятся под действием земных и общественных законов, то душа, управляющая телом, должна распознавать вредящие душе дела власти и не повиноваться ей, даже под угрозой смерти: «Итак, будьте покорны мирским начальникам, но будьте покорны для Господа, как Господь заповедал. Что же Господь заповедал? Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. (Матф. 22, 21). Посему, если они приказывают что-либо противное установлению Божию, им не должно повиноваться. Так заповедовал Христос, то же заповедуют теперь ученики Его»³. Видя нечестие власти, христианину надо не просто безропотно терпеть надругательства над установлениями Христа, он должен съ дръзновеніемъ пойдѣи противу свирѣпства ихъ. С несправедливостью необходимо бороться, а не смиренно кликушествовать и фальшиво смиряться.

Христианину не следует думать только о сохранении догматов, канонов и святоотеческого предания. Человек в последние времена лишен Бога, почти разрушены устои традиционных христианских обществ, без чего сам человек отвергает свой облик как образ и подобие Божие. Во всем наличествует духовное искажение. Богослужение превращается в магический обряд. Антихрист разрушает христианский образ в человеке со стороны самого человека, со стороны его есте-

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Тактикон. Л. 135 об.

³ Толкования Блаженного Феофилакта Болгарского на 1-е послание Св. Ап. Петра. Гл. 2 // Толкование Нового Завета Феофилактом Болгарским. М., 1901. С. 114.

ственных слабостей и плотских страстей. Разрушается и извращается подлинное христианское самосознание. В пустом духовном пространстве догматы и литургические действия теряют свое значение, потому что внутри самой человеческой природы не остается никаких мерил, чтобы сохранить значение самих обрядов и догматов.

Если христианину было позволено не подчиняться даже внешне благочестивой христианской власти, наполненной всяческой внутренней неправдой и беззаконием, то что говорить о власти, которая перестала быть *властью* в своих изначальных основаниях. У власти отнимается самое главное – во время всеобщего отступления от Христа и наступившего царства антихриста «отнялась от них власть и княжение, имущество, честь и слава, и все прочее»¹ (*отыгася отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава, и вса прочая*)². У современных правителей, в какие бы человеколюбивые и благочестивые одежды они не рядились, отнято само право управлять, потому что божественные властные законы подменяются законами антихристового царства.

В метафизическом, абсолютном плане *власть* становится антихристовой. Через властные общества и институты утверждается уже не дух Христов, а истекает антихристово духовное зловоние. Всякое государственное правление ныне «злаго яду насытятся»³. Оттого антихристовой власти христианам необходимо всячески противиться. Блаженный Иероним, описывая последние времена и духовное господство антихриста, пишет: «Никто не может сомневаться в том, что при антихристе... многие будут противиться его власти и убегать в различные стороны»⁴. Весь так называемый «христианский» мир ныне есть заложник и слуга антихриста, он – вавилонская тьма, мертвенный Египет, где прелюбодейная власть распинает Христа.

Всем правят не власть и не правители, а деньги и получаемые за них чувственные удовольствия. Цель людей – обоготворение соб-

---

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² *Никон Черной Горы*. Тактикон. Слово 25. Л. 148.

³ Там же. Л. 148 об.

⁴ *Творения Блаж. Иеронима*. Толкование на книгу пророка Даниила // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев, 1901. С. 123.

ственного плотского блаженства. Эта погоня за плотскими удовольствиями и забвение божественных законов и есть всемирная людская «порча», ведущая ко всякому злу и беззаконию. Власть находится не в руках правителей, а в слове «мое»: «...Еже комуждо глаголати свое. Сей бо глагол святыи Златоустыи проклятыи и скверныи наречет: кому глаголати «мое», от диявола, рече, въведеса. Вся нам общая сотворил есть Бог, яже суть нужнейшая, и несть мощно рещи: мой свет, мое солнце, моя вода и прочая»¹ («...Потому что каждый говорит – это «мое». Это слово святой Иоанн Златоуст называет проклятым и скверным. Каждый, говорящий «мое», по его мнению, говорит от дьявола. Господь Бог сотворил все для всех людей. Нельзя сказать: «Мой свет, мое солнце, моя вода, и все подобное»)². Все, что Господь сотворил для всех людей: земля, угодыя, леса, поля, озера, моря, реки, то есть «сотворение Божие», – не может быть предметом собственности. В частной собственности может быть лишь то, что заработано своим трудом. Собственником земель и угодий в христианском понимании может быть только Бог, как создавший все сущее. Поэтому власть, отдающая в собственность «сотворение Божие», предстает властью воровской, узурпаторской. Создавая общественное неравенство и забывая о своей непосредственной обязанности – создании человеку земного благоприятства для спасения души, власть становится противной Богу.

Политическое и государственное «равенство» в средневековом понимании – не полная обезличенность общественного бытия, как в коммунистических утопиях. В нашем случае синонимом «равенства» может служить термин «единство». «Единство» здесь выступает как форма божественного царства, обнаружение божественного единовластия в строе Вселенной в социальном и человеческом порядке. Сам Космос содержит в себе высшее благо как «единство», в то время как его двойственность, напротив, есть злое начало разделения, «подлое число», олицетворение всего того, что противится Божественному порядку, принцип раздора и раскола. Единица вбирает в себя все рассеянное и разделенное, а двойственность – это начало разделения и

¹ Рукописный сборник XIX века. (Частное собрание). Л. 281.

² Перевод наш. – *А. Ш.*

вражды. Подлинное государство уподобляется живому организму, где множество частей или членов, если связуются во единстве живого тела, то тело живет, когда оно подпадает двоице, то разлагается и умирает. То же самое происходит и с государством. Как написано в одном древнерусском сборнике: «И сим расположением и разделением власть единых и тыяждых же, яко язычна, содея друх на друга ратоборствовати»¹. («Подобным образом власть, разделяя единое и тождественное, становится похожей на языческую власть, основа которой борьба разных начал»²).

Тем самым, создавая имущественное разделение, государственная власть учреждает всяческое беззаконие и враждебное противостояние между людьми. Из-за этой вражды «родишася зависть и ненависть, свары, драка и бой, и убийства, зане не имея у имущего тайно нача похищати, а силнии другаго надел своею силою нудящися во область свою отяти и в том тяжбу начати содевати, яко же и прочия житейския вещи тако понудиша человек деяти. От чего суды неправедныя по мзде начаша бывати, сего ради во всех рать неумирима и вражда неукротима воста и человеконенавидения наглость во вся вместися»³ («Рождается зависть и ненависть, склоки, драки и убийства, потому что тот, у кого ничего нет, тайно ворует у обладающего имуществом. Более могущественный пытается силой отобрать надел у более слабого. Ради этого он не останавливается перед любым преступлением. По этой причине появляются за взятку неправедные решения судов и прочие беззакония, такие как беспредельная вражда, возбуждающая неукротимую ненависть человека к человеку»⁴). Антихристианское отношение к земной жизни рождает зависть и ненависть, борьбу и убийства. Бедные, не имея у себя ничего, похищают имущество у богатых, а богатые любыми нечестивыми способами умножают свое богатство. Люди уже не могут выйти из порочного круга имущественной вражды. Суды и управление основываются на мзде, оттого люди непримиримо враждуют друг с другом, наглость и человеконенавистничество становятся основой общественной и государственной жизни.

¹ Там же. Л. 282 об.

² Перевод наш. – А. Ш.

³ Там же. Л. 283 об.

⁴ Перевод наш. – А. Ш.

Неповиновение любой власти и официальной «церкви» есть долг христианина – мир, общество, Церковь, власть несут в себе уже не Христианские, а антихристовы начала, во всяком общественном действии воцарился «седмиголовый змий», который правит миром через нечестивых людей. Следовательно, верным христианам «и в самой добрейшей вещи запрещено есть диявола послушати»¹. В царстве антихриста принципиально отвергается возможность достижения согласия с «миром змия». Даже если антихрист начнет исправлять или возрождать Христову Веру и внешне ее соблюдать безо всякого искажения, то верить этому нельзя. Антихрист не может возродить Веру, он может пользоваться ее внешними проявлениями по подобию для своих богоборческих целей. И потому христианину не только в гонениях, но и в периоды нынешнего религиозного спокойствия и благополучия невозможно покоряться антихристовой лжи и принимать за благо духовные проявления **зменного царства**.

Христианин должен быть готов к исповеданию Веры, к **брани** с духовным антихристом. **Брань** выражается не в партизанском бегании по лесам с винтовкой, а в свидетельствовании Христовой Истины **не только на словах**, в некоем теоретическом рассуждении, а именно на деле, когда мысли и дела не имеют различия и едины. Как душа без тела, так и тело без души не могут спастись. Истина позволяет обличить антихристовы словеса и ложность еретических учений. Христианское свидетельство труднее и важнее, чем какое-либо внешнее прямое действие (вроде «священной войны», джихада).

Свидетельствовать о Христе в современной духовной пустоте, среди лжи представляет собой труднейший и опасный жизненный путь. Свидетельствовать Слово Божие – это непрерывная духовная **брань**, но только верные христиане могут открыть миру истинный смысл Бога Слова. Победить антихриста значит «обличив, мучение от него прияти»². Победа над антихристом заключается в том, что христианин не дает покорить, обмануть себя. Он остается верным своим убеждениям, не становится частью «антихристова мира». Он проходит сквозь плотские соблазны, не принимает лживые духовные

---

¹ Там же. Л. 262.

² Там же. Л. 265–265 об.

установки еретиков. Для христианина должно быть понятно, что не только современное ему государство, но государство и общество как таковые, «мир» в своем широком значении, является источником и воплощением зла и враждебен идеалу Христианской Правды.

Истина есть достояние немногих христианских *остальцев*, вразумленных Богом, ведущих непрестанную борьбу с враждебным миром. Во времена господства антихриста, «в последние времена, спасая свою душу, не умрем второй смертью, гееннской, но обратимся к спасающему нас Всемогущему Господу»¹ (в послѣднее время спсѣмъ спси дшѣ свою, да не умремъ второю смѣртню, геенскою, но обратимся ко всемогущемъ спсти нас ГШ)². Люди, которые нас окружают, уже не люди, они «трупы мертвые». Власть не управляет, а пародирует управление в богооставленном, темном Вавилоне, где все уже происходит по подобию, а не по сути. Такой власти нельзя верить, нельзя участвовать в ее делах, нельзя подчиняться ее духовным наставлениям, нельзя следовать ее антихристову направлению. Под видом начальства выступает своеволие и бесчинство.

Власть бесчестит Божественное создание и христианские святыни. Отказ от повиновения такой власти не является чем-то новым или исключительным в наше время. Неповиновение нечестивой власти идет из времен христианской древности. Страстотерпец Вавила перед страданиями и смертью отказался повиноваться мучителям: «Отвеща Вавила не подобает нам Христианом никоегоже от человек укороти или досадити, убо ниже тебе досаждаемъ, не подобает бо безчестити Божие создание, образом его почтенное: обаче аще кто на Бга дерзает и безчестие святыни его наносит, то такового не точию почитати несть достойно, но и возненавидит его яко врага праведно естъ, глаголющу Божественному Давыду: не ненавиждящы ли тя, Господи, возненавидех, и о вразех твоих истнях, совершенною ненавистию возненавидех я, во враги быша ми»³. Христианским мучеником отвергается не само

---

¹ Перевод наш. – А.Щ.

² Цветник. Анонимное старообрядческое издание. М. 1908. Л. 119.

³ Житие св. муч. Вавилы. Месяц. Сентябрь в 4-й день. Четья Минея. Л. 19. Текст Великий Четых Миней приводится по следующим изданиям. Великие Минеи Четии, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. комиссией. Т. 1. Сентябрь, дни

мироустройство, а дерзновение мира, в любом обличье, против Бога. Власть, унижающая Божие создание, становится врагом Бога, и ее не только нельзя почитать, но надо возненавидеть как врага.

Великие Четьи Минеи приводят множество ясных и отчетливых свидетельств наказания за неподчинение незаконной власти: «Предста убо Христов воин лицом светлым, небоязненною душою, горяй ревностью по Бозе, и рече к нему судия, подобает, о Мино, всякому человеку почитати царей, и царския боги, и бытии благодарну за благодеяние их, ти же ни царей, ни богов не почитаеши, забыв оных благодеяния. Святыи же отвеща: дотоле, о судие, благодарствие являти своим благодетелем подобает, донележе и благодетельствующему, и благодетельствуемому есть полезно: егда же обоим приносит вред, тогда и благодеяние вредное и благодетеля отметнути подобает. Царей же почитати свято есть власти ради и начальств: егда же цари неправо и не благочестно чтут Бга, еже есть первое начало ниже должныя ему воздают чести, тех чтити несть праведно»¹.

Власть почитается только ради управления людьми, потому что **безначальственное есть бедовно и безчинно**². Когда правители неправедно и не благочестиво чтут Бога, то им самим нельзя подчиняться. В приведенном отрывке заключена сама суть противодействия нечестивой и незаконной власти. Эта *брань* несколько иного порядка, чем мы привыкли видеть. Это не безропотное, пассивное подчинение и

1–13. СПб., 1868, Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869, Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883, Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870, Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874, Октябрь, дни 19–31. СПб., 1880, Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897, Ноябрь, дни 13–15. СПб., 1899, Ноябрь, день 16. М., 1910, Ноябрь, дни 16–17. М., 1911, Ноябрь, дни 16–22. М., 1914, Ноябрь, дни 23–25. М., 1916 (1917), Декабрь, дни 1–5. М., 1901, Декабрь дни 6–17. М., 1904, Декабрь, дни 18–23. М., 1907, Декабрь, день 24. М., 1910, Декабрь, дни 25–31. М., 1912, Декабрь, день 31. М., 1914 (вып. 14, тетрадь 1 – не до конца), Январь, дни 1–6. М., 1910, Январь, дни 6–11. М., 1914, Апрель, дни 1–8. М., 1910, Апрель, дни 8–21. М., 1912, Апрель, дни 22–30. М., 1916, Минея Четья митрополита Макария (новгородский список, XVI в. Месяц август, дни 23–31 (собр. кн. Оболенского № 159) / Изд. ОЛДП. СПб., 1886, № 86), Из Великих Миней Четьих Макария // ПЛДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986, с. 478–549, 625–634.

¹ Страдания св. муч. Мины, Ермогена и Евграфа. Декабрь 10-й день, Чет. Минея Л. 60 об.

² Тактикон. Слово 2. Л. 12 об.

терпение, а также внутреннее оправдание любого властного негодяйства, чему нас с завидным упорством учат никонианские «миссионеры». Позиция Мины – это отсутствие страха перед смертью и мучением и одновременно горячая ревность о Боге. Это высшее проявление человеческого духа, а не примитивное прямое действие, когда Мина, как искусный воин, мог убить обидчиков. Он смог подняться от «путей человеческих» до понимания «путей Божиих», встать над собственными страхами, боязнью и плотскими соблазнами. Происходит неповиновение духам злобы, заключенным в действиях определенной власти. И над этими духами одерживается безусловная победа. Смирение Мины – не смирение безгласной овцы, идущей на закланье. Это высшая степень мужества, терпения и подвига, сопряженного с обличением и неповиновением злему началу, которое в данном случае представляет власть.

Не принятие зла и молчаливая трусость, а высшая ступень нравственного подвига – вот обозначение христианского неповиновения любой духовной или светской власти, совершающей бедовое безчиние. Патриарх Мартин никоим образом не колебался, обличая и осуждая государственную власть, насаждавшую еретические обычаи: «И сей, о нем же нам слово, святейший Мартин патриарх, иже яко прия престол ветхоримскаго патриаршества, абие царь посла к нему оную свою еретическаго мудрования и зловерия книжицу, желая, да новопоставленный папа Мартин ин тую его веру примет, и утвердит соборне. Блаженный же Мартин отметаше то зловерие, глаголя, аще бы и весь мир новое сие учение правоверию противное, восхотел прияти, аз не приму, ни отступлю от евангельскаго и апостальскаго учения и святых отец предания, аще ми будет и смертию пострадати»¹. После ответа Мартина мирская власть уступила смиренному и беззащитному иноку, в действиях которого чувствовались неземная сила и правда.

Случись подобное ныне, сейчас же нашлось бы множество «оправдателей», убеждающих, что патриарху надо было принять повеление, ради сохранения «Церкви», «гражданского мира» и прочих неопределенных вещей. Да и сама «Церковь» встроена в систему

---

¹ Житие св. Мартина папы римскаго. Мес. Апреля в 14 день. Четь. Миня. Л. 51 об., и 52.

антихристова царства и представляет собой магический вертеп. От нее не услышишь обвинения в беззаконии властей предержавших, более того, именно «Церковь» и будет оправдывать всяческое своеволие и утверждать богопротивность. Христианские святые не боялись обличить любую власть и принять за это мученичество: «Приведен же быв пред царя Симеон святой, с двумя пресвитеры, Авделаем и Аналиею, и тый, и веригами железными связанный, не точию не утрашися того ярости, но ниже поклонися му. Чесо ради лютее разъярися царь, вопроси святаго, глаголя: почто не покланяешися мне, якоже прежде покланялся еси. Отвеща святой: первее не бех приводимый к тебе сице якоже ныне приведен есмь, и поклоняхся, воздая достойную честь царству твоему, а ныне, понеже приведен есмь, дабы отвергла еси Бога моего, и отступил веры моя, убо не подобает мне кланяться тебе, врагу сущу моего Бога»¹. Видя, что власть отвергла Бога, святой Симеон не поклонился правителю, не принял и не оправдал властные беззакония, а пошел ради Христовой Правды на мучения.

Современная власть отнюдь не нейтральна к Христианской Вере, как хотелось бы думать некоторым христианам. Современная власть, как и современная «Церковь», сугубо враждебны Христианским началам. Власть по определению не может быть нейтральной, особенно в эпоху правления духовного антихриста со всеми многообразными его проявлениями во всех областях человеческой жизни (в том числе и власти). Достаточно посмотреть на современные чванливые, наглые физиономии, чтобы убедиться, что никакого «нейтралитета» по отношению к Божьей Правде не существует. Как говорил протопоп Аввакум: «И в нашей Русской земли обретется чорт большой» и «народилось выблядков его полна поднебесная»². Внутренний смысл современной власти – это служение сатане, когда под «христианским» видом выхолащивается внутреннее христианское содержание.

Христиане, живущие в антихристовом царстве, должны освободить себя из его духовных оков. Они обязаны гнушаться богомерзского правления и государственных обязанностей, ведущих к разруше-

---

¹ Страдания священномученика Симеона. Мес. Апреля. В 17-й день Чет. Миня. Л. 61.

² *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 158.

нию Божественного образа в человеке. Всякий христианин, творящий волю беззаконной власти, противен Богу. Если бы христианам повелевали делать то, в чем они должны повиноваться, то необходимо воздать то, что *также сѣть кесарева кесареви*. Порочные распоряжения власти надо не исполнять, а всячески им противиться. Поскольку антихристова власть по своей сущности богопротивна и богомерзка и повелевает чтить тварь (*плоть и человеческіа прихоти*) более Творца, то повиновение этой власти есть поклонение и жертва бесам. Житие великомученика Евфимия ясно показывает, что противление порочной власти есть долг и подвиг христианина.

«Тогда Христиане тамо пребывающии гнѣшающеся тем богомерзким празднованиемъ и болящеся грознаго антипатова преценимъ крѣпѣемъ семо и омамъ и в тайнѣхъ собирающеся местехъ служебъ истинному Богу Господу нашему Исусу Христу творѣху Их же видевъ гордый властелинъ рече: «Они есте противници велению царевъ и нашему бже унижающии жертвѣ великаго бога арею Они же реша: «Царевъ и твоему антипате повелению аще небесному Богу не бдетъ противно повинѣтиса подобаетъ аще же противно Богу сему повелению не точию не повинѣтиса но и сопротивитиса подобаетъ. Аще бже есте нам повелевали тоб в часомъ должны есмъ повиноватиса властемъ бо воздали бже аже сѣть кесарева кесаревъ но понеже повеление ваше естъ:

«Живущие там христиане гнушались богомерзким празднованием. Убоявшись грозного запрещения Антипата, укрывались от него в разных местах и тайне совершали службы истинному Богу Господу нашему Исусу Христу. Их же увидев, гордый властелин сказал: «Вы что, противники нашему царскому повелению, унижаете жертву великому богу Арею?». Они же отвечали: «Царскому и твоему, Антипат, повелению, если они не противоречат Небесному Богу, подобает повиноваться. Если же противно Богу, то этому повелению не подобает повиноваться, а подобает противиться. Если вы повелеваете нам повиноваться властям, то мы воздадим кесарю кесарево, но если ваши повеления богопротивны и богомерзки и вы повелеваете почтить тварь более Творца,

богопротивно и богомерзско побелеваете бо почитити тварь паче Творцаб поклонитиса и пожрети бесѣб а не Богѣ въшнемѣЖ сего повелениа вашего никогдаже посылшаемб поклонницѣ бо есмѣ истиннии на небесех живѣщаго истиннаго Бога»^{1А}.

Формы сопротивления зависят от определенных политических и исторических обстоятельств, не исключается и вооруженный путь. Осознание существования антихристового разложения уже является сопротивлением власти. Христиане не должны участвовать в «государственной» трапезе Вельзевула, исполненной всякой крови и убийства, они не должны выглядеть «как тростник, ветром колеблемый» (так трость вѣтромъ колеблемаа). Нельзя уподобляться сосудам сатаны и тем самым участвовать в делах современного общества, будучи похожими на пьяниц и кощунников, отвергших Христа. И что бы ни рыкали как волю бесчинные никонианские попы, оправдывая любую незаконную власть, христианам надо стремиться не превратиться в корм псомы и воронамы.

Настоящим православным христианам необходимо пребывать в душевной чистоте, духовном целомудрии, в молитвах и пощениях, в братолюбии, а не проводить жизнь в пьянстве и прелюбодействе, надо «всячески скрываться и в тайных местах совершать службы истинному Богу Господу нашему Иисусу Христу»¹ (кряхѣса семо и овамо, и в тайныхъ собирающеся местехъ службы истинномѣ Богѣ Господѣ нашемѣ Исѣсѣ Христѣ творяхъ²). Имеющие любую власть в настоящие времена бесконечно отстоят душой и телом от Бога, их воля есть исполнение воли их отца – дьявола. Поэтому христиане, как богоизбран-

---

^{1А} Житие и страдания Св. Великомученика Евфимия // Великие Четьи Миней. Сентябрь, 16-й день. Л. 70 об.

^{1Б} Перевод наш. – А. Ш.

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 158.

ный народ, обязаны *храбрьскимъ мѡѡжествомъ* унять себя от еретического *идольскаго сѡѡженіа*, отойти от соблазнов издавно прельщенного от диавола никонианского и прочего еретического рода. Современное глухое и скверное царство не должно отлучить нас от Христианской Веры, даже если мы окажемся под влиянием больших соблазнов и в великой беде.

С падением последнего христианского царства – России в 1666 году в мире воцарилась мерзость запустения, выражающая окончательное торжество духовного антихриста: «Выпросил убо светлую Росию сатана, да же очервленит ю кровию мученическою»¹. Церковь стала видимой оболочкой, не несущей православной истины, соблазном для христиан. Отступление православных русских епископов и священников от Христовой Истины сокрушило последний оплот подлинного Православия.

Православная Истина остается в духовных пределах и границах Руси, в тех немногих *остальцах* древнего христианского благочестия, которые, несмотря на все гонения, преследования и соблазны, сохраняют до наших дней Христову Истину. Царство Божие остается внутри людей. Мир разделяется на две половины – Мир Божий и мир сатанинский. Дух антихриста пронизывает все человеческое существование духовной мерзостью. Вся общественная и государственная жизнь становится сплошной ложью и разложением. Истинные христиане, отстаивающие древлеправославную веру, очень быстро определили наступившие времена как господство духовного антихриста над волей и умами людей. Во всем мире наступило всеобщее отступление от Христа, отступление началось в Церкви, проникло в государственную власть, ставшую служанкой антихриста, распространилось в обществе и человеческой культуре.

С завершением эпохи Руси как последнего христианского государства антихрист окончательно воцарился во всей Вселенной. Антихрист «наше российское царство нечестием похити»². По всей земле

---

¹ Послание страдальца Христова Авраамия к христоролюбцу некоему, свидетельство о последнем времени // *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 98.

² *Дьякон Феодор.* О познании антихристовой прелести. С. 101.

процвело духовным тернием всякое враждебное богоненавидение. Духовный антихрист восшествовал не в языческом капище, но в бывших Божиих церквях. Антихристов дух выражается в богомерзком еретичестве, во всем его многообразии.

Духовная ложь изливается на всех людей, живущих на земле, они могут думать только о плоти, не помышляя о небесных благах. Невидимый духовный змий, проклятый диавол, входит в свои созданные сосуды, в двоицу, состоящую из окаянной государственной и духовной власти, где они вместе составляют ложную троицу пребеззакония. Эта есть та нечистая троица, которую узрел Иоанн Богослов в трех нечистых духах: «змия, зверя и лживого пророка». Святой Ипполит и другие Христовы исповедники истолковали «змия» как диавола, «зверя» как лукавую государственную власть и «лживого пророка» – как любую духовную власть. Начальной виновницей последнего отступления была государственная власть, которая организовала и всячески поддержала еретические реформы патриарха Никона, уничтожившие последний оплот Православия: «Аще ты ныне, царю, мнишися правую веру обрести паче отец своих, то уж отцы твои, благовернии цари и князи, злочестиви быша и православые веры отступиша, аще ли они, государи наши, православнии быша и правую веру держаша, и в том благочестивии и души своя в руце Христу Богу предаша: то ныне, царю, нечестивый еретик и новый отступник православныя веры и восточные соборныя церкви, и новый же в Руси царь, мучитель и гонитель святых прозовешися. И воистину есть и будет так: понеже лести веру поят паче истинны Христовы и лже с правдою не восхотел еси рассудити праведнее, но насилием своим и властию вся твориши мучителски и помогаеши отступником, а не православным»¹.

Причину последнего отступления от Православия русские христиане видели в действиях власти, персонифицированной в лице царя. Именно государственная власть насилием и ложью позволила еретiku Никону провести пагубные реформы, приведшие к воцарению духовного антихриста в воле людей, обществ, «церквей», любой власти. После катастрофы раскола уже нет священства, которое может воплощать истинную христианскую преемственность. В еретической церк-

¹ Щит веры. М. 2006. С. 14.

ви нет епископов, поставленных по Христианскому Закону. Молиться во «внешней» церкви становится невозможным, в ней нет Христовой Истины и Благодати. Вместо этого мы видим только лжепророков и лжеапостолов новой веры, веры в плотскую «вавилонскую блудницу».

Человеческое бытие становится тлетворным, все лгут друг другу, никто не задумывается об Истине. Клевета стала добродетелью, а блуд и прелюбодеяние выдаются за заслуги. Человек превращается в беспощадного хищника, желающего только денежного лихоимания. Жгучий ветер пороков незаметно иссушает человеческую душу, оскудевают ее источники – Божественный Образ и Подобие. Люди потеряли Божественную Силу, утратили достоинство, стали духовно слабыми и немощными, в них едва тлеет искра веры. Жизнь утратила Божественное созвучие, люди одеваются в нелепые одежды, непотребно смешиваются в еде, дружбе и любви, вместо Божественного Слова мы слышим только скверное мычание и глумливый хохот. Злоречие и неблагодарность становится делом обычным и уже никого не возмущает. Чем более человек самолюбив, горд и лжив, чем более он бессердечно и жестоко относится к другим, тем более он успешен в глазах общества. Немиролюбие, надменность и заносчивость сочетаются с трусостью и предательством.

Для получения собственного сиюминутного удовольствия предается и продается все, что имеет какую-либо ценность. Мало кто хочет слушать слово Божие, вразумляющее людей. В поисках истины никто уже не читает Св. Писания, а обращается к человеческому вымыслу и фантазии. Пришло время, когда истинному христианскому учению никто не захочет следовать. Жизнь людей будет проходить исключительно по чувственным прихотям, в соответствии с ними они будут избирать себе учителей, которые льстили бы их плотскому слуху. Люди отвратят слух от Истины и обратятся к басням: «В последние времена придут хулители, следующие своим похотям»¹ (в послѣднѣа днѣ прїидѹтъ рѣгателе по своихъ похотѣхъ ходѹще)².

В современном мире духовного антихриста удивительным образом сочетаются нечестие и лживая хитрость с благочестием, милость

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Рукописный сборник XV в. (Частное собрание). Л. 38 об.

с немилосердием, кротость со звериной жестокостью, мучительство с щедротами. Разделить лицемерие и лукавство становится невозможно. Духовное смешение, внутренняя сущностная несовместимость прикрываются внешней понятийной пестротой. Иоанн Златоуст во втором зачале пишет: «Когда человеческая власть и Божественная власть воедино смесится, тогда начнется антихристово владычество»¹ (**Егда человеческая власть и Бжїа власть воедино смесится, тогда Антихристово начнется владычество**²). Происходит соединение несовместимых начал, когда человеческие пути ставятся вровень с путями Божественными, а иногда и пытаются их превзойти.

В заключение попытаемся подвести некий итог сказанному выше. Во времена господства антихриста необходимо представлять себе основы действий современной власти. Надо определиться, что понимается под *властью* в светском современном обществе и в существующем ныне христианском обществе. Современное (наиболее распространенное) определение *власти* основывается на свойстве общественных отношений, проявляющихся в навязывании кем-либо своей воли другим социальным общностям. Эти отношения выстраиваются и определяются между двумя сторонами: любым субъектом – носителем власти и подвластной стороной. Главными между субъектом власти и подвластным субъектом являются отношения, построенные по схеме «командование – подчинение». Здесь на первое место выходит не цель власти, а сам процесс подчинения – «все должны».

Цель, естественно, имеется тоже, но она скрыта под набором властных действий и заключается в достижении «властвования». Эта, так сказать, эмпирическая, бытийственная сторона власти, но есть область, где современная власть имеет метафизические корни. И вот эти-то трансцендентные основания современной власти, направленная на манипулирование и обман людей, всячески скрывает. Чтобы понять скрытую метафизику современной власти, надо разглядеть собственные метафизические основания, вернее, определить наш духовный горизонт, откуда мы наблюдаем происходящие властные действия. В противном случае мы получим очень скверную никонианскую трак-

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Там же. Л. 40 об.

товку слов Св. Писания, что «вся власть от Бога». Другими словами, необходимо прояснить дуальную пару «командование – подчинение» с точки зрения метафизической связи или, если рассматривать проблему более узко, выяснить, что именно позволяет властвующей верхушке навязывать свои решения всем остальным.

В основе христианского учения лежит представление об окружающем мире и человеческом обществе как о царстве победившего антихриста, а также о том, что истинная Церковь, истинные христиане могут существовать только за пределами этого мира. Отсюда, побег из «антихристового» мира – это необходимость, первая обязанность и религиозный долг истинно верующего человека, иного пути спасения души просто не существует.

Римское право как источник утопических учений

В предыдущих главах мы задались целью рассмотреть некоторые аспекты духовной жизни и опыта понимания государственной власти в Древней Руси. Многим кажется, что древнерусское государство было лишь призраком, что в нем не было подлинной реальности. При этом прошлые и нынешние критические эпигоны рассмотрели внутренний смысл древнерусских представлений о *власти* и не в силах были оценить те политические откровения, которые при внимательном отношении разворачиваются как необычайно разнообразная государственная панорама. В своих самых замечательных проявлениях средневековое русское государство было живым и верным путем к богообщению, ведущим к метафизическим безднам, глубинам духовной жизни, к подлинному бытию. Но в середине XVII века Россия неожиданно превращается в географическое пространство, которое становится внутренне пустым. И эта духовная пустота заполняется любой государственной формой и иными, враждебными самому русскому бытию смыслами.

Создавшаяся духовная и политическая пустота – это внутреннее, сущностное растрепывание, распадение и распыление прежнего созвучия? Или это моральная или, что еще хуже, сущностная растрепанность? Какие космические вихри превратили в пыль прежний образ человека, образ мира, образ Бога, образ всякого устойчивого бытия? Или, быть может, причина в нашествии жестоких народов – «навождение погань»? В таком случае, их вторжение не является ли нашим наказанием «по грехам нашим»? Как говорил в таких случаях древний летописец: «Приде на ны язык немилостив, попустившу Богу, и землю нашу пуну створиша»¹. Ответы на эти вопросы помогают понять, каким образом смена смысловой политической модели может служить примером метафизической реализации высших начал в человеческом

---

¹ Пономарев А. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1896. С. 118.

обществе или, наоборот, служит осуществлением торжества сугубо человеческих представлений о власти.

С точки зрения средневекового, древнерусского идеала, человек должен отказаться от ложных представлений о своей полной власти над миром и другими людьми. На самом деле, такой взгляд на власть не приводил к отречению от своих индивидуальных интересов ради некоей универсальной теократии. Из проповеди «отречения от мира» прямо вытекает требование, чтобы мирские власти управляли не от себя самих, а основываясь на вечных началах. «Презрение к миру» со средневековой точки зрения означает, что мир сам по себе не имеет безусловной цены и значения. Мир имеет право существовать лишь если он подчиняется господству трансцендентной цели, поскольку он, как низшая область, служит материалом и средой для осуществления высшей сферы Божественного Царства, когда государство опирается не на субъективный или утопический произвол, а *на царство не от мира сего*. Подобная концепция политической власти не исключает возможности господствовать, без всякого противоречия, над миром людей и вещей. Земная власть является отпечатком Богом установленного порядка, происходящего свыше, в горней, небесной сфере. И здесь нет противоречия между идеалом и действительностью, между идеей и ее воплощением, между духовным складом личности и ее проявлением в окружающем обществе. Мы уже неоднократно имели случай убедиться в том, что компромисс между идеалом и противоречащей ему несовершенной действительностью, как бы это ни выглядело странным на первый взгляд, все же возможен.

Однако существует совершенно иная интерпретация государственной власти, когда она предстает как абсолютное явление, самодостаточный принцип и единственная форма существования человеческого общества. В этой концепции временное сливается с вечным. Несовершенные человеческие представления отождествляются с идеей *небесного царства*, вернее, с самой сущностью этой идеи. Вследствие этого смешения исчезают всякие определенные границы между сверхъестественным и естественным порядками, между царством благодати и мирским царством. Все это приводит к обоготворению форм земной действительности. В прежней политической парадигме чело-

век в своем поведении руководствовался выбором исполнить или не исполнить Божественную Заповедь. Стремление к «Божественному Царству» или, наоборот, «к земному царству» предполагало человеческую волю. Воля, в свою очередь, предполагает свободу. Сама свобода не является утверждением благодати над немощным человеческим естеством. Идеальная норма всегда служит лишь критерием оценки. Она волшебный, указующий камень, стоящий на распутье дорог, где обозначены мистические вещественные пути. А человек совершает выбор!

Поэтому свобода не может быть отрицательным, злым началом, и существующая власть должна принимать это положение. Но свобода возможна только тогда, когда она направлена вовне (*ad extra*) человека, когда она соединяется с идеальными началами, заложенными в бытии. Свобода, ограниченная человеческим естеством, всегда пагубна. Принятие временной, земной оболочки за основу, за вечное бытийственное ядро, приводит к абсолютизации всех человеческих проявлений, в том числе и такого феномена, как *власть*. Действие власти ограничивается видимым земным центром, только в таком случае, если следовать данной концепции, возможен мир и порядок в обществе. Таким образом, *власть* становится «вещью», «предметом» и рассматривается уже как собственность. Христос (Логос) и вечные законы заменяются желанием и мнением правителя, выступающего наместником высших сил. Между человеком и трансцендентной сферой уже не существует непосредственных отношений. Связь между ними становится прерванной, а сама метафизическая область остается в тени некоей государственной, политической иерархии, на вершине которой стоит ставшая уже сакральной фигура «правителя». Человеческое общество покоится в этом случае не на универсальной основе, а на шатком мирском фундаменте – на индивидуалистическом принципе человеческих дел и заслуг. Возникает странное здание – общественная система, построенная на песке.

Государство понимается здесь преимущественно как закон (или его имитация), который извне скрепляет людей в единое целое, как власть, которая обуздывает дурные людские страсти, наказывая их за грехи и преступления. Государственная власть не проникает во вну-

тренимый мир человеческой воли, не побеждает ее эгоизм, а только ограничивает его извне, она представляется не как внутренний закон человеческой совести, а как внешний порядок. *Небесное Царство* смешивается с политической организацией. Государство представляется как всеобщий правовой союз, который осуществляется путем принуждения.

В этом случае власть воспринимается как обладающая абсолютными чертами. Власть уже понимается в широком смысле как возможность обладать абсолютным влиянием на судьбы людей и вещей. Это полное и непререкаемое господство одного (одних) над другим или другими. Такая интерпретация государственной власти призывает к ее полному приятию и однозначной покорности. Противником права на сопротивление угнетению был И. Кант: «Против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа, ведь правовое состояние возможно лишь через подчинение его устанавливающей всеобщие законы воле, следовательно, нет никакого права на возмущение (*sedition*), еще в меньшей степени – на восстание (*rebellio*) и в наименьшей степени – права посягать на его особу как единичного лица (монарха) и на его жизнь (*monarchomachismus sub specie tyrannicidii*) под предлогом, что он злоупотребляет своей властью (*tyrannis*). Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену (*proditioeminentis*), и такого рода изменник может караться только смертной казнью как за попытку погубить свое отечество (*parricida*). Обязанность народа терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми, основывается на следующем: сопротивление народа, оказываемое высшему законодательству, ни в коем случае не должно мыслиться иначе как противозаконное и, более того, как уничтожающее все законное государственное устройство»¹.

Всеобщие законы общества, по И. Канту, устанавливаются волей правителя, который, по его мнению, обладает божественными, абсолютными атрибутами. Поэтому, что бы ни совершал правитель по от-

---

¹ *Кант И.* Общее замечание относительно правовых следствий из природы гражданского союза // *Метафизика нравов* в двух частях. Сочинения в шести томах. Том 4, часть 2. М.: Мысль, 1965, С. 242.

ношению к своим подданным, любое проявление деспотизма и тирании должно приниматься гражданами с полной покорностью. Только власти, вернее ее представителям, позволено устанавливать вечные и неизблемые законы. Тем самым у подданных нет ни малейшей надежды что-либо изменить в создавшемся положении вещей. Любая попытка противодействовать тирании расценивается как государственная измена¹.

Вполне можно предположить, что подобные взгляды И. Канта на власть имеют свое основание в латинской (католической) традиции права, где произошло смешение сакрального (священного) и мирского (смертного) начал. Эта концепция трактовки взаимоотношений духовной и мирской (светской) властей берет свое начало в позднем Средневековье и окончательно получает развитие в эпоху Ренессанса². Основой такой точки зрения было убеждение, согласно которому вся законная власть принадлежит исключительно Римскому папе. При этом его власть распространяется не только на христианскую Церковь, Папа является обладателем всего духовного и земного. Он – высшая инстанция и верховный наблюдатель и судья над всеми людьми. При этом у него нет никакой ответственности, кроме как перед Богом.

Таким образом, сосредоточив в своих руках, помимо духовной, еще и земную власть, персона Папы воплощает в себе самостоятельную, ни от кого не зависящую власть. Папа становится человеческим представителем Бога в земном мире, благодаря чему приобретает божественные атрибуты. Такой способ понимания власти основан на том, что Господь Иисус Христос при своем Вознесении даровал папской власти свою богочеловеческую власть, тем самым Папа всецело заменяет Его на земле, становясь Его заместителем: «...Благоговейное послушание воли и разума следует прежде всего проявлять по отношению к аутентичному учительству Римского Первосвя-

---

¹ Здесь требуется пояснение. Я, к сожалению, не историк права и государственного устройства и не имею возможности проследить «этимологию» мнения И. Канта по поводу «права на восстание». Ответ на этот вопрос со стороны историков и философов права мог бы значительно прояснить детали разбираемой проблемы.

² Орлов М. И. Светская власть пап перед лицом латинского духовенства // Христианское чтение. М., 1862. Сент. С. 405–444.

щенника – даже тогда, когда он не говорит «ex cathedra»¹. Согласно сторонникам такого взгляда, римский понтифик обладает полной, непререкаемой властью, которой он в любое время вправе свободно распоряжаться².

Из описанного выше вытекает, что «священное» и «мирское» приобретает равнозначный характер. Если убрать из этой схемы фигуру Папы, то остается универсальная, абсолютная власть, подкреплённая священным авторитетом. Из принципа, по которому Римским папам, помимо священной власти, принадлежит еще и власть мирская, следует, что светская власть наделяется по отношению к духовной власти сакральными атрибутами, до того свойственными только священной власти. И здесь совершенно не важно, какой приоритет имеет та или иная власть. Что должно находиться на первом месте: «священство» или «царство»? Ответ на этот вопрос не представляет большой сложности. Здесь важно, что «мирское» входит составляющей частью в «священное» и они приобретают некое сущностное единство и тождественность. Это происходит, несмотря на их иерархическую разницу внутри построенной системы. С внешней стороны, со стороны подданного, эти два «царства» тождественны. Такое понимание власти не подразумевает *власть* только как человеческую инстанцию, основы ее лежат за пределами физического мира. В политическом смысле эта власть не существует для удовлетворения земных и временных потребностей человечества, она становится божеством в себе, неким идолом, требующим всеобщего поклонения³.

Посягательство на властные полномочия уже несет в себе бунт против сакральных основ власти. В этой системе властных приоритетов сопротивление духовной составляющей власти рассматривается как восстание и против ее светской (мирской) части, и наоборот. Возникающая, таким образом, государственная власть принудительными и карательными действиями в отношении нарушителей не подразумевает своей целью достижение истины. Власть сама есть окончательная

---

¹ Орлов М. И. Светская власть пап перед лицом латинского духовенства // Христианское чтение. М., 1862. Ч. 1. С. 559–596. С. 558.

²

³ Там же. С. 563–569.

истина, и ее главной задачей является необходимость охраны установленных ею же правовых установлений.

Такой способ трактовки власти незаметно для обывателя присутствует в виде термина «правоохранительная деятельность». Заметим, что охране подлежит даже не защита общественного благополучия, не говоря уже о поиске истины и защите интересов людей, а охрана «права», по сути, субъективного решения, возведенного в статус абсолютного. Отсюда всяческое право власти на физическое насилие применяется для защиты формальных установлений, имеющих ранг полной непогрешимости. В конечном итоге такая власть защищает формальные абстрактные, умозрительные принципы, из которых она сама, по сути, и происходит.

В политической реальности, в соответствии с этими принципами, человек рассматривается как дополнение к «праву», в «прокрустово ложе» которого он помещен без всякого его на то согласия. Человеческая природа становится оторванной от реальности, со стороны власти она рассматривается отвлеченно, как некая «юридическая» единица. Отсюда и сугубо формальный подход к человеческой жизни и судьбе, расценивающий человека как абстрактное, независимое от настоящей жизни создание.

В принципе, в качестве предпосылки для понимания существа такой универсальной власти можно указать на ее трансцендентный реализм. Понятие закона в этом случае исходит из самой сокровенной истины, которой и является *власть*. В действительности именно власть как истина обладает реальностью и устойчивостью, в то время как общество и человеческие личности, по своей сути, нереальны и изменчивы. В своем высшем значении политическая власть обозначает не просто порядок и упорядоченность в мире (κόσμος), но обозначает истину, право и реальность, по отношению к которым человеческое общество выступает как неоформленный материал. Такое представление о человеке определяет его как ложное, нереальное и несправедливое начало, имеющее саму возможность существовать только благодаря государственной власти.

Соответственно, государство и определяемый им закон тождественны миру Истины и политической реальности. Власть в таком

случае «освящает» и обуславливает любые политические действия, считая себя нечто большим, чем изменчивое и простое порождение человеческой воли. Отсюда возникает ошибочное и опасное мнение, что любые решения власти непререкаемы, так как исходят из чего-то, превышающего всякую человеческую традицию. Такая власть пытается заставить рассматривать себя как нечто несокрушимое, непоколебимое, неизменное и непреклонное. Она не допускает в отношении себя никакого обсуждения, а любое нарушение закона представляет собой не столько преступление против общества, сколько святотатственное покушение на «священные» основы политических и юридических установлений. Тем самым власть отрицает все остальные ценности трансцендентного и духовного порядка, приписывая их себе. *Власть* в таком значении становится исключительно надлежащей мерой, началами устройства и строения человеческого существования. Весь мировой порядок, все мироздание сводится к властвованию и подчинению, и сам небесный свод, существующий по физическим законам, свидетельствует об этом.

Человек, живя в таком обществе, считает совершенно само собой разумеющимся то, что его жизнь лишена всякого истинного смысла и никак не связана с Высшим Законом. Задача такого «массового» человека заключается в приспособлении к иллюзорной и изменчивой реальности, он старается прожить свою жизнь наиболее приемлемым способом, избегая, по возможности, любых неприятностей. Как мы уже отмечали, подобный человек перестает быть личностью, а растворяется в массе изменчивых «индивидов». Лишенный всяческой подлинной связи с Высшим Началом, ставя юридический закон и политическую деятельность вместо Высшего Принципа, он растворяется в бесформенной массе.

За оборотной стороной благостной и внешне привлекательной витрины данного общества скрывается пустота, абсурдность всей глобальной «цивилизации», господствующей на земле. Люди, обладающие знанием и пониманием происходящего, часто ощущают безнадежность жизни в обществе призрачного существования. Они не могут найти подлинной реальности, прочной связи себя с чем-то действительным. Их одиночество и разобщенность ведет лишь к отвра-

щению и отчуждению от окружающей безысходной духовной пустыни. Все попытки поиска Подлинного и Истинного наталкиваются на непробиваемую стену демонического, бесчестного, низкого, подлого произвола и своеволия (ἐπ' ἐξουσίας πονηρός). Такое состояние приводит к неизбежной психологической травме, одиночеству и экзистенциальному отчуждению.

Происходит разрыв первоначального единства между личностью и государством, их отношения становятся не органичными и естественными, а ведут к изменению, извращению, перерождению природы связи между обществом и властью. Все это порождает постоянное чувство бессилия, чувство того, что личность самого человека уже ему не принадлежит и определяется гнетом внешних сил. Любой рационально ожидаемый результат невозможен, надежда найти опору в каком-либо институте, будь то «церковь» или группа людей с определенными взглядами, разбивается о непостоянство и отсутствие подлинности идеологических и религиозных структур.

Человек ощущает, что в этих структурах отсутствует декларируемая система ценностей, в них уже нет единых взаимных обязательств. То, что предлагается современным обществом, не аутентично (αὐθεντικός). Природа любого современного государства не подлинна, в ней нет правильности начал, ее свойства искажены, чувства фальшивы, а намерения скрыты под покровом лжи. От государства остались лишь административные системы, действующие с той или иной степенью эффективности, и внешние представительские функции, скрывающие под собой корпоративные или сословные «общества».

Примером сказанного могут служить редкие оставшиеся монархии, прикрывающие внутреннюю пустоту и бессмысленность своего существования внешней «гламурной» жизнью на страницах журналов, где их судьбы соседствуют с разного рода «звездами» от искусства или спорта, по случаю какой-либо душеспитательной истории либо пошлого и глупого происшествия (σκάνδαλον). Аристократия как власть лучших (ἀριστοκρατία) утрачивает значение руководства, следовательно, теряет сущностный статус.

Несмотря на множество внешне различных современных партий, их настоящее состояние сводится к власти ловких и беспринципных

политических деятелей, часто являющихся подставными лицами на службе финансовых и корпоративных интересов определенных групп или других государств. В этой политической среде любые положительные идеи не найдут никакого отклика у «народных масс», потерявших всякое представление о происходящем и желающих получить от власти немедленные материальные выгоды. Это то единственное, что интересно «народу», именем которого приобретает законность существующая власть, и от какового творятся всяческие безобразия. Декларация «от имени народа» скрывает под собой обращение к безличным, импульсивным и бессознательным силам «народа» («нации», «расы» и т.д.), являющимся по своей природе весьма неустойчивыми и изменчивыми. Манипулируя примитивными эмоциями обезличенной массы, различного рода социальные демагоги, «фюреры» всех мастей и оттенков, используют это мифологическое сознание для достижения своих понятных и простых целей порабощения людей и достижения собственного господства.

Как мы указывали выше, описанные политические метаморфозы стали возможны благодаря католическому учению, отождествляющему «небесное царство» с внешней иерархической организацией, где смешивается правовой порядок с благодатным порядком. Но на самом деле основания, вызвавшие к жизни подобную негативную трансформацию политических концепций и институтов, надо искать в некоторых определенных положениях системы Римского права, послужившего образцом или прообразом правовых систем многих государств. На первый взгляд, подобное утверждение может показаться парадоксальным. Попробуем исследовать те тезисы Римского права, которые привели к появлению политических концепций Нового и Новейшего времени.

Принято считать, что основным принципом Римского права является утверждение, что государство есть результат соглашения между гражданами для решения возникающих правовых вопросов, согласно общим правилам. Также считается, что данный принцип лежит в основе такой формы власти, как республика («Общее дело»). Безусловно, что указанные юридические принципы составляют существенную основу Римского права. Но, странным образом, данные положения ча-

сто выдаются за основные нормы Римского права, в то время как они имеют относительное значение.

На самом деле главная заслуга римских юристов заключается в том, что они расширили понятие права, распространив его на все человечество. Римское гражданство при императоре Калигуле стало достоянием всех подданных Империи, но уже гораздо ранее римская юридическая практика исходила из признания той истины, что всякий человек как таковой является *persona juris*, *субъект прав*. Тем самым было признано всеобщее равенство как изначальное человеческое состояние, выводимое из естественных природных законов.

При этом право, с точки зрения римского мирозерцания, представляет собой высшее божественное начало, и Цицерон определяет юриспруденцию как «познание божественных и человеческих вещей»¹. Результатом подобного подхода было обожествление государства, которое уже реализует божественное право в социуме. В Элладе государство, напротив, представляло собой одну из божественных сил, являясь лишь частью божественного Космоса. С точки зрения римской юриспруденции государство воплощает собой всю полноту божественного всемогущества, оно объединяет в себе всевозможные божественные силы, обладает всеми божественными атрибутами.

В Элладе мы видим множество богов, не имеющих отношения к государству, их божественная сущность всегда находится вне государства и стоит выше его. В Риме, напротив, государство стоит выше различных божеств, заключая их в себе. Сама религия в Риме рассматривалась как государственное учреждение, не религия была санкцией государственной власти, а, напротив, государство санкционировало отдельные культы, сенат создавал богов своими декретами, решая вопрос о признании, допущении того или иного божества в круг государственных богов. Религия была в полном смысле слова созданием государства. Государство по своему понятию выше религии, обосновывает ее в себе, религия состоит в служебном отношении к государству, все ее значение заключается в ее полезности для государственной политики. Религия представляет собой лишь одно из

---

¹ Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. В 2 т. Т. 1. СПб., 1901. С. 83.

средств политики, один из инструментов государственного всемогущества.

В императорскую эпоху Рим был местом соединения различных религиозных культов, римляне с величайшей терпимостью относились к разнообразным национальным языческим культам при условии подчинения их римской государственной власти. Римляне имели обыкновение молиться даже богам неприятеля и в случае победы переносили их в Рим, строили им храмы, воздвигали алтари. Таким образом, в Риме сосредоточились всевозможные боги покоренных народов, многие из них получили здесь «право гражданства», превратились в государственных римских богов.

В господствующей официальной религии высшим религиозным понятием, обнимавшим и заключающим в себе все остальные, была сама империя, само государство. Как представитель высшей власти на земле император обожествлялся, императоры официально объявлялись божествами лишь после смерти, но еще при жизни им строились храмы и приносились жертвы. Калигула велел поставить свою статую в «святой святых» иудейского храма и считал несчастными тех, кто отказывал верить в его божественность. Понятие государственного всемогущества, представление о безграничной власти, простирающейся на все и на всех, таким образом, превратилось в культ императорской власти. Императорский культ представлял собой официальную религию империи, постольку имел принудительное значение для всех ее подданных. Эта религия требовала от человека не внутреннего обращения, не веры, а лишь соблюдения внешней обрядовости, церемоний культа, внешнего выражения почтения подданных к императору как высшей власти, божественной и человеческой.

Римские юристы, как и Цицерон, исходили из представления естественного права *jus naturale*, как неизменной основы человеческого общежития, как вечного источника всех правовых отношений. Под *jus naturale* разумеется вечная, неизменная природа человеческого общежития, тот правовой и вместе с тем нравственный идеал, который определяет собой развитие всех существующих государств. Образующим началом всех положительных законодательств является *naturalis ratio* – естественный разум. Как написано в институциях Гая, «право,

установленное естественным разумом, сохраняется одинаково у всех людей»¹. «Общая всем разумная природа всегда и везде одна и та же, а потому и нормы естественного права, как совокупность требований разумной природы, везде и всегда одни и те же. Установления естественного права (*jus naturalia*), – говорится в одном из фрагментов институций Юстиниана, – одинаково сохраняются у всех народов, учрежденные некоторого рода божественным Провидением, всегда остаются вечны и неизменны»².

Когда-то, в незапамятные времена, не было разделения людей на города и государства с различными законодательствами. Все люди составляли один народ, одно всемирное царство, все управлялись одним и тем же законом, повиновались одному естественному разуму. Отсюда видно, что римские юристы представляли себе естественное право не только как идеал, видимый ими в будущем, но как состояние, действительно когда-то существовавшее, не как отвлеченную идею, а как нечто реальное, действительное. Первоначально не было разделения людей на классы, не было социального неравенства, не было ни богатых, ни бедных, ни рабов, ни господ, все были равны и все рождались одинаково свободными. Все существующие государства и законодательства образовались путем отпадения от этого естественного состояния.

Впоследствии всемирный общечеловеческий идеал распался. Единый человеческий род раздробился на отдельные, враждебные друг другу племена и народы. Начались войны, а вместе с тем возникло и социальное неравенство. Победители стали поработать побежденных: рабство, таким образом, возникло путем превращения военнопленных в рабов. На это указывает и сама этимология слова «раб» (*servus*) которое, по мнению, достаточно распространенному в римской юриспруденции, произошло от глагола *servare* («сохранять») вследствие обычая щадить, сохранять жизнь военнопленных, обращая их в орудия хозяйственных нужд.

---

¹ *Hildenbrand K.* Geschichte und System der Rechts und Staatsphilosophie. Leipzig, 1860. S. 189. Перевод наш. – *А. Щ.*

² *Ibid.*, S. 190. Перевод наш. – *А. Щ.*

Таким образом, под господством естественного права римские юристы разумеют состояние всеобщего мира и согласия, универсальный *consensus gentium*, этот мир распространяется на всех одинаково. Поэтому *jus naturale* («естественный закон») представляет собой божественное право в отличие от *jus gentium* («право народов») и *jus civile* («гражданское право»), где к божественной справедливости примешиваются начала чисто человеческие и где многие постановления вызваны целями сугубо практическими и временными.

Универсальное согласие («*consensus voluntatum*») есть высшее понятие римской юриспруденции. Как отмечено в институциях Юстиниана, согласие есть начало всякого права. Законы обязательны для нас лишь потому, что народ санкционировал их своим согласием, независимо от того, в какой форме выражается это согласие, в виде закрепленного на бумаге или в виде молчаливого признания. Неписанный нравственный закон так же обязателен, как и писанный, все равно, высказывает ли народ свою волю подачей голосов или же самими делами. Всякое юридическое постановление, а вместе с тем и всякий орган права – всякая власть, черпает свою силу в открыто выраженном или молчаливом народном согласии. Государство представляет собой волю граждан, и государственная власть олицетворяет эту общую волю – сама императорская власть есть не что иное, как олицетворение народного верховенства.

Если эллины поклонялись мыслительной деятельности человека, то римляне обожествляли человеческую волю в высшем ее проявлении – всемирного человеческого царства. Если у эллинов высшее понятие есть созерцание *θεωρία* («теория») как мысленный охват всего времени и всего бытия, то в римском мировоззрении, как религиозном, так и политическом, основным понятием является ничем не ограниченная, всемогущая человеческая воля, которая сама, исходя из собственной сущности, воплощает свое понимание правды и лжи. Тем самым человек устанавливает собственное безграничное могущество, не имеющее нужды в Высшем Начале и не признающее ничего высшего над собой.

Всемирное владычество, как это наглядно проявилось в Римской империи, было куплено ценой всеобщего рабства, единая власть,

объединившая человечество, превратилась в жестокий деспотизм, в господство одной всемогущей личности над бесправным обществом. Здесь отношение подданного к верховной власти мало чем отличается от отношения раба к господину. Всемирное владычество не сделало человеческое общество счастливым, а, напротив, было неразрывно соединено со всеобщим упадком, что не сделало людей счастливыми, а привело их к разочарованию и отчаянию в земной жизни. Таким образом, развитие всемирной Римской империи привело к отрицательному результату: всемирное царство, всемирное владычество не есть безусловная, высшая цель человеческой жизни.

Единство Римской империи на самом деле – единство сугубо формальное, в нем нет внутренней жизни. Оно, по сути, не связывало разнородные общественные и национальные элементы в одно живое целое, а, напротив, вызывало повсеместное разложение социальных отношений.

Единство Империи было механическим, а не внутренним, органическим единством живого тела.

Все подданные Империи объединяются между собой только силой единой власти, господствующей над всеми, и общими началами права. Но за этим внешним единством скрывается величайшая рознь и вражда противоположных эгоистических желаний. Нет никакого общего дела, никаких общих интересов, которые бы связывали людей между собой, за отсутствием коллективных, общественных интересов стоят только личные, эгоистические цели, мелкие, будничные заботы о еде, питье, личном обогащении. Разложившееся общество не живет, а прозябает, или, вернее, здесь уже нет самого общества, а есть лишь отдельные личности, замкнутые в себе, живущие жизнью растений.

Всемирное царство не в состоянии ни в ком пробудить сильной привязанности или симпатии. Отдельная личность здесь чувствует себя одинокой и беспомощной. Не будучи в состоянии заменить утраченные идеалы, бессильная создать высшие интересы, она везде проповедует отчаяние, равнодушие к внешнему миру или же мелкую, эгоистичную жизнь, полную приземленных, пошлых интересов и чувственных наслаждений. Обособленная и одинокая человеческая индивидуальность чувствует себя неудовлетворенной и несчастной, подавленной в

своём ничтожестве. Ограниченная, замкнутая в себе жизнь личности представляется бесцельной и бессмысленной. Чтобы обосновать всемирное человеческое царство, чтобы господствовать над Вселенной, недостаточно объединить людей под общей земной властью, недостаточно одного внешнего механического единства. Нужно объединить их внутренне, органически, нужно сделать их участниками единой общей жизни, объединить в едином общем деле.

Отрицательный результат эллинского философского мышления заключается в том, что человеческое сознание не включает в себе безусловной истины. Эллинская философия стремилась к познанию безусловной истины в человеческом образе. Отрицательный результат римского юрицизма сводится к тому, что эгоизм человеческой воли не в состоянии в самом себе обосновать счастье и достигнуть его. Высшее благо человечества заключается не в безграничном земном могуществе и не во всемирном владычестве и уж тем более не в техническом превосходстве.

Совершенно противоположное начало мы видим в христианстве. Именно в Христе, Боге Слове, античный мир находит олицетворенное разрешение той жизненной и вместе с тем философской задачи, которую он пытался и не мог решить собственными силами. В ответ на поиски Истины греческими философами исключительно в человеческом разуме христианство возвещает, что человеческое сознание может и должно наполниться божественным содержанием. Римляне стремились к всемирному владычеству, к господству человеческой воли над Вселенной. Но, чтобы человек стал действительно царем Вселенной, он должен сочетаться с всемогущей высшей Волей, которая одна способна пересоздавать мир и торжествовать над слепой стихией.

Поэтому за внешним, формальным единством и одинаковостью терминологии скрывается глубочайшее внутреннее различие. Христианская Церковь – *царство не от мира сего* – представляет собой единство иного порядка, кардинальным образом отличающееся от формального государственного единства. Римское имперское государство есть единство внешнее, искусственное, построенное исключительно ради земных выгод и человеческих эгоистических целей. В основе его лежит лишь *consensus gentium* (согласие народов) как

согласие в подчинении общей власти для достижения совокупными силами идей временных, для совместного пользования временными, мирскими благами. Поэтому государство выражает собой общую волю своих граждан лишь в отношении к этим временным благам, то есть, в сущности, представляет собой лишь их общий эгоизм.

Церковь есть, наоборот, единство общей Веры и общей жизни всех людей в Боге, здесь все солидарны в общей любви и общем деле спасения рода человеческого. Верховным принципом и идеалом Церкви является Божественная Любовь, связующая всех верующих как членов тела Христова. Римское мирозерцание обожествляет государство как высшее проявление человеческой воли. Напротив, с точки зрения Церкви, государство есть лишь временный мирской союз, преходящая форма земных отношений. Вот почему государство, построенное на формальных, юридических началах, не признает свободной и независимой от него человеческой воли, свободной совести. Христианство отвергает самые основы, самый принцип политического общежития, где римский гражданин обожествляет земное царство человека. Христианин не боготворит государственное всемогущество в лице императора, потому что для него истинной основой общежития является не человеческий произвол, а воля Божия, тот камень, который отвергли строители, – Христос Бог.

С одной стороны, римские юристы и греческие философы пришли к признанию объективного Божественного Закона, универсальной правды как идеальной нормы всех человеческих отношений. И в этом заключен положительный смысл римского государства и права. Законодательство перестает быть хаотическим сборником субъективных постановлений, в которых даже специалисты с трудом могут разобраться. Тут все связано, взвешено и приведено к общим началам. Законодательство представляет собой стройную и ясную систему, доступную общественному пониманию. Римское право, разрушая исторически сложившиеся учреждения во имя высших начал справедливости, свободы и общественного блага, действует на благо народа, но при этом формальная сторона права играет здесь главенствующую роль.

С другой стороны, все выгоды рационального законодательства разрушаются, когда оно абсолютизируется и предстает само по себе

как Высшая Истина. Тем самым оно подчиняет ответственным началам непосредственно сам государственный и общественный строй. Рациональное право, отвлекаясь от действительности, становится теорией, красиво выглядящей в своем идеальном изложении, но совершенно не приложимой к наличному, данному состоянию народной жизни. То или иное общество не является отвлеченным произведением ума, а плод многовекового исторического процесса и фактически сложившихся отношений. Общество невозможно произвольно заключить в ту или иную логическую форму. Естественная связь между законодательством и обществом прерывается. Закон перестает быть хранителем права и порядка, на него смотрят как на результат случайности и прихоти. Всякий старается его обойти, в государственных институтах в обществе водворяются произвол и злоупотребления.

Общество, основанное только на теориях, составляет одно из самых пагубных явлений государственной жизни, а таким оно неизбежно становится, когда законодательство спускается сверху, не ображаясь с реальной жизнью и не давая ей обратной связи. Поэтому, когда, в силу обстоятельств, общество внезапно получает доступ к законодательной деятельности, оно предъявляет несбыточные требования к власти и тем, в свою очередь, подрывает свое положение. Поспешные конституции, возникающие в революционные времена, ровным счетом ничего не значат. В результате возникает недоверие к общественным силам, вызываемое несоответствием теории с практикой, которое приводит к бесчисленным жертвам. Обожествление государства и создание утопических учений можно увидеть на губительном примере развития европейских политических теорий.

В утопических учениях присутствует сочетание самых разнообразных элементов, таких, как идеализация действительности, неистовая политическая фантазия, выдаваемая за прогрессивные стремления и граничащая с садизмом. Начиная с Нового времени, практически все европейские усиленно пропагандируемые политические теории носят характер *утопии*. Сам термин «утопия» происходит от древнегреческих οὐ («не») и τόπος («место»). «Утопия» – это то, чего нет и не может быть в сущности, в бытии. Это опасная игра ума, приводящая к катастрофическим последствиям.

Начала утопических учений появились еще в античности: первым человеком, задумавшим говорить о лучшем государстве, Аристотель¹ называет Гипподама Милетского, который впервые описал простую и примитивную схему государственного переустройства. Гораздо шире по замыслу и оригинальнее по построению был проект Филеаса Халкедонского, выступающего за коллективное владение собственностью. Но здесь надо прояснить следующий момент. Когда говорят об утопии, то подразумевают только два положения – это общность жен и отмена частной собственности. Подобное понимание утопических учений совершенно затемняет главный смысл. Например, у Платона в «Государстве» эти два коммунистических положения являются не целью, как многие почему-то полагают, а средством государственного управления. Только философам и воинам, как главным силам в государстве, запрещено было иметь семью и частную собственность, для того чтобы избавить их от всего лишнего и предоставить возможность всецело посвятить себя управлению и защите государства.

Уже гораздо позднее, в Новое время, коммунистические экономические принципы, возникшие в античности, получили свое своеобразное развитие². Здесь идеальный строй, который рисуют Мор,

¹ *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 423.

² В нашу задачу не входит подробный разбор смыслов утопических учений, но в самых общих чертах проследить начало современных постмодернистских политических взглядов на примере появления утопических учений с нашей стороны необходимо. Первая социально-политическая фантазия принадлежит Томасу Морю (Thomas More) и называется «Утопия». Уже Мор стремится чистый, фантазийный смысл перенести на социальную реальность. Из последователей Мора наиболее серьезного внимания заслуживает Кампанелла, автор «Города солнца» (*Civitas solis*, 1620). У Кампанеллы были свои предшественники, тоже итальянцы: Дони, автор «*I mondi celesti, terrestri et infernali*» (1552), и Патритик, автор «*La citta felice*» (1553). Т. Кампанелла соединяет в своих произведениях черты «Государства» Платона с чертами монастырской общины. По сравнению с демократизмом Мора конструкция калабрийского монаха обнаруживает деспотические черты. Интересно сочинение Вераса (*Vairasse*) «История северамбов» («*Histoire des Severambes*», 1677), написанная в жанре романа. Стоит упомянуть и «Республику Океанию» («*Oceana*») Джеймса Гаррингтона (1656). Особенно богат утопическими произведениями XVIII век. Их начинает вышедший в начале столетия роман Ф. Фенелона, знаменитые «Приключения Телемака» (1699). Самым крупным утопическим произведением XVIII века была «Базилиада, или О крушении плавучих островов» Морелли (1753).

Кампанелла, Верас, Уинстэнли и другие, всюду построен на коммунистических основах. Частной собственности нет. Государство организует труд, наблюдает за производством и заведует распределением. Таким образом, во всех утопических политических учениях предстает создание другого мира, где нет бедности и эгоизма, где безраздельно царит условная справедливость. Главной же чертой всех прошлых и современных политических учений, при всем их различии, является общая мысль о том, что с помощью государства можно создать идеальную социальную реальность. Не преобразование человека, как в христианстве, не воспитание человека, как в античности, а именно использование государственных инструментов, с помощью которых можно создавать любое общественное устройство.

Существующая ныне и предлагаемые различные модели власти имеют своим источником именно этот, исключительно «государственный» принцип, начало которого – в обожествлении государства в Римской империи. Вне государства нет религии, нет культуры, нет народа и нет никакой полноценной социальной жизни. Все поглощено и растворено в государстве, устанавливающим свои, необходимые только ему правила. Причина этого находится в признании мнимой сущностной состоятельности и автономности человека. Человеческое сознание, в этом случае, ставит на первое место собственное ограниченное и условное бытие, но в действительности этого недостаточно, так как человеческое бытие обращено в смерть. При отсутствии любой трансцендентной ценности человеческому обществу требуется устойчивая и незыблемая структура в мире вечного *становления*. И такой структурой предстает государство, заменяющее человеку его сущность. Не иерархия, не общественный закон и упорядочивание человеческих отношений являются здесь главным, а тот момент, что государство заменяет у человека Высшую Истину, забирает его личность, недаром у Т. Гоббса государство – это Левиафан (לֵוִיָּאָן), библейское чудовище, встреча с которым не оставляет человеку никакого упования: «Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его?»¹. Человек делается одиноким как личность, все его существование ста-

---

¹ Книга Иова. 40.22. (Синодальный перевод).

новится направленным на собственное бытие, при этом он совершенно безлик в государственном и общественном устройствах.

В таком понимании смысл «государства» гораздо шире обыденного о нем представления. Поглощая в себе всякую личность, государство, как и в Римской империи, становится божеством, ложным, но действенным и опасным кумиром. Если рассматривать схему «человек – человеческое общество – государство», то государство должно быть существенным инструментом, но не главным органом. В итоге государство (или система, стоящая за этим термином) приобретает абсолютные черты. Именно оно формирует человека и общество. Когда мы рассматриваем современные постмодернистские политические теории «преобразования человека», мы должны указать на исторические основы этого явления: Римское право, утопические политические теории эпохи Возрождения и Нового времени.

Черпая свои основания в обожевлении государства в Римской империи, данные основы привели к появлению таких уродливых материалистических учений, как коммунизм, нацизм и современный постмодернизм. При всем видимом различии их роднит желание механическим способом, используя различные технологии (биологические, социальные, генетические и др.), трансформировать по своему субъективному желанию человека. И надо сказать, что эти попытки создания все более «нового» человека принесли свои ужасающие плоды.

Поэтому, с одной стороны, в реализации указанных политических учений мы видим абсолютно безликие и серые человеческие общества, основанные на страхе и безусловном подчинении, а с другой стороны, человек, не желающий вмещать себя в установленные политические пределы, впадает в иную крайность, утверждая, что истинная и идеальная свобода возможна в свободе личности от общества. Когда человек понимает бессмысленность своего существования, он приходит к тому, что большинство установленных ценностей, направлений и жизненных связей – ошибочны. Прежде он служил им, но теперь отторгает, однако при этом не опирается на трансцендентного, не явленного в эмпирическом опыте Бога, а, основываясь исключительно на самом себе, пытается найти внутри собственного «я» подлинную свободу. Человек пытается создавать себя сам, не видя или отвергая Высшую Истину.

Внутренняя и внешняя свобода

Чтобы уяснить все многообразие такого понятия, как *власть*, нужно выявить главное сущностное различие между положительной и отрицательной свободой. Положительная свобода всегда находится внутри человека. Отрицательная свобода всегда направлена вовне. Человек, воспринимающий внешнюю свободу, стремится стать свободным по отношению к другим, но совершенно несвободен по отношению к себе, находясь в рабстве своего физического начала. Платон сказал, что не имеющий господина в самом себе должен найти его вне себя. Если человек внутренне несвободен и подавлен страстями, то он нуждается во внешнем «господине», и этим «господином» сейчас выступает государство. Такой человек известным образом отличается от того, кто свободен от чего-либо, а следовательно, способен совершать что-либо.

Сущностный кризис современного человека происходит, не в последнюю очередь, из-за утверждения им принципа отрицательной свободы. Освобождая себя от всякого внутреннего ограничения, человек отчуждает самого себя от собственной сущности, своего подлинного «я». В конце концов, «внешний» человек не знает, что ему делать с этой отрицательной свободой в бессмысленном и абсурдном современном обществе. По-настоящему свободная личность возможна лишь тогда, когда происходит освобождение от примитивных натуралистических и эгоистических уз, декларируемых и навязываемых утилитарно-договорным государством. Это государство считает пред-рассудком всякое «сверхъестественное» вмешательство, превознося превыше всего науку и «неизменные законы природы», утверждая, вслед за Дарвиным, право сильнейшего.

Истинное государство стремится поставить на первое место не формальный «договор», основанный на «естественном праве», а создает атмосферу некоей метафизичности, служащую развитию личности, невозможной без настоящей свободы. Государство не должно относиться к людям как механическим и статистическим единицам, а требовать от человека преодоления собственного животного нача-

ла, выхода за пределы простого растительного существования. Путь такого государства всегда направлен вверх, а не вниз, к животному существованию.

Для возникновения и существования настоящего государства огромное значение имеют невидимые физическим взглядом неуловимые причины, предопределяющие само существование окружающего мира. Именно от этих живительных и свободных причин, а не от грубых и насильственных методов зависит существование государства. Внутренняя сила притягивает людей, внешняя их отталкивает и атомизирует. Но это совершенно не значит, что Высшие Ценности должны быть навязываемы!

Государство лишь предлагает эти Ценности, на основе которых можно выявить преобладающие способности или склонности нации. Если народ соответствует этим принципам, то он достигает спокойствия, внутренней силы и равновесия, но если не умеет или не хочет признать трансцендентные ценности, определяющие подлинное политическое и государственное движение, то он стоит того, чтобы предоставить его самому себе. В наилучшем случае, ему можно указать на заблуждения и ошибки, жертвой которых он стал или является в настоящее время, которые возникли благодаря общему, целенаправленному влиянию деградации процессов. Если же это не принесет осязаемых плодов, значит, народ испытает судьбу, которую он сам себе уготовил, выбрав свою свободу отречения. Примером может служить русская идея богоизбранности (теория «Москва – Третий Рим») и ее отрицание.

Умозрительная и абстрактная идея «общего блага», происходящая из гипертрофированного «индивидуального блага», понимаемого в сугубо вещественном смысле, непригодна для государственного управления. «Овеществление» человеческого разума и деятельности, постановка своих насущных интересов на первое место приводят к противоположному преодолению себя – в нисходящем, а не восходящем направлении. Именно это и происходит в «массовом государстве» с общей для всех идей материального блага, в различных демагогических и коллективистских движениях, по сути, построенных на неуправляемых эмоциях и квазирациональности. Участие в этом политическом и интеллектуальном балагане способно дать призрач-

ное, мимолетное ощущение напряженной «духовной» жизни. Однако вслед за этой очевидной пустотой наступает умаление личности и уменьшение подлинной свободы.

И это деградирующее умаление личности не может задержать так называемая современная «церковь», «религия», «вера», скорее наоборот, они всячески способствуют этой нарастающей деградации. Все это также основано на примитивных натуралистических и пантеистических основах, несмотря на внешне декларируемый монотеизм. Низкий канонический и нравственный уровень этой «церкви» не способен привлечь по-настоящему духовных людей. Она может только провозглашать, но уже не способна установить и содержать в себе иерархию подлинных ценностей. Ее задача – утверждать материальные ценности и оправдывать, в практическом смысле, установившийся порядок, будь он «капиталистическим», «коммунистическим» или «нацистским». «Церковь» не препятствует, а содействует ослеплению глупцов, поощряет их трусость и лицемерие. Поэтому «церковь», в наше время, – это «сумеречное» и регрессивное явление.

Основой истинного государства являются метафизичность его начала, распространяющаяся на все принципы верховной власти, ее политический авторитет и законность. Отрицание этого очевидного факта равнозначно отрицанию и искажению истинного значения всей политической и государственной реальности. Государственный порядок знаменует собой воплощение высшего порядка, а государственная власть символизирует Высшее Начало. Поэтому подлинное государственное единство является воплощением Абсолютной Идеи и власти, тем самым отличаясь как от какого бы то ни было механистического единства физического характера, как и от основанного на «естественном праве». Оно также отличается и от всякого политического объединения, созданного исключительно на экономических, биологических, расовых или утилитарных, эвдемонистических основаниях.

И здесь мы говорим о священном характере самого принципа верховной власти, то есть государства. В этом смысле уже упомянутое выше древнеримское понятие *imperium* по своей сути также принадлежит к священной сфере. Это не просто некое наднациональное владение территориями, «империя» берет свое начало в патрицианской

римской семье (*gens*), перенося ее на государство как «общее дело» (*res publica*) всего народа. *Imperium* – это мистическая сила власти, священного могущества (*auctoritas*) и светоносной силы, независимой от реальной человеческой истории. Сам принцип власти, в этом случае, имеет абсолютный характер.

Выражаясь возвышенным римским стилем – это *aeterna auctoritas*, вечная власть, последняя инстанция, обладающая силой вечного и неизблемого закона. Только Вечность дает ей начало и легитимацию в качестве высшего, суверенного, первичного принципа, являющегося основой всякого права и не подчиненного никакому природному, космическому или человеческому закону. Без абсолютной составляющей власть не обладает авторитетом и часто превращается в свою противоположность. Такая власть теряет точку опоры, у нее исчезает центр политического организма, в результате любой политической союз превращается в чисто механическое соединение, неустойчивое образование.

Пресловутая теория «правового государства» в любом ее виде свойственна умирающему политическому организму (*caput mortuum*), продолжающему свое существование, но уже не имеющему центра и изначально породивших его сил, которые остаются либо сокрытыми, либо исчезли вовсе. Порядку противостоит беспорядок, порядок должен торжествовать над хаосом, в этом соответствии закон и право составляют саму сущность государства. Но это в том случае, если государство пытается решать цели, находящиеся за пределами физического мира. Только тогда, следуя идеальным образцам, можно установить настоящий закон и порядок в государстве.

Если же государство и исходящее от него властное могущество ставит себе за идеал вечно изменяющийся мир, то оно идет по пути разрушения, так как энтропия – это главное и основное свойство физического мира. Подобная власть не может предложить ничего, кроме разложения и распада. Тление и конечность находятся в ее основе. Из этого следует вывод: человек в таком тленном государстве не связан его законами – *princeps legibus solutus*¹. Противоречие между политической и общественной областями является основополагающим.

---

¹ «Изъят из-под действия законов». Принцип, воспринятый от римских императоров европейскими абсолютными монархиями.

И здесь мы подходим к очень важному моменту. Обычно свободу от государства понимают в анархическом смысле, то есть как полное отвержение государственных институтов и установлений и замена их какими-то невнятными «общинами» или чем-то подобным. Мы далеки от подобного обобщения, более того, оно в корне неверно. Государственные институты сами по себе на протяжении всей человеческой истории не меняются, важны не они сами, а то духовное и интеллектуальное наполнение, которое в них присутствует. По сути, они инструменты, овеществление идей, на протяжении всей человеческой истории их функции одинаковы и неизменны. Отличие, которым обладают государственные институты, заключено в степени их использования.

И дело здесь не в противодействии техническому «закону», разного рода правилам общественного поведения, которые часто берут за основу различные протестные движения. Они не представляют угрозы для власти, более того, идеологи от власти всячески подталкивают протесты против существующего положения вещей именно в этом направлении. Когда первоначальная энергия протеста исчерпывается, то власть легко «одомашивает», делает ручными протестантов.

То, что по-настоящему пугает современную политическую власть лежит совершенно в другой области – в сфере духовных и смысловых представлений, определяемых идеальными христианскими ценностями мученичества, героизма и иерархии «подвига». Именно эти ценности позволяют человеку вырваться из круга плотской, животной жизни, отринуть «душевное» удовольствие от обладания вещами и выйти за рамки чисто природного, растительного существования. Стремление к идеальным началам позволяет достигнуть настоящих политических целей, воплощаемых через привычные государственные институты.

Именно эти высшие цели имеют абсолютно самодостаточные, а не произвольные черты эмоционального возбуждения, что свойственно обывательской толпе в «массовом» государстве. Поэтому «аполитичный» человек, христианин не позволяет связать себя с идеями и интересами, такими как, умозрительный пацифизм, теориями абстрактной экономики и даже достижения материального благополу-

чия. Цели государства должны соответствовать высшему измерению жизни, особому идеальному достоинству.

Современную власть страшит реализм идеи – достичь утверждения Высших и Абсолютных Ценностей в мире становления. Здесь для правящего слоя опасны сила и ясность и та реальность, с которой эта идея воплотится в умах людей. Эта действительность не имеет ничего общего с пустым романтизмом, отвлеченным идеализмом и сентиментализмом, призывающими к избавлению от «идеологических предрассудков». Именно подлинное направление мысли и действия представляет главную опасность для всемогущих «слуг народа». Они всегда готовы свести этот реализм к мелкому, циничному политиканству, призывая к чувству «национальной сплоченности», говоря о «внешней опасности», «воли нации» и т.д. Все делается для того, чтобы постоянно разжигать и поддерживать в массах недолговечное чувство стадного единения.

Противостоять этому можно, обладая высшим законом внутри себя, который никто уже не может отнять. Поэтому христианин обладает в «антихристовом» государстве неоспоримым правом ничем не ограниченного абсолютного решения в особых обстоятельствах или чрезвычайных ситуациях – то есть тогда, когда действующее право и закон приостанавливаются. «Царство Божие не от мира сего», – именно эта константа пробуждает в христианине абсолютную, горную силу, которая, оставаясь незримой и безмолвной, вдруг проявляется в человеческих действиях. Тайное становится явным, и это тайное, имеющее родственную связь с породившим его началом, препятствует механическому, формальному общественному закону.

Эта сила позволяет обществу и государству остаться живым организмом, а не превратиться в бездушный, законнический механизм. Именно понимание и сила, возникающая от знания, станет носителем нового принципа незыблемого утверждения верховной власти, сумеет разоблачить ложь и демагогию в любом обличье, остановит движение, ведущее с вершины вниз и превратит его в восходящее вверх от основания. Она станет тем зародышем, который даст жизнь политическому организму.

Однако подобные политические действия не носят революционного характера. Они всегда остаются в рамках действующего привычного закона, так как не являются ни новым политическим принципом, ни новым правом. Данный стиль политического бытия ведет к формальной смене одного общественного устройства на другое, никто не собирается ниспровергать старый строй и устанавливать новый. Важно «преображение», а не узурпация. Государство не должно быть воплощением общества. Находящееся в основе социологического позитивизма понимание государства как «общества», или «общности», является показателем вырождения, гражданского упадка.

По мере усиления процессов секуляризации, рационализации и материализации изначальные идеи государства становятся все более непонятными и недоступными. Позитивистское государство всеми силами противостоит сущности подлинного государства, искажает правильные отношения между людьми, лишает политическую область изначально свойственных ей черт характера и достоинства.

Как уже отмечалось, появившиеся на этой основе «демократии», «социализм», «коммунизм», «нацизм», по сути, являются ложными государственными системами, вырождением, поруганием и опошлением политических основ в высшем смысле этого слова. Этим системам свойственно беспорядочное смешение духовных и материальных начал, когда право первенства остается за материальным первоисточником. Данная смена ценностей происходит благодаря вырождению *внутреннего* человека, когда в нем начинают преобладать грубые стихийные, животные склонности. Общественная и политическая несправедливость, то есть разложение общества, всегда является отражением внутренней неправды, которая благодаря закону соответствия «овеществляется» вовне.

Появляется совершенно новый безнравственный человеческий тип, не желающий ничего, кроме удовлетворения своих низменных интересов. Этим человеком с легкостью управляют различного рода демагоги, «слуги нации», «эффективные менеджеры», «демократические» представители народа, удерживающиеся у власти благодаря ловкости, постоянно играя на примитивных чувствах обывателей. Подобное государственное состояние имеет двоякий результат: про-

исходит вырождение как правящего класса, так и подданных. Чтобы остаться у власти, такой правящей верхушке необходимо говорить с толпой на понятном ей языке, ставить на первое место наиболее грубые, сиюминутные и вещественные интересы.

Но антигосударственными являются не только «демократии» и «социалистические» государства. Государства, использующие понятия нации, родины, народа, расы как первостепенную ценность, первый принцип, несмотря на частую окружающий их романтический и идеалистический ореол, по сути, принадлежат не к политическому, а животному и биологическому уровню. Подобные политические движения отвергали или, по крайней мере, ставили под сомнение идею государства и чистый принцип верховной власти. Формулировка «по воле нации», «по воле народа», заменившая выражение «Божией милостью», отражающее истинную власть, данную свыше, на самом деле означает смену ценностей. За романтическими бреднями скрывается переход от настоящей формы государственного устройства к другой, знаменующий собой новый мир, отделенный от настоящего непреодолимой бездной.

Можно с полным основанием считать, что условием настоящего государства является получение метафизической *благодати*, а это означает разрыв исключительно природных связей, держащих человека в границах природного и растительного существования. Только в этом случае в государстве может появиться настоящий правящий класс, его рождение всегда есть Божественное таинство. В противном случае уместно говорить о демоническом таинстве, сатанинском действии, включающем в себя пропаганду демократической демагогии, коммунизма, нацизма. Но надо понимать, что никогда подлинное господствующее сословие не может сложиться под воздействием исключительно социальных и тем более экономических факторов. Политические «элиты» должны складываться на основе знаний и духовных качеств, которые нельзя свести к массовым ценностям и материальному благополучию. Мир охлоса, погрязшего в материи, не должен быть допущен к миру политики и государственного устройства.

Говоря о *власти*, в современном смысле, мы невольно замечаем несоответствие формы ее реальному содержанию. В таких усло-

виях основным методом, который использует правящий класс для удержания власти над большинством, является даже не обман (хотя в качестве «скрепляющего раствора» ложь используется непрерывно). Основной метод насилия над сознанием населения – все более довлеющая хаотизация и проникновение абсурда во все сферы человеческой деятельности. То есть, в повседневном смысле прививается всякая бессмыслица, нелепица, галлюцинация.

Глядя на действия современных правительств, часто возникает желание обвинить их в алогичности, глупости, когда они совершают из ряда вон выходящие поступки, часто противоречащие здравому смыслу. Наблюдаемый абсурд переходит всяческие границы. Любой здравомыслящий человек, увидев новостные события в хронологии, может без труда в этом убедиться.

При этом проявление абсурдных действий властной вертикали отнюдь не означает, что они не имеют никакого смысла в рамках политических моделей, которые мы можем наблюдать. Элементы политической жизни, которые нам только кажутся нелепыми и несовместимыми с реальностью, являются таковыми только в нашей, христианской системе политической жизни. Но они имеют совершенно очевидное значение в иной, назовем ее «антихристовой», системе власти. Очень трудно за внешней нелепостью распознать и осмыслить множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют ее определенную целостность и единство.

«Абсурд» предстает как нечто иррациональное, лишенное всякого смысла и внятной связи с реальностью, то, что не имеет и не может найти рационального объяснения. Приучают мыслить «вообще», а не о «чем-то». Мьсленнья волки, находящиеся у власти, в отличие от обывателей, совершенно точно знают, что в основе того порядка, который существовал и который они намерены уничтожить, лежал идеальный и сверхъестественный принцип, то есть дух, понимаемый не в отвлеченном философском смысле или принимаемый на веру, но как воплощение Высшей Реальности в действительности, в человеческом порядке.

Если мы посмотрим на современную нам политическую жизнь, то в ней все строится на умышленных или неумышленных недомолвках

и двусмысленных намеках. То есть поставленная политическая цель достигается путем манипуляции людьми с помощью очень нехитрых приемов. В этом политическом театре невозможно увидеть четко определенных персонажей, их появление кажется случайным, словно «ниоткуда». Вся смысловая канва строится исключительно вокруг коммуникации, заключающейся в обещаниях и бесконечных разговорах о банальных вещах.

Первоначальная задача подобных интриг очевидна – свести до минимума всякие сведения о мировоззрении и философских импликациях смыслов. Следующая задача – достижение всеобщего хаоса, смыслового распада языка, отсутствия цельного человеческого образа и, в конечном итоге, исчезновение и самого смысла человеческого бытия. В соответствии с этой политической и культурной парадигмой человек должен быть превращен в животное.

Внедряются не просто ложные, а полностью размытые образы политических и государственных действий, основная задача которых – наполнять их нужным на данный момент содержанием. При этом нет никакой ясной и понятной основы, все зиждется на сиюминутных интересах. Эта неопределенность только оправдывает и объясняет настоящее, не устанавливая цели и границы будущего, при этом распоряжаясь прошлым по своему усмотрению. Для этого нужно показать несостоятельность морального закона, всеобщих нравственных основ.

Если у человека нет в мире высшего предназначения, то остается примириться с такой жизнью, следует лишь всеми силами постараться «вписаться» в эту нелепую, животную жизнь. В таком мире уже нет идеальных начал, абсолютной красоты, остаются лишь ничем не ограниченное человеческое своеволие. Люди уже сами создают смысл своей жизни, без оглядки на объективное. В мире, лишенном высшего смысла и последующего (загробного) воздаяния, человек пытается объявить себя полностью свободным. И все, что теперь люди создают, имеет отношение только к житейской стороне дела.

В политической жизни следствием такого подхода является придание происходящей реальности черт абсурда. Насаждается неопределенное упоминание о предельно неконкретных «государственных интересах». И здесь совершенно никого не интересует, что такая ли-

ния «управления» несовместима с формальной логикой. Главное – не допустить у подданных формирования какой-либо связной картины мира, которую можно описать, используя четкие и ясные понятия и определения. Вместо понятной «политической картины» создаются не сочетаемые между собой фрагменты, основной задачей которых служит оправдание любых, по сути самых противоречивых, действий государства. История советской (ныне «демократической») пропаганды служит великолепным примером, подтверждающим наши слова.

Пожалуй, «большевики» первыми в массовом порядке применили эти пропагандистские способы. Истинным становится то, что востребовано для объяснения злободневного политического поворота. Оставшиеся фрагменты подвергаются ликвидации, как правило, с помощью насилия. Отличие большевистских методов от «демократических» заключено в том, что во втором случае детали пропаганды не уничтожаются, а откладываются до нужного момента. Никто не собирается объяснять противоположные установки, обедненное сознание людей привыкло, встрюилось в абсурд происходящего. Люди отказываются запоминать то, что происходило несколько дней, а то и часов назад.

Для настоящих политических режимов самым враждебным признаются те интеллектуальные и духовные установки, которые ведут к созданию устойчивых образов, основанных на причинно-следственных связях, способных привести к верному суждению. Есть только настоящее – образы прошлого и будущего могут существовать исключительно в виде сиюминутного мифа. Поэтому те, кто занимается поисками содержательной стороны дела, созданием реальных образов, подвергаются замалчиванию, дискредитации, а то и прямому «правоприменительному» насилию. Однако в большинстве случаев борьба с Логосом ведется путем описанной хаотизации и внедрению совершенно нелепых противоречий.

Используемые способы исключительно примитивны, но они оказывают действительное влияние на сознание людей. Например, обсуждается не сам предмет, а указываются недостатки личности, излагающей «неправильные» мысли. Здесь и культ вседозволенности, беспринципности, внедрение уголовных понятий и бандитских нравов, когда

именно преступники становятся «героями нашего времени». Все это приобрело поистине абсолютные и глобальные черты. Безусловно, этому помогает примитивизация образования, потеря авторитета высшей школы и науки. В итоге получается желанная для «хозяев дискурса» хаотизация восприятия происходящего.

К чему это приводит в действительности? К тому, что в государстве исчезает всякая подлинная политическая жизнь и создается государство-корпорация. Так как принцип его организации – клановая структура, то цель подобных «держав» – присвоение наличного общественного достояния. Причем в данный общественный процесс включены не столько материальные (вещественные), сколько духовные элементы. Клановая структура предполагает также интеграцию наиболее крупных и успешных сегментов организованной преступности. Впрочем, клан и есть сама организованная преступность.

На практике вырисовывается совершенно абсурдная картина: преступники становятся не просто элементом государства, они и есть руководители государства-корпорации. В этом смысле скорбным примером служит современная Россия, где под «государством» понимаются исключительно интересы крупных криминально-олигархических кланов и искусственно созданных этнических мафий. Более того, преступные структуры и их лидеры участвуют в принятии важнейших политических и экономических решений.

Мафиозные и преступные представления становятся духовной основой для правящего сословия, в том числе и его «силовых» структур, которые уже невозможно даже внешне отличить от представителей организованной преступности. Эта система включает в себя все проявления политической действительности, в нее попадает, в том числе, и современная «церковь». Государство, руководимое преступниками и их приспешниками, не способно создавать ничего полезного, оно занято перераспределением в свою пользу уже существующего «имущества». Собственно, это то, что мы и видим в современной России. Причем все эти «кланы» составляют ничтожное меньшинство граждан, не более двух процентов от населения огромной страны. Но это преступное меньшинство находится у власти, принимает решения и само является властью.

Никакого отношения к населению России и русскому народу эти люди не имеют. Это касается и области социальных обещаний. Как собственники страны, они не считают нужным брать на себя какие-либо обязательства по содержанию миллионов людей, которые не приносят им прибыли либо не являются источником прибыли или удовольствий (как они их понимают). Все те, кто не смогли вписаться в службу этих кланов, находятся у черты выживания. Те же, кто является услугой, в том числе и разного рода силовые структуры, прекрасно себя чувствуют, более того, всячески отстаивают и защищают этот строй, начиная от отвратительных политологов и заканчивая «звездами» театра, кино и эстрады.

Все совокупное богатство страны досталось в собственность сотне мафиозных «семей», и это богатство они с успехом обращают в невероятную прибыль. Но вместе с этим им досталось, словно в насмешку над ними, многомиллионное население. Ни одному «владельцу страны» не нужно это население, поэтому перед ними возникает задача как можно быстрее и эффективнее от него избавиться. С точки зрения хозяев люди, претендующие на социальную помощь, проедают их ресурсы, которые они могут ловко конвертировать. Население должно платить за право проживания на их территории. Отсюда возникает необходимость вытеснить основную людскую массу за грань общества, так как для устойчивости государства-корпорации достаточно и нескольких процентов населения.

Поэтому «руководители» страны постепенно поднимают стоимость жизни на «их территории». Так как вся инфраструктура принадлежит им, то почему они должны терять прибыль, если кто-то не может платить? Не можешь платить – не пользуйся! С этой точки зрения все разрушительные «реформы», проводимые в последние десятилетия, являются обоснованными и правильными, так как владельцы государства-корпорации должны получать все большую и большую прибыль. Зачем им нужны бесплатные школы, больницы для населения, которое не может за них платить?

Политические утопии Нового времени как основа современной государственной системы

Современное государство при всех его достоинствах – это такое Государственное устройство, в котором правители, принимающие наиболее важные решения в государстве и бизнесе, не отвечают за них. Но откуда берутся истоки такого политического порядка? Чтобы понять начала этого явления, надо обратиться к словам незабвенного Т. Гоббса, одного из создателей существующей политической системы: «Разумные пользуются словами как меновыми знаками, и только глупцы принимают их за чистую монету»¹. Все человеческие суждения, в том числе и политические теории, составляются путем чисто механических операций над этими «словесными знаками» путем их сложения или вычитания. Поэтому мышление представляется Гоббсу как бы арифметическим процессом – мыслить для него значит исчислять.

Как уже было сказано, появлению современной утопической политической системы мы обязаны Новому времени. Тогда была предпринята попытка доказать, что формы пространства и времени можно обнаружить исключительно с помощью чувственного восприятия. Никаких непротяженных сущностей в нашем чувственном опыте мы не находим. Существует только учение о телах, действующих по грубым механическим законам неживой природы. Этот философский постулат и был применен к объяснению природы государства, и на нем было построено политическое здание. Одним из первых, кто применил сугубо материалистическую теорию в политической области, был упомянутый Т. Гоббс. Он считал бессмысленным само выражение «невещественная субстанция». В нашем опыте, считал он, мы находим тела двоякого рода: естественные и искусственные, то есть составляющие результат человеческой деятельности. Первые входят в

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб., 1868. С. 34.

область физики, в числе последних наибольший интерес представляет величайшее и совершеннейшее искусственное тело – государство.

Необходимым органом познания является рассудок, который систематизирует чувственный материал, слагает из слов суждения, а из суждений – систему знаний. Сводя мышление к чисто механической, словесной операции, Гоббс последовательно утверждает, что сама истина присуща лишь речи, а не вещам: «*Veritas in dicto, non re consistit*». Все мышление есть результат механического движения. Все существующее в государстве также сводится к телам и движениям тел.

Учение о государстве у Гоббса является как бы отраслью прикладной механики. Жизнь животных организмов в «Левиафане», его самом главном политическом труде, сводится к движению их членов, но автоматы и машины, создания человеческих рук, точно так же обладают способностью движения. Животные организмы суть естественные автоматы, в отличие от них машины и автоматы, созданные нами, как бы обладают искусственной жизнью, вложенной в них человеком. Подражая созданиям природы, человек создает сложную машину – государство.

В естественном состоянии единственной пружиной деятельности отдельного лица служит стремление к самосохранению и увеличению своего чувственного благосостояния, о каких-либо нравственных понятиях, присущих человеческой природе, с этой точки зрения не может быть и речи. Как и все человеческие понятия, нравственные принципы суть искусственные создания, результат умозаключений, в природе нет ничего абсолютно доброго или абсолютно злого, дозволенного или запрещенного. В естественном состоянии человек не связан не только юридическими, но и какими бы то ни было нравственными обязательствами по отношению к своим ближним.

Всякий имеет право на все необходимое для сохранения своего существования. В этом заключается то, что Гоббс понимает под естественным, природным правом человека. В естественном состоянии каждый управляет собой сам, пределы власти человека определяются степенью его превосходства над ближними. Свобода осуществляется во всеобщем, взаимном пожирании. Люди чувствуют врага в каждом ближнем – «человек человеку волк» (*homo homini lupus est*). Таким об-

разом, естественная свобода обращается в свою противоположность – в чувство всеобщей незащищенности и страха, в сознание полнейшей зависимости всех от прихоти каждого.

Термины «добро» и «зло» суть не более чем условные знаки, имена, какими люди обозначают вещи, к которым они чувствуют влечение или отвращение. В естественном состоянии под «добром» можно разуметь только то, что служит к удовлетворению эгоистических влечений личности, а под «злом» все то, что противится этим влечениям.

Установление власти означает уничтожение всяких прав личности, так что, будучи в государственном состоянии, верховная власть облечена всей полнотой и суммой прав, которыми обладали отдельные личности в естественном состоянии. Иначе говоря, верховной власти открывается беспредельная и безграничная сфера деятельности, она имеет право на все: на жизнь и имущество своих подданных, более того, на их совесть. Ее верховенство проявляется не только в суде, законодательстве и светском управлении. Ей принадлежит право запрещать «вредные» учения, например те, которые высказываются в пользу ограничения власти. Права верховной власти не зависят от формы правления.

Утратив веру в сверхчувственный идеал, человек неизбежно становится рабом материальной стихии. Материализм не знает ничего выше вещества. Последовательно развитый, он в силу неумолимой логики должен прийти к культу грубой силы. Человек – ничтожное колесо огромного механизма, в котором нет места для свободы. Понятно, почему у Гоббса совершенный нигилизм соединяется с совершенным абсолютизмом: к материи нельзя обращаться с нравственными требованиями.

Нравственные понятия суть или пустые слова, или предписания власти, власть же может господствовать над людьми лишь в силу механического закона. Люди движутся, как автоматы, мыслят и чувствуют под его физическим давлением. Где сила служит основанием права, там уже не может быть речи о свободной совести. Отрекаясь от собственной свободы, человек ради самосохранения отдает себя всецело в жертву чуждому произволу. Новая философия начинается с культа личности, которая сама по себе служит высшей, без-

условной целью, сама в себе черпает сознание добра и зла, правды и неправды.

Философ-скептик III века до Р. Х. Корнеад учил, что право есть создание человеческого произвола, что в основе его нет ничего незыблемого, вечного. Но человек не исчерпывается одной чувственной природой, он не только чувствующий автомат, он свободное разумное существо. Рационалистическая философия хочет вывести законы Вселенной из законов человеческого разума, из требований разумной человеческой природы, из которых требований с непреложной необходимостью вытекает вся нравственность, все государственное и общественное устройство.

Потому и повиновение верховной власти обязательно для подданных лишь до тех пор, пока она действительно служит органом народного верховенства и действует в пределах полномочий, предоставляемых ей общественным договором. Как только она нарушает эти договоренности, подданные вправе отказаться от повиновения и приобретают право сопротивления. На самом деле, в такой политической системе невозможно настоящее сопротивление, так как полномочия, данные власти народом, представляют из себя набор декларируемых отвлеченных положений. Но это одна составляющая так называемого «общественного договора». На деле данная система заключает в себе две крайности. С одной стороны, «народные полномочия» – это предельная абстракция, с другой, всякий протест сводится к экономическим требованиям. Поэтому любое противодействие власти здесь невозможно. В первом случае – по причине изначальной обреченности в борьбе с абстрактными идеями, которые невозможно оспорить, во втором случае борьба за привычную комфортную жизнь не меняет саму политическую систему.

С метафизической точки зрения развитие в сфере права существует лишь при условии, когда правосознание общества не исчерпывается положительным действующим правом, когда человек не преклоняется перед фактом как фактом, перед действительностью как таковой. Критическое отношение к существующему положению дел возможно лишь поскольку мы обладаем в нашем сознании должной нормой, отличной от существующих явлений и находящейся в вечности. Фор-

мальное право рассматривает человеческие действия вне отношения к тем мотивам, которыми эти действия вызваны. Напротив, нравственность смотрит на человеческие действия с внутренней стороны. Нравственность оценивает действия всегда в отношении к вызвавшим их побуждениям.

В Новое время также появилось утверждение, что разумная человеческая природа требует соединения людей в организованное общество, в государство. Например, государство для Гуго Гроция не есть порядок, извне данный человеку природой, как у древних мыслителей, оно покоится не на Откровении, как у средневековых схоластиков. Оно – создание свободной человеческой деятельности. Свободное согласие людей выражается в договоре, а соблюдение договоров есть вечное предписание естественного права.

Рационалистическая школа принимает это «согласие» (договор) за абсолютную истину. На самом деле акт и процесс заключения договора должны быть признаны за одностороннее направление и потому, в своей исключительности, ложное. Рационалистическая устремленность не признает ничего исторически сложившегося, ничего, данного извне. Попытка вывести, как геометрическую теорему, все устройство человеческого общества из одних требований разума так же несостоятельна, как и противоположная этому попытка вывести общество из одних чувственных влечений личности. Естественная школа берет за основание не конкретную природу человеческой личности, такой, какой она существует в действительности, но исходит из отвлеченного понятия разумного существа. Она имеет дело не с действительными людьми, а с отвлеченными явлениями рассудка. В действительности человек есть создание определенных исторических условий, известной существующей обстановки.

Естественная юридическая школа ошибается именно в том, что она игнорирует конкретные исторические условия, постольку изначально является антиисторическим мирозерцанием. Она берет за основание своих построений личность изолированную, взятую вне связи с обществом как историческим целым, и считается лишь с отвлеченными требованиями разума. Такая личность уже не определенный факт, а искусственное построение, результат отвлечения. Так

геометрия имеет дело не с действительными физическими телами, а с искусственными геометрическими телами и фигурами.

В человеческом разуме и сознании нет ничего врожденного. Но если это так, то как же можно говорить о каких-либо присущих человеку от рождения естественных правах? Это опять-таки умозрительное, абстрактное предположение, которое никаким опытом доказано быть не может. На почве чистого опыта невозможно существование никакого нравственного или политического идеала, поскольку посредством опыта человек узнает только действительность, только то, что есть: опыт не дает нам никаких указаний насчет того, что должно быть и что находится за самой эмпирической действительностью и опытом.

Сколько бы наша мысль не исследовала идеальную, чистую область, она не в состоянии найти в ней что-либо, кроме геометрических фигур. Но физические тела не могут быть сведены к геометрической сфере, они не суть только «модусы протяжения», как учил Спиноза. С другой стороны, наш внутренний мир не может быть понят лишь как модус чистой мысли. В чистой мысли как таковой мы не найдем желаний или влечений: из нее не может быть понято разнообразие характеристик, индивидуальных человеческих свойств.

Надо отметить, что основными положениями политических теорий в Новое время были рационализм и эмпиризм. Догмат рационализма – слепая вера в разум как единственный источник познания абсолютной истины, догмат же эмпиризма – слепая вера в чувственные восприятия, в опыт как единственный источник познания. Именно в этом заключены истоки «общественного договора». По условиям общественного договора человек отдает себя обществу всецело, без остатка. На народ переносится вся полнота верховных прав, принадлежащих отдельным лицам в естественном состоянии. Никак нельзя сказать, чтобы при таком перенесении каждый получал эквивалент того, что он отдает.

Личность, отказываясь от права сущностной, безграничной свободы, получает взамен этого собственность как дар государства. Я отказываюсь от такой защиты и взамен того получаю жизнь, также как условный дар государства. Но равенства между тем, что я даю, и тем, что я получаю, не существует, потому что взамен моей естественной

свободы я приобретаю лишь ничтожную долю участия в общем деле. На долю личности в безличной по природе власти приходится какая-нибудь ничтожнейшая доля народного верховенства, отсюда любая личность исчезает в этом беспредельном океане людской толпы.

Реализация подобных политических теорий возможна лишь в полном согласии и единомыслии с ними всех граждан (подданных). Отсюда и возникает чудовищное насилие подобных государств над всякой свободой и мнением граждан. Все должно быть приведено к одному началу. Причем насилие – это не обязательно нацистский или большевистский политический террор, осуществляемый через государственные институты. Гораздо страшнее, когда люди (граждане) под действием «меновых знаков», пропаганды и виртуальной лжи сами стандартизируются под единые положения и полностью теряют свою личность.

То же самое происходит и с экономикой и принципом частной собственности. Собственность в таких государствах есть создание самого государства, поэтому верховная, государственная власть имеет право безгранично и бесконтрольно распоряжаться имуществом своих подданных. Всякое понятие о неприкосновенном праве собственности, с точки зрения власти, есть революционный и недопустимый в экономике принцип.

Формальное право на собственность есть не менее формальное право, определяющее естественную границу государственной власти, которую последняя не должна нарушать. На самом деле, основание собственности есть человеческий труд. Земля и то, что в ней, должны составлять общее достояние. Тем не менее, каждому человеку принадлежит исключительное право быть самим собой. Труд его, дела его рук и есть его собственность. Все, что человек извлекает из естественного состояния своим трудом и искусством, принадлежит ему одному. Поскольку это его собственный труд и искусство, никто другой не имеет права на приобретение добытого этим трудом и искусством, в особенности, если на долю других людей остается множество подобных и столь же пригодных для использования вещей.

Человек не есть автомат, а существо, одаренное разумом и способностью свободного выбора: его нельзя заставить посредством фи-

зического насилия соблюдать известные правила, его можно только наказать за их несоблюдение. Поэтому недостаточность формального, отвлеченного права очевидна. Когда отдельные лица не связаны между собой ничем другим, кроме внешней связи отвлеченного права, когда нравственные связи еще не скрепляют общество, право легко может превратиться в свою противоположность, то есть в «не право», вернее, в насилие. Внутренний закон совести должен сочетаться с внешним законом права, воля человека должна быть связана целым кодексом определенных правил, устанавливающих отношение отдельной личности к обществу.

Только в этом случае человек может достигнуть равновесия между внешней и внутренней свободой в мире царствующей необходимости. Достижение подлинной свободы в несвободном, природном мире может быть, когда в нем присутствуют некие вечные начала, лежащие в основе нравственности. Именно в нравственных нормах возможно уравновесить непрерывно изменяющийся результат развития человека и человеческого общества. Об этой простой истине можно найти свидетельства еще в античности. Среди римских юристов было чрезвычайно распространено воззрение, что рядом с подвижным и изменчивым положительным (формальным) правом (*jus civile*) существует вечное естественное право (*jus naturale*), которое коренится в самой природе человеческого разума и человеческих отношений.

Поэтому само формальное право, на самом деле, выражает собой исключительно правила поведения в обществе. В каком бы смысле не употреблялся термин «право», под ним подразумевается нечто такое, против чего не следует выступать, чего нельзя нарушать. С этим словом в нашем сознании всегда связываются те или иные поведенческие поступки, которые определяются как разрешение на положительные действия или прямой запрет на дурные и порочные акты. Но сам смысл «положительного» и «порочного» не находится в ведении формального права, а привносится в него извне, из смысловых начал, которые и являются основой права. Сами же смысловые начала устанавливаются теми, кто располагает властью.

«Овеществление» государства

Было бы серьезной ошибкой считать, что превращение государства в механическую машину – это только плод теорий Нового времени. При этом, по непонятным причинам, не упоминается, что на формирование политических идей Нового времени повлияли взгляды некоторых античных философских школ. Первое философское обоснование *обмирщения* (секуляризации) государственной власти было выдвинуто еще в античности софистической школой. Используемые ими аргументы достаточно широко известны. Софисты первыми выдвинули положение о человеке как главном критерии оценки всех вещей: «Человек считается мерой всех вещей, существующих, поскольку они существуют, и не существующих, поскольку они не существуют»¹. Любые моральные нормы и правила произвольны и субъективны: «Одни говорят, что добро и зло отличны друг от друга, другие – что нет. Даже для одного и того же человека то же самое может быть и благом, и злом. Все в мире относительно»².

Софисты полностью разделяли природные, естественные законы (φύσις), которые везде и всегда действуют с одинаковой степенью необходимости, и человеческие установления (νόμος). Природа – это истина, а политические законы представляют собой условное мнение, следовательно, «природа» и «закон» находятся в противоположности друг к другу. Общественные отношения между людьми носят условный характер, в силу того очевидного факта, что законы, нравы и обычаи людей могут полностью различаться у разных народов³.

Относительность любых политических правил полностью исключает какое-либо идеальное начало в политической жизни, которая сводится исключительно к человеческому произволу и условному мнению. Но, что интересно, софисты в практической общественной

---

¹ Платон. Теэтет 152a // Theaetetus, ed. J. Burnet, Platonis opera, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967): St I.142a-210d.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 348–349.

³ Guthrie W. K. A history of Greek philosophy. Camb., 1969. P. 1–322.

жизни требовали подчиняться не человеческим законам, а природным закономерностям, даже если они вступают в противоречие с любыми установленными государственными правилами. При возникновении несоответствия естественного и юридического законов человеку необходимо лишь внешним образом подчиниться государственному закону, всячески скрыв свои истинные взгляды. Вот что писал по этому поводу софист Антифон: «Справедливость [заключается в том, чтобы] не нарушать законы государства, в котором состоишь гражданином. Так, человек будет извлекать для себя наибольшие пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя, оставаясь же наедине, без свидетелей, [будет следовать] законам природы.

Ибо предписания законов произвольны (искусственны), [веления же] природы необходимы. И [сверх того], предписания законов суть результат соглашения (договора людей), а не возникшие сами собой [порождения природы], веления же природы суть самовозникшие (врожденные начала), а не продукт соглашения [людей между собой]. Итак, тот, кто нарушает законы, если остается тайным от [остальных] участников соглашения, свободен от позора и наказания, если же [его противозаконный поступок] открывается, то его постигает позор и кара. Но если кто-нибудь попытается насильственно нарушить что-нибудь из коренящихся в самой природе [требований], идя против [естественной возможности], то, если это и остается скрытым от всех людей, бедствие [от этого для него самого] будет ничуть не меньшим и несколько не большим, чем в том случае, если это все увидят. Ибо [в этом случае] вред причиняется не вследствие мнения людей, но по истине. Вообще же рассмотрение этих вопросов приводит к выводу, что многие предписания, признаваемые справедливыми по закону, враждебны природе человека... Что же касается полезных [вещей], то те из них, которые установлены [в качестве полезных] законами, суть оковы [для человеческой природы], те же, которые определены природой, приносят [человеку] свободу... [В поступках, противоречащих природе], заключается [причина] того, что люди страдают больше, когда можно было бы меньше страдать, и испытывают меньше удо-

вольствий, когда можно было бы наслаждаться, и [чувствуют себя] несчастными, когда можно не быть таковыми»¹.

Несмотря на материалистичность или, даже лучше сказать, циничность своего мышления, Антифон обратил внимание на один существенный момент. У Антифона природа предстает как Высший Закон, существующий и действующий по своим необходимым и жестоким правилам. Физический порядок полностью враждебен человеку, и человек в силу своей слабой органической природы не может ему противостоять. Столь же жестоким и непреодолимым, как природный закон, для человека является государство, копирующее слепой космический порядок. Человек в этом мире должен подчиниться физическим закономерностям, то есть действовать, исходя «из сущности» (ἐξουσία) природы или государства. Ничего другого ему не остается.

Сама природа идеальна в своей целокупности – это первая мысль Антифона. Человеческое мнение ничемно, это вторая мысль. Третья – политическая власть имеет абсолютное превосходство над людьми, она обладает возможностью подавить любую личность. Большинство из законов, существующих в любом государстве, направлены против самой человеческой природы, так как в своей основе имеют не закон, а сомнительное человеческое мнение. Отсюда вытекает и четвертый, на первый взгляд, совершенно лицемерный тезис Антифона: возможно только внутреннее сопротивление, при демонстрации внешней подчиненности государственным структурам и законам политического социума. Тем самым, а это уже пятое, очень важное, радикальное, положение: государственный закон, государство и человек как личность полностью противоположны и даже враждебны друг другу. Причем индивидуум оказывается в заведомо проигрышном положении, отсюда и кажущееся вынужденное лицемерие со стороны гражданина, принужденного спасать свою личность от подавления государством.

Тем не менее Антифон, как, впрочем, и другие софисты, уловил и указал на очень важные особенности государственной власти. Вся-

---

¹ Антифон / перевод А. О. Маковельского // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1: Философия древности и средневековья. Москва: Мысль, 1969. С. 320–321.

кая политическая власть не является абсолютной идеей в гегелевском понимании (*Absolute Idee*), как некоей ни от чего не зависящей цельности и самодостаточности. *Власть* – это относительное, правдоподобное человеческое мнение, возникшее при определенных условиях развития самого человеческого общества. Из-за своей относительности, то есть своего отношения к той «сущности», из которой она исходит, «власть», как господство и подчинение, не может лежать в основании человеческого бытия как нечто неизменное. Тем самым *идея* политической власти как человеческого учреждения вторична в нашем бытии и зависит от состояния общества, где она проявляется. С этим взглядом софистической школы трудно не согласиться.

Трудности возникают, когда мы обращаемся к понятию *сущность*, благодаря которой и появляется само понятие *власть* в общественных отношениях. Как было уже ранее указано, само существование человеческого общества в представлениях софистов было результатом сложного, спонтанного действия различных социальных и этнических процессов и не имеет отношения к природе человека. Человек происходит из природного мира, и его жизнь возможна в соответствие с законами этого мира. К сожалению, до нас не дошли собственные мысли Антифона о том, в каком смысле человек принадлежит природе, поэтому в оценке его взглядов возможен серьезный вероятностный элемент. Но, как бы то ни было, мы можем предположить, что человек – это материальный, телесный продукт природы, а его сознание не обладает подлинными принципами, из-за условности и краткости его земного существования. То есть все разумные и умственные представления человека, а также их вещественное воплощение являются фикцией, соблазнительным призраком, условным и ни к чему не обязывающим мнением.

Об этом со всей очевидностью и говорит Антифон: «Закопаем в землю семя или черенок оливы – продукт природы, – и вырастет олива, закопаем семя лавра, и вырастет лавр. А теперь попробуем закопать в землю скамью, продукт человеческого искусства. Допустим, что наш черенок оживет и даст ростки – что же вырастет? Скамья? Конечно, нет. Вырастет дерево – то, чем являлась скамья по природе – олива, лавр и т.п. Итак, сущность, приданная вещи человеческим творче-

ством или постановлениями, – признак случайный и преходящий, настоящей же и постоянной сущностью является природа вещи»¹.

С помощью простой софистической посылки человек, его сознание и разум, его стремление к прекрасному объявляются «случайным признаком», не имеющим отношения к подлинной природе вещей. По-настоящему ценность имеет только физическая природа, отсюда с большой долей вероятности можно предположить, что природа человека должна быть рассмотрена только с материальной точки зрения. Другими словами, человек – это оживающая и умирающая материя.

Его появление, как и возникновение прочих живых существ, стало возможным только благодаря таинственной воле вещества. Все *человеческое* не имеет существенного значения. Да и сам человек растворяется в природном мире, так как все его «духовное» бытие является даже не тенью чего-то высшего, а пустой призрачностью, исчезающей, как легкая дымка, под воздействием суровой природной необходимости.

Подобный способ мышления предполагает, что действительна и реальна только материальная природа человека. Человеческая «мера вещей» ничтожна, вымышлена и не имеет отношения к реальности. Все моральные принципы также являются условностью, они, по своей сути, не являются непреложной истиной. Все созданное человеком всегда противоестественно, отсюда возникает условность всяких нравственных положений. Релятивность законов морали становится приложима как к индивидууму, противостоящему обществу, так и к обществу, государству, довлеющему над личностью.

Как государство, так и личность рассматривают друг друга только с точки зрения собственных узких интересов и целей. Личность связывает с государством лишь страх – нарушение относительных правовых норм влечет за собой позор и неминуемое наказание. Если индивидууму, совершающему противозаконное действие, для достижения собственного удовольствия (ἡδονή), чтобы радостно жить среди наслаждений, удастся остаться незамеченным, то ему ничего не грозит, так как он не нарушил общепринятые формальные законы.

---

¹ Лурье С. Я. Антифон – творец древнейшей анархической системы / Вступ. ст. Д. И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. М., 2009. С. 57. Перевод С. Я. Лурье.

А правящий класс, обладающий властью (*in imperio esse*) и олицетворенный в государстве, прекрасно зная эти слабые стороны людей, также рассматривает подданных исключительно с точки зрения своих целей и интересов. В итоге получается государство, не содержащее внутри себя никаких духовных идеалов, а основанное на механической причинности и формальном праве. Для такого государства не существует никакой иной основы, кроме страха и неправды, с помощью чего и происходит управление подвластными людьми.

Если рассматривать *власть* с этой точки зрения, то можно прийти к выводу, что между философией природы и философией государства непосредственным соединительным звеном является представление о человеке, представляющим собой рядовой природный элемент, и государством, выступающим наваждением человеческого сознания. Происхождение и действие права в подобном государстве считается произвольным и субъективным актом государственного договора и не имеет никакой основы в природной сущности человека.

В таком случае право произвольным образом легко может видоизменяться сообразно с различными формами государственных потребностей, так как самому человеку как личности в государстве места нет, есть только подвластное население, в отношении которого нет никаких моральных ограничений. В таком государстве подвластный индивидум, погруженный в стихию государственного принуждения, обладает лишь условной возможностью попытки самосохранения и улучшения своего существования. Все виды его «государственной» деятельности суть лишь видоизменения стремления к самосохранению.

Исходя из вышесказанного, какова должна быть позиция гражданина, живущего в обществе? Чем он должен руководствоваться, и каковы должны быть его отношения к отечественным законам? Само обращение к этой теме выявляет два совершенно противоположных мнения о гражданском договоре. Известно, что греческие софисты, следуя мнению Протагора, считали законы изобретением только правящей верхушки, независимо от нужд и внутренней природы подданных, составляющих государство.

Отсюда они делали вывод, что люди объединяются в государство благодаря лишь внешним условиям. Эти внешние обстоятельства за-

висят от частных (эгоистических) выгод: они определяются стремлением к безопасности, бесконечным желанием удовольствий и т.п. Представление об общем благе в этом случае выступает как вредная иллюзия. Понятия об Отечестве, счастье, любви и дружбе определялись у них материальной пользой. Что такое семья? Это игорный дом, где всякий имеет право стараться обыграть ближнего, в котором все должно измеряться внешней свободой, не исключая и политические законы. Чувства любви и дружбы подменяются утилитарным расчетом. Здесь начала и следствия не согласуются с причинами и соотношениями вещей. В таком случае, если любовь – призрачная мечта, то все нравственные чувства также выступают как недостижимая мечта.

Эти, столь популярные в наше время, представления, приводят к гибели государства. Благодаря эгоистическому взгляду на жизнь погибла Древняя Эллада и великий Рим. Получившие новую жизнь в трудах политических мыслителей Нового и Новейшего времени, эти взгляды залили в недавнюю пору кровью Францию, Россию, всю Западную Европу и многие иные страны. Да и ныне возносимый ничем не ограниченный эгоизм, как моль, источает все общественные связи, основанные на взаимной любви, доверии и общении граждан. Повсюду можно наблюдать расторжение нравственной цепи, в которой одно звено держится другим и само служит опорой для другого. Всякое самопожертвование, идущее от сердца, предается осмеянию, так как эгоизм и духовная жертва – вещи совершенно противоположные.

Но существует и иной взгляд на человеческое общество. Он предполагает, что политические законы и государственная власть имеют собственные идеальные начала как в себе самих, так и в душе каждого гражданина. Отсюда, государство – это собрание личностей, внутренне и добровольно соединившихся для достижения и воплощения универсальных законов, которых никто, взятый отдельно, достигнуть не может. Поэтому государство есть гигант, дружно поднимаемый миллионами рук, истина, осуществляемая сочетанием бесчисленных понятий, прекрасное, воплощаемое гармоничным слиянием различных звуков и цветов, наконец, добро, осуществляемое стройными усилиями многообразных действий.

В таком обществе не может быть ни общего благоденствия без частных трудов, ни частной пользы без общего блага. Следовательно, тут поприще не эгоизма, идущего от центра к периферии, а непрестанной духовной жертвы, стремящейся от периферии к центру. Общество – это некая политическая планета, на которой все, и в высших и в низших слоях, тяготеет к одному средоточию, чтобы вместе с ним вращаться вокруг вечного центра, рождающего бытие, дающего жизнь и движение государствам и народам.

Государства эпохи постмодерна

Какие невидимые силы скрываются за внешним великолепи-
ем современного «цивилизованного» общества? Почему оно производит столь сильное впечатление на людей, если вся его «эф-
фективность» при ближайшем рассмотрении предстает как иллюзия? При всей кажущейся внешней сложности поставленных вопросов от-
вет на них предельно прост. Не надо быть исключительным духовным провидцем или утонченным интеллектуалом, чтобы понять очевид-
ную истину: государственная власть сознательно и искусно использует циничное воздействие на человека для появления у него желаний,
противоречащих не только абсолютным идеальным основаниям, но и обычным природным законам. Причем, благодаря изощренным тех-
нологиям, преимущество и сила всегда на стороне государства, вер-
нее, на стороне невидимого и размытого в своих границах политиче-
ского общественного механизма, который, в общем, и создает саму
видимую нами государственную власть.

Власти правят, то есть принимают различные решения, но при-
вычки и вкусы людских масс создают люди, о которых большинство
«потребителей» идей даже не слышали. Более того, создатели иллю-
зий и «продавцы воздуха» часто сами не осознают того влияния, ко-
торое они оказывают на окружающих. Но именно эти творцы и яв-
ляются истинной правящей силой в любом современном обществе.
В советском и постсоветском обществе этим людям было дано очень
правильное определение – «деятели культуры». В европейском обще-
стве для подобного рода публики создано более благозвучное опреде-
ление – «интеллектуалы». При ближайшем же рассмотрении эти два
явления мало отличаются друг от друга.

Каждый из них, на своем месте, создает некие части целой «идеи»,
которая небезуспешно, как мы видим, определяет массовое сознание.
И здесь совершенно не важно, какое отношение эти идеи имеют к Ис-
тине или что это за идеи сами по себе. За идеал принята условность,
сиюминутность, выгода здесь и сейчас. Более того, подобный резуль-
тат объявляется целью любого современного общества (государства).

В этой среде принято считать, что только такое влияние и воздействие необходимо для того, чтобы люди могли мирно существовать и уживаться в обществе.

Общество, таким образом, разделяется на две половины. Одна, сравнительно малочисленная группа людей, опираясь на политические и психологические технологии, прекрасно разбирается в структуре любых мыслительных процессов, а также в общественном устройстве людских масс, что помогает этой группе определять общественное сознание. Вторая группа – подавляющее большинство, совершая любое действие в своей жизненной обыденности, политике, общественном взаимодействии или морали, безропотно и бездумно следует указанию своих вождей. Подобное положение дел остается непреложным фактом, как бы мы ни относились к нему.

Большинство может проявлять всяческое недовольство, но управление общественными силами, принятие решений, а также внедрение новых способов управления принадлежат исключительно меньшинству, создающему какие угодно новейшие социальные фантазии. Странным образом, примитивные иллюзии и призраки овеществляются и проникают в самые глубины обывательского сознания, заставляя его обладателя следовать установленным правилам.

Искусственно созданные и не имеющие никакой основы авторитеты строго определяют все грани общественного мнения, помогая связывать цивилизованный мир воедино, чтобы легче управлять им. Прежние социальные институты, такие, как Церковь, религия, культура и искусство, подгоняются под единую мерку, любое отклонение от которой грозит отступнику вытеснением из общественной жизни. Общество и государство возвращаются в состояние, свойственное ветхому Вавилону: «Вавилон предстает как мятежное житие этого мира, и в нем диавол изменяет мысли живущих, для того, чтобы, собрав их вместе, подвергнуть вечной гибели вместе с собой»¹ (Яко Вавилон есть мятежное житие мира сего и в нем уста меняющаея жителие пребывати есть Диаволом собираеми на вечну с ним погибель²).

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Послание страдальца Христова Авраамия к христороубцу некоему, свидетельство о последнем времени. *Дьякон Феодор. О познании антихристовой прелести // Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 114.*

Вдохновенные личности прежних свободных времен, такие, как священник, философ, поэт, писатель, художник, в этом «прокрустовом ложе» массового упрощения мышления уже не могут создать никакие новые идеальные композиции смыслов. Во-первых, эти композиции совершенно не нужны большинству, которое чрезвычайно редко осознает реальные причины своих поступков. Во-вторых, кто позволит большинству поступать иначе, ведь созданный «гуманитарный» механизм работает идеально. Меньшая, правящая часть общества открыла для себя отличный способ управлять большинством. Оказалось, что можно распоряжаться мнением людей таким образом, чтобы без особого труда направить мысли и помыслы на строго заданные, нужные цели и получить от этого впечатляющие результаты. В современной структуре общества подобный метод управления предстает со всей своей очевидностью.

Из человеческого общения полностью уходит такое понятие, как диалог (διάλογος), свидетельствовавший о свободном и непринужденном обмене разными идеями, и вместо него мы видим скверную и отвратительную пропаганду. На первое место выдвигаются не поиски Истины, как, например, в диалогах Сократа (οἱ Σωκρατικοὶ διάλογοι), а преднамеренность в навязывании определенной цели. Ради сиюминутной выгоды отбираются нужные факты, знаки, аргументы, символы таким образом, чтобы достичь наибольшего воздействия. Существенные факты искажаются и приобретают совершенно иной вид. На реальность набрасывается покров иллюзий, скрывающий истинную природу вещей, и в этой фантазмагории скрытно устанавливаются правила поведения, а также осуществляется контроль за ним.

В результате у человека не остается свободы выбора, и без всякого внешнего насилия наступает полное угнетение личности, достигаемое через ложь, в которую хотят верить. К людям уже не относятся как к личностям, они воспринимаются как объекты, статистические единицы, особого рода вещи. Людям остается только поверить в иллюзии и тешить себя фальшивой реальностью, предстающей для них в виде естественной неизбежности. В опустошенные души вкладывается поддельная действительность в виде неких «авторитетных» мнений, которые затем воспринимаются людьми уже как свои собствен-

ные: «По сути, ныне все правители мира есть властелины падшего и темного Вавилона. Их поставил властвовать диавол, собрав из четырех частей света: от востока, запада, юга и севера. Он их подлинный властелин и над ними царствует, постепенно расширяя свою власть, существуя с ними, ведя их к падению в вечную погибель»¹ (Се суть властныя мещани падышаго и темнаго Вавилона, их же диавол собирает во область свою от всех четырех частей мира: от востока, запада, юга и севера, и над теми ныне царствует, разширяя власть свою, и во едином полку с ними жительствуя, ожидает погибели и падения вечнаго²).

Все, что предлагается человеку в современном обществе, не имеет первоначального, идеального основания. Например, что может быть отрицательного в таком социальном явлении, как всеобщая грамотность, с необходимостью насаждаемая во всяком цивилизованном обществе. Что плохого может содержать в себе образование? Данный вопрос только на первый взгляд кажется парадоксальным. Посмотрим на грамотность не просто как на изолированное явление, а с точки зрения целеполагания (телеологии). Не будет преувеличением сказать, что получение навыков чтения и письма помогает человеку приблизиться к высокой культуре, получить основы правильного мышления и анализа действительности. Но это в том случае, если преследуется такая цель! В нашем же случае целеполагание преследует совершенно иные, противоположные цели.

Всеобщая грамотность дает на самом деле не постижение смыслов, а набор штампов, оставляющих после себя смазанную картину: цитат из рекламных изречений, соблазнительных картинок глянцевого журналов, «желтой» прессы, дилетантских исторических рассуждений и псевдофилософских штампов. При подобном целеполагании невозможно говорить о каком-либо процессе мышления, оно совершенно не нужно в данном психологическом контексте. Человек становится невосприимчив к высшей Истине: «Когда говоришь плотскому человеку о небесных вещах, ему это не интересно. Он похож на камень, орошаемый дождем, внешне он влажен, а внутри сух. Не может

---

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Послание страдальца Христова Авраамия. С. 115.

влага проникнуть в него. Так и человеку, когда говоришь Божие Слово, только звук от слов касается его плотских ушей, не проникая в его каменное сердце»¹ (Тако же егда человеку плотну о небесных вещех глаголеши не имать хотения до сего, но аки камень, но нань же дождь падает изъ вне мокры, внутрь же сух, влага бо пряти его не возможе. Тако и человеку сице, егда слово Божие глаголеши, толико глас словеси биет плотныя уши его, не приходит же в сердце его²).

Мы видим, что человеческое сознание и разум заменяются здесь чередованием иллюзорных картин и простой сменой впечатлений, копированием фантомов, не имеющих никаких идеальных основ в действительности. В предложенной модели люди теряют свой самый ценный божественный дар – Разум. Человек становится невосприимчив к аналитической деятельности, пониманию целого как состоящего из разных частей. Он видит перед собой нарисованную красивую и соблазнительную картину, скрывающую реальность, которая при необходимости заменяется другим, столь же заманчивым, но пустым фантомом. У большинства людей этот калейдоскоп «картинок» совершенно одинаков, поэтому «творцы иллюзий» продают их оптом и в розницу: «Говорится: где сокровище твое, там и сердце твое. Если стремление твое направлено на земное, то и сердце твое будет обретаться среди земных сокровищ»³ (Идеже, рече, сокровище твое, ту и сердце твое. Аще в земли оно в земли и сердце твое⁴). У миллионов людей вырабатываются одинаковые рефлексy, которым они следуют, принимая их за правду, а многие фанатично приносят свои жизни на алтари различных утопий.

В этом мире нет подлинных убеждений, нет Истины, а имеется лишь механизм внушения нужных на данный момент взглядов. Кто умеет создать самую прекрасную иллюзию и кто умеет ее правильно и красиво преподнести массам, тот и является ныне господином положения. С точки зрения христианских представлений это все тот же, узнаваемый персонаж, порождающий бесконечный ряд «благодетелей»

---

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Цветник. Анонимное старообрядческое издание. М., 1908. Л. 8 об.

³ Перевод наш. – А. Ш.

⁴ Острожская Библия. М., 1914. Л. 457.

человечества: «Вот поэтому мятежный властелин, называемый князем мира сего, и называется царем вавилонским. Все это происходит из-за мятежного (страстного), человеческого жития. Впрочем, и сам мятежный Вавилон именуется так из-за человеческих страстей»¹ (Почему он мятежный властелин, еже есть князь мира сего и наречется царь вавилоньский – мятежного онаго ради жития человека. Мятеж бо Вавилон сказася, еже от страстей пристойит человеку)².

Совершенно очевидно, что любой, кто владеет технологиями, воздействующими на человеческую душу, без труда может управлять людьми в течение длительного времени ради достижения своей определенной, но далеко не «общечеловеческой» цели. Самое забавное, что при этом люди считают, что поступают по своей воле, когда им указывают, кого они должны уважать, а кого презирать. Мысли и представления обо всем, включая бытовые мелочи, становятся плоскими и одинаковыми. Люди начинают поступать и думать одним и тем же образом, причем один, казалось, совершенно устоявшийся и неизблемый способ мышления может в сознании людей в одночасье смениться на противоположный. На самом деле все зависит от примитивных интеллектуальных уловок и установок, используемых творцами социальных технологий.

Человеку в таком обществе уже не позволено самостоятельно думать, оценивать происходящее, ему настойчиво «предлагают» принять нужные на данный момент предписания. При внешней, провозглашенной на каждом углу свободе наступает невиданная доселе в истории духовная тирания сиюминутных указаний. Именно их творцы заставляют нас подчиняться им даже в житейских мелочах: на какие спектакли ходить, каким видом спорта заниматься, как обустроить свой дом, какие жаргонные словечки можно употреблять и над какими шутками можно смеяться, а над какими строжайше нельзя. И все это совершается во имя торжества человека и его свободы. Пожалуй, перед такой деспотией бледнеют тени ушедших тиранов. Власть приобретает черты апокалиптического зверя из адовой бездны: («[Апокалиптический. – А. Ш.] зверь из бездны знаменует собой всякую го-

¹ Перевод наш. – А. Ш.

² Цветник. Анонимное старообрядческое издание. М., 1908. Л. 9 об.

сударственную власть, распространяющуюся над всеми людьми. Все люди постепенно ей покорятся, никто не сможет избежать ее влияния. Об этом говорит Священное Писание: «Если кто покорится зверю и образу его», – то есть диаволу, то подчинится и государственной власти, которая сама происходит уже от диавола, имеющая его образ и выполняющая его цели»¹ (Но оный образ зверин всяко гражданскую власть являет быти, яко преимуществующу надо всеми. Вси бо чловецы у оная в покорстве состоятся, и ни един ея минует. Чесо ради и глаголет Писание: «Аще, рече, кто поклонится зверю и образу его», сиречь Диаволу и онем властелем его покорится. Зане оный зверь Диавол неотступно во образе своем пребывающъ и при нем состоится, им же строя свое дело)².

Правящая верхушка такого общества прилагает большие усилия для замены мышления, разума на не имеющие оснований в реальности мифы, внезапно возникающие импульсы и на неуправляемые эмоции. Делается все, чтобы убедить людей, что их мысли и поступки служат отражением подсознательных животных желаний, от подавления и изменения которых не только необходимо отказаться, но и возвести их в абсолют человеческой жизни. Главное, чтобы люди не искали истинной ценности вещей, так как ценность подразумевает постоянство, в то время как задача для современных вождей самим произвольно устанавливать «полезность» вещи.

Убив в человеке Бога, идеальные начала, настает время забрать у него и разум. В остатке у человека остаются лишь бессознательные, смутные желания, с помощью которых он не в состоянии постичь запредельные и идеальные начала, определяемые современными эпилгонами как никчемная и бесполезная метафизика. Перед нами предстает человек-автомат, человек-функция, зависимый и уязвимый во всех отношениях, не имеющий в себе интеллектуальной и духовной опоры. Ушедшее из человеческой жизни Высшее Начало забирает с собой и высшее человеческое основание (νόος):

«Скажем же следующее: чело символизирует расположение ума [в человеке. – *А. Ш.*]. Поэтому святой Макарий называет ум Боже-

¹ Перевод наш. – *А. Ш.*

² Цветник. Л. 9 об.

ственным Престолом. Дух же и уста наши – трапеза Христова. Оттого не посадим на Престол Божий диавола, да не выйдет из уст наших скверное слово, потому что на Престоле есть место Христа. Наш язык – словно трость книжника-сорописца, он же есть Святой Дух. Как писчая трость не гибнет в отличие от пишущего, так и язык наш, если действует от Святого Духа, то изрекает благие слова. Погибель же происходит от нечистого беса, когда произносим скверные, нечистые, кощунственные и злые слова, празднословим и клеветаем»¹ (Речем же и о челе, еже есть ум. Ум же наш святыи Макарии сказует престол Божеств быти. И дух, и уста наша – трапеза Христова суть. Не убо, рече, на престол Божий Диавола посадим, ниже паки да изыдет слово скверно, уду же въходит Христос. Язык же бо наш – трость книжника сорописца, еже есть Святыи Дух. Яко же бо трость кроме пишущаго не гиблется, сице и язык наш, действуем от Святаго Духа, словеса блага износит. Гиблем же от нечистаго беса, словеса скверная и нечиста, кошуны, и празднословия, и злословия, и клеветы испущает)². С потерей разума уже нет абсолютной истины, а есть только неясные и неотчетливые символы, преломляющиеся сквозь призму животного и биологического начала.

Творцы современных социальных технологий управления человеческими массами уводят сознание в «серую» зону, тем самым они всячески уходят от определения противоположностей. Если, например, обратиться к пифагорейской таблице противоположностей, изложенной Аристотелем в «Метафизике»³, то там устройство Вселенной определяется законом, при котором единство существует в множественности и множество в единстве (*έν και πολλά, πολλά και έν*)⁴. Сам

¹ Перевод наш. – А. Щ.

² Там же. Л. 10.

³ *Аристотель*. Метафизика 986a 15-30 // *Metaphysica*, ed. W.D. Ross, Aristotle's metaphysics, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1924 (repr. 1970 [of 1953 corr. edn.]): 1:980a21-1028a6, 2:1028a10-1093b29. Перевод наш. – А.Щ.

⁴ Здесь, на наш взгляд, следует привести данную таблицу полностью:

предел	беспредельное
нечетное	четное
одно	многое
правое	левое

мир как порядок состоит из сочетания разных, противоположных начал. Как писал пифагореец Филолай: «Природа, сущая в космосе, гармонически слажена из беспредельных и определяющих величин, так устроен и весь космос, и все, что в нем»¹.

В нашем случае мы сталкиваемся с отрицанием основополагающего закона классической логики: законом исключенного третьего (*tertium non datur*, то есть «третьего не дано»). Напомним, что в соответствие с этим законом, из двух высказываний – «А» или «не А» одно обязательно является истинным, а второе ложным. То есть два суждения, одно из которых формулирует отрицание другого, не могут быть одновременно ложными и вместе с тем истинными. Творцы современного политического устройства делают ставку на «третье», сознательно смешивая истину с ложью.

Человеческое сознание представляет собой изначально гармоническое сочетание различных противоположных начал, их пропорциональности, а, следовательно, стройности, порядка и потому разумности. Только в сочетании уже определенных противоположностей возможна слаженность и соразмерность (*ἁρμονία*). В нашем же случае определения противоположностей не происходит, поэтому не существует абсолютной истины или абсолютной лжи, а есть только неясные представления о них. Поскольку нет истины, то нет и лжи, и в этой неопределенности, неразличимом смешении обесценивается всякий смысл.

При этом сиюминутная, преходящая форма сама становится абсолютной. Это реальность, в которой нет определенности и ясности, от человека требуется лишь запоминание потока новостей, у него уже не остается времени на осмысление, анализ, никто не успевает заду-

---

мужское	женское
покой	движение
прямое	кривое
свет	тьма
добро	зло
квадрат	вытянутый прямоугольник

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики. Изд. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 432.

маться о сложном, а тем более понять его. Высшее ставится в услужение низшему – это обязательное требование в описываемом нами социуме.

В подлинной, созвучной общественной и государственной соразмерности все должно быть с точностью до наоборот. Низшее как часть целого Высшего должно быть определяемо через Высшее. Если же Высшее определяется через низшее, то пределы любого понятия и любого умозаключения становятся так же неопределенны, как и границы любого государства. В нашем случае в обычной социальной практике это приводит к тотальной лжи. Если представления о правде и лжи размыты, то становится совершенно неважно, что предлагается и утверждается. В этой интеллектуальной и духовной смутности Истина, как Высшее Начало, ставится в услужение лжи.

Правда обволакивается липкой ложью и уже сама выглядит как ложь. Никогда во всей истории человечества не лгали так, как лгут сейчас. Ложь приобретает характер гипнотического внушения. Люди уже не видят реальность и себя в этой реальности, они не хотят их видеть, они рассматривают только свое мимолетное существование. Всякий робкий голос, говорящий об этой слепоте, не замечается и не слышится. Потеряв основание внутри себя, человек наивно ищет «подлинность» вне себя, и ему с готовностью ее предоставляют, не спрашивая о его собственном мнении. Человек же отражает, копирует то, что ему показывают, потому что вместо души у него кривое, треснувшее и грязное зеркало. Всякая власть и авторитет, как лишенные идеальных свойств, на самом деле уже не являются ни властью, ни авторитетом.

Но при этом власть, отказавшаяся от сверхъестественного, трансцендентного, изменившая ради времени вечности, ставшая чем-то внешним, поверхностным, все же стремится к некоей прочности, утверждению и всячески влечется пусть даже к малой степени «сакральности», делающей ее отличной от населения и недоступной для управляемой биомассы. Даже сугубо позитивистские, так называемые «демократические» правительства, на словах отвергая всякий «мистицизм», на деле прикрывают собственные политические маневры «священным» покровом различных мифов.

Подлинная власть не пытается разгадать сверхъестественное, она часто маскируется им от возникающих проблем или оправдывает наличием трансцендентного собственные манипуляции и прямое мошенничество. Мир реальности целиком входит и погружается в мистический мир, сливается с ним в одно целое. Только в этом случае вся внешняя плоская поверхность мира физической действительности приобретает объем. И, что интересно, глубину и истинность нынешней власти придают не прожектерские, прогрессистские вопли, а кажущиеся старомодными, банальными самые непопулярные и избитые истины. Важные и самоуверенные «демократы у власти» громко возмущаются и отвергают эти простые факты, прекрасно осознавая, что на самом деле это так.

Сугубо материалистические правительства отрицают всякую метафизику, сводя все смыслы управления к механическим технологиям. Они пытаются управлять случайностью, но на этом пути их ожидают горькие разочарования, о которых они не смеют объявить публично, следуя за настроением толпы. Такая власть старается завесой лжи изменить суть происходящих событий, оставляя внешние признаки формы неизменными. Основная мысль – скрытым образом повлиять на внутреннюю сущность происходящих политических процессов, используя различные внешние формы, такие, как «демократия», «диктатура», «олигархи» и т.п. для прикрытия своих неблагоприятных поступков. Поэтому ни одно политическое явление не привлекает к себе такого внимания и в то же время ни одно из них не служит предметом такого тотального умолчания, как современная политическая власть.

Создаются некие интеллектуальные представления, на фоне которых в сознание «граждан» вкладывается определенное содержание через общеизвестные понятия, причем это содержание может быть полностью противоположным той форме, через которую она передается. Для убедительности используются «факты», которые трудно или вообще невозможно проверить. При этом воздействие осуществляется не прямым образом на определенную личность, а передается косвенно, когда индивидуум наблюдает результаты этого воздействия на других субъектах.

Сам правящий слой использует правила внешнего, последовательного умаления и сокрытия своих собственных действий и силовых возможностей, а также всячески скрывает ненависть к управляемым «гражданам». Таким образом, в глазах подданных образ современной власти как бы нивелирует собственное «я» и не привлекает внимания к своим опасным и сильным сторонам, нарочито представляя беззащитными и слабыми людьми, напоказ совершая нелепые и невежественные поступки. В результате обыватель начинает смеяться над правящими «увальнями», восклицая: «Вот идиоты!». Но он не понимает, что правящая верхушка скрывает истинное «содержание» собственных сил, при этом теряется реальное понимание совершающихся процессов. Все это совершается под прикрытием ложного проявления слабости, кажущегося бездействия, страха и растерянности. Ложные цели прикрываются истинными идеями. Власть постоянно показывает свои страдания, тяжесть «бремени правления», примеряет на себя почетные терновые венцы, правда, тернии у этих венцов всегда направлены вовне.

Но собственная слабость, недостатки и просчеты с успехом прикрываются беззащитным приукрашиванием действительности. Мнимое процветание для масс создается с помощью виртуальных, фантазийных образов и пустой риторики. Со всех сторон мы видим навязывание этого призрачного «цветения», строительство «потемкинских деревень», временное обновление обветшалых фасадов. Подобным образом ловкие пройдохи от власти извлекают свою выгоду из ничего, из пустоты. Главное – заставить поверить в увиденный собственными глазами обман, и здесь неважно, ложь это или сиюминутная «правда». На первое место выдвигается созданная «альтернативная» реальность, над которой уже не позволено думать, а которой остается лишь верить.

Современная власть – это «гость», входящий в ваши дома. Поначалу он кажется слабым, смешным и обделенным, но благодаря своей роли хитрого и подлого ничтожества проникает в дом к сильному и богатому хозяину. Притворный «гость» какое-то время ведет себя как принято на новом месте, незаметно наливаясь силами и готовясь занять место «хозяина», при этом всячески ослабляя его. «Хозяин» и не

подозревает, какие цели преследует «гость», его вежливое и подобострастное поведение усыпляет бдительность и делает принимающую сторону слишком уверенной в своих силах.

В действиях «гостя» перед «хозяином» преобладает внешняя, искусно создаваемая действительность, когда «гость» на деле и, по сути, отрицает смысловые предпочтения «хозяев», обманным образом всячески используя их авторитет в глазах принимающей стороны. Для «гостя», на определенном этапе, главная задача – это сохранить в тайне свои истинные цели. Как удачно выражаются китайцы, для этого необходимо использовать «меч в сахарной оболочке».

Достижение успеха в этом случае возможно, когда главным условием будет не открытая и прямая сила внешнего воздействия, а выявление и использование моментов внутренней слабости того человеческого общества, которое необходимо подчинить. Важно поменять смысловые предпочтения, заменить их своими, тогда навязываемая ложь будет выглядеть правдивой, а собственная правда покажется ложью. Надо заставить, чтобы объект воздействия дрогнул и уступил предлагаемому соблазну. Как правило, подобные примитивные хитрости оказывают сильное влияние на общество, которое необходимо покорить. И, что самое невероятное, такие хитрости всегда достигают успеха.

В системе современной государственной власти нет никаких моральных запретов на применение подобной практики к «гражданам», более того, эти действия рассматриваются как инструменты, которые этически нейтральны. Степень искусства подобного влияния всячески приветствуется и рассматривается как проявление высокого уровня интеллекта у правящей верхушки. Неважен смысл влияния, важно только достижение цели. Современная власть исполняет роль описанного «гостя», когда разбедает любые ценности того общества, которым стремится обладать. В постмодернистском образцовом государстве власть, на самом деле, опирается исключительно на силу и никаким законом не связана.

Мыслящий человек всегда имеет внутри себя некое трудно определяемое побуждение, он совершает духовную работу, ведущую к поиску, определению себя в мире. Новый, механический человек от-

рицает всякий духовный почин, он ему не нужен, так как он совершенно не понимает его. Животное начало, преобладающее в подобном типе человека, выдувает любые духовные основы через «трубу». Созданный мир комфорта, «угождения плоти» страшно боится любых беспокойных духовных элементов таланта, риска, новизны и предприимчивости, которые воспринимаются как угроза потерять хорошо налаженную жизнь. Противоположный этому человеческий тип можно охарактеризовать словами Ф. Достоевского – это человек, представляющий собой образ «джентльмена с насмешливой физиономией», отправляющий это призрачное «духовное благополучие» в тартарары.

Всячески превознося «человека», вернее, его животное начало, современные эпигоны власти обладают совершеннейшим безразличием к самым человеческим основам. Из подсознательных глубин, духовного подполья к власти пробилась негодяя, которые, с точки зрения прежних нравственных позиций, «были ничем», но в наше время «стали всем» и по неведомым причинам захватили всеобъемлющую власть, проникающую до самых основ человеческого существования. В результате духовного обнищания человека они стали его «всемогущими» правителями.

Откровенные преступники и мошенники у власти уже не организуют перманентный террор, как их радикальные предшественники, но полностью стремятся не только выжечь духовные представления о Высшем Начале в человеке, для них врагом уже является разного рода «рациональность» и интеллектуальный анализ. Перед этими сугубо естественными человеческими проявлениями они испытывают неизбывный страх. Эти победители сегодняшнего дня, создавая духовное рабство, с ужасом в сердцах сами подчиняются этому рабству. Ибо «какой мерой мерите, такую отмерится и вам». В этом случае «иррациональная» истина Евангелия всегда побеждает квазинаучные истины разнообразных мыслителей, на поклон к которым приходят стада почитателей и продолжателей дела превращения человека в животное. Их оружие – ничем не ограниченные обещания, и чем эти обещания банальней, проще, наглей, тем успешней результат, тем крепче их власть.

И совершенно не важно, как эти люди себя именуют: коммунистами, либералами, нацистами, демократами, – их отец Каин, их иде-

ология зло, они всюду сеют ложь, ненависть и всегда пожинают насилие. Одураченным массам не приходит в голову очень простая, можно сказать, даже наивная мысль судить этих «господ» по делам и фактам, а не по словесной, «благоуханной» трескотне средств массовой информации. Но, кажется, что даже смрад могил, в которых зарыты миллионы жертв идеологий, не может пробудить сознание говорящей, но не мыслящей массы. Они не понимают, что вскоре их уютный мирок рухнет и жизнь превратится в жестокую и сплошную борьбу за физическое выживание. Что именно с этих «довольных всем» господ скоро сдерут шкуру и натянут ее на барабаны, гул которых будет свидетельствовать о наступлении конца человечества.

В наступившей духовной сумятице «водители» не забывают о себе, витийствуя о высоких человеческих правах, при этом они в глубине собственной души делят мир на рабовладельцев и рабов. Для рабов с помощью нехитрых психологических операций создается соответствующее «мировоззрение», всякий раз выдаваемое за последний крик интеллектуальной моды, а на самом деле являющийся не чем иным, как словесным блудом. Но в него верят! У массового, нового человека разум и инстинкт оказываются оторванными друг от друга. Разум человека уже не отражает реальностей жизни, а способен лишь формировать некую абстрактную идею, сладкую сказку, усыпляющую сознание. В этом темном сне никто уже не чувствует и не видит, что некие зловещие люди, подобные опытным карманным ворам, шарят по вместилищам их душ и собственности. И кажется, что нет никакой надежды на то, что даже в переломные эпохи истории у подавляющего большинства людей верх возьмет здравый смысл.

За всем этим находится что-то неуловимое, но, несомненно, знакомое, которое трудно поддается определению. Вся эта унылая и серая культура современности похожа на темницу, сглаживающую разницу характеров, различие интеллектуального и духовного уровня, а также любых вкусов. Временами по лицу современного человека, в какой бы стране он ни находился, пробегает конвульсия. Это или отвращение, или бессильная, инстинктивная ярость против создавшегося положения вещей, а может быть, то и другое вместе.

Но эта ярость и отвращение уходят в никуда, человек внутренне уже не готов не только совершить поступок, но даже возразить что-либо против того положения, в котором он находится. Биологическая масса всегда должна повиноваться и уж никак не рассуждать. Современный «цивилизованный» человек подобен радиоприемнику: он улавливает только те волны, на которые настроен он сам, остальное его не касается и не интересует.

Что интересно – люди, которые творят эту духовную «действительность» и обитают в административных учреждениях «новой прогрессивной» власти, как правило, наследственно, физически и духовно неполноценны. В армии подобных людей обычно называют «слабосильной командой». При всем их кажущимся внешнем могуществе они вовсе не обладают подлинной силой. Но и те, кем они правят, не имеют не только духовной и нравственной силы, у них отсутствует даже понимание своего положения. То, что подобные люди, дорвавшиеся до власти, чувствуют себя окончательными победителями, говорит только о том, что человечеству грозит полное духовное и физическое вырождение.

Захватив власть, они будут крушить все, что не соответствует их духовной и физической неполноценности. Каждый из этих психологических (скорее психиатрических) типов «государственных деятелей» чувствует себя «генеральным директором неба и земли» и потому страстно ненавидит окружающих его таких же «гениев». Но при этом вся правящая «элита» объединена общим чувством ненависти ко всему нормальному человечеству. Их ненависть подпитывается безнаказанностью – современные политические технологии дают им возможность избежать «восстания масс». В результате, вместо «научно» сконструированного материального рая, люди попадают если не совсем в ад, то, по крайней мере, без сомнения, на духовную каторгу.

При всем внешнем блеске «управляющие» народами смутно понимают и ощущают, что находятся в круге безысходности. Они чувствуют случайный характер своей временной победы и ту черту, которая отделяет их от подлинных ценностей, которые они ненавидят, но трепещут, словно бесы при виде Господа Бога. Современная власть – это власть негодяев, блуждающих среди низких и животных инстинктов

и навязывающих их не размышляющему ни о чем большинству. Весь смысл их правления – это не устранение общественных неурядиц, не улучшение «социальных условий», как они любят об этом вещать, а воплощение желаний биологических отбросов, правящих миром.

Не Вечные Истины важны, а «ученые», «специалисты», прочно засевавшие на пьедесталах академических институтов и университетских кафедр, которые присвоили себе право свысока поучать остальных, несмышленных. Они с важным видом вещают о «демократии», «свободе», «народе», «стремлении войти в цивилизованное общество» и пр. В сущности, большинство из них наслаждается собственным наукообразием и величием, в том виде, как они его себе представляют. На самом деле им совершенно все равно, какие идеологические и социальные чудовища могут вырасти из деятельности этих духовных «сеятелей».

Увы, нам остается только поражаться больному воображению, одержимости и паранойе этих «великих мыслителей и государственных деятелей», с легкостью устанавливающих новые законы общественного развития и фонтанирующих новыми рецептами устройства жизни разумных и порядочных людей. Вместо простых и абсолютных истин эти «деятели» постоянно предлагают нам очередное захватывающее путешествие по ту сторону добра и зла. Нет сомнения, что новоявленные «инженеры человеческих душ» сделают все от них зависящее, чтобы замарать любую очевидность сотнями новых пустых теорий и тысячами хитроумных, бессовестных софистических измышлений, оправдывающих любую греховную мерзость. Все это делается, чтобы загасить человеческую совесть, затуманить простой и трезвый общечеловеческий разум.

И надо признать, что, несмотря на всю интеллектуальную и духовную убогость их самих и их теорий, эти эпигоны будущего собирают под свои знамена множество новых пассажиров для увлекательных путешествий за пределы реальности. Им по-прежнему прекрасно удаются нехитрые трюки, вроде тщательно разработанного приема «бога из машины» (*ἀπό μηχανῆς θεός*, *deus ex machina*), где, вместо эллинского бога, на сцену спускается очередная «гениальная идея», обещающая спасти и улучшить мир.

По этим причинам не только сам институт власти, но и подлинное государство как идея находится ныне в руинах. Для человека, понимающего современное духовное состояние общества, должно быть ясно, что не существует ни одной партии, ни одного политического движения, к которым можно было бы без сомнений примкнуть, за которые стоило бы сражаться с полной уверенностью, как за движение, имеющее в своей основе Высшую Идею.

Постмодернистские утопии как основа современного общества

Вся современная власть для своего существования использует одни и те же духовные и интеллектуальные основы. Люди, устанавливающие чудовищные режимы, а также создающие современные формы власти, интеллектуально и психологически близки. В устоявшейся структуре власти большевизм и нацизм – ее крайние противоположности, явления, предстающие без виртуальных личин. Это истинное лицо овеществления человека, возведение его животных инстинктов на абсолютный уровень.

Современная власть, расположенная между этими двумя крайностями, выдает себя за их противоположность, но это происходит внешним образом, по сути, она является той же самой, что и ее предшественники. Адепты, создающие такую власть, по сути своей ловкие и изощренные имитаторы, прикрывающиеся различным наукообразем и использованием социальных и политических манипуляций. Но при этом сущность государства остается одна и та же – полный контроль над жизнью подданных. Большевики и нацисты с присущей им звериной наивностью и простотой озвучили то, что сейчас можно без труда обнаружить в любом учебнике по политическим технологиям. Правда, в этих пособиях по превращению человека в послушное животное или растение истинные цели подаются с помощью красивого и изящного словоблудия.

Так что неизвестно, кто лучше – современные изощренные манипуляторы, маскирующие благовониями трупный запах убиенных во имя своих идеологических представлений, или Б. Муссолини, с откровенностью провозгласивший: «Все внутри государства, ничего вне государства, никого против государства» («Tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato»). На марксистский лад данный фашистский афоризм можно перефразировать следующим образом: «Все внутри партии, ничего вне партии, никого не должно быть против партии». Как это все знакомо нам, пережившим советскую власть и живущим в неольшевистском государстве! Ну и, наконец, попро-

буем изложить ту же самую мысль в нацистском варианте: «Все внутри нации, ничего вне нации, никто против нации». Удивительным образом все эти «идеологии», ненавидящие друг друга и ведущие друг с другом постоянную борьбу, в своих основах показывают единодушную тождественность.

Не без интереса можно прочитать, как философ Д. Джентиле и диктатор Б. Муссолини с непосредственной откровенностью утверждали, что развитие коммуникационных технологий приводит к постоянному улучшению пропаганды, следствием чего должна явиться неминуемая эволюция общества в сторону полного контроля над людьми. Чем в таком случае их идеи отличаются от высказываний их австро-американского современника Эдварда Бернейса, создавшего знаменитую книгу «Пропаганда»? Именно в этой книге были изложены начала науки массового убеждения населения. Вдумаемся в то, что он пишет: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества. Приводит в движение этот невидимый общественный механизм невидимое правительство, которое является истинной правящей силой в нашей стране.

Нами правят, наше сознание программируют, наши вкусы определяют, наши идеи нам предлагают – и все это делают в основном люди, о которых мы никогда и не слышали. Таков логичный результат организации нашего демократического общества. Именно такое взаимодействие необходимо для мирного сосуществования людей в эффективно функционирующем обществе»¹.

При создании современной науки массового убеждения Э. Бернейс использовал идеи своего дяди по матери Зигмунда Фрейда. Эта наука была основана уже не на Разуме, а на таком типе социального манипулирования, когда влияние на убеждения людей распространяется с помощью воздействия на их подсознательные чувства и импульсы. Другими словами, это подавление разума и воли, преобразование сознания через создание иллюзий, изменяющих общество. Как говорил последователь уже самого Э. Бернейса Мартин Говард: «Мы знаем, что вам нужно, чтобы изменить ваше сознание»².

---

¹ Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010. С. 23.

² Говард М. Мы знаем, что вам нужно. М., 2012. С. 43.

То есть объектом воздействия со стороны власти предстает не Высшее Начало в человеке, и даже не его Разум, а животные инстинкты, манипулируя которыми можно легко достичь своих далеко не благовидных целей, создавая в сознании у подданных призрачные образы реальности. Всем этим процессом руководят «понимающие» люди, невидимые и неизвестные для остальных и ведущие себя очень скромно. Перед глазами общественного «стада» предстают «смешные», «добрые», «злые», а также «великие», «государственные» марionетки, используемые в соответствии с сиюминутной надобностью. По мысли Э. Бернейса подобное устройство общества и называется «демократией». Человек в таком обществе – это абстрактная величина, элемент статистики, в лучшем случае, человек-функция.

Совершенно очевидно, что все три идеологические структуры происходят из одного источника, тождественны друг другу, несмотря на внешнюю враждебность и отличаются только способами влияния на общество. Большевизм и нацизм используют «кнут»: принуждение, насилие и агрессивность в отношении «иного». «Демократическое» государство пользуется более изощренными способами управления, ставя на первое место манипуляцию через воздействие на низменные инстинкты человека. Поэтому кажется одновременно циничным и удивительным высказывание в июне 1941 года британского премьер-министра Уинстона Черчилля, что нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма¹. После войны У. Черчилль сделал еще более эпохальное заявление: «Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма»².

Высказывание У. Черчилля – это классический пример лицемерия, смыслом которого, говоря языком артиллеристов, является создание «ложной цели». При этом сам Черчилль принадлежал к такому типу демократических руководителей, «представителей» народа, которые удерживаются у власти, ловко потакая «народу» и играя на его низменных инстинктах. Подобные политические деятели с большим

---

¹ *Adler L. K. and Paterson T. G. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's-1050's // The American Historical Review. 1970. Vol. 75, No. 4. P. 1046.*

² *Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 1. М.: Воениздат, 1991. С. 117.*

успехом, чем марксисты и нацисты, делают из людей массу, которой, независимо от времени, всегда движут одни и те же простейшие стремления и влечения, связанные исключительно с удовлетворением чисто физиологических надобностей и безграничным стремлением к телесным, чувственным удовольствиям. Слова *свобода* и *равенство* являются для таких политических руководителей лишь призывами, которые используют определенные государственные слои или группы, чтобы при помощи их свергнуть неугодных, занять их место и тем самым выступить на первый план. После того как они приводят к желаемому результату, о людях благополучно забывают.

Приведенное высказывание У. Черчилля далеко не случайно, те идеи и силы, которые он олицетворял на определенном историческом отрезке, вследствие особых обстоятельств, вызванных Второй мировой войной, стали слишком заметны. Этот мир, скрытый в сумерках, неожиданно показал свое истинное лицо и предназначение, закулисная деятельность стала для многих очевидной. Поэтому и была избрана тактика поиска «козла отпущения», внимание общества привлекалось к явлениям, которые находятся у всех на виду, таких, как советский коммунизм или германский нацизм, и на них перекладывалась вина за злодеяния. Тем самым, все «интеллектуальное» движение было направлено на эти крайние проявления человеческого своеволия.

Все почему-то решили, что нашли главного и настоящего врага, и на все дальнейшие исследования в этом направлении был наложен запрет. В то же время те, кто устанавливает настоящие смыслы, остаются в тени и после временного затишья, вызванного объективными обстоятельствами, вновь начинают свою разрушительную деятельность, прикрываясь различными идеологическими «измами». По результатам их деятельности мы видим классическое проявление «тактики подмены». Вся государственная деятельность сводится к спекулятивным уловкам. Происходит постоянное и злонамеренное смешение умозрительных спекуляций и реальности, причем действительность заменяется на отвлеченные призраки.

Все эти манипуляции человеческим сознанием способны вызвать восторг только в обществе торгашей. Главное, что выдвигается за основу – неограниченный и механический мир количественного потре-

бления, где общество личноно разобщено, в нем уже нет места качественной индивидуальности. Правящая верхушка вместо того, чтобы потребовать заменить неспособных и никчемных чиновников достойными людьми, что позволило бы восстановить относительно нормальное положение дел, предлагает смену одной спекулятивной идеологии на другую: социализм на демократию, фашизм на национализм. При этом современная пропаганда всеми силами доказывает, что традиционный, христианский смысл государства ложен, извращен или отжил свое и утверждает необходимость его замены на совершенно иное.

В существующем положении дел «заслуга» не только власти, но и в целом духовного разложения человеческого общества. Духовный облик человека доходит до такого уровня вырождения, что люди, по сути дела, не знают ничего о своей истинной внутренней основе, благодаря которой они и стали единым человеческим обществом. Общество из живого и одушевленного организма превращается в бессмысленный набор механических составляющих, стремящихся к независимости друг от друга и находящихся в постоянной вражде. Общественный организм остается живым, но лишенным души, внутри него духовная пустота, и ее с легкостью заполняют чуждые, подрывные силы, которые, не изменяя внешние общественные формы, заставляют общество служить совершенно иным, прямо противоположным целям, чем те, которые были заложены изначально.

По сути, сегодня сама реальность измеряется исключительно в телесных представлениях. Мир воспринимается как заключенный в рамки пространства и времени. Обычный современный человек строит свое восприятие действительности, исходя из окружающей его телесной реальности. Безусловно, он признает нечто абсолютное, находящееся за границами физического мира, области своей чувственной ограниченности. При этом данное представление касается чего-то смутного, неопределенного, оно может выражаться в виде относительного научного закона, некоей условной гипотезы или религиозного фанатизма и изуверства, но на деле это все те же чувственные «впечатления», формирующие ничего не значащие умозрительные образы. Другими словами, современное «духовное» представляет

собой тот же материалистический «спиритизм», бесконечное умственное «столоверчение» в пределах чувственного восприятия.

Признается только физический мир, всякий метафизический порядок сознательно выводится за границы человеческого бытия. Идеальное бытие вытесняется, остается только низший уровень природного бытия, предстающий как зримый, чувственный и физический мир. Но стоящий за ним идеальный, незримый и неосязаемый мир, истинная жизнь, по мнению материалистических апологетов, уже не участвует в вечно изменяющемся бытии. На самом деле, окружающая нас природа значит гораздо больше, чем просто телесный мир видимых форм, на постижение которого направляет все свои силы современная механистическая и секуляризованная наука.

В итоге, ограничивая свое познание физической природой, низшим уровнем «становления», наука принимает и вбирает в себя вечную «лишенность» идеального. Сводя все познание только к границам нескончаемо текучего и ускользающего от себя становления (Πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει), наука сталкивается с вечным изъяном понятийных пределов, так как принимает за абсолютное начало пространственную «заброшенность» природного мира. Наука, не учитывающая начало природы, находящейся за пределами физического бытия, погружается в исследование неустранимой неопределенности и темной необходимости и оттого бессильна обрести совершенную форму.

Преобладание в человеческой личности только телесных представлений искажает саму личность, на ее месте возникает «индивид», в котором преобладает неоформленная свобода ничем не ограниченных телесных желаний. На первое место выходит не ограничение и оформление телесных желаний, а «мне хочется» или «я так считаю». Личность утрачивает свою духовную сложность и становится обособленной механической единицей, частицей всеобщего физического механизма, в котором отдельные части взаимодействуют друг с другом и противостоят друг другу в зависимости от случайных сил, безо всякого смысла. У индивидуумов уже нет никакого высшего устанавливающего закона, который мог бы отражаться как в целом, так и в частях Универсума. Личность, становясь «индивидуумом», утрачивает изначальное значение и, отрицая всякие идеальные основы, становит-

ся пустым числом, превращается в бездумное животное, которое без труда загоняют в коллективистское стадо, действующее по установленным законам.

В современной государственной системе общее единство может быть навязано исключительно извне, оно возникает не за счет внутренней, духовной силы, которая присуща идеальному началу, но устанавливается посредством насильственного вмешательства и контроля со стороны политической и идеологической власти, принимающей и использующей только материальные смыслы. Ложь и насилие выступают как постоянный и последний довод этой системы.

Так как эти силы становятся неуправляемыми и бесформенными, остается силой загнать их в рамки «нового порядка», в котором нет и малой толики идеального начала, способного по-настоящему объединить человеческие личности не «извне», а на основе внутреннего согласия. Результат этого процесса достаточно печален: ранее живыми и подвижными общественными организмами овладевает окоченение, они превращаются в трупия мертвые, окончательно и бесповоротно разлагаясь. Вместо мыслящей личности возникает неустойчивая толпа «индивидуумов», лишенная каких бы то ни было духовных связей. Эта переменчивая биологическая масса «оформляется» внешними государственными и идеологическими структурами, переделывающими ее по своему усмотрению. Толпа всегда желает уродливого, но ясного, прекрасное, но находящееся под таинственным покровом, для нее недоступно.

Политическая и общественная иерархия несет в себе сугубо позитивистский и технологический характер. Для нее нужны лишь специалисты, производящие и обслуживающие материальные удобства, заключающиеся в надуманных потребностях и развлечениях человеческого животного начала. Все это оборачивается в лучшем случае пристрастием к уродству и мазохизму, выставлению напоказ всего самого низшего и самого порочного в человеке. Вместо того, чтобы исследовать мир, исходя из высшей человеческой основы – души, сама душа рассматривается через призму становящейся и разлагающейся телесности.

Мы видим сплошной пафос неудачников, возмнивших себя гениями. Эти искусственные иерархии, на деле, лишены всякого смыс-

ла. Они однообразны и безлики, в них нет никакого внутреннего превосходства. В современном мире присутствует устойчивая иллюзия, что успешное развитие технологических, экономических и материальных достижений способно придать установке на чисто материальную реальность видимость устойчивости, которая неожиданно и вдруг растворяется как **небывшая**. Примером может служить молниеносный крах советского «коммунизма», имевшего внешне очень стабильные формы. Тот же неожиданный распад ожидает и так называемый демократический и либеральный мир, имеющий те же позитивистские и биологические основы, что и советский «коммунизм». Хотя, скорее всего, этот распад будет происходить не в столь катастрофической форме.

Причины такого необходимого будущего события, как мы указывали выше, очевидны. Отсюда это бытие, «смотрящее», «вглядывающееся» в человека, выступает для него как добыча, которую он стремится настигнуть и схватить. Для такого человека мир, Космос – объект чисто практической эксплуатации. Возникает совершенно безнадежная перспектива для человечества. Говоря словами М. Хайдеггера, противопоставившего «здесь-бытие» и «я», каковое, в таком случае, бытием не является, так как бытие находится вне «я» и перед «я», то «я», в таком случае – это небытие¹. Следовательно, немислимо достичь бытия, не обладая им изначально. Как говорили элеаты, «невозможно быть тем, чего нет»².

Для человеческого «я» остается только один выход – исчезновение, поэтому Хайдеггер говорит о «смерти как о броске в само безусловное и непревзойденное власть-бытие как таковое»³. То есть технократический и позитивистский мир, пусть и достигший невиданных технологических высот, обязан исчезнуть, раствориться в бытии, где человеку как личности, имеющему собственное бытие, нет места. Это самая мрачная судьба, которая может быть предложена человеку материалистами, как, впрочем, и экзистенциалистами. Бытие только вне человека обладает полнотой всех возможностей, а сам человек – лишь

---

¹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997. С. 101.

² Solmsen F. The «Eleatic One» in Melissus. Amst., 1969. P. 59.

³ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 152.

виновник, должник, неудавшийся природный эксперимент. Трансцендентное бытие предстает как абсолютное принуждение и ставит человека в позицию, когда у него нет выбора, нет никакой свободы.

В конечном человеческом бытии все трансцендентные возможности с неизбежностью исключаются, остается сама конечность как отрицание подлинного бытия. Соответственно, если человек не может постичь бытие, окружающее его и он сам для него «небытие», то он абсолютизирует саму собственную конечность и изменчивость, он абсолютизирует время, как начало и конец, в котором разворачиваются все события и движения к цели. «Временность» становится подлинной, несмотря на свою изменчивость и конечность. Отсюда, краткий миг жизни становится единственным дарованным для него смыслом жизни. Настоящее же бытие всегда ускользает от человека, оно всегда в движении, которое никогда не приводит к подлинному обладанию. Тем самым личность человека и его действия помещаются в горизонтальную «экстатическую»¹ плоскость, без вертикального измерения.

По сути, только конечность, «смерть» предоставляет возможность для человека попытаться «догнать» ускользающее и опережающее его во временной протяженности подлинное бытие. Таким образом, выводимое трансцендентное бытие является уничтожением человека как такового. По существу, такое бытие ничем не отличается от физического мира, в котором проходит временная человеческая жизнь. Этот мир также враждебен и разрушителен для человека, который скитается в нем, как по чужой земле, затерянный среди нелепых вещей и обстоятельств, постоянно испытывая кризисы и разрушения.

Именно поэтому, наблюдая процессы разложения человеческой личности, М. Хайдеггер говорит о том, что смерть берет верх над человеческим «недобытием», только она полагает конец постоянной и неустранимой лишенности жизни, постоянной неполноте. Смерть предлагает человеку «свою наиболее ей свойственную, безусловную и непревзойденную возможность»². Отсюда возникает страх, который

---

¹ «Экстаз», здесь употребляется в буквальном смысле, как выход из состояния неподвижности, но исключительно в горизонтальном направлении.

² *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 201.

испытывает индивид (но не личность) перед ликом смерти, завершающей конечный путь «здесь-бытия».

Единственно подлинным остается «стремление к концу», так как если в человеческой личности нет идеального бытия, то человеку остается лишь узкий выбор между «небытийственным» (неподлинным) существованием, знаменующим бегство за бытием и, как результат, растворение в бессмысленной и обыденной общественной жизни, и подчинением себя таинственному призыву бытия, ведущему в «бытие-смерть». И тот и другой путь обладают мрачной недостаточностью, тяжеловесностью, принудительностью, лихорадочным нервным напряжением, так как оба они независимы от самого человека и его ограниченного бытия. Это тщетная погоня за подлинностью бытия, как за феей Морганой, так как измерение трансцендентности находится не в самом человеческом бытии, а представляет собой силу, толкающую человека сзади (*vis a tergo*).

Противостоять этому пагубному влиянию возможно только через собственный внутренний мир, индивидуальное осмысление того, что происходит. В этом случае требуется наибольшая духовная бдительность, способность распознавать охватывающие нас тончайшие духовные и интеллектуальные влияния. Если у нас получится осмыслить и понять происходящее, то не поддающийся определению враг, каким бы сильным он ни представлялся, окажется перед неодолимым препятствием, и его потаенное воздействие будет остановлено.

Таким образом, важен не механический способ изменения действительности, например революция, а выработка в себе способности чувствовать мир скрытых причин. Только это позволит выстоять в окружающем хаосе и неопределенности.

Все сказанное нами не является вопросом философских спекуляций или чистым вымыслом, но имеет реальное и действительное значение. Надо не быть привязанным к прошлому или к будущему, но жить и действовать, исходя из принципов, имеющих вечную ценность. Еще раз важно уточнить этот принцип, он относится, прежде всего, к внутреннему состоянию. В настоящем политическом положении, когда существуют только «демократия» и «социализм» и их производные, общественная ситуация совершенно не располагает к

тому, чтобы человек мог принимать в ней участие. У современной власти и культуры нет ничего, что можно предложить христианину. Нет никакой цели, ни одной причины или идеи, которая заслуживала бы внимания или, тем более, участия с нашей стороны. Не существует никаких моральных обязанностей или долга перед так называемым «государством», которое существует исключительно на эмпирическом и профаническом уровнях.

Но предложенная аполитея¹ (*απολιτεία*) не имеет никакого отношения к анархическим поступкам. Аполитея относится к области чистой деятельности, умозрению и внутренней аскезе, она не требует исполнения никаких особых предварительных условий и действий во внешнем плане, то есть отказа от общественных обязательств, предлагаемых государством как инструменты практической деятельности. Наша борьба не с миром вещей, а с миром духов «злости поднебесной». По-настоящему отрешенный человек не предстает ни как завзятый полемист и вселенский судия, ни как «отказник», ни как анархист, и, уж тем более, он не является профессиональным маргиналом.

Главная задача состоит в достижении того, чтобы мирская жизнь во всей своей пестрости не влияла на внутреннее бытие. Но при этом действия человека не требуют никакого политического обоснования, трансцендентного или богословского оправдания справедливости своего дела. Подобный христианин напоминает добровольца, отправившегося на войну, он сохраняет свою цельность и отрешенность от всего происходящего, хотя и принимает в нем непосредственное участие.

Аполитея не является нигилизмом как полным отрицанием, она не расслабляет действия человеческой личности. Становится существенно невозможно находиться под влиянием любого предлагаемого и навязываемого современного политического или социального мифа. Еще более опасным остается вера в эти мифы. Христианин не может серьезно относиться к тому, что представляет собой современная политическая жизнь, придавать ей смысл и значение. Это не отказ от «вещей» (весьма полезных), а создание и сохранение внутренней дистанции по отношению к современному обществу, его институтам и

---

¹ Нахождение вне пределов политической жизни, аполитичность.

духовным практикам, в том числе и к так называемой «церкви». Мы не нуждаемся в ценностях этого мира и отказываемся от духовных и моральных связей с ним.

Ни Запад, ни Восток не несут никакой высшей идеи в христианском смысле. Все эти внешне различные цивилизации основаны на полном отрицании Абсолютного Начала или искажают его до неузнаваемости. Все их пути ведут к тем же разрушениям и имеют под собой ту же нигилистическую подоплеку, которая до недавнего времени грубо и открыто проявлялась в искусственном мире, основанном на марксистских и коммунистических идеях, хотя и в других формах и на другом уровне. Это все та же бесконечная борьба за господство, лишенная всякой духовной ценности. По большому счету, эта борьба представляет собой лживое пустословие, приводящее к нервному напряжению, а не к достижению высших целей. Поэтому внешнее участие в политической деятельности – не цель сама по себе, а способ необходимой защиты подлинного образа жизни и достоинства того, кто в настоящее время не видит вокруг себя ничего, кроме духовной пустыни.

Заключение

Прежде было достаточно много сказано о метафизических основах *власти*. На протяжении всего нашего исследования мы попытались выяснить, что собой представляет *власть* в своем подлинном, метафизическом и эмпирическом значении. В настоящее время превалирует одна точка зрения на *власть* – юридическая. В юридической литературе под властью понимается «функция руководства совместной деятельностью людей, организованная сила, обеспечивающая единство действий социальных образований и устойчивый порядок в обществе, реальная способность отдельных лиц, социальных групп, классов, народа осуществлять свою волю, навязывать ее другим с помощью специальных методов. Власть – это функция руководства совместной деятельностью людей»¹. С внешней стороны с подобным определением трудно не согласиться. Безусловно, *власть* – это управление деятельностью людей и ими самими как объектами. Но это в том случае, когда мы говорим о функции современной власти. С точки зрения игры смыслами и пустого рационализма вышеприведенные формулировки полностью верны.

Существенное затруднение появляется, когда начинается определение смысла и основ власти. Цели и значение современной власти не предполагают, на первый взгляд, ничего метафизического, они хотят выглядеть сугубо прагматическими. Власть, по новейшим политическим представлениям, есть контроль над значимыми для общества ресурсами через обладание ими с ограничениями². Рассмотрим данное определение более пристально. Под ресурсами, которые должны принадлежать власти, понимаются деньги, товары, природные богатства, оружие, население страны, т.е. социальные, духовные и иные ресурсы общества, выраженные исключительно через материальный эквивалент.

---

¹ Кожев А. Понятие власти. М., 2007. С. 15.

² Мивениерадзе В. В. Размышления о власти // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 7–36.

Сугубая материальность, бытие «здесь и сейчас» раскрывают своеобразную метафизическую, мистико-материальную природу современной власти. Другими словами, попытка объяснения власти через абстрактные положения и построения на этой основе государственных институтов с внешней стороны может выглядеть как выход за пределы чувственного мира. Но на самом деле материалистическая «метафизика» есть та же самая «физика», изменчивый и конечный мир становления.

Исходя из материальной «трансцендентности», властный контроль за жизненно необходимыми ресурсами подразумевает под собой «надзор за указанными ресурсами через непосредственный способ обмена ресурсами» с целью увеличения обладания теми из них, которые представляют наибольший интерес для власти. То есть это регулирование с помощью законодательной системы отношений взаимодействия между социальными субъектами во имя интересов многочисленных и хищных кланов, присвоивших себе государственную власть как собственность.

Подобное «управление» означает введение границ (законами, деятельностью правоохранительных органов, налоговыми инспекциями) на использование ресурсов или их обмен, в первую очередь, в интересах «владельцев» власти. Материальное основание власти превращает саму власть в институт беспощадного контроля над любым субъектом. Государственная власть из средства и технического инструмента управления сама превращается в цель и смысл, ибо предполагает контроль над материальной составляющей человека. Для осуществления этого контроля необходимо, чтобы власть приобрела духовную способность и возможность воздействовать на деятельность и поведение людей даже вопреки их сопротивлению.

Для выяснения содержания любого определения очень важно знать не только внешнюю хронологию бытования слов, его обнаруживающих, но и то, как они интерпретировались, какие значения были востребованы современниками той эпохи, когда происходило становление изучаемого понятия. Именно это надо иметь в виду, когда говорится о современном государстве или, что еще более существенно, о концепции и состоянии государственной власти в наши дни. Ни одно

явление общественной жизни не вызывает такого интереса и в то же время ни одно из них не служит объектом такого всеобщего умолчания, как государственная власть.

Под влиянием различного рода изоцированной политической пропаганды создается ложное впечатление, что государство и связанная с ним политическая власть сами по себе являются чем-то самодостаточным, автономным и существующим отдельно от человека и общества. При этом теряется из виду простая истина, что любой политический строй, всякое государство и всякое общественное предприятие имеют своих творцов и исполнителей. Именно они, и не термины «государство» и «власть», определяют подлинное положение вещей. Государство и властное управление устанавливаются живыми людьми, которые по своей природе далеко не сверхчеловеки. В России наших дней – это сытые, лоснящиеся от разнообразных удовольствий господа, не занимающиеся воплощением «вечных» идей в политическом бытии, а имеющие свои личные и профессиональные интересы в том «государстве», которым они управляют. Здесь не стоит удивляться или негодовать, это непреложная установка политической жизни – *humanus est*.

В современной России, после любых социальных реформ, каждый негодяй больше всего хочет почувствовать свою власть, потому правящие архонты именно ему бросают обглоданную кость, заставляя верить в эту иллюзию, и он сразу чувствует себя участником власти, человеком, решающим судьбы людей, судьей в вещах, в которых он ничего не понимает. В этом кажущемся стихийном процессе духовного и материального грабежа оборотистые идейные вдохновители успели нажить свои капиталы и уже с полной уверенностью в собственной безнаказанности предаются спокойному перевариванию награбленного. Вся наша правящая верхушка похожа на египетских коров, которые все съели, но при этом ничуть не насытились.

Российская власть и действует именно по этому принципу: сожрала все, при этом сама постоянно голодна, и привела страну в такое состояние, что даже гипотетическим оккупантам уже нечего грабить. Все их действия – смесь похабщины и балагана, чтобы прикрыть собственную бездарность и всеобщее разорение страны. Надо понимать,

что никакой эволюции современной нам власти не будет, потому что сама власть опирается на миллионы пассивных «граждан», паразитирующих на данном экономическом строе, не видя ничего, кроме собственного «я».

Не только государство, но и всякая современная религиозная институция подчиняется этой смутной власти. Церковь как институт фактически умерла, она не может предложить истинной точки отсчета, основываясь на которой можно выйти за пределы нашего ограниченного физического мира. Церковь свелась, с одной стороны, к равнодушной и пассивной структуре, занимающейся бесплодными и скучными умозрительными богословскими рассуждениями, с другой, к примитивному обрядоверию, наполненному почти пустым содержанием, и пошлому морализаторству обывательского типа.

Другими словами, Церковь перестала выполнять свое высшее предназначение, она ничего не может предложить тем, кто еще в состоянии всячески противиться массовому оскотиниванию человека, превращению его в животное. В этой ложной «церкви» уже не найти освобождающего человека духовного опыта. «Церковь» несет в себе те же константы, что и новейшие идеологии, согласно которым жизнь человека, его рождение и смерть заключены в пределы земной жизни. Верные жрецы этой «церкви» помогают строить всемирное общество вещественного потребления и комфортного благосостояния, выхолащивая учение Христа, превращая его в нечто скучное и пресное, калеча личности своих последователей, нанося им всяческие духовные увечья.

Появляется непримиримое противоречие между государственной и политической системой и обществом, которым эта система пытается управлять, как с помощью погружения подданных в границы гедонистического материального благополучия, так и создавая иллюзию эвдемонистического духовного комфорта. Тем самым Церковь теряет свое религиозное значение и предназначение, более того, она отказывается от него. Результатом этого отказа является тот печальный факт, что современные государственные идеологии сами приобретают религиозное значение и определяют бытийственные смыслы, которые они защищают с фанатичным упорством, выжигая всяческую

духовную свободу. Внутренне присущие человеку стремление к самопожертвованию, к Вере в Бога направляются на различные профанические суррогаты. Воля человека самоопределяется, замыкается сама в себе и отказывается идти трудными путями к своему единственно законному объекту – Христу.

Государство уже не признает, всячески отвергает сакральный духовный мир, но пытается любыми путями использовать его образы. Возникает непреодолимое противоречие между существующей государственной властью и теми духовными идеалами, которым она должна следовать. В государстве сегодня можно наблюдать всяческую десакрализацию (обмирщение) и овеществление таких понятий, как авторитет, политика, власть, более того, наблюдается небезуспешная попытка превращения священного и духовного в некие вещественные, полезные для целей этой власти объекты. У подобной государственной власти, несмотря на иллюзию ее устойчивости и внешнего технологического могущества, отсутствует центр притяжения, выходящий за рамки обычной административной и «социальной» системы. Так как в такой власти нет никакой духовной легитимации, то отсюда происходит ее слабость, неустойчивость, трусость и неоправданная жестокость. Она держится только благодаря потокам лжи и обмана.

Отринув Бога как свою высшую ценность, власть сама становится божеством, но не Всеблагим Творцом **всаческихъ**, а злым и мелким божком ничем не ограниченных животных инстинктов. Так как власть приобретает абсолютный статус, то она требует полного контроля над всеми областями жизни человека и общества. Не надо думать, что только большевизм или нацизм являются тоталитарными режимами, ограничивающими «свободы», «конституционные права» или применяющими разного рода репрессии.

Именно в таком мире духовных развалин и живут христиане. Несмотря на бессмысленную жизнь огромных городов, крушение видимых и внешних институтов, ужас бывших и грядущих тотальных войн, нам надо отвоевать у этого «мира руин» высший смысл жизни, сущностно, а не умозрительно преодолеть все труды и страдания, которые окружают христиан, вовлеченных в хаотический круговорот мирских событий. Только преодолев эти испытания, можно попытаться теоре-

тически их осмыслить. Этот процесс идет снизу вверх: от погружения в житейский круговорот до достижения высших смыслов и целей. Не ощутив мучительного преодоления неясной и даже кажущейся, на первый взгляд, бессмысленной пограничной ситуации, в которой мы находимся, невозможно понять суть происходящих событий.

Наше положение на грани *бытия* и *небытия* происходит из духовного паралича идеи Логоса, которая прежде служила основой для всей европейской цивилизации. Именно это забвение Высшей Идеи приводит к утрате ясности, упадку власти, исчезновению ее авторитета, и, в конечном итоге, к материальному окостенению. В этом смысле чрезвычайно трудно противостоять всеобщему центробежному движению, распаду и атомизации ранее единых частей целого. Это духовное ослабление приводит к тому, что Высшая Идея уже не обладает притягательностью.

Если Истина более не открывается под таинственными покровами, закрывающими подлинную реальность бытия, то такая истина предстает как физическая и эмпирическая реальность. Человек, как часть мира, перестает быть связан с Истиной этого мира, с его внутренним смыслом, но воспринимает себя как индивидуума, стоящего в отдалении от Космоса, и при этом пытается дать ему внятное толкование, исходя из внешних, физических проявлений этого мира. Все научные «исследования» при этом сводятся к тому, чтобы свести многозначность реальности к сугубо рациональному объяснению.

Среди этих развалин и разложения еще остались люди, которые с той или иной степенью сознательности принадлежат к иному миру. Малое воинство («остальцы») все еще готово сражаться на, казалось бы, полностью проигранных позициях. Есть еще те, кто не дрогнул, не унизил себя компромиссами и конформизмом, соблазнившись иллюзией «успеха» в современном мире. Одно их существование свидетельствует об их силе. Путь полной изоляции от этого мира вряд ли возможен, так как для него требуется внутренняя предрасположенность и сила, а также владение привилегированными материальными условиями, а таких возможностей с каждым днем все меньше и меньше.

Совершенно очевидно, что люди, своей жизнью утверждающие идеальные ценности, чрезвычайно редки. Но благодаря этим людям,

Заключение

их присутствию среди нас, духовное марево торжествующего распада не может до конца скрыть подлинную картину материальных вещей и идей, лежащих в их основе. В результате этого иные люди могут увидеть другую шкалу ценностей, чем та, что предлагается и навязывается ныне как единственная. Мы можем сохранить дистанцию от «мира руин», увидеть иные возможные измерения, другие значения жизни, показать их тем, духовное око которых не приковано к современным пошлым вещами и идеям.

Библиография

Архивные материалы

1. *Григорий Богослов*. 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского // ГИМ, XIV в. Син., № 954.
2. *Иоанн Златоуст*. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни. Рукопись XVI в. (Частное собрание).
3. Златая цепь. Конец XIV – начало XV вв. РГБ. Тр. 11.
4. Кормчая Ефремовская, XII–XIII вв., ГИМ, Син., № 227.
5. Пандекты Никона Черногорца, 1381 г., ГИМ, Син., № 193.
6. «Пчела», или Главы поучительные из Писания, святых отцов и мудрых мужей. Конец XIV в. – начало XV в. ГИМ, Син., № 370.
7. Поучения Кирилла Иерусалимского. XII–XIII вв. ГИМ, Син., № 478.
8. Рукописный сборник, конец XIV в. ГБЛ, Ф. 29 (Беляевск.), № 54.
9. Рукописный сборник XV в. (Частное собрание).
10. Рукописный сборник сер. XV в. РГБ, Троиц. Ф. 304. 1. № 176.
11. Рукописный сборник начала XVI в. (Частное собрание).
12. Рукописный сборник. XIX в., (Частное собрание).
13. Сборник житий и слов XIV – начала XV вв. ГПБ. Соф., № 1365.
14. Сборник Троицкий, конец XIV в. РГБ. Тр.-Серг., № 9.
15. Сборник. конца XIV в. ГПБ, Соф., № 1262.

Опубликованные источники

1. Альфа и Омега. Супрасль. 1787.
2. Антифон // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1: Философия древности и средневековья. Москва: Мысль, 1969.
3. *Апостол Толковый*. Почаев. 1784.
4. Библиотека литературы Древней Руси в 20 т. СПб., 1997.
5. Благочестное Евангелие. Вильно. 1600.
6. Великие Минси Четии, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. комиссией. Т. 1. Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868, Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869, Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883, Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870, Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874, Октябрь, дни 19–31. СПб., 1880, Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897, Ноябрь, дни 13–15. СПб., 1899, Ноябрь, день 16. М., 1910, Ноябрь, дни 16–17. М., 1911, Ноябрь, дни 16–22. М., 1914, Ноябрь, дни 23–25. М., 1916 (1917), Декабрь, дни 1–5. М.,

Библиография

1901, Декабрь дни 6–17. М., 1904, Декабрь, дни 18–23. М., 1907, Декабрь, день 24. М., 1910, Декабрь, дни 25–31. М., 1912, Декабрь, день 31. М., 1914 (вып. 14, тетрадь 1 – не до конца), Январь, дни 1–6. М., 1910, Январь, дни 6–11. М., 1914, Апрель, дни 1–8. М., 1910, Апрель, дни 8–21. М., 1912, Апрель, дни 22–30. М., 1916, Миней Четья митрополита Макария (новгородский список, XVI в. Месяц август, дни 23–31 (собр. кн. Оболенского № 159) / Изд. ОЛДП. СПб., 1886, № 86), Из Великих Миней Четьих Макария // ПЛДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986, с. 478–549, 625–634.

7. Декларация прав человека и гражданина // Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. I. М., 1905.

8. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.

9. Диоптра, или Зерцало и изображение живота в мире сем человеческого. Орша. 1651.

10. Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.

11. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкования. СПб., 1907. София, 1987.

12. *Григорий Палама*. Триады. I,3,42. ГПС. Т. 2. Σ. 238 // Γρηγορίου τοῦ Παλαμῆ Συγγράμματα. Τ. Α΄-Ε΄. Θεσσαλονίκη, 1988–1992.

13. *Ефрем Сирин*. Вильно. 1780.

14. Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго (текст в дореволюционной орфографии и по списку в составе Успенского сборника XII в.). М., 1899.

15. Поучения преподобного Ефрема Сирина о жизни // *Ефрем Сирин*. Вильно. 1780.

16. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев. 1893–1903.

17. Иоанн Златоуст. Письма к разным лицам. СПб. 1866.

18. Творения св. Ипполита, епископа Римского. В 2 т., Казань, 1898–1899.

19. Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста. В 12 т. СПб., 1898–1906.

20. *Иосиф Волоцкий*. Просветитель, или Окончание ереси жидовствующих. Казань. 1903.

21. История о отцах и страдальцах соловецких иже за благочестие и стягтыя древле церковные законы и предания великодушно пострадаша. Почаев, 1794.

22. *Кирилл, епископ Туровский*. Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. М., 2009. С. 28.

23. Книга о вере. М., 1648.

24. Кормчая книга. М., 1650.

25. Летописец русской земли от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича. ПСРЛ. СПб., 1910–1914.

26. *Луций Сенека*. О Провидении / Перевод В. Стовик и В. Стейн. Керчь, 1901.

27. Летопись Лаврентьевская // Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.
28. Летопись Софийская // Софийский временник, или Русская летопись с 362 г. по 1534 г. / М., 1820.
29. *Максим Грек*. Послание неизвестному игумену // Православный собеседник. Казань, 1860. С. 70.
30. *Максим Грек*. Слово второе, разоряющее главы латинского мудрования // ЧОИДР, М., 1879. С. 80.
31. *Максим Грек*. Послание неизвестному игумену // Православный собеседник. Казань, 1860.
32. *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.
33. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881.
34. *Митрополит Никифор*. СПб., 2007.
35. *Никон Черногорец*. (Книга преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черных Горы). Тактикон. Почаев, 1795.
36. Острожская Библия. М. 1914 (7422).
37. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси в 20 т. СПб., 1997.
38. Послание страдальца Христова Авраамия к христоролюбцу некоему, свидетельство о последнем времени. *Дьякон Феодор*. О познании антихристовой прелести // *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
39. Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста. В 12 т. СПб., 1898–1906.
40. Поучительное Евангелие. Анонимное старообрядческое издание.
41. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев, 1901.
42. Творения святого Исидора Пелусиота. М., 1859.
43. Творения преподобного Феодора Студита. Т. 1–2. СПб., 1867–69.
44. Толкование Нового Завета Феофилактом Болгарским. М., 1901.
45. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
46. Цветник. Анонимное старообрядческое издание. М. 1908.
47. Щит веры. М. 2006.
48. *Aristoteles*. *Analytica priora et posteriora*, ed. W.D. Ross, *Aristotelis analytica priora et posteriora*. Oxford: Clarendon Press, 1964 (repr. 1968): 3-183 (24a10-31b38, 71a1-100b17). *Analytica posteriora* (71a1-100b17): pp. 114-183.
49. *Aristoteles*. *Ethica Nicomachea*, ed. I. Bywater, *Aristotelis ethica Nicomachea*. Oxford: Clarendon Press, 1894 (repr. 1962): 1-224 (1094a1-1181b23).
50. *Aristoteles*. *Metaphysica*, ed. W.D. Ross, *Aristotle's metaphysics*, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1924 (repr. 1970 [of 1953 corr. edn.]): 1:980a21-1028a6, 2:1028a10-1093b29.

Библиография

51. *Aristoteles*. *Politica*, ed. W.D. Ross, *Aristotelis politica*. Oxford: Clarendon Press, 1957 (repr. 1964): 1-269 (1252a1-1342b34).
52. *Demosthenis*. In *Aristocratem*, ed. S.H. Butcher, *Demosthenis orationes*, vol. 2.1. Oxford: Clarendon Press, 1907 (repr. 1966): [621-693].
53. *Heracklitus*. *Fragmenta*, ed. H. Diels and W. Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951.
54. *Plato*. *Gorgias*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1903 (repr. 1968): St I.447a-527e.
55. *Plato*. *Phaedrus*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967): St III.227a-279c.
56. *Plato*. *Respublica*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St II.327a-621d.
57. *Plato*. *Symposium*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967): St III.172a-223d.
58. *Plato*. *Sophista*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967): St I.216a-268d.
59. *Plato*. *Timaeus*, ed. J. Burnet, *Platonis opera*, vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902 (repr. 1968): St III.17a-92c.

Исследования

1. *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882.
2. *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
3. *Бахметьева А. Н.* Рассказы из русской церковной истории. М., 1883.
4. *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкования. СПб, 1907.
5. *Бердяев Н. А.* Новое средневековье, размышление о судьбе России и Европы. М., 1991.
6. *Бернейс Э.* Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD, 2010.
7. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.
8. *Василевский В.* Законодательство иконоборцев // ЖМНП. 1878, октябрь.
9. *Василевский В.* Советы и рассказы византийского боярина. ЖМНП. 1881, июнь-август.
10. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
11. *Гоббс Т.* Левиафан. Избранные сочинения. Т. 1–2. М.–Л., 1926.
12. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб., 1868.

13. *Говард М.* Мы знаем, что вам нужно. М., 2012.
14. *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889 г.
15. *Ефимов Н. И.* Преподобный Кирилл Белозерский и его послания. Симбирск, 1913. (Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Вып. 2).
16. *Жданов И. Н.* Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру. Соч. И.Н. Жданова. СПб., 1904.
17. *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
18. Творения святого Ипполита, епископа Римского. В 2 т. Казань. 1898.
19. История русской церкви / Макарий (Булгаков Михаил Петрович). В 12 т. СПб. 1887–1910.
20. *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись / Пер. И. Н. Веселовского. М.: Наука, 1964.
21. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2007.
22. *Ключевский В.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1902.
23. *Карлейль Т.* Французская революция. История. М., 1991. С. 175.
24. *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. М., 2009.
25. *Курганов Ф. А.* Отношения между церковною и гражданской властью в Византийской империи. Казань, 1881.
26. *Ленин В. И.* О социалистической революции. В 2 т. М., 1924.
27. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. СПб. В 2 т. СПб., 1907.
28. *Лопарев Хр.* К чину царского коронования в Византии. Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко, 1913.
29. *Лурье С. Я.* Антифон – творец древнейшей анархической системы. М., 2009.
30. *Макарий (Булгаков Михаил Петрович).* В 12 т. СПб. 1887–1910.
31. *Мшвениерадзе В. В.* Размышления о власти // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
32. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. О старых и новых скрижалях. СПб., 1900.
33. *Орлов М. И.* Светская власть пап перед лицом латинского духовенства // Христианское чтение, М., 1862.
34. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
35. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М., Л, 1950.
36. *Попов А.* Библиографические материалы. Часть 2. М., 1880.
37. *Пономарев А.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1896.
38. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959.
39. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1884.
40. *Прокопович Ф.* Правда воли монаршей. СПб., 1722.

Библиография

41. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Бедность как экономический принцип. Порнократия, или Женщины в настоящее время. М.: Республика, 1998.
42. Пустоозерская проза. М., 1989.
43. Ржиги В. Ф. И. С. Пересветов – публицист XVI в. М., 1908.
44. Розенкамф Г. Обзорение Кормчей в историческом виде. М. 1829.
45. Савва В. И. Московские цари и византийские базилевсы. Харьков. 1901.
46. Савва В. И. Вновь открытые полемические сочинения XVII века, против еретиков. СПб., 1907.
47. Сергиевич В. И. Русские юридические древности. В 2 т. СПб., 1896.
48. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898.
49. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. М., 1903.
50. Сокольский В. О характере и значении «Эпанагоги». Византийский Временник. Вып. 1. 1894.
51. Тацит К. Разговор об ораторах. Сочинения Корнелия Тацита / Пер., ст. и прим. В. И. Модестова. СПб., 1886–1887.
52. Темниковский Е. Н. Положение императора всероссийского в русской православной церкви в связи с общим учением о церковной власти: Ист.-догмат. очерк. Ярославль, 1909.
53. Троицкий П. Церковь и государство в России. М., 1909.
54. Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов его современников. Киев, 1897.
55. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
56. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. М.: Наука, 1966.
57. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937.
58. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
59. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.
60. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
61. Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868.
62. Чаньшев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
63. Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 1. М.: Воениздат, 1991.
64. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М., 2016.
65. Эллиот Аронсон. Общественное животное. Введение в социальную психологию. Психология-лучшее. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007.
66. Adler L. K. and Paterson T. G. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's-1950's // The American Historical Review. 1970. Vol. 75.

67. *Antonopoulos P. T.* Petrus Patricius. Some Aspects of his Life and Career // Vavřínek V. From late antiquity to early Byzantium: proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. Prague, 1985.

68. *Conway, J. P.* Saint Thomas Aquinas. London, 1911.

69. *Grotius H.* De imperio summarum potestatum circa sacra, ed. Harm-Jan van Dam (Brill, 2001).

70. *Dhavamony Mariasusai.* Phenomenology of religión. Editrice Pontificia Università Gregoriana, 1973.

71. *Hegel G.* Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee: Rechtsphil. Stuttgart, 1976.

72. *Hildenbrand K.* Geschichte und System der Rechts und Staatsphilosophie. Leipzig, 1860.

73. *Heraclitus, Fragmenta*, ed. H. Diels and W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951 (repr. Dublin/Zurich: 1966): 150-182.

74. *Hume D.* Essays, Moral, Political, and Literary. Part. 1, Essay 6 // The Philosophical Works. London, 1882. Vol. 3.

75. *Hobbes Th.* Leviathan. 2, 3. London, 1651.

76. *Froschammer.* Die Philosophie des Thomas von Aquino, 1889.

77. *Gennrich P.* Die Staats und Kirchenlehre Iohanns von Salisbery, 1894.

78. *Diels, Hermann.* Die Fragmente der Vorsokratiker. ed. Walther Kranz. Berlin, 1951. DK B41.

79. *Marquardt Joachim,* Die Römische Staatsverwaltung, B., 1885.

80. *Morsink Johannes.* The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent. Pennsylvania Studies in Human Rights. University of Pennsylvania Press, 2000.

81. *Koselleck R.* Kritik und Krise. Freiburg, München.

82. *Praechter K.* Zum Maischen Anonymus περί πολιτικῆς ἐπιστήμης // Byzantinische Zeitschrift. 1900.

83. *Reuter G.,* Geschichte d. religiösen Aufklärung im Mittelalter» Berlin, 1877.

84. *Ritter C.,* Neue Untersuchungen über Platon, Münch., 1910.

85. *Solmsen F.* The «Eleatic One» in Melissus. Amst., 1969.

86. *Wilson R. D.* Studies in the Book of Daniel. N. Y., 1917.

Shcheglov Andrey

Year and birthplace: On December 20, 1961, Moscow

Education: Faculty of archiving. Moscow State Historical and archival institute. 1989.

Ph. D. Dissertation: «The philosophical contents «Tolkovay Palea» [Ancien Russian interpretation of the Genesis] on materials of the Russian manuscripts». 1995.

D. Sc. in Philosophy (Dr. habil.). Dissertation: «Philosophical ideas of the nature of the evil in ancient Russia». 2011.

Professor: First Moscow State Medical University 2013,

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Department of History and Philosophy of Science.

Publications.

Monographs:

1. *Shcheglov A.* The Ancient Russian Nomenal Naturephilosophy. Moscow-Jerusalem, 1999.

2. *Shcheglov A.* Unknown God. St. Petersburg, 2008.

3. *Shcheglov A.* *Metaphysics of money.* St. Petersburg, 2014.

4. *Balalykin D., Shock N., Shcheglov A.* Galen – the doctor and the philosopher. Moscow, 2014.

Articles:

The author more than 100 scientific articles on history of medieval philosophy and history of medieval mystical doctrines.

From 1989 to 1995 worked as the research associate of Department of Manuscripts of the Russian State library (RGB). In 1992 passed training in Harvard university (Harvard University USA) and the Jewish theological seminary (Jewish Theological Seminary, New York). In 1993 training at the Jerusalem university:

האוניברסיטה העברית בירושלים.

In Department of Manuscripts of RGB was engaged in studying of Old Russian hand-written heritage and Hebrew hand-written tradition. In 1995

finished the High courses of Jewish Sciences of Institute of the countries of Asia and Africa at Moscow State University (MSU).

Research projects:

The sphere of scientific interests is concluded in research of philosophical medieval ideas of ontology, cosmology, Naturephilosophy on the basis of various hand-written and printing sources. Researches touch on the most difficult issue of ontologic relationship of the communication the bases, absolute and relative through the analysis, between the Creator and creation expressed in various philosophical and mystical traditions which have forms of exclusively religious and philosophical doctrines. The analysis the author philosophical representations which were understood as the nature of the evil in Ancient Russia and those special forms in which these philosophical representations were expressed can be an example of research. This approach allowed is rather proved to find the structure of a medieval theodicy corresponding to medieval outlook and taking into account semantics and conceptual specifics to express philosophical semantic of Old Russian texts.

The considerable part of researches is devoted to research and the translations from Ancient Greek language of works of the great Hellenic philosopher and the doctor Galen now.

Translations from Ancient Greek language of works of the doctor and philosopher Galen:

1. GALEN, The Faculties of the Soul Follow the Temperaments of the Body
2. GALEN, The Diagnosis and Cure of the Soul's Passions
3. GALEN, The Best Doctor is also a Philosopher
4. GALEN, Exhortation to Study the Arts
5. GALEN, On the passions and errors of the soul. and others...

E-mail: staropomor@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Заинтересованному читателю	9
Тайна власти	13
Абсолютные и относительные начала власти	18
Сущность власти	44
Метафизическая реализация власти	67
Власть лучших, или Торжество обезличенного равенства.	85
Осуществление смысловых начал власти в человеческом обществе	109
Государство как посредник между Богом и человеком	135
Власть и ложные боги	148
Кесарю кесарево	168
Богу Богово	184
Идеальные начала власти.	201
Истоки политических теорий в Древней Руси.	215
Древнерусское понимание власти.	236
Внешнее благочестие и внутренняя несправедливость	272
Всеобщее благо	295
Власть во времена господства духовного антихриста	320
Римское право как источник утопических учений	349
Внутренняя и внешняя свобода.	370
Политические утопии Нового времени как основа современной государственной системы.	383
«Овеществление» государства	391
Государства эпохи постмодерна	399
Постмодернистские утопии как основа современного общества . .	417
Заключение	429
Библиография	436

В СЕРИИ ОПУБЛИКОВАНЫ:

*Перспективы метафизики:
классическая и неклассическая
метафизика на рубеже веков*

Михаил Эпштейн. *Философия возможного.
Модальности бытия и культуры*

Станислав Гусев. *Смысл возможного.
Коннотационная семантика*

Григорий Тульчинский.
Постчеловеческая персонология

Юрий Романенко. *Бытие и естество*

Валерий Карпунин. *Воля к бытию*

Проективный философский словарь

Григорий Тульчинский. *Истории
по жизни. Опыт персонологической
систематизации*

Владимир Кутырёв. *Человеческое и иное:
борьба миров*

Владимир Кутырёв. *Время Mortido*

Владимир Кутырёв. *Последнее целование*

Михаил Эпштейн. *Философия тела /
Григорий Тульчинский. Тело свободы*

Александр Казин. *Частицы бытия.
Роман с философией*

Ю.М. Романенко. *Бытие и естество.
Онтология и метафизика как типы
философского знания*

Александр Корольков. *Драма Русского
Просвещения*

Вячеслав Фаритов. *Философия
трансгрессии. Гегель и Ницше у истоков
новой философской парадигмы*

Аркадий Недель. *Оптимальный социум.
На пути интеллектуальной революции*

Генриетта Ляховицкая. *Генер. Модель
мироздания*

Ася Пекуровская. *Герметический мир
Иммануила Канта: по ту сторону зрения
и слуха*

Виктор Мазин. *Субъект Фрейда и Деррида*

Виктор Трещев. *Экзистенциализм.
Репрезентация в художественной культуре
Франции и Германии. 1900–1970 гг.*

А. В. Рыков. *Постмодернизм
как радикальный консерватизм*

Антон Райков. *Философ и «Я»*

С. В. Комаров. *Метафизика
и феноменология субъективности*

Ольга Кириллова. *Серп холодной луны*

П. Н. Барышников. *Миф и метафора.
Лингвофилософский подход*

Сергей Лишаев. *Старое и ветхое.
Опыт философского истолкования*

Сергей Лишаев. *Метаморфозы слова*

Сергей Лишаев. *Помнить фотографией*

Сергей Лишаев. *Эстетика другого.
Эстетическое расположение
и деятельность*

Сергей Лишаев. *Эстетика пространства*

Сила простых вещей
Под ред. С.А. Лишаева

Оксана Штайн. *Дневник ассистента*

Валерий Попов. *Организация.
Тектология XXI*

Валерий Попов, Ирина Крайнюченко.
Психосфера

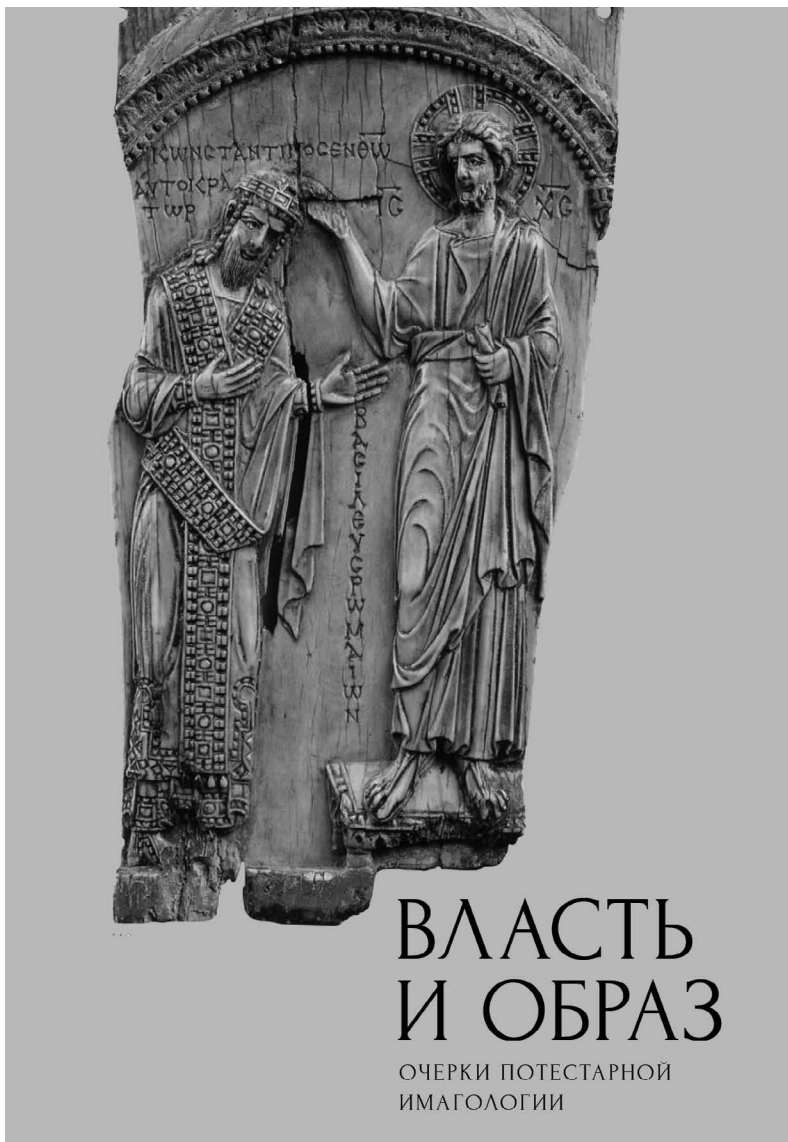
Вера Волкова. *Духовная симфония
человека. Неклассический смысл*

*Философский проективный словарь.
Новые термины и понятия.* Вып. 2 /
под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна

Григорий Тульчинский. *Философия
поступка: Самоопределение личности
в современном обществе*

Михаил Баженов. *Переживание стыда
в «зеркале» социальных теорий*

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

.....
**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Пнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka
Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Щеглов Андрей Петрович

МЕТАФИЗИКА ВЛАСТИ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 ¼. Усл. печ. л. 27,26. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №